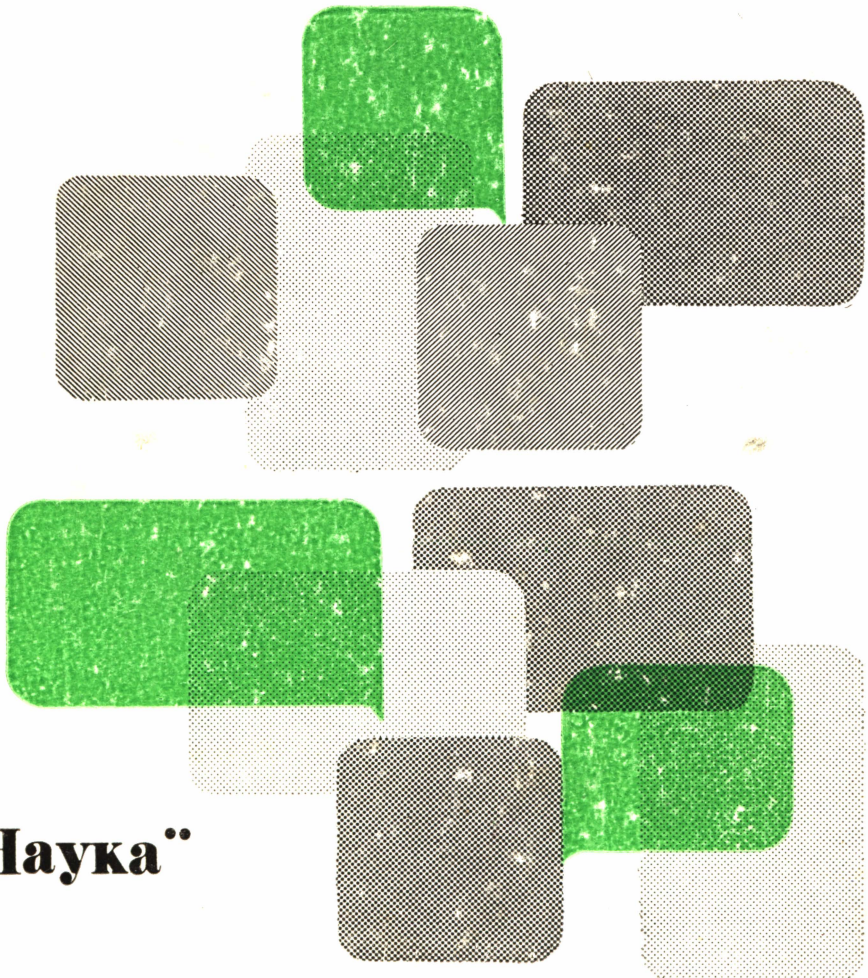
9
Р-17

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РАЗНОВИДНОСТИ ГОРОДСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

„Наука"

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

02 313

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РАЗНОВИДНОСТИ ГОРОДСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы
академик Д.Н. ШМЕЛЕВ,
доктор филологических наук Е.А. ЗЕМСКАЯ

МОСКВА "НАУКА" 1988

Книга продолжает цикл исследований по проблемам живого устного русского языка современного города. Представлен анализ явлений разных уровней (фонетики, синтаксиса и др.), охарактеризованы некоторые жанры устной речи, содержатся наблюдения над речью жителей ряда городов.

Для лингвистов разных специальностей, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

Рецензенты:
кандидат филологических наук *Г.Н. Иванова-Лукьянова*,
доктор филологических наук *И.И. Ковтунова*

4
Р-17
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
82313

Р $\frac{4602010000-059}{042(02)-88}$ 307—88—I

© Издательство «Наука», 1988

ISBN 5—02—010867—7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга продолжает цикл исследований, посвященных проблемам изучения живого языка современного русского города. К ним относится ряд коллективных монографий о литературной разговорной речи, а также сборник статей "Городское просторечие. Проблемы изучения" (1984 г.).

В настоящей книге осуществлен новый подход к вычленению объекта исследования. Изучаются разновидности городской устной речи, т.е. объект анализа обусловлен формой речи (устная vs. письменная речь), а не характеристикой говорящего субъекта. Привлекаются факты как литературной устной речи (подготовленной/неподготовленной, официальной/неофициальной, публичной/личной), так и просторечия, которые изучаются во всем разнообразии их функционирования.

Основным признаком, характеризующим устную речь как особую форму существования языка, авторы считают ее неподготовленность. В сборнике исследуются факторы, определяющие неоднородность городской устной речи: говорящий субъект, адресат, характер и вид коммуникации, роль невербального компонента коммуникации. Дается классификация основных разновидностей устной городской речи. В зависимости от признаков говорящего субъекта городская речь делится на литературную (выступающую в двух разновидностях: кодифицированный литературный язык — разговорный язык) и просторечие. Характер коммуникации определяет дифференциацию городской устной речи: речь личная/публичная; последняя подразделяется на речь массовой коммуникации и речь, имеющую коллективного, но непосредственно присутствующего адресата.

Авторы постарались охарактеризовать различные факторы, влияющие на дифференциацию городской устной речи.

Понимая, что полное описание всех особенностей устной речи в одной книге невозможно, авторы этого сборника ставили перед собой задачу начать разработку конкретных материалов современной городской устной речи[1], предложить решение некоторых дискуссионных в современной науке вопросов.

Какие разновидности устной речи характеризуют жизнь современного города? Как влияют параметры устность и неподготовленность на различные характеристики речи? Что является определяющим в раз-

---

[1] Из последних публикаций городской устной речи, представляющих особый интерес для изучения фонетики, назовем: Методическая разработка по современному русскому языку: Спонтанные тексты разговорной речи в транскрипции. Л., 1983. Ч. I; Л., 1984. Ч.2-3.

биении КЛЯ/РР — устная форма или такие признаки, как неофициальность, неподготовленность? (см. статьи А.Ф. Журавлева, Т.С. Морозовой). Какие средства экспрессивности, оценочности использует современный человек в своей обычной устной речи?(см. статью Л.А. Капанадзе). В чем состоит специфика построения текста в просторечии? (см. статью М.В. Китайгородской). В какие жанровые формы отливается современная бытовая (домашняя) и публичная речь? Каковы специфические количественные характеристики строения слова, высказывания и ряда грамматических единиц в разных видах устной речи? (см. статью А.Ф. Журавлева).

Рассмотрению этих и ряда других вопросов и посвящен этот сборник.

Устная форма не только определяет большую роль звуковых средств, интонации, просодии в любом виде устной речи, но, будучи неминуемо спаянной с неподготовленностью, импровизацией[2], оказывает большое влияние на явления всех ярусов — прежде всего на синтаксис, семантическое строение, способы номинирования.

* * *

В отдельных статьях сборника рассматриваются фонетические и синтаксические особенности тех или иных разновидностей устной речи. Особые разделы посвящены прагматическим аспектам анализа устной речи. В ряде статей дается характеристика некоторых жанровых разновидностей неофициальной речи, намечаются пути построения типологии жанров в разных видах устной речи. Исследуются особенности устной речи ряда городов.

---

[2] Интересные наблюдения над особенностями словесного текста, объясняемыми чертой устности и объединяющие фольклор и литературную РР, см.: *Никитина С.Е.* Устная народная культура как лингвистический объект // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. N 5. С. 421—424.

Е.А. ЗЕМСКАЯ

ГОРОДСКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ И ЗАДАЧИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Внимание к языку города было характерно для языкознания 20-х годов. Достаточно напомнить (ставшие классическими) труды Б.А. Ларина[1], Л.П. Якубинского[2], Л.В. Щербы[3].

В наше время тема "язык города" переживает второе рождение. Забытая на протяжении нескольких десятилетий, она возрождается в 60-е годы[4], включившись в новый научный контекст. Если в начале XX в. язык города привлекает лингвистов преимущественно как материал для социолингвистических исследований (городское койне, социальные, профессиональные и другие групповые жаргоны), то для второй половины XX в. характерна не только социолингвистическая, но и иная проблематика: структура развитых литературных языков и место в ней живой неподготовленной устной речи, находящейся в пределах литературного языка[5]; устная форма как определяющий признак речи; неподготовленная речь; лингвистическая прагматика; языковое существование; язык как деятельность; теория коммуникации и структура коммуникативного акта; теория речевых актов; вербальные и невербальные средства коммуникации. Каждый из этих аспектов составляет особое направление в исследовании живой речи.

Эта книга продолжает серию работ, выполняемых в секторе современного русского языка, начиная с 60-х годов и посвященных изучению языка современного города. Мы начали нашу работу с изучения разговорной речи (РР) как особой разновидности литературного языка[6]. Затем обратились к изучению городской речи, стоящей за пределами литературного языка — просторечию[7]. Эту книгу объединяет с

---

[1] *Ларин Б.А.* О лингвистическом изучении города // Русская речь: Новая серия. III. Л., 1928. С. 61—74.

[2] См.: *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Русская речь. Пг., 1923. Вып. 1.

[3] См.: *Щерба Л.В.* Восточно-лужицкое наречие. Пг., 1915. Т. 1.

[4] Возрождению интереса к этой проблематике способствовали в особенности две статьи: *Конрад Н.И.* О "языковом существовании" // Японский лингвистический сборник. М., 1959. С. 5—16; *Холодович А.А.* О типологии речи // Историко-филологические исследования. М., 1967. С. 202—208.

[5] В советском языкознании для обозначения этого объекта принят термин "разговорная речь"; ср. Umgangssprache, français parlé.

[6] См. такие публикации: *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: Проспект (ротапринт). М., 1968; Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973; Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука, 1978; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981; Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.; Наука, 1983. См. обзор этих работ: *Скребнев Ю.М.* Исследование русской разговорной речи // ВЯ. 1987. N 1.

[7] Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.

названными выше интерес к живым, непосредственно наблюдаемым формам существования языка, характеризующим языковую жизнь современного города. Однако есть и различие между ними. В работе над названными темами к отграничению объекта исследования мы подходили с социолингвистических позиций, т.е. объект исследования определялся социальными характеристиками говорящего субъекта: различие между лицами "носитель литературного языка"/"носитель просторечия" определяется социальными признаками говорящих, вследствие чего и различие "литературная РР/просторечие" приобретает социолингвистический характер. В настоящей работе мы ставим перед собой задачу выявить особенности различных видов городской устной речи. Таким образом, мы продолжаем серию работ, посвященных исследованию современной живой естественной речи. Мы по-прежнему остаемся в пределах темы "язык города", но выбираем объект своего исследования по иным признакам — с точки зрения формы речи: устная речь.

Мы сохраняем интерес к изучению собственно лингвистической структуры избранного объекта, однако, исследуем и условия коммуникации, в которых функционируют те или иные виды устной речи[8].

Очевидно, что объект нашего изучения неоднороден, т.е. устная городская речь существует в нескольких разновидностях. На дифференциацию устной речи влияют многочисленные факторы. Постараемся охарактеризовать их. Для этого нам надо обратиться к сфере прагматики[9] и рассмотреть типические виды коммуникативных актов (КА), в которых используется устная речь.

Признаки, влияющие на характер языковых средств, используемых в КА, назовем компонентами КА. Среди этих компонентов прежде всего выделяются: 1) признаки, связанные с партнерами коммуникации[10], 2) признаки, связанные с конситуацией. Подобное разграничение под названием "внутренняя и внешняя прагматика" используется разными учеными[11].

---

[8] Ср. замечание Н.Д. Арутюновой: «Сдвиг в самом подходе к объекту исследования начался с того, что специфику речи стали искать не столько в ее формальной организации, сколько в ее функциональных особенностях. Описание коммуникативного аспекта речи постепенно "втянуло" в оборот лингвистики прагматические зоны коммуникации, сцентрированные в говорящем, в адресате и в обстановке общения» (*Арутюнова Н.Д.* Стратегия и тактика речевого поведения // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. Киев, 1983. С. 4).

[9] О содержании прагматики до сих пор еще идут споры. См., например: *Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. N 4; *Гак В.Г.* Прагматика, узус и грамматика речи // Иностр. языки в школе. 1982. N 5. С. 11—17; *Ружичка Р.* Пограничные проблемы семантической и прагматической компетенции // Проблемы коммуникативной лингвистики: Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1982. Вып. 186. Исследований, посвященных лингвистической прагматике, становится все больше. См. сборник обзоров: Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. ИНИОН. М., 1984. Из работ последнего времени см.: Text and the pragmatic aspects of language / Ed. by J. Kořenský und J. Hoffmanová, Linguistica X. Praha, 1984.

[10] См.: *Степанов Ю.С.* В поисках прагматики: (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. N 4.

[11] См.: *Pala K.,.. Svoboda A., Materná P.* Externí a interní pragmatika // Материалы симпозиума: Актуализационные (прагматические) компоненты высказывания в славянских язы-

Прежде чем перейти к рассмотрению факторов, влияющих на дифференциацию устной речи, охарактеризуем главнейший признак устной речи, объединяющий все ее виды и противопоставляющий речь устную речи письменной.

НЕПОДГОТОВЛЕННОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ПРИЗНАК УСТНОЙ РЕЧИ

Какой признак настолько тесно спаян с устной формой речи, что без него она невозможна? Устная речь (если это не чтение вслух или наизусть[12]) — это обязательно импровизация. Она создается на ходу, в процессе акта коммуникации. Поэтому устная речь тесно спаяна с таким параметром, который принято называть "неподготовленность". Неподготовленная речь не готовится заранее, но порождается одновременно с ее произнесением. Это не значит, однако, что неподготовленная речь хуже подготовленной, что это речь-полуфабрикат, речь-заготовка, из которой путем обработки производится речь более высокого качества[13]. Неподготовленная устная речь — это особый вид речи. Как и речь подготовленная, она строится по законам того языка, которым пользуется говорящий, но применяет их специфически[14].

Признак "неподготовленность" не имеет абсолютного характера. Он может изменяться по шкале от полной неподготовленности (речь на неизвестную заранее тему, осуществляемая как импровизация) до некоторой степени подготовленности (речь обдумана, возможно, даже частично записана, но не читаема, а произносима). Двумя полюсами шкалы неподготовленность/подготовленность мы считаем речь-импровизацию, создаваемую в процессе ее осуществления, и речь полностью подготовленную (она не производится в момент "выхода в свет", но воспроизводится: записана и читается или выучена наизусть). Между этими двумя полюсами существует много промежуточных сту-

---

ках. Brno, 1976. Ср. взгляды Дж.Р. Ферса, который различает следующие категории: "A. Релевантные признаки партнеров коммуникации (person, personalities): (i) вербальные действия партнеров коммуникации; (ii) невербальные действия партнеров коммуникации. B. Релевантные предметы (objects). C. Эффект вербального действия" (*Firth J.R.* Personality and Language in Society // *Firth J.R.* Papers in Linguistics. London, 1957. P. 182).

[12] Иногда термином "устная речь" называют всякую произносимую речь, даже чтение вслух или наизусть. Мы считаем, что такие виды речи лучше называть термином "звучащая речь", и оставляем их за пределами нашей работы.

[13] Ср.: *Бельтенева Т.П.* К вопросу о разграничении параметров "неподготовленность" и "спонтанность": (на материале сопоставления разговорной речи и языка черновиков) // Вопросы стилистики. Саратов, 1984. С. 104—105.

[14] В этом отношении показателен сб. статей (Impromptu Speech: A Symposium / Ed. Nils E. Enkvist. Åbo, 1982), опубликованный по материалам международного симпозиума "Impromptu Speech", проводимого в Шведской академии г. Турку в Финляндии в ноябре 1981 г., и включающий работы, посвященные изучению шведского, английского, финского, русского и французского языков. См. интересную рецензию на указанный сборник: *Daneš Fr., Müllerová O.* O výzkumu nepřipravených mluvenych projevů // Slovo a slovesnost. 1984. N 4. C. 321—327. См. также: *Ochs E.* Planned and unplanned discours // Syntax and Semantics: Discourse and Syntax / Ed. T. Givon, 1979. N. Y.; San Francisco; London. Vol. 12. P. 51—80.

пеней. Так, речь может быть запланирована в самом общем виде, например, тема или тема и ее развитие. Может быть обдумано оформление каких-то наиболее важных частей, например, начало и конец. Могут быть заготовлены трафаретные обороты (клише), которые говорящий использует, вводя новую информацию, при ответе на вопрос и т.п. В публичных выступлениях, в разговорах со знакомыми и незнакомыми широко используются готовые клише разного рода, вставляемые в речь-импровизацию. Например, в выступлениях при защите диссертаций часто употребляют такие клише, как: *Диссертант обнаруживает хорошее знание...; умение анализировать...; ...осведомленность в специальной литературе...; диссертация отвечает требованиям...; Высказанные замечания не снижают / не влияют, на общую положительную оценку работы...* и т.п.

Таким образом, повторяемость ситуации, будь то ситуация бытовая или специальная (профессиональная), способствует использованию готовых речевых формул, ослабляя импровизационный характер речи, усиливая ее стандартность, клишированность.

Признак "неподготовленность" и его ступенчатую дифференциацию изучают применительно к разным языкам как существеннейшую черту естественной устной речи. При этом идут споры о том, каким термином лучше называть указанное свойство устной речи: неподготовленность, спонтанность, незапланированность, импровизация[15]. Мы считаем наиболее соответствующим сути этого явления термин "неподготовленность" (ср. чешск. nepřipravenost'). Как синоним мы употребляем термин "импровизация".

Термины "неподготовленность" и "спонтанность", с нашей точки зрения, целесообразно разграничивать и называть спонтанной речь, возникающую без воздействия извне, без внешних импульсов[16]. При таком понимании неподготовленность и спонтанность называют разные признаки речи. Так, речь может быть неподготовленной, но и не спонтанной, если человека кто-либо вынудил говорить. Ср. бытовые ситуации: "Отвечай немедленно, кто разбил вазу?", "Кто пролил молоко?". Не является спонтанной речь ученика при ответе на уроке или на экзамене и многие другие виды "вынужденной речи". Другими словами, речь может быть неспонтанной и неподготовленной, неспонтанной и подготовленной, спонтанной и неподготовленной, спонтанной и подготовленной.

---

[15] См.: Impromptu Speech. Во вступительной статье редактор этого сборника, известный лингвист Н. Энквист, сравнивает достоинства и недостатки перечисленных терминов и отдает предпочтение термину "impromptu speech". Мы полагаем, что нет оснований вводить этот термин в русский язык.

[16] Ср. Аналогичное понимание спонтанности: *Daneš Fr. – Müllerová O.* Op. cit. С. 321; Impromptu Speech. С. 11. Иное понимание спонтанности: *Бельтенева Т.П.* Указ. соч. С. 101.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ УСТНОЙ РЕЧИ

Характер и вид коммуникации

Важнейший признак, влияющий на дифференциацию устной речи — характер коммуникации: официальная/неофициальная. Этот признак тесно связан с видом коммуникации. Официальная коммуникация может быть личной и публичной; неофициальная — только личной, ибо любой вид неофициальной коммуникации осуществляется как непосредственное личное общение, будь то диалог или непринужденный рассказ (монолог). Слушатели непринужденного рассказа — полноправные участники акта коммуникации, они могут перебить рассказчика, задать ему вопрос. что не свойственно адресату публичной официальной коммуникации (см. раздел "Адресат")[17].

Публичная коммуникация делится на два подвида: массовая (радио, телевидение и т.п.) и коллективная (лекция, доклад, выступление на собрании и т.п., см. далее). Основное различие между ними в следующем: при массовой коммуникации отсутствует обратная связь между говорящим и слушателями, что исключает для говорящего возможность узнать (услышать, увидеть, почувствовать) реакцию слушающих и отреагировать на нее. Отметим, что хотя высказанное положение имеет общий характер, возможны исключения. Так, в последние годы на телевидении проводят передачи, при которых в публичное выступление включается обратная связь: выступающие по телевидению отвечают телезрителям, задающим им вопросы по телефону.

Другая важная особенность массовой коммуникации — использование технических средств (радио, телевидение и т.п.). Технические средства, но иного рода (телефон, микрофон) используют и в других видах коммуникации. Эти средства, однако, не лишают адресата возможности принять участие в общении. Адресат коллективной коммуникации может выразить говорящему свою реакцию (см. раздел "Адресат").

Учитывая, что русский литературный язык в зависимости от характера общения существует в двух разновидностях — кодифицированный литературный язык (КЛЯ) и разговорный язык (РЯ), для которого в силу традиции принят условный термин разговорная речь (РР)[18], в пределах литературного языка можно выделить несколько разновидностей устной речи (табл. 1).

Несомненно, что в общем массиве устной речи доля непринужденного неофициального общения наиболее велика: человек больше всего

---

[17] Существует особая разновидность неофициальной речи, рассчитанная на слушателей — "ерничество на миру" (выражение А.Ф. Журавлева); ср. выражение "говорить на публику". С нашей точки зрения, этот вид речи, хотя и предназначен для слушателей, не приобретает свойств публичной официальной речи и составляет разновидность неофициального монолога (жанр непринужденного рассказа), в котором адресат может принимать непосредственное участие в акте речи.

[18] См.: Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 23, 25; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Указ. соч. С. 5.

Таблица 1

Вид коммуникации		Характер общения			
		официальное			неофициальное
		публичная		личная	личная
Подвид коммуникации		массовая	коллективная		
Говорящий — носитель литературного языка	РР	–	–	–	+
	КЛЯ	+	+	+	–

Примечание: Здесь и далее плюсы — данный вид речи имеется, минусы — отсутствует.

говорит дома, в разных бытовых ситуациях. Об этом свидетельствуют наблюдения над речевым поведением людей разных стран. Однако в современном обществе устная публичная речь приобретает все большее значение. Радио, телевидение входят в быт. Всевозможного рода конференции, собрания, совещания, съезды, встречи, слеты, симпозиумы, дискуссии, обсуждения составляют важную часть жизни современного человека, и обслуживаются они устной публичной речью (коллективная коммуникация). Существенную роль в развитии науки и в обучении играет публичная научная речь[19].

Всем видам публичной речи противопоставлено личное общение, осуществляемое на РР и КЛЯ. Эти разновидности речи характеризуются неподготовленностью и непосредственностью общения; различает их признак неофициальность-официальность отношений между партнерами коммуникации. Как мы писали (1973 г.), играют роль не только фактические отношения между партнерами коммуникации (ПК), но и наличие установки на официальное общение или ее отсутствие. Если между говорящими отношения неофициальные, но имеется установка на официальное общение, они пользуются КЛЯ. Факты такого рода мы неоднократно наблюдали. Собеседники (даже если это близкие друзья) при наличии установки на официальное (чаще всего специальное) общение меняют вид речи. Меняется не только лексический состав, что обусловлено тематикой речи, но и интонация, синтаксис, мелодика речи.

Возникает вопрос: существует ли обратное явление. Иными словами: при наличии официальных отношений может ли быть установка на неофициальное общение? Факты такого рода свидетельствуют о недостаточной воспитанности одного из собеседников, что может привести к отпору со стороны партнера (ср. встречу Чичикова с Ноздревым

[19] См.: *Барнет В., Лаптева О.А.* Устная публичная речь: проблемы изучения и обучения. // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы (МАПРЯЛ). М., 1982.

в "Мертвых душах" Гоголя). Фамильярность со стороны одного партнера, не поддерживаемая другим, может быть лишь подтверждением неправомерности (антиэтикетности) использования средств непринужденного общения при отсутствии близких отношений.

Требует рассмотрения вопрос о том, как проявляется параметр неподготовленность в личной официальной речи, т.е. в устной речи, осуществляемой на КЛЯ. Говорящие при этом лишены той свободы и раскованности, той непринужденности общения, которая свойственна личным неофициальным отношениям и связана с РР. Более того, некоторых говорящих затрудняет пользование лексико-грамматической системой КЛЯ, им может быть необходим особый контроль над собой. Превращает ли это обстоятельство подобную речь в подготовленную? Очевидно, что нет. Такая речь осуществляется как неподготовленная, хотя ее порождение иногда затрудняет говорящего. Личная официальная речь может быть подготовленной лишь при условии, что это разговор на фиксированную заранее тему, выученный наизусть, даже записанный на бумагу, но главное — произносимый как монолог, потому что иначе неожиданные встречные реплики собеседника будут "сбивать" говорящего.

Говорящий субъект

Иного типа дифференциация городской устной речи связана с оппозицией, создаваемой различием характеристик говорящих субъектов.

Прагматическое оформление речи в структуре КА создается треугольником "говорящий — адресат — конситуация". Все вершины этого треугольника выполняют роль важных факторов в дифференциации устной речи. При этом говорящий субъект и адресат (слушающий или слушающие), являясь партнерами коммуникации (ПК), имеют целый ряд признаков, для которых существенна их симметричность или асимметричность. К таким признакам относятся возраст, пол, профессия, социальное положение, образование, ролевая функция и некоторые другие.

Важнейшая дифференциация современной городской устной речи, связанная с различием говорящих субъектов, состоит в следующем. Речь современного русского города в основном представлена двумя формациями — литературным языком и просторечием. Использование той или другой формации зависит прежде всего от образования говорящего, степени его культурности, характера его профессии. Как правило, лица, имеющие высшее образование, являются носителями литературного языка. Если их родители (или воспитатели) не владели литературным языком, в их речи могут быть реликты просторечия или диалектов. У родителей (или воспитателей), владеющих литературным языком, дети — независимо от их образования — также обычно пользуются литературным языком. Как говорят горожане, не имеющие высшего, а иной раз и среднего образования, родители (и воспитатели) которых не являются носителями литературного языка? В этом случае ответ может быть различен. Большую роль в том, остается ли младшее поколение в ряду просторечноговорящих или овла-

девает литературным языком, играют такие черты, как языковое чутье, восприимчивость, вкус, наблюдательность, любовь к радио, телевидению и чтению. Мы наблюдали, что некоторые лица, обладающие указанными чертами, избавляются от просторечия и, не имея высшего или среднего образования, переходят в разряд носителей литературного языка[20].

Нуждается в изучении вопрос, какими разновидностями устной речи и как пользуется носитель просторечия. Как говорит носитель просторечия в условиях официального общения? В официальном личном общении он пользуется просторечием. Выступая публично — на собраниях, митингах, совещаниях, — он участвует в коллективной коммуникации. В массовой коммуникации он участвует ограниченно, лишь в таких жанрах, как радио- или телеинтервью. При официальном общении, как показывают предварительные наблюдения, сохраняется фонетика и грамматика просторечия, типичное произношение отдельных слов (*транвай, паска, телевизир* и под.), однако речь может уснащаться не всегда правильно освоенными литературно-книжной лексикой и фразеологией, книжными синтаксическими построениями. Типическая особенность лиц, говорящих на просторечии, — невладение способностью переключения с одного речевого регистра на другой, что их отличает от носителей литературного языка[21]. Именно поэтому просторечно говорящие обычно используют и в официальной ситуации просторечие, лишь уснащая его отдельными наиболее "броскими" особенностями литературного языка. Речь просторечно говорящих в официальном общении нуждается в дальнейшем изучении. В данном сборнике исследованию этих вопросов посвящена статья М.В. Китайгородской.

В соответствии со сказанным мы можем дополнить табл. 1 графой — носитель просторечия (табл. 2).

На дифференциацию устной речи оказывают влияние не только социальные, но и личностные признаки говорящих[22]. Рассмотрим некоторые из них.

Место рождения обусловливает такие явления, как наличие локальных черт в фонетике, грамматике и лексике[23]. Профессия, возраст,

---

[20] См.: Городское просторечие...

[21] Такое же мнение выражено в работе: *Винокур Т.Г.* Стилевой состав высказывания в отношении к говорящему и слушающему. // Русский язык. Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. М., 1984. С. 143—144.

[22] См. разработанную М.В. Пановым таблицу признаков говорящего, существенных для его речи, в кн.: Вопросник по современному русскому произношению. М., 1960. О влиянии некоторых этих признаков на речь говорящих см.: *Земская Е.А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание: Материалы к VIII Международному съезду славистов. М., 1978.

[23] См., например: *Ерофеева Т.И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979; *Собинникова В.И.* Наблюдения над городским просторечием: (по записям разговорной речи населения г. Воронежа) // Учен. зап. Орловского пед. ин-та., 1962. Т. XXI. Вып. 6; *Санджи-Гаряева З.С.* Просторечные элементы в устной речи жителей г. Элисты // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984; *Ерофеева Т.И.* О социальной дифференциации речи горожан: (к вопросу о взаимодействии разговорной литературной и диалектной речи) // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1984.

Таблица 2

Вид коммуникации			Характер общения			
			официальное			неофициальное
			публичная		личная	личная
Подвид коммуникации			массовая	коллективная		
Говорящий	Носитель литературного языка	РЯ	–	–	–	+
		КЛЯ	+	+	+	–
	Носитель просторечия	Просторечие	– +	+	+	+

знание иностранных языков связаны с употреблением профессионализмов, с использованием молодежного жаргона или слов устарелых, с применением иностранных слов и выражений.

Сложный комплекс вопросов, связанный с тем, как именно различные признаки говорящего влияют на дифференциацию устной речи, изучен далеко не полностью. Почти не обследовано ролевое поведение говорящих[24]. Установлено, что в повседневной жизни каждый человек имеет свой набор ролей. Есть роли, присущие лишь данному коммуникативному акту (клиент, пассажир, покупатель), роли постоянные (водитель такси, учитель, врач, столяр, балерина, юрист и т.п.) и роли, варьирующиеся в зависимости от партнера коммуникации (так, один и тот же человек может иметь роли мужа, отца, сына, внука и зятя: муж — ср. жена; отец — ср. дети; сын — ср. отец и мать; внук — ср. бабушка; зять — ср. теща и т.п.). Для изучения варьирования речи в зависимости от ролевого поведения современного горожанина много дает теория языкового существования, столь активно разрабатываемая в японском языкознании[25].

В последнее время в мировой лингвистике возрастает интерес к особенностям языка, связанным с полом лица[26]. По отношению к

[24] См., например: *Camutaliová I.* Obsahová výstavba a jazykové prostředky informativního dialogů. // Acta Universitatis Carolinae: Philologica, 1971. Vol. 2—3. P. 111—130; *Крысин Л.П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976: *Винокур Т.Г.* Указ. соч. С. 143—144.

[25] См.: *Токиэда Мотоки.* Современный язык и современное языковое существование // Языкознание в Японии. М., Радуга, 1983. С. 111—122; *Сибата Такэси.* Исследование языкового существования в течение 24 часов. — Там же. С. 134—141. Об этой теории см.: *Конрад Н.И.* О "языковом существовании" // Японский лингвистический сборник. М., 1959; *Неверов С.В.* Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982; *Алпатов В.М.* // ВЯ. 1984. N 3.

[26] См., например: *Eakins B.W., Eakins R.G.* Sex differences in human communication. Boston, 1978; *Philip M. Smith.* Language, the sexes and society. Oxford, Basil Blackwell, 1985; *Maltz D.N., Borker R.A.* A cultural approach to male-female miscommunication // Language and social identity / Ed. J.J. Gumperz. Cambridge, 1982.

русскому языку эта проблематика только начинает изучаться[27]. Различия в употреблении русского языка, связанные с дифференциацией людей по полу, по всей вероятности, кроются в их разной склонности к употреблению тех или иных эмоционально окрашенных единиц, в первую очередь междометий (как представляется, начальное *Ой!* чисто женская черта: *Ой! Кого я сейчас встретила!; Ой! Что я тебе расскажу!*); женщины больше пристрастны к уменьшительным образованиям, к определенным формам обращений. Существуют наблюдения, касающиеся различия между просторечно гворящими мужчинами и женщинами в употреблении обращений. Так, использование обращений *мужчина* и *женщина*, по-видимому, свойственно в первую очередь женщинам, и лишь изредка их допускают мужчины, тогда как последним присущи обращения типа *Старик! Шеф! Браток!* и под.

Адресат

Общее разделение устной речи на типы в значительной мере определяется характером адресата и его ролью в акте коммуникации.

Сфера устного официального общения допускает различные виды адресата: личного и безличного, единичного и множественного. Официальное личное общение (разговор в суде, в милиции, в учреждении) имеет и личного адресата. Публичное общение имеет множественного адресата, при этом разные подвиды публичной речи (массовая и коллективная) различаются и характером адресата.

Очевидно, что вся сфера массовой коммуникации не имеет персонифицированного личного адресата, но ее адресат безличный, массовый. Этим сфера массовой коммуникации резко отделяется от других видов общения. Коллективная коммуникация (лекция, доклад, выступление на собрании, совещании и т.п.) имеет и адресата коллективного.

Неофициальное общение, напротив, всегда ведется при обращенности к личному адресату, независимо от числа партнеров коммуникации (2 или более), т.е. и в диалоге, и в полилоге[28], и при рассказе, когда слушающих может быть и один, и несколько, и даже много. Таким образом, разделение всего массива устной речи на КЛЯ и РР тесно связано с характером адресата.

Большое значение имеет и роль адресата в акте коммуникации, т.е. его возможность (или невозможность) принять на себя функцию говорящего. Для массовой коммуникации мена ролей говорящий/

---

[27] См.: *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Proceedings XI th ICPhS. Tallinn, 1987. Vol. 1. *Ермакова О.П.* Номинации в просторечии // Городское просторечие. Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.

[28] Во многих современных работах, вопреки происхождению слова *диалог*, включающего греч. приставку dia- 'через-', этот термин переосмыслен и противопоставлен термину "полилог" (*диалог* — разговор двух; *полилог* — разговор многих). Мы следуем этому терминоупотреблению.

слушающий невозможна; в коллективной устной речи такую мену позволяют лишь определенные ее разновидности, например, дискуссия, интервью. В личной официальном общении мена ролей допустима, а иногда и естественна; в неофициальном общении она обязательна. И если не во всех жанрах часта, то происходит хотя бы в минимальной степени, ибо в неофициальных условиях монолог (непринужденный рассказ) всегда диалогизирован (поддерживается хотя бы минимальной реакцией слушателей).

Следовательно, различие между коллективным и массовым адресатом не чисто количественное. Массовый адресат (т.е. слушатель средств массовой коммуникации — радио, телевидения) полностью лишен возможности принять участие в речи говорящего — он не может ни возразить, ни согласиться, ни прервать речь говорящего. Коллективный адресат имеет связь с говорящим, хотя он не участвует в речи, ибо мены ролей говорящий/слушающий не происходит. Однако, что очень важно, он может каким-то образом выразить свою реакцию говорящему, и говорящий при желании учитывает подобные реакции. Напомним обычные случаи, когда из зала раздаются голоса — *Не слышно! Помедленнее! К делу! Регламент!* или невербальные выражения отношения в виде улыбок, смеха, кивков, аплодисментов или свиста.

Кроме названных видов адресата (единичный—коллективный—массовый; личный—безличный), существуют иные подразделения адресатов, более редкие, но играющие немаловажную роль в повседневном непринужденном общении. Эти виды адресата, которые могли бы быть названы квазиадресат[29], аутоадресат, реализуются в специфических жанрах непринужденного общения — таких, как разговоры с грудными детьми, с домашними животными, с вещами и с самим собой (о некоторых из этих жанров см. в других статьях этого сборника).

Из сказанного видно, что наиболее значительны функции адресата в сфере личного неофициального общения (табл. 3). Именно поэтому охарактеризуем их подробнее.

Типическая особенность неофициального устного общения, отмеченная еще Л.П. Якубинским и Л.В. Щербой, его диалогичность. Между тем диалогичность как раз и состоит в мене ролей говорящий/слушающий (Г/С), которая может быть реализована во всех видах РР и просторечия. Совершенно очевидно, что такая мена составляет отличительную черту диалога и полилога, но она обнаруживается и в разговорном монологе — рассказе[30]. Эта черта получает воплощение

---

[29] Актуальность изучения этих дополнительных видов адресатов подтверждается, на наш взгляд, тем фактом, что одновременно и независимо друг от друга к аналогичным наблюдениям приходят разные исследователи. Так, Г.Г. Почепцов, выступивший с докладов "Типология адресата" на семинаре "Модели общения" (Таллин, апр. 1984 г.), выделял понятие квазиадресата.

[30] Исследователи русской РР писали об этом в кн.: Русская разговорная речь. Тексты. С. 13. Знаменательно, что эта особенность присуща РР и других языков. См.: *Oreström B.* When is my turn to speek? // Impromptu Speech, Åbo, 1982. P. 267—276; *Амзаракова И.П.* "Монолог" в немецкой разговорной речи // Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1985. С. 5—6.

Таблица 3

Характер общения		Вид коммуникации	Подвид коммуникации	Мена ролей говорящий/слушающий	
				возможная	частая
официальное		публичная	массовая	–	–
			коллективная	– +	–
	неофициальное	личная		+	+
				+	+

в тех словечках или звуках, которые время от времени произносят люди, когда они продолжительное время слушают кого-нибудь в неофициальной обстановке. Такие словечки долгое время было принято считать речевыми помехами, своего рода засорением речи, неумением вести разговор и т.п.[31] Это всякого рода *угу, ага, мм, а-а, эмм..., нда-, мда, ну-у* (*ну*), *да, да-да, нет, нет-нет* и многие другие виды реакций слушающего на речь говорящего. Подобные единицы в современной лингвистике получили название сигналы членения или сигналы речи.

Наблюдения за любой непринужденной речью показывают, что сигналы речи составляют ее типическую черту[32]. Мы подсчитали, что в одном разговоре двух старых знакомых, в котором более активен был один человек, но который все же не имел характера специального рассказа, было произнесено 18 *угу* и это не производило впечатления нарочитости, нескладности. Столь же частотны *ну, да, а-а.*

Сигналы речи свойственны разным языкам. Ср., например, английские: *a-a, mm..., e, I see, I know, Yes, no, well, fine, OK;* немецкие: *Ja, na ja, doch, ferstehst du? nicht wahr, gut, nein, nein-nein;* финские: *jo, jo-jo, no oj, niin;* чешские: *jo, no jo, tak, dobře, fain, hm, jasně, klidně.*

Функции многих сигналов в значительной мере не семантические, но строевые. Они выполняют текстообразующую роль, сигналя собеседнику что-то вроде: 'я тебя слышу', 'я тебя слушаю', 'продолжай', 'мне интересно'[33]. Очевидно, что речевые сигналы могли попасть в поле зрения лингвистов лишь тогда, когда они стали изучать подлинную устную речь и обратились к проблемам лингвистической прагматики[34]. Эти сигналы не только передают реакцию (иногда минимальную) слушающего, но и служат для проверки работы канала связи. Как

---

[31] См.: *Николаева Т.М.* Новое направление в изучении спонтанной речи // ВЯ. 1970. N 3.

[32] Высказывалось мнение, что частицы речи, играющие роль особых сигналов, являются основной отличительной особенностью неподготовленной речи. См.: *Östman Jan-Ola.* The symbolic relationship between pragmatic particles and impromptu speech // Impromptu Speech, 1982. С. 147—177.

[33] См. об этом: *Ширяев Е.Н.* Структура разговорного повествования // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М.: Наука, 1982. С. 119.

[34] См., например: *Wackernagel-Jolles B.* Zur Funktion der Gliederungssignale in der gesprochenen Sprache // Aspekte der gesprochenen Sprache. Göppingen, 1973. S. 159—182.

правило, такие сигналы действуют совместно с паралингвистическими средствами — жесты и мимика. Отсутствие сигналов речи обычно вызывает беспокойство и неудовольствие говорящего. Он начинает спрашивать: *Ты слышишь?* и даже: *Тебе (вам) интересно? Мне продолжать?* и т.п.

Особую важность сигналы речи приобретают при телефонных разговорах, когда собеседник не виден и не может реагировать взглядом или жестом. Длительное молчание собеседника всегда вызывает реакцию говорящего: *Ты меня слышишь? Тебе хорошо слышно?* и т.п., т.е. реализацию фатической функции[35].

Сигналы речи подробно описаны в литературе[36]. Обычно различают сигналы адресата (слушающего) и сигналы говорящего. Сигналы слушающего, кроме показа того, что он слушает и понимает речь, могут выражать разную степень его заинтересованности — от минимальной или нейтральной (*ага, угу, а-а, да-а*) до высокой (*Правда? Неужели? Да ну! Вот так-так! Ну и ну!*), служить средством изменения хода разговора, направляя речь говорящего, и показывать, что сам слушающий готов вести разговор (*А вот я тоже слыхал/знаю/видел/помню...*).

Сигналы говорящего могут: 1) относиться к членению текста, помогая собеседнику понять ход разговора — *вот* (кончающее, итоговое), *да вот еще* (начинающее новую линию), *кстати* (вводящее новую информацию) и др., 2) иметь контактную функцию: *Слышишь? Согласен? Не так ли? Ведь так? Правда?* и др.

82313

Особую проблему составляет вопрос о том, как, в какие моменты речи происходит мена ролей Г/С[37]. Существуют два полярных типа ситуаций, когда мена ролей Г/С открыто стимулирована одним из партнеров коммуникации: 1) говорящий сам уступает поле, даже побуждая слушающего к речи: *Ну а ты/вы что скажешь(ете)? Как твое/ваше мнение? Как по-твоему/по-вашему? Что это я все говорю. Расскажи о себе!; Как у тебя/вас дела?* и т.п.; 2) слушающий рвется к речи, говоря что-нибудь вроде: *Дай мне сказать.... А вот я знаю интересный/похожий... случай... Со мной была такая же история...*

Эти два типа ситуаций репрезентируют выраженное место мены. Мена стимулирована говорящим или "вырвана" слушающим. Помимо этих двух крайних случаев, есть масса таких, когда явных показателей мены нет[38].

Существенна функция адресата в типологии речевых актов и жанров речи, ибо разные речевые акты и жанры требуют различных адресатов. (Ср. различие адресатов в таких, например, жанрах, как требование, приказ и просьба, похвала и комплимент.)

Каждый партнер коммуникации, кроме того или иного, более или

---

[35] См.: Русская разговорная речь. Тексты.

[36] Подробный обзор функций сигналов речи, а также библиографию см.: *Герасимов В.И., Ромашко С.А.* Прагматика устного общения // Звучащий текст: Сб. обзоров. ИНИОН. М., 1983. С. 205—210.

[37] См.: *Orestrom Bengt.* When is my turn to speek? // Impromptu Speech.

[38] О функции адресата в различных речевых актах см.: *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. N 4. С. 360—362.

www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

менее активного вклада в беседу, оказывает влияние на речевое поведение собеседника, выбор им языковых средств и жанра речи. Люди не говорят в пространство, в пустоту, но говорят, применяясь к личности адресата, желая быть ему понятными, близкими, или, наоборот, желая показать свое отличие от него, превосходство, образованность, начитанность и т.п. Эта проблема (влияние личности, характера, психологического поведения, речи адресата на говорящего) заслуживает специального изучения. Ведь очевидно, что с детьми мы говорим иначе, чем со взрослыми; мужчины говорят иначе с мужчинами, чем с женщинами, с молодой хорошенькой женщиной иначе, чем с пожилой. На нас влияет возраст, пол, социальное положение, внешность, ролевая функция собеседника. Как пишет Е.Н. Ширяев, "говорящий должен постоянно моделировать в себе слушающего и реагировать на этого внутреннего слушателя"[39].

На построение диалога может влиять профессиональное различие между говорящими, разница в их образовании, что обусловливает различие в их апперцепционной базе и асимметрию их речевого поведения. При этом может возникать конфликтный тип речевого взаимодействия[40]: один из собеседников не вполне понимает другого, не одобряет его манеры речи или же подстраивается под него. Вот несколько примеров: (разговор врача (В), пришедшего навестить больного, с пациентом (П). В. и П. давно знакомы) П. (показывая на небольшой ящичек) Что это у вас за *штука?* В. (назидательно, не принимая шутки) Это не штука/ а *аппаратура*// П. (принимая его словоупотребление) И что эта аппаратура делает? В. Измеряет электропроводимость точек// (Через некоторое время) П: Ну? Что вы намерили? В: *Точки сбалансированы/ но тонус очень низкий*// П. (подавленно молчит, не понимая смысла сказанного); (на приеме у иглотерапевта) П: А куда вы меня *колоть* будете? И: Иголки не колят/ а *ставят*//;(разговор двух незнакомых женщин в Москве на рынке о том, как они удобряют клубнику) А: Вы *химией* удобряете? Б: Нет/ мы *органикой*// А: А мы *навозом*// Б: Да это и есть органика! А: Что вы? Вот не знала! Б: Конечно// Так называется//

Итак, на построение речи, на выбор языковых средств, на все речевое поведение человека влияет целый ряд признаков говорящего и адресата, а также различное соотношение этих признаков. Представим эти компоненты КА, связанные с партнерами коммуникации (ПК):

Место рождения и места длительного пребывания	Город (какой именно), сельская местность (какая именно)...
Образование	Высшее/ среднее/ начальное/ нет
Возраст	Молодой/ средний/ старший
Пол	Мужской/ женский
Роли ПК	Роль в данном КА (пассажир — ср. водитель; покупатель — ср. продавец...);

[39] *Ширяев Е.Н.* Указ. соч. С. 118. См. там же наблюдения над тем, как влияет "модель адресата" на построение устного текста.

[40] См.: *Винокур Т.Г.* Указ. соч. С. 147—151.

	роли постоянные в социуме (профессия, соц. положение) роли постоянные в семье (муж – жена, дети – родители...)
Симметричность[41] ПК	
по полу	да/нет
по возрасту	да/нет
по профессии	да/нет
по образованию	да/нет
ПК знакомы	да/нет
Отношения между знакомыми ПК	Близкие/нейтральные/официальные
Общность апперцепционной базы	Высокая/средняя/малая
Одинаковая осведомленность ПК в теме речи	Да/нет
Тема фиксирована	Да/нет
Число ПК	Два/более двух/коллектив/масса
Адресат	Личный/безличный Единичный/коллективный/массовый
Мена ролей говорящий – слушающий	Частая/редкая/нет
Взаиморасположение ПК	Визуальное/невизуальное

Невербальный компонент коммуникации

1. Для получения адекватного представления о реальном речевом общении, протекающем в рамках устной речи, необходимо изучение устной речи не только самой по себе, но и в связи с иными компонентами, которые формируют коммуникативный акт — в связи с невербальными компонентами[42]. В первую очередь здесь должны учитываться такие значимые средства общения, как жесты, мимика, взгляд, действия партнеров коммуникации[43]. С точки зрения использования

---

[41] Ср.: "Симметричны такие ситуации, взаимодействующие участники которых имеют одинаковые социальные признаки: равное социальное положение, примерно одинаковый возраст... Напротив, асимметричны ситуации, участники которых различаются хотя бы одним из этих признаков" (*Крысин Л.П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 49).

[42] См.: *Barnet Vl.* Komunikativní akt a výpoved' // Slovo a slovesnost. 1973. N 1; *Barnet Vl.* К принципам строения высказываний в разговорной речи // Bulletin ruského jazyka a literatury. XVIII. Praha, 1974; Problemy běžně mluveného jazyka, zvlaště v ruštině // Slavia. 1973. N 1; *Земская Е.А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978; *Kafková O.* Vztažení semantického komponentů výpovědi ke komunikativní situaci v běžně mluvených projevech (k tzv. situační zakotvenosti výpovědi) // Otázky slovanské syntaxeIV /2. Brno, 1980.

[43] Роль жеста в русской РР рассматривалась в книгах: Русская разговорная речь. М., 1973, гл. Жест (авторы: Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильникова); Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. Гл. Жест и структура высказывания в разговорной речи (автор Е.В. Красильникова). В более широком аспекте эта проблематика освещается в ряде работ. См., например: *Николаева Т.М., Успенский Б.А.* Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966; *Колшанский Г.В.* Паралингвистика. М., 1974; *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980; *Obudho C.E.* ed., Humain Nonverbal Behavior. An annotated bibliography. London; Gleenwood, 1979; *Key M.R.* ed.The Relationship of Verbal and Nonverbal Communication. The Hague-Mouton, 1980.

жестов и мимики, устная речь далеко не однородна. Неофициальная устная речь имеет гораздо больше возможностей для использования жестовых и мимических средств, чем речь официальная, в особенности публичная. По наблюдениям исследователей, устная публичная речь содержит преимущественно два вида жестов — указательные (на карту, рисунок, диаграмму) и подчеркивающие, выделяющие[44].

Следовательно, характер и степень использования паралингвистических средств служат одним из показателей дифференциации устной речи, подтверждая выделение таких ее разновидностей, как официальная/неофициальная, личная/публичная[45].

В неофициальной устной речи жест имеет принципиально иное значение, чем в речи публичной. Происходит сложное взаимодействие двух (или более) каналов связи: вербального и жестового, с которым обычно тесно связан и мимический. Как справедливо пишет Е.В. Красильникова, "отношение между вербальными и невербальными элементами есть не однонаправленная зависимость, а взаимодействие... Подобный подход не обозначает принижения роли речи... Однако содержание ищет себе средства выражения и в языковой, и в неязыковой системах[46]. Особенностью непринужденного общения является возможность использования жеста, взгляда и т.п. не как сопроводителя, иллюстратора или усилителя речи, но как полноценного носителя информации — заменителя вербального компонента[47]. Приведем типичный пример: (жаркий день; разговор двух родственниц; одна идет в магазин, вторая дает ей напутствие) Не покупай ничего/ ни голубцов/ ничего что в жару [имеет в виду 'портится']// Но если купишь/ обязательно как следует [жест — рукой к носу = 'нюхай']//

В общении играют роль не только жесты, но и взгляд, действия участников коммуникативного акта. При этом существуют КА, в которых общение осуществляется без слов или почти без слов: (А. сидит за письменным столом в своей комнате. В комнату входит и подходит к ней ее сын Б. А. молча вопросительно смотрит. Б. машет рукой 'не отрывайся', подходит к шкафу, достает книгу с полки и выходит.) Очевидно, что интеракция ПК могла быть осуществлена и вербально, например, так: А: Ты зачем пришел? (или: Тебе что-нибудь нужно? Ты что?) Б: Не отрывайся (или: Не хочу тебе мешать). Я за книгой.

Жест или мимика могут не только дополнять, но и изменять сказанное, иногда меняя смысл вербальной части на противоположный: (А. и Б. в рабочей комнате. Входит В.) В. (к А.) Я вам не помешала? А. Нет/ что вы — что вы! Снимайте пальто! (пока В. снимает пальто, А. кисло улыбается Б. и показывает на толстую рукопись, которую он читал. Разводит руками — жест 'что поделаешь'). (К В., которая сняла пальто) Садитесь пожалуйста//

---

[44] См.: *Николаева Т.М.* Жест и мимика в лекции. М., 1972.

[45] Ср.: *Lehtonen J.* Nonverbal aspects of impromptu speech // Impromptu speech. P. 43.

[46] Русская разговорная речь. М., 1983. С. 224—225.

[47] Факты такого рода широко представлены в названных работах Л.А. Капанадзе и Е.В. Красильниковой.

Невербальные компоненты коммуникации (подобно вербальным) далеко не всегда бывают поняты однозначно. Возможны непонимания, которые обычно тут же поправляются с помощью вербальных средств: (Трое гуляют в лесу, куда приехали на машине. Наступило время отъезда. Двое находятся далеко от машины и, направляясь к ней, видят, что третий (он ведет машину), стоя около машины, сигналит им руками (жест: вытянутые вверх руки скрещиваются). Они понимают это как знак 'идете сюда' и идут к машине. Он, подъезжая к ним, с упреком): Зачем же вы шли? Я же вам махал/ чтобы вы меня ждали //; (Две женщины в кухне. А. — говорит по телефону и жестом показывает что-то, что Б., которая держит в руке пакет, понимает как 'дай мне'. Б. передает А. пакет. А. отрицательно качает головой, продолжая разговор по телефону. Кончает телефонный разговор и произносит): Я пе́пельницу просила//. Таким образом, жест был понят частично. Компонент 'дай' был понят верно, но объект не был идентифицирован, так как условия коммуникации (невозможность отойти от телефона или прервать разговор) мешали А. сделать точное указание на предмет.

Функции жеста и мимики многообразны. Как показывают исследователи, паралингвистические средства могут выполнять все те функции, которые свойственны естественному языку[48]. Возникает вопрос: когда говорящий предпочитает невербальные средства вербальным. Использование жестов и мимики предпочитается в таких случаях: 1) для выражения межличностных отношений типа превосходства, теплоты или холодности, симпатии или антипатии. В подобных случаях невербальные средства удобнее словесных, они более гибки, менее отчетливы и прямы. Легче выразить мимикой или жестом известную отчужденность, чем сказать: "Вы мне немного несимпатичны"; 2) невербальный канал используется для выражения эмоций (страх, беспокойство, радость, удивление и т.п.). Подобные сигналы могут быть как истинными, так и ложными, неискренними; 3) невербальная коммуникация вступает в дело, когда канал вербальной связи занят или не может быть использован; 4) невербальная коммуникация формирует часть обычного ритуала в общественных ситуациях (приветствия, прощания и т.п. — всем известны соответствующие жесты); 5) невербальное поведение используется для регулирования акта коммуникации, например, механизма смены ролей говорящий/ слушающий; 6) невербальное поведение используется для самопредставления; так, говорящий может дать информацию о себе слушающим; 7) невербальные средства используются для дополнения, уточнения, тщательной разработки вербального сообщения[49].

В общем виде можно сказать, что невербальные компоненты коммуникации выполняют четыре вида функций по отношению к вербальной: усиливают ее; модифицируют ее; ей противоречат; замещают ее[50].

---

[48] См.: *Горелов И.Н.* Указ. соч. С. 9—11.

[49] *Argule M.* New Developments in the Analysis of Social Skills // Nonverbal Behavior, ed. A. Wolfgang. Applications and Cultural Implications. N.Y. P. 139—158.

[50] См.: *Weiss D.* Konversationanalyse: Materialen zu einer sprachlichen Interaktionsgrammatik // Slavistische Linguistik 1980. Slavistische Baiträge. B. 147. Verlag Otto Sagner. München, 1981.

Важно подчеркнуть еще один момент, особенно интересный для показа взаимодействия двух рассматриваемых каналов связи. Роль паралингвистических средств состоит не только в том, что они заменяют и дополняют вербальные средства коммуникации, но и в том, что они оказывают влияние на строение последних, усиливая аналитизм в структуре языка у тех разновидностей устной речи, которым свойственна непринужденность, раскованность и которые особенно тесно спаяны с жестами и мимикой[51].

2. Обратимся к другому важному невербальному компоненту коммуникативного акта — конситуации. Опора на конситуацию (конситуативность) также наиболее характерна для личного неофициального общения. При этом такую же роль, как опора на конситуацию, играет наличие общей апперцепционной базы ПК[52]. Очевидно, что для публичной речи опора на конситуацию не характерна, она свойственна лишь некоторым ее жанрам (например, спортивный комментарий). В публичном общении, как правило, вербальный компонент выступает как самодостаточный, он должен быть понятен без всяких обращений к иным каналам и средствам коммуникации.

Для строения КА большую роль играет наличие/отсутствие связи между содержанием речи и ситуацией ее протекания. Эта связь обнаруживается как важный фактор, влияющий на соотношение вербального компонента с невербальным в акте коммуникации. А именно: если тема речи не связана с конситуацией, то вербальный компонент, естественно, не имеет опоры в конситуации (кроме, возможно, вставных реплик, обращенных к обстановке); если тема речи связана с конситуацией, то речь оказывается в высокой степени конситуативной, сплавленной с ситуацией, что оказывает большое влияние на ее строение. Выделяются два подвида такой конситуативно обусловленной речи: речь-сопроводитель и речь-комментарий. Подобные акты коммуникации протекают не только как вербальные или невербальные, но и как смешанные. При этом вербальный компонент может выступать лишь как дополнительный компонент деятельности партнеров комму-

---

[51] См. наблюдения Е.В. Красильниковой: Русская разговорная речь. М., 1983.

[52] Влияние конситуации и общей апперцепционной базы ПК на строение речи рассматривалось многократно. См. примеры: (На даче, где бумажный мусор принято сжигать. Разговаривают родственницы А. и Б. А. берет в руки мокрую бумагу и собирается ее положить в пакет, где лежит сухая, предназначенная для сжигания. Б. видит это) Б: Ой! Мокрую не надо Кать! Сухая не будет гореть// (не названо ни слово *бумага*, ни глагол *класть*, ничего, что дано конситуацией и общностью апперцепционной базы; участникам КА ясно, что бумага будут жечь и что из-за мокрой бумаги не будет гореть и сухая);

(Обычный бытовой диалог между женой (Т) и мужем (К), при котором присутствует их знакомая (А). Муж готовит омлет, а женщины дают советы) Т: Коля! Ну как у тебя там? К: Ничего// Т: Перевернул? К: Нет// А как? Т: Ну сейчас я... (неохотно отрывается от своих занятий) А: Мне кажется он сочнее когда не переворачивать// Сейчас многие так делают// А то он суше//. Во всем разговоре предмет речи (омлет) не упоминается так же, как слова *жарить, готовить, плита* и т.п.

Ср. замечание И.Н. Горелова: "Сам механизм учета в акте коммуникации совместно с партнером ситуативных условий — это один из видов совместной деятельности, делающий ненужным номинацию того или иного элемента реальности (рождение конситуативного эллипсиса)" (*Горелов И.Н.* Указ. соч. С. 83).

никации, тогда как именно невербальные действия и составляют цель взаимообщения, интеракции.

Если рассматривать речь в связи с тем, какую роль она играет в акте общения, то получим континуум такого вида:

Речь — основное средство общения	Речь — одно из средств общения	Речь — комментарий событий, данных в конситуации	Речь — сопроводитель действий партнеров коммуникации

И речь-сопроводитель,, и речь-комментарий обладают высокой степенью эллиптичности, повышенным употреблением местоимений и других дейктических слов. Оба этих вида речи широко распространены в личном неофициальном общении: (Два брата собирают разборный шкаф) А: Сюда—сюда/ сильнее// Б: (двигает доску, стремясь попасть в отверстие) Левей—левей// Не лезет// (Б. отодвигает дверцу, переворачивает ее) А: Нет/ не верти// Давай снова! Еще чуть-чуть/ жми—жми// не сломай! Осторожно//

(А. и Б. — две женщины. А. собирается мыть голову. Запись ведет В., которая находится рядом) А: Полей мне на голову/ а то из душа холодная [вода]// Б: Ладно/ позови меня тогда// (уходит) А: (кричит) Приходи через пять минут// Б: (приходит) Ну/ куда лить? А: Вот/ я смешала// [холодную и горячую воду] Б. (льет) А: Помедленнее/ еще медленнее// Так хорошо// Теперь сюда/ на затылок// Б: (льет) У тебя мыло за ушами// (льет) А: Там еще много? [воды осталось] Б: Да// А: Ну лей еще// Б: (льет) Хватит//

Речь-комментарий текущих событий наблюдается и в официальном общении (ср. такие жанры радио, телевидения как спортивный комментарий футбола, хоккея и под.) и в неофициальном (люди наблюдают что-либо, смотрят в окно, разглядывают и обмениваются репликами).

Речь-сопроводитель и речь-комментарий широко употребляются при разных играх, которые и составляют цель интеракции (шахматы, теннис, футбол, лото, домино и под.) как в официальных, так и в неофициальных условиях.

Влияние конситуации на общение сказывается и в других случаях. Если тема речи не связана с конситуацией, конситуативная тематика может вклиниваться в речь. Нередко при этом разговор проходит по двум (или более) тематически не связанным линиям. Например, готовят обед, собирают ягоды, шьют, гуляют, одновременно разговаривают о жизни, кинофильме, спорте, общих знакомых, детях, книгах и т.п., например: (Трое — две женщины — Б. и В. и мужчина А. гуляют по берегу озера. Разговор идет о шахматных соревнованиях — матче между сборной СССР и сборной мира). А: Очень интересно/ как этот матч пройдет// Б.: А кто с той стороны играет? А: Да виднейшие гроссмейстеры// (перечисляет фамилии) В: *Ой! смотрите какие утки!* (показывает на озеро). А: *Они здесь недавно// Привезли наверно//* (продолжает о шахматах) Они Каспарова высоко ценят// А ему всего двадцать лет// Ср. другой случай, когда роль конситуации играет предмет (газета), попадающий в поле внимания собеседников: (В Кры-

му на пляже мужчина — завсегдатай этих мест (А.) рассказывает своим знакомым (Б. — женщина, В. — мужчина) о погоде и проч. В этот разговор вклинивается тема шахматного матча Карпов—Каспаров) А: Если западный ветер/ теплую воду угонит// На несколько градусов похолодает// В: Сколько же бывает? А: Двенадцать// А потом снова/ в один день может назад пригнать// [теплую воду] Б: (видит в руках у А. газету) *Сергей Иваныч! У тебя газета// Не знаешь/ как матч идет?* А: *Карпов выиграл*// Б: *Один — ноль?* А: *Да-а*// *Пока так*// Если дождь пройдет/ грибы пойдут// По склонам// Б: Какие же? А: Белые такие// В: Шампиньоны? А: Нет// Крепкие// Их жарить можно/

3. Важными компонентами конситуации являются технические средства передачи информации, например, микрофон и телефон. Речь в микрофон обычно используется при коллективной официальной коммуникации. По нашим предварительным наблюдениям, наличие микрофона влияет определенным образом на говорящего. Он оформляет свою речь более тщательно. Это касается прежде всего фонетики (для речи в микрофон характерно "дикторское" произношение), а также синтаксиса (меньше перестроек на ходу, самоперебивов, поправок, колебаний и проч.). Вот как характеризуют действие микрофона на актеров-чтецов по радио: «Для театрального актера мхатовской школы микрофон, становясь объектом внимания, по привычке превращался в "четвертую стену". Радиокритика 30-х годов писала, что эта "четвертая стена" действовала в студии гипнотически, вызывая боязнь перемены позы, расстояния от микрофона... Внутренняя свобода, обусловливающая необходимое рабочее состояние, даже с опытом возникала крайне редко» (*Шерель А.* У микрофона — Качалов).

Речь по телефону также отличается от визуального общения. Жесты и мимика не могут использоваться как полноправные средства коммуникации: возрастает роль контактоустанавливающих средств (проверка канала связи и проч.), уменьшается эллиптичность.

4. Своеобразным компонентом конситуации являются люди, не участвующие в речи, но присутствующие при общении (третьи лица). Это могут быть как чужие, так и свои люди, случайно или не случайно оказавшиеся "частью обстановки". Наличие третьих лиц по-разному влияет на говорящих. В общем виде можно выделить следующие случаи. Присутствие посторонних ослабляет степень непринужденности разговора. Некоторые виды третьих лиц специфически влияют на собеседников, меняя и тематику, и форму выражения. Так, взрослые при детях, мужчины при женщинах говорят иначе, чем без них. Ср. обычные предостережения типа: Разве можно при детях?", "Здесь же дети/ женщины" и т.п. Существуют случаи, когда разговор фактически бывает направлен присутствующему третьему лицу (третьим лицам), хотя формально собеседником является другой человек[53] или даже животное[54].

---

[53] Вот обычные примеры: (Обращаясь к ребенку) "*А папа наш очень любит телевизор смотреть*", жена упрекает мужа, что он не помогает по хозяйству; желая завязать знакомство с молодой женщиной, незнакомый заговаривает с ее ребенком.

[54] Речи, обращенные к собаке или кошке, нередко могут быть адресованы ее хозяевам (см. статью О.П. Ермаковой в этом же сборнике).

5. Рассмотрим, как связан важнейший признак устной речи — неподготовленность, о котором говорилось, с разными видами устной речи. Неофициальное общение, которое осуществляется на РР или просторечии, протекает как полностью неподготовленное. Даже если участники разговора обдумали заранее предмет речи, беседа идет как импровизация, ибо непринужденность общения, неожиданность реакции собеседников не дают осуществляться запланированному. Что касается КЛЯ, т.е. речи, связанной с официальным общением, то одни виды устного КЛЯ (такие, как лекция, доклад, публичное выступление, ответ на экзамене и т.п.) предполагают известную степень подготовки, тогда как другие могут быть полностью неподготовленными (выступление в публичной дискуссии, например, иногда протекает как полная импровизация). Однако и обдуманная публичная устная речь, если оратор говорит, а не читает, реализуется как импровизация, так как ее оформление средствами языка происходит в момент ее произнесения[55]. Устная форма не дает говорящему возможности "зачеркнуть" сказанное, изъять его, заменив другим, что мы делаем постоянно при порождении письменного текста. Итак, с нашей точки зрения, хотя признак неподготовленность по-разному обнаруживается в разных видах устной речи, он присущ всем ее видам. Особую роль в шкалировании признака "неподготовленность" играет фиксированность темы. Очевидно, что фиксированная заранее тема увеличивает степень подготовленности речи и соответственно ослабляет ее импровизированный характер. Существует определенная связь и между фиксированностью темы и официальностью сообщения. Тема бывает фиксирована обычно в официальных условиях общения, тогда как общение неофициальное протекает, как правило, по произвольной тематике. Фиксированность темы при непринужденном раскованном общении, по нашим наблюдениям, очень часто нарушается. Дело в том, что в неофициальном общении, даже если планируется, назначается обсуждение чего-то (поговорим о покупке автомобиля, дачи, летнем отдыхе и т.п.) или рассказ о чем-то, то внутри этой заданной темы возможны и часто возникают отходы, отступления. Отступления от основной темы, конечно, имеются и в официальных выступлениях по заданной (заявленной) теме, но там они имеют нередко планируемый характер, хотя в отдельных случаях могут возникать и спонтанно.

Фиксированность темы противопоставлена свободному тематическому развитию текста, которое наиболее органично связано с неподготовленной непринужденной речью. Непринужденная неделовая речь допускает прихотливые и многообразные возможности тематического развития. Часто речь движется по признаку ассоциативного присоединения, используя словечки типа *кстати*, обороты *А вот еще я знаю случай, Со мной тоже была история, У меня еще лучше/интереснее/смешнее/забавнее... было* и т.п. Вопрос о характере тематического развития свободного разговора нуждается в изучении. Оче-

[55] Аналогичного мнения придерживаются В. Барнет и О.А. Лаптева, которые пишут об устной публичной речи, что она представляет "собой продукт сиюминутного речетворчества" (*Барнет В., Лаптева О.А.* Указ. соч. С. 46).

видно, что одна из основных движущих сил сцепления тем в таком разговоре — закон ассоциативного присоединения. Это ассоциативное присоединение может быть для говорящих и очевидным, и подспудным. В подобном случае могут возникать вопросы как у слушающего, так и у говорящего, относящиеся к логике развития разговора, особой сфере метакоммуникации: *А почему ты об этом заговорил(а)? Почему ты это вспомнил(а)? Что это тебе пришло на ум?* Или же говорящий задает само-вопросы и дает объяснения: *Почему я вдруг об этом вспомнил? Ага/ это мне вот что напомнило.* Импульсом для возникновения ассоциаций могут быть контекст (I) и конситуация (II). (I) А: Где вы летом будете? Б: На Рижском взморье// А: А как Катя поживает/ Верина? Довольна факультетом? Б: Да// *Что это ты Катю вспомнила?* А: Да-а мы ведь с ней там на взморье познакомились// (II) (двое идут по улице под дождем) А: Ну и льет сегодня! Б: Да/ как прорвало! А: Ты видел фильм "Шербурские зонтики"? Б: *Что это ты вдруг?* А: Да там дождь все время// И зонты//; (разговор в метро; двое едут на работу) А: У нас сегодня собрание// Я задержусь// Б: А я сразу домой// А: Какой чемодан нам лучше в Крым взять? Б: *Что ты о чемодане вспомнила?* А: Да вон сидит с чемоданом/ я и подумала/ пора уж собираться//

Ср. диалог из пьесы М. Булгакова "Дни Турбиных", в котором Елена спрашивает Шервинского, почему он неожиданно вспоминает о ее муже:

"Елена. Нет, нет, мой сон вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно-холодно. Волны. А мы в трюме. Вода поднимается к самым ногам... Влезаем на какие-то нары. И вдруг крысы. Такие омерзительные, такие огромные. Так страшно, что я проснулась.

Шервинский. А вы знаете что, Елена Васильевна? Он не вернется.

Елена. Кто?

Шервинский. Ваш муж.

Елена. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

Шервинский. Мне-то большое дело. Я вас люблю.

Елена. Слышала. И все вы сочиняете.

Шервинский. Ей-богу, я вас люблю.

Елена. Ну и любите про себя.

Шервинский. Не хочу, мне надоело.

Елена. Постойте, постойте. *Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?* (курсив наш. — *Е.З.*).

Шервинский. Потому что он на крысу похож".

Импульсом для изменения темы, включения новой темы могут быть также ассоциации, порождаемые словесными образами текста, каким-нибудь словесным оборотом, в частности, сравнением. Например, разговор о ленинградском театре юного зрителя переходит на разговор о вокзалах из-за сравнения здания театра с вокзалом: А: А театр противный// Внутри// *На вокзал/ знаете/ похож*// (курсив наш. — *Е.З.*) Холодный... В: Я никогда не была в нем внутри// А: А? Витебский вокзал! В: Витебский вокзал тоже для меня тайна// А: Стоит в поле/

этот... коробчатый... такой... дом/ ведь... бетон! [рассказывает о здании театра] В: *Мы вообще в ваших вокзалах честно говоря запутались*// Вот... Павловск с какого вокзала?"[56].

6. Чтобы установить, как именно влияют разные признаки ситуации на речь, необходимо разработать типологию ситуаций. Для этого следует изучить корреляции между отдельными признаками конситуации, ее структурой, между признаками партнеров коммуникации и вербальной частью. Это важнейшая задача изучения живой устной речи.

Перечислим признаки коммуникативного акта (КА), связанные с конситуацией и оказывающие влияние на построение речи:

Характер коммуникации	Официальная/неофициальная
Вид коммуникации	Личная/публичная
Подвид публичной коммуникации	Коллективная/массовая
Связь КА с конситуацией	Есть/нет
Речь-сопроводитель действий КА	Да/нет
Речь-комментарий текущих событий	Да/нет
Место КА	Дом, улица, магазин, театр, вокзал, ...
Повторяемость ситуации[57]	Высокая/средняя/нет

Как видно, названные признаки могут получать значения разного рода: 1) взаимоисключающие (типа да/нет), 2) варьирующие по шкале больше-меньше, 3) реализующие разные признаки (место: дом, улица, кинотеатр, магазин и т.п.).

Подведем итог, перечислив охарактеризованные разновидности городской устной речи. Выделение разновидностей устной речи производится по ряду противопоставленных признаков. Каждый признак дает разбиение на два вида, т.е. действует дихотомически. Выделенные разновидности речи далее получают характеристику по другим признакам, что приводит к дальнейшему более дробному разделению, при котором каждой выделенной разновидности приписывается некоторая совокупность одного из противопоставленных признаков:

Характер коммуникации	Неофициальная/официальная
Вид общения	Публичное/личное
Неофициальное	Личное
Официальное	Личное/публичное
Наличие обратной связи между говорящими и адресатом и использование технических средств (радио, телевидение)	Публичная: массовая/коллективная
Социально-образовательная характеристика говорящего субъекта	Литературный язык (ЛЯ); Просторечие (Пр.)

---

[56] Русская разговорная речь: Тексты. С. 119.

[57] Частотная, повторяющаяся ситуация порождает стереотипические (шаблонные) формулы выражения. См.: Русская разговорная речь: Тексты. С. 269–305.

Литературный язык в зависимости от характера коммуникации[58] подразделяется на	Кодифицированный литературный язык (КЛЯ); Разговорный литературный язык (РЯ)

Следовательно, названные разновидности устной речи осуществляются на следующих формациях: литературный язык (КЛЯ или РЯ), просторечие (Пр.). Соответственно выделяется пять основных разновидностей устной городской речи (в скобках указан способ реализации данной разновидности): неофициальная личная речь (РЯ), неофициальная личная речь (Пр.), официальная личная речь (КЛЯ), массовая публичная речь (КЛЯ), коллективная публичная речь (КЛЯ).

Реже коллективная публичная речь и отдельные виды массовой коммуникации (например, интервью) могут осуществляться на просторечии или на просторечии с вкраплением элементов книжного литературного языка.

Учет действия других рассмотренных факторов позволяет выделить иные, менее крупные, разновидности устной речи. Назовем некоторые из них.

С точки зрения соотношения речи и конситуации (функции вербального компонента в структуре коммуникативного акта) выделяются коммуникативные акты, вербальная часть которых играет основную роль в общении (обмен информацией, мнениями, переживания, остроты, словесные шутки и т.п.), вербальная часть которых периферийна (речь-сопроводитель, речь-комментарий).

Эти подразделения существенны для речи официальной и неофициальной, личной и публичной, массовой и коллективной.

С точки зрения сопряженности КА с частотной/нечастотной конситуацией выделяется речь стереотипическая/свободная (и та, и другая может быть официальной и неофициальной). В зависимости от характера частотной конситуации речь стереотипическая подразделяется на городские стереотипы/формулы речевого этикета.

Рассматривая роль тех или иных факторов в дифференциации устной речи, мы не касались важнейшего признака устной речи — неподготовленности. Как говорилось выше, этот признак имеет шкалированный характер, поэтому реальная речь предстает перед нами не только в виде полностью неподготовленной/полностью подготовленной, но и нередко в виде подготовленной в известной степени. Можно предложить такое подразделение: речь полностью неподготовленная (весь массив неофициальной личной речи и некоторые виды официальной личной и публичной речи); речь на известную заранее тему; речь по обдуманному плану; речь по теме, по которой имеется письменный текст; речь, отдельные части которой обдуманы и/или подготовлены.

Кроме того, при изучении степени подготовленности речи следует учитывать такой фактор, как повторяемость/неповторяемость ситуации (см. подразделение: речь свободная/речь стереотипическая). Речь в повторяющихся ситуациях, т.е. стереотипическая, даже в

[58] Просторечие не имеет подобного подразделения.

том случае, если данная ситуация для говорящего возникла неожиданно, характеризуется большей подготовленностью, так как допускает использование готовых, уже известных говорящему речевых формул, применение которых облегчает говорение.

Изучение видов речи, обладающих разной степенью неподготовленности, покажет, какие именно элементы признака неподготовленность и как именно влияют на построение речи. Очевидно, что не все факторы из названных имеют одинаковый вес и не все они могут быть учтены в равной мере при современном состоянии изучения городской речи. Варьирование многих признаков не дает четкого разбиения устной речи на резко противопоставленные группы. Например, как влияют возрастные характеристики говорящего? Достаточно ли разбиения на три группы (молодежь, средний возраст, старики), или надо делить на более дробные группы? Требует изучения характер корреляции многих прагматических признаков с лингвистическими особенностями речи. Например, сказываются ли профессиональные и возрастные различия только в лексике, номинациях, ударении или и в явлениях другого рода? Сколь существенно для русского языка противопоставление мужская/женская речь? Эти и многие другие вопросы ждут изучения.

Примечание. Дифференциацию устной речи на типы в связи с различным соотношением признаков коммуникативного акта ведут исследователи разных языков. Представляют интерес схемы разновидностей речи, построенные как многомерные модели, варьирующиеся по шкале больше—меньше. Так, например, Фред Карлссон строит схему финской речи, характеризуя различные виды устной и письменной речи как изменение ряда параметров по шкале больше—меньше. Он использует такие параметры: канал (устный—письменный); социальный статус (выше—ниже), возраст (выше—ниже), формальная (официальная) ситуация (более—менее), выделяя следующие четыре формации: книжный (литературный) язык (kirjakieli), общая разговорная речь (yleispuhekieli), просторечная (будничная) разговорная речь (arkipuhekieli), диалекты[59]. Каждая из этих формаций предстает как меняющаяся в зависимости от изменения формирующих ее параметров. В результате создается не дискретное разбиение на языковые формации, но "скользящее" разбиение всего массива языка на такие формации, каждая из которых включает множество составляющих (в зависимости от изменения возраста говорящих, их социального статуса и степени официальности ситуации).

Приведем для сравнения типологию, разработанную одним из научных центров ФРГ. Лингвисты Фрейбургского исследовательского центра разрабатывают теорию "Redekonstellationen" (совокупность факторов, определяющих разбиение речи на типы). Они изучают влияние общественной ситуации на языковое поведение внутри однородной группы говорящих. Среди экстралингвистических признаков, влияющих на дифференциацию устной речи, в качестве основных выделяются: 1) число говорящих (один/более одного); 2) отнесенность КА ко времени; 3) спаянность КА с ситуацией; 4) равноправие партнеров в акте коммуникации; 5) степень подготовленности речи; 6) мена говорящих (нулевая/относительно малая/относительно большая); 7)фиксированность темы (тема задана заранее/не задана заранее); 8) степень публичности речи (публичная/полупубличная/непубличная/частная)[60].

---

[59] См.: *Karlsson Fred.* Suomen Kielen. Porvoo—Helsinki—Juwa, 1983. S. 49.

[60] Признаки такого рода используются при описании живой разговорной немецкой речи в книге: Texte gesprochener deutschen Standardsprache, III. Alltagsgespräche. Max Hueber Verlag. München, 1975; Texte gesprochener deutschen Standardsprache, I. Max Hueber Verlag. München, 1971. S. 23—27. См. также матрицу признаков, влияющие на разбиение речи: Lehrgang Sprache. Einführung in die moderne Linguistik. Lieferung 4. Beltz Verlag. Tübingen, 1974. S. 1027—1029.

Совокупность тех или иных реализаций каждого признака создает разбиение всего континуума устной речи на шесть видов: интервью; дискуссия, тематический разговор; разговор; доклад; репортаж; рассказ.

Коммуникативные намерения говорящего

Под иным углом зрения предстает проблема дифференциации устной речи, если рассматривать ее, принимая во внимание коммуникативные намерения говорящего: что движет говорящим при построении того или иного акта речи? От коммуникативных намерений говорящего во многом зависит и собственно языковая структура акта общения, воплощение его в той или иной языковой форме. Для изучения этой проблематики большую роль играет теория речевых актов, которая интенсивно и плодотворно — вслед за классическими работами Дж. Остина[61] и Дж. Серла[62] — разрабатывается в современной лингвистике. Дж. Серл, останавливаясь на ряде признаков, прежде всего таких, как цель речевого акта, направленность речевого акта (от слова к действительности или наоборот), психическое состояние говорящего, выделяет пять основных типов речевых актов: репрезентативы, директивы (приказания, просьбы), комиссивы (обещания, клятвы, заверения), экспрессивы (благодарности, извинения, поздравления, соболезнования), декларативы (увольнения, отречения). Речевые акты делятся на прямые и косвенные (непрямые), так как нередко — в силу определенной условности (социального договора) — подлинное назначение речевого акта не совпадает с его прямым буквальным значением[63]. Хорошо известно, что многие высказывания, имеющие буквальное значение вопроса, функционируют как вежливые просьбы[64]. Фраза *Не могли бы вы передать мне соль* не есть вопрос о силах или умении передавать соль, но просьба сделать это. Ср. также обычно просьбы типа: *Не скажете, как пройти к...? У вас сигареты не найдется? У вас есть спички?* и т.п.

В теории речевых актов важнейшее значение имеет понятие, названное Остиным иллокутивная сила. Иллокутивная сила воплощает

---

[61] *Austin J.L.* How to do things with words // Cambridge (Mass.). Harvard univ. press. 1962. Vol. IX.

[62] *Searle J.R.* Speech acts. Cambridge, 1969; *Searle J.R.* A classification of illocutionary acts. // Language in Society. London, 1976. Vol. 1. P. 1—23; *Он же.* Indirect speech acts // Syntax and Semantics. N.Y.—San.—Fr.—London, 1975. Vol. 3.

[63] Яркий пример такого несоответствия намерения говорящего и грамматического оформления высказывания дает Ч. Диккенс: «Он (Джонас) написал записку насчет чемодана и послал с ней посыльного, который вскоре вернулся с вещами и запиской от другой его движимости — жены, выразившей желание, чтобы ей позволили повидаться с ним на минуту. На эту просьбу он ответил: "Пусть попробует!" и поскольку это лаконическое утверждение *выражало отрицание, хотя и вопреки всем правилам грамматики,* — она не посмела прийти (курсив наш. — *Е.З.*)» (*Диккенс Ч.* Жизнь и приключения Мартина Чезлвита, перевод Н. Дарузес).

[64] Между вопросительными высказываниями и категорией вежливости наблюдается тесная связь в языках разных типов у народов разных континентов. Использование вопросительных конструкций в разнообразных "ситуациях вежливости" рассматривается как языковая универсалия. См. интересное исследование: Questions and politness. Strategies in Social interaction / Ed. E.N. Goody. Cambridge. Univ. press, 1978. См.: *Brown P.* and *Levinson S.* Universals in language usage: Politeness phenomena. P. 56—310.

коммуникативное намерение говорящего. Остин предлагает различать три явления: локутивный акт (или: локуцию) — это "та сторона речевого поведения, при которой важно сообщение о чем-либо, пропозициональный или референционный акт"[65]; иллокутивная сила (иллокуция), т.е. цель речевого акта, воплощающая речевое намерение говорящего, значимость речевого акта для данного говорящего, в данном коммуникативном акте, в данной конситуации, например, просьба, вопрос, угроза, сообщение и т.п.[66]; перлокуция — неречевые результаты речевого акта (на просьбу может последовать реакция ее выполнения, угроза может остановить дурной поступок и т.п.).

Выделение понятия иллокутивная сила (акт) имело большое значение для лингвистической прагматики и теории коммуникации, так как оно показало сложные отношения между коммуникативными намерениями говорящих и их воплощением в языковых структурах. Эта теория породила целое направление в языкознании, принесшее значительные результаты[67]. В настоящее время она вступила в такую фазу, когда дальнейшее продвижение теории требует дополнения и проверки более широким материалом, а именно фактами естественной речи, ибо до сих пор эта теория разрабатывалась на несколько искусственном материале отдельных специально сконструированных высказываний[68]. Между тем устная речь — это первичный, основной вид общения. Поэтому изучение устной речи во всем ее многообразии, и прежде всего тех ее разновидностей, которые предназначены для естественного непринужденного общения, особенно важно.

Необходимо отметить и следующее. Теория речевых актов разрабатывалась на материале только английского языка. При этом молчаливо предполагалось, что выявленные закономерности имеют универсальный характер, распространяются на все языки. Однако структура речевых актов в разных языках отличается своеобразием. Национальная и культурно-историческая специфика накладывает отпечаток на строение речевых актов[69]. Именно поэтому изучение соответствующей

---

[65] *Николаева Т.М.* Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 469.

[66] Разъяснение понятия "иллокутивная сила" см.: *Т. ван Дейк.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 292 и след. См. также специальный выпуск: Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. М., 1986. Вып. 8.

[67] Обзор идей и критическую оценку этого направления см.: *Герасимов В.И., Ромашко С.А.* Прагматика устного общения // Звучащий текст / Сб. обзоров. ИНИОН. М., 1983. С. 173—217; *Безменова Н.А., Герасимов В.И.* Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. Там же. М., 1984. С. 146—196.

[68] См.: *Roulet Eddy.* Echanges, interventions et actes de langage dans la structure de la conversation // Impromptu Speech, Åbo, 1982. P. 47—70; *Он же.* L'analyse de conversations authentiques // Etudes de linguistique appliqueé. Paris, Didier, 1981. N 44. Лишь в немногих работах исследование коммуникативно-прагматической структуры текста ведется на материале записей живой речи: *Müllerová O.* Komunikativní slozky výstavby dialogického textu. Praha, 1979; *Weiss D.* Konversationsanalyse: Materialen zu einer sprachlichen Interactionsgrammatik // Slavistische Beiträge. Bd. 147. Slavistische Linguistik 1980. Verlag Otto Sagner. München, 1981. S. 202—242.

[69] См.: *Wierzbicka A.* Different cultures, different languages, different speech actes. English vs. Polish // Journal of Pragmatics. 1985.

проблематики на материале разных языков имеет большое теоретическое и практическое значение.

Обращение к материалу живой речи сразу показывает, что в теории речевых актов многое требует дальнейшего исследования.

Образует ли каждое высказывание отдельный речевой акт? Является ли число типов речевых актов замкнутым? Существует ли полное соответствие между набором глаголов, называющих разные виды говорения, и типами речевых актов? Эти и многие другие вопросы ждут ответа.

Изучение естественного общения показывает, что иллокутивная сила очень многих высказываний не совпадает с их формой. Таковы не только вопросительные высказывания, выражающие просьбу, но и многие повествовательные высказывания, констатирующие какой-либо элемент ситуации, которые, по существу, являются просьбами. Ср. например: *Звонят*// (= открой дверь); Дует// (= закрой окно, дверь); *Дети спят*//; *Папа занимается*// (=не шумите) и т.п.

Приведем пример обычного разговора, показывающий, что многие высказывания несут в себе разные иллокутивные силы, так как содержат сложные, часто нерасчлененные и не вполне осознанные самим говорящим намерения: (Жаркий летний день, на даче. Взрослая дочь (А.) говорит матери — Б.) А: Пойду твою красную майку надену// А то мне очень жарко// Б: Хорошо// А я пойду прилягу// А то меня очень в сон клонит//

Первое высказывание, информативное по форме (репрезентатив), содержит, кроме сообщения о предполагаемом действии, элемент вопроса или просьбы (= разреши надеть твою майку; можно я надену твою майку?), или извинения, которое может быть понято только из знания предситуации и предконтекста, ибо до этого был разговор, что майка плохо сидит (= прости, что я, зная твое мнение, что майка мне велика, пренебрегаю им), и которому дается обоснование (*А то мне очень жарко*). Реплика Б. — это и сообщение (репрезентатив) и просьба не входить в комнату, не мешать спать (директив), и обоснование своих действий (*А то меня очень в сон клонит*).

Понять полный смысл многих речевых актов можно только, учитывая строение не отдельных высказываний, но всего акта коммуникации, зная контекст и конситуацию, отношения между партнерами коммуникации, принимая во внимание роль невербального компонента. Необходимо учитывать, что наряду с речевыми актами, которые служат для выражения иллокутивной силы, имеются такие, которые лишь сопровождают целенаправленные действия партнеров коммуникации.

Особое внимание должно быть направлено на изучение способов выражения метакоммуникативной функции, т.е. средств, обращенных на выявление иллокутивной силы высказывания, ибо она не всегда очевидна. Для русского языка типичны вопросы: *Что ты хочешь сказать? Что ты имеешь в виду?*

В этом отношении показательны диалоги, в которых вторая реплика содержит прямой вопрос о коммуникативном намерении говорящего. Вот несколько диалогов мужа (А) и жены (Б): А: Я завтра приду очень поздно// Б: *Это что? Угроза?*// А: — Ты что-то

слишком нарядилась? Б: *На что ты намекаешь?*; А: — Петька опять двойку получил// Б: *Ты мéня упрекáешь?*

В реальной речи возможно нарушение условий применения косвенных речевых актов, когда слушающий не понимает или делает вид, что не понимает речевого намерения говорящего, а реагирует на буквальный смысл фразы. В первом случае нарушение конвенции употребления объясняется плохим знанием законов употребления данного языка. Так, в ответ на слова француженки-преподавателя французского языка "Voules-vous lire?" ее взрослый русский ученик отвечал неоднократно "Non, je ne veux pas", пока не понял, что это совсем не вопрос, а вежливое побуждение. Конвенциального смысла речи часто не понимают дети. Вот разговор бабушки и внучки, наглядно иллюстрирующий это: А: Леночка! Будь здоровая! Л: Буду! (сама добавляет) И еще счастливая// И еще храбрая// А: И еще умная! Л: Буду// А: И еще какая? Л: (возмущенно) Хватит//

Сознательное нарушение правил общения может расцениваться как шутка или грубость, наглость[70]:

— Можно вам предложить чашечку кофе? — Можно/ но не нужно// я кофе не пью//; (в семье за завтраком, младший брат обращается к старшему) Мишарик! Перебрось мне молочничек! (тот бросает, молоко проливается на стол, М. с улыбкой) Но ты же сам меня просил перебросить//

Говоря о необходимости выявления иллокутивной силы каждого высказывания, необходимо учитывать, что имеются речевые акты, наделенные специфической целью. Если принять за истину, что все иллокутивные силы получают выражение в глаголах естественного языка (ср. *просить, приказывать, угрожать, обещать, назначать* и т.п.), то глаголы (*острить, шутить, болтать, трепаться* также обозначают специфические речевые акты. Болтовня, шутка как будто бы не посвящены никакой прагматической цели, никакой определенной теме, ни получению информации, ни выяснению каких-то вопросов. Это просто балагурство, "треп для трепа", для убивания времени, из желания понравиться, произвести впечатление или острословие, порождаемое желанием пошутить, для реализации хорошего настроения и эстетического намерения говорящего[71]. В последнем случае получает осуществление поэтическая функция языка.

Изучение реального функционирования устной речи предполагает исследование стратегии и тактики партнеров коммуникации в процессе общения. Определенный интерес в этом отношении имеют идеи Грайса, разработавшего так называемые постулаты общения[72]. Исходя из основного принципа общения, который он называет принципом со-

---

[70] Примеры нарушений подобного рода из естественной речи приводит Т.В. Булыгина. См.: *Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981. N 4. С. 338; см. также характеристику коммуникативно-экспрессивных "игр" современных носителей литературного языка: *Винокур Т.Г.* Указ. соч. С. 144—145.

[71] См. гл. Языковая игра в кн.: Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983.

[72] См.: *Grice H.P.* Logic and conversation // Syntax and Semantik. N.Y. etc. 1975 Vol. 3. P. 41—48.

трудничества, Грайс выделяет четыре категории постулатов (максим): постулат количества или информативности ("говори так, чтобы твой вклад в беседу был достаточно информативным", "не говори лишнего"); постулат качества или истинности ("говори правду"); постулат релевантности ("говори то, что относится к делу"); постулат способа выражения ("говори ясно", "говори коротко", "избегай двусмысленностей"), которые регулируют речевое поведение людей[73]. Кроме этих постулатов Грайс выдвигает понятие импликатуры — той части информации, которая может быть извлечена из данного высказывания собеседником. Для нас особый интерес имеют импликатуры общения (импликатуры дискурса). Они дают возможность говорящему не называть словами то, что может быть выведено слушающим из речи, т.е. понять коммуникативное намерение говорящего, "вычислить", что он имеет в виду, когда говорит что-либо.

С такого рода импликатурами мы постоянно имеем дело, "разгадывание" их обычно не составляет труда для говорящих. Так, если вы пригласили приятеля в кино, а он вам ответил, что у него завтра экзамен, вы без труда понимаете, что он отказался идти с вами в кино, что он дал вам отрицательный ответ. Однако, с точки зрения постулатов Грайса, этот диалог выглядит как бессмысленный, ибо в ответ на приглашение в кино следует сообщение об экзамене, а по поводу приглашения никакой реакции нет. Таким образом, здесь внешне нарушается постулат релевантности. Однако на самом деле в этом и многих других случаях остается не выраженным то, что ясно, а именно: у меня экзамен, ergo: я должен готовиться, ergo: у меня нет времени, ergo: я в кино не пойду, т.е. говорящий пропускает несколько объяснительных звеньев, давая лишь мотивировку[74].

Отметим, что кроме словесного наполнения реплики играет роль и интонация, тон, взгляд и т.п. Если приятель отвечает неуверенным тоном: *Вообще-то у меня завтра экзамен...*, его ответ может расцениваться как согласие, хотя и даваемое с оговоркой.

Сопоставляя постулаты Грайса с тем, как реально идет неподготовленное непринужденное общение, важно подчеркнуть следующее. Реальная живая речь сложнее, чем те закономерности, которые описывают лингвисты и философы. Люди не всегда говорят с вполне определенной и единственной целью, чтобы достичь какого-то определенного результата; не всегда бывают краткими, ясными, непротиворечивыми, правдивыми, т.е. они нарушают максимы Грайса на каждом шагу[75]. Отсюда можно сделать выводы: постулаты Грайса скорее характеризуют то, как должно вести разговор, чем то, как происходит

---

[73] Обсуждение постулатов Грайса см. в ряде работ: *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. N 4. С. 353; *Булыгина Т.В.* Указ. соч. С. 338; *Герасимов В.И., Ромашко С.А.* Указ. соч. С. 175—181; *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. С. 42—47.

[74] Подробный анализ того, как идет понимание обычной "свернутой" речи составляет содержание ряда специальных работ: *Morgan J.L.* Two types of convention in indirect speech acts // Syntax and Semantics. N.Y., 1978. Vol. 9. P. 261—280.

[75] Аналогичного мнения придерживаются Ф. Данеш и О. Мюллерова. См.: *Daneš Fr., Müllerová O.* Op. cit. С. 326—327.

реальное естественное общение; законы построения реального естественного разговора еще требуют изучения.

Покажем, как происходит нарушение постулатов Грайса в обычной естественной речи.

Очень часто нарушается постулат количества. Свидетельством этого служат такие привычные замечания: *Не тяни! Не тяни резину! Ближе к делу! Короче! Да покороче ты!* и т.п.

Постулат релевантности также нередко нарушается говорящими. Особенно это заметно в некоторых типичных ситуациях, например, при указании дороги: (разговор двух прохожих на улице) А: К "Детскому миру" как пройти? Б: (задумчиво повторяет) К "Детскому миру"// *Как бы вам получше объяснить*// Идите прямо// Налево не сворачивайте// Там будет "Металлоремонт"// И направо не надо// Там на углу цветочный магазин// *Я там всегда цветы покупаю*// *У них часто бывают гвоздики хорошие*// Идите все прямо-прямо// А потом/ третий переулок направо/ вот он вас и выведет// Сами увидите//

Этот текст показывает, как обычно люди дают объяснения. Все выделенное совсем не нужно спрашивающему. Собеседники, как правило, легко отсеивают лишнее, только иногда раздражаясь, когда им сообщают не то. В таких случаях возможны реплики: *Зачем вы мне это говорите? Я про гвоздики не спрашивал.* Однако появление подобных реакций сдерживают правила вежливости.

От случаев нарушения постулата релевантности, когда лишнее играет роль балласта, упаковочного средства, но не несет никакой нужной информации, следует отличать прямое и резкое нарушение постулата релевантности, используемое как средство уклониться от ответа, от выражения своего мнения. Последнее прочитывается как отрицательный ответ, являясь "импликатурой общения" — средством дать понять что-то без слов, намеком. Примеры подобного рода не редки[76].

Ты считаешь ее красивой? — *Она хорошо одевается*//; (за обедом к салату подано два вида масла — горчичное и подсолнечное. Идет спор, какое вкуснее)— Коля! Ты лю́бишь горчичное масло? — (улыбаясь) *Я его е́м*// ('вынужден', 'не хочет обидеть жену, которая его любит').

Оба ответа могут быть поняты как сознательное нежелание выразить отрицательное мнение. Ср. также: — Вы довольны своей аспиранткой? — *У нее маленький ребенок/ и она все время болеет*//

В естественном общении нередко нарушают постулат информативности, что может приводить к коммуникативным неудачам. Вот типичный диалог: А: Пойдешь в кино? В: (не отвечая, задает встречный вопрос) *А на что?*

В подобных случаях могут возникать конфликты: А: Будешь есть салат? Б: *Когда?* А: На ужин// Б: *А когда?* А *Какая тебе разница/ когда*// Скажи/ будешь или не будешь// Мне важно/ сколько готовить//

Постулат способа выражения (или манеры), т.е. требование говорить ясно и недвусмысленно, также нарушается в обычной речи

---

[76] См.: *Булыгина Т.В.* Указ. соч. С. 339.

весьма часто. Непринужденная речь, опирающаяся на ситуацию и общность апперцепционной базы собеседников, в высшей степени эллиптична. Она совмещает длинноты, "разжевывание" ясного с недообъяснением многого необходимого. Нередко говорящий даже не дает себе труда задуматься над тем, что может быть не понятно: (Разговор между двумя женщинами-сослуживицами. Каждая сидит за своим рабочим местом) А: Вот если будет не 75 а 77/ то я умру совсем// Б: Чего 75? Лет? А: *Да* нет/ это я о страницах/ вот в статье// (перелистывает статью); А: (подходит к окну и смотрит на термометр) Так/ сейчас десять// (имеет в виду: градусов) Б: Что ты Машенька! Сейчас двенадцать (глядит на свои часы)//

Приведем пример, в котором причиной непонимания того, о чем спрашивается, служит разнообразие предситуации[77], эллиптичность вопроса и многозначность русского *как*. Отвечающий понимает вопос, опираясь на одну предситуацию, спрашивающий имеет в виду другую: (Разговор в санатории между мужчиной-химиком (А) и женщиной-англистом (Б) А: Как хрен? Б: A horse-radish// А: Нет/ я спрашиваю/ вкусный? (А. перед этим угостил Б. хреном) Б: А-а! А я думала/ вы хотите знать/ как по-английски// (обращаясь к Б., поясняет) Мы говорили о разных названиях и я давала переводы// (к А.) Очень!

Особенно характерно для неподготовленной непринужденной речи использование личных и указательных местоимений (*он, она, оно, они; этот, эта, это, эти*) без антецедента.

Здесь обычно выделяется два случая: то, о чем говорится, присутствует в конситуации; то, о чем говорится, дано в общности апперцепционной базы говорящих[78].

Отметим, что в непринужденной речи, стоящей за пределами литературного языка, употребление местоимений без опоры на текст и конситуацию распространено еще больше. Так, оно широко свойственно русскому просторечию[79]. В просторечии говорящий часто не учитывает, знает ли слушающий о чем/ ком идет речь, имеет ли он не только общую апперцепционную базу, но хотя какие-нибудь представ-

---

[77] Интересный случай коммуникативной неудачи, объясняемой тем, что один партнер коммуникации имеет в виду ближайшую предситуацию, а другой — отдаленную, приводит Н.М. Карамзин: "Г. Профессор Брейтингер, с которым я еще не видался по возвращении своем из Шафгаузена, встретился мне в толпе народа, когда уже кончилось ученье Цюрихской милиции, и после первого приветствия спросил, каково показалось мне виденное [выделено автором. — *Е.З.*] мною? Я думал, что он говорит о падении Реина ... и с жаром сказал ему: ах! Кто может описать великолепие такого явления? Надобно только видеть и удивляться. "Это были наши волонтеры" — отвечал мне Господин Профессор и с поклоном ушел от меня. Тут я понял, что он спрашивал меня не о падении Реина, а об ученьи Цюрихских солдат; каковым же ему показался ответ мой? Признаться, я досадовал и на себя, и на него, и хотел было бежать за ним, чтобы вывести его из заблуждения, столь оскорбительного для моего самолюбия" (*Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 116—117).

[78] Это явление типично для разговорной речи разных языков. См. анализ так называемого экзофорического употребления местоимений третьего лица (he, she, it) и that в английской PP: *Thavenius C.* Exophora in English conversation. A study of third person pronominal reference. Impromptu Speech, Åbo, P. 291—305.

[79] См.: *Земская Е.А., Китайгородская М.В.* Наблюдения над просторечной морфологией. Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984.

ления о ком или о чем говорится[80]. Поэтому часто возникают недопонимания, переспросы: Он пришел и говорит// — *Кто он-то?*; Я ему дала пять рублей/ а она мене выговаривает// —*Кто она?*

Итак, естественная неподготовленная непринужденная речь, движимая законами линейного развертывания и семантического синкретизма, часто не следует постулатам Грайса. Сознательное нарушение постулатов Грайса может использоваться как средство комизма[81].

Роль постулатов Грайса, как можно думать, значительнее в речи подготовленной, тщательно организованной, продуманной, т.е. в речи письменной, построенной по правилам кодифицированного литературного языка. Из разновидностей устной речи им больше подчиняется речь публичная, чем личная. Но наиболее ярко постулаты Грайса обнаруживаются в языке массовой коммуникации. О тех высоких требованиях простоты, ясности, доступности, которые должны составлять неотъемлемую часть языка массовой коммуникации писал Г.В. Степанов:«Использование средств массовой информации (печать, радио, телевидение, звуковое кино), не изменяя общей стратегии речевого акта (сообщить что-то и убедить в чем-то), значительно усложняет задачу "говорящего", ведь "адресат" у него теперь не один человек, а миллионы читателей, слушателей, зрителей. Не вдаваясь в подробности структуры такого вида общения, отмечу только, что выбор языковых средств выражения и убеждения осуществляется здесь с большой строгостью и ответственностью, поскольку требования доступности, понятности и ясности повышаются. Чем больше людей вовлекаются в акт коммуникации, тем более универсальной, общей должна быть форма сообщения. Только единый литературный язык может возвыситься над десятками диалектов и наречий, сотнями говоров и объединить миллионы читателей и слушателей единым пониманием и восприятием сказанного»[82].

Необходимо отметить, что наряду с принципом сотрудничества, провозглашенным Грайсом, в общении большую роль играет и принцип соперничества, который ведет к спорам, полемике, конфликтам и проч. Например, А.К. Соловьева выделяет кроме диалогического унисонона и такие разновидности диалога: спор, конфиденциальное объяснение, эмоциональный конфликт (ссора)[83]. (Об отдельных видах конфликта между ПК см. в этом же сб. статью Е.А. Земской).

Конфликты в диалоге могут возникать не только из-за столкновения мнений, взглядов, чувств, тем. Особый вид конфликтов составляют такие, причиной которых является непонимание говорящими

---

[80] См. статью М.В. Китайгородской в этом сборнике.

[81] Именно поэтому нарушение постулатов Грайса — как резкое противоречие нормам книжного построения языка — используется в языке художественной литературы в качестве приема, создающего эффект абсурда, гротеска, резкого комизма. Один из ярчайших примеров — сказки Л. Кэрролла "Алиса в стране чудес" и "Алиса в Зазеркалье". Интересный анализ этих явлений см.: *Падучева Е.В.* Проблема коммуникативной неудачи в сказках Льюиса Кэрролла// Tekst i zdanie. Wroclaw—Warszawa—Krakow, 1983.

[82] *Степанов Г.В.* Стихия языка в стихии споров// Лит. газ., 27 июня 1984. С. 2.

[83] См.: *Соловьева А.К.* О некоторых общих вопросах диалога// ВЯ. 1965. N 6 С. 103—110.

коммуникативного намерения собеседника. Эти конфликты представляют особый интерес для изучения теории общения, ибо их суть не разногласия по поводу содержания разговора; они имеют метакоммуникативный характер. Вот типичный для русского языка пример — неразличение вопроса, не содержащего вопросительного слова и выражаемого лишь интонационно, и сообщения, что вызывает непонимание, т.е. создает коммуникативную неудачу: (А. входит в квартиру и обращается к Б., который был дома) А: Катя пришла уже? Б: Разве? А я не заметил// А: Да нет/ *я тебя спрашиваю*// Б: *А я думал ты мне говоришь*//

Изучая реальное общение, следует учитывать, что в языке существует особый механизм, который нередко вступает в противоречие с постулатами Грайса. Этот механизм, получивший название принципа вежливости (или тактичности), нередко накладывается не Грайсовские постулаты.

Формы вежливости в некоторых языках имеют специализированные средства выражения[84]. Но и в тех языках, в которых (подобно русскому) нет в строгом смысле категории вежливости, имеются специализированные средства выражения вежливости, требование быть вежливым накладывает существенные ограничения на функционирование языковых единиц и конструкций. В русском языке этому подчинено прежде всего употребление местоимений *ты* и *вы*, форм ед. и мн. числа глагола в отношении к одному лицу, форм обращений.

В русском языке существует возможность обращения к знакомым по имени, имени и отчеству и по фамилии, отражающая тонкую дифференциацию социально-личностных отношений между говорящими. Однако в обращении к незнакомым мы терпим неудобства, так как в русском языке нет универсальных обращений, подобных французским madame, monsieur. Именующие человека существительные *мужчина* и *женщина* непригодны для обращений[85]. Непригодны для обращений и употребительные в разговорной речи номинации лиц типа *в очках, с ребенком, с чемоданом, в синем плаще* и под., которые свободно функционируют при назывании третьих лиц. Однако применять их при обращении недопустимо, они звучат грубо. Именно по требованиям вежливости по-разному строятся просьбы. Ср.: *Принеси стул! Прине-*

---

[84] См.: например: *Алпатов В.М.* Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973.

[85] Взволнованные размышления Н. Ильиной верно передают отношение чуткого к языку человека к современной проблеме русских обращений — тут и гордость русским обычаем называть человека по имени-отчеству, и сетования по поводу "мужчин" и "женщин": «Она [тетя Эдме — француженка] обращается ко мне так: "Мадам Наташа". Я к ней: "мадам". Как не хватает здесь нашего доброго русского обычая имен-отчеств. И уважительность в этой манере обращения, и тепло, и дружелюбие. Лишь у нас в России... А, впрочем, что я расхваталась? Это-то у нас есть, а другого, тоже необходимого, другого нет. Я имею в виду французского "месье—мадам", польского "пан—пани". А вот мы не знаем, как обращаться к людям незнакомым! "Улица корчилась безъязыкая" и, помучившись, выход нашла. "Женщина! У вас чулок порвался!" "Мужчина! Сдачу забыли!" Все чаще слышишь эти окрики, и, по-моему, они ужасны, но чем заменить их, чем?» (*Нат. Ильина.* Дороги. Урок географии. М.: Сов. писатель, 1983. С. 306).

сите, пожалуйста стул! Не могли бы вы принести стул? Вежливую просьбу часто облекают в форму вопроса (нарушая постулат способа выражения — ясности, о чем мы упоминали)[86].

Таким образом, принцип вежливости (versus: грубости) предстает перед нами как своеобразная категория, накладывающая ограничения прагматического характера на действие многих элементов языка. Действие категории вежливости в русском языке специально не исследовалось. Лишь в связи с рассмотрением явлений речевого этикета описывались некоторые относящиеся сюда факты[87].

Жанры речи

В литературе неоднократно отмечалось, что процесс неподготовленного речевого общения регулируется двумя противонаправленными тенденциями — тенденцией к свободному построению речи и тенденцией к использованию готовых образцов, следованием шаблону. Выявление этих образцов, шаблонов — одна из важнейших задач лингвистики. Поиски в этом направлении ведут разные ученые. Остановимся на взглядах трех исследователей, работы которых представляют для нас наибольший интерес (М.М. Бахтин, А. Вежбицка, М.В. Панов).

Мысль о том, что язык обнаруживается не в хаотических, свободных от действия какого-либо канона проявлениях, но определенным образом оформленных построениях, одним из первых высказал М.М. Бахтин. Он писал: "Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными относительно устойчивыми типическими *формами построения целого.* Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров. *Практически мы уверенно и умело пользуемся ими, но теоретически* мы можем и вовсе не знать об их существовании. Подобно мольеровскому Журдену, который, говоря прозой, не подозревал об этом, мы говорим разнообразными жанрами, не подозревая об их существовании. Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным *жанровым формам* (курсив наш. —*Е.З.*), иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим (творческими жанрами располагает и

---

[86] В результате этого, привыкнув к тому,что вопрос часто содержит просьбу, говорящие нередко и реагируют на вопрос как на просьбу, что может привести к непониманию и ссоре. Вот пример, когда один из ПК "прочитывает" вопрос как просьбу и дает соответствующую реакцию: (Разговор за завтраком двух сестер А. — младшая, Б. — старшая) А: Надо купить продукты// Все запасы кончились// Б: Я вчера купила масло/ рыбу/ кефир// Будешь готовить рыбу? А: Мне некогда/ (раздраженно) мне заниматься надо// Б: Как хочешь// Не готовь// А рыба неплохая// Морской окунь без головы// А: Я же тебе говорю/ у меня все время уходит зря// Б: А я тебя и не прошу готовить// (сердито) Я только спросила "Будешь готовить рыбу?"// Ты *различаешь вопрос и просьбу?*

[87] См., например: *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. М., 1982; ср. также: *Rulfová M.* Zur Problematik der sprachlichen Etikette im Tschechischen// Text and the Pragmatic Aspects of Language. Praha, 1984. S. 79—100; *Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А.* Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения// Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения. М., 1977; *Девкин В.Д.* Хоноратив и гумилиатив// Прагматика слова. М., 1985.

бытовое общение). (Эти речевые жанры даны нам кстати так же, как нам дан родной язык, которым мы владеем и до теоретического изучения грамматики...) Формы языка мы усваиваем только в формах высказываний и вместе с этими формами. Формы языка и типические формы высказываний, т.е. речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом. Научиться говорить — значит научиться строить высказывания (потому что говорим мы высказываниями, а не отдельными предложениями и, уж конечно, не отдельными словами). Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)"[88]. И далее: "Жанровые формы, в которые мы отливаем речь, конечно, существенно отличаются от форм языка в смысле их устойчивости и принудительности (нормативности) для говорящих. Они в общем гораздо гибче, пластичнее и свободнее форм языка. И в этом отношении разнообразие речевых жанров очень велико. Целый ряд распространеннейших в быту жанров настолько стандартен, что индивидуальная речевая воля говорящего проявляется только в выборе определенного жанра, да еще в экспрессивном интонировании его"[89].

М.М. Бахтин предлагал различать первичные (свойственные естественному языку) и вторичные жанры речи, понимая под последними те жанры, которые вырабатывает литература, публицистика, наука (ср. жанры художественной литературы — роман, новелла, повесть...; науки — лекция, доклад, выступление в дискуссии и т.п.).

Важность понятия "жанры речи" для построения общей теории общения необычайно велика. Если теория актов речи явилась основой для создания целого направления в языкознании, то теория жанров речи должна служить ее непосредственным продолжением и развитием.

Об этом пишет А. Вежбицка[90], развивая идеи М.М. Бахтина в наши дни. Она разработала интересный опыт описания жанров речи (применительно к польскому языку). Пользуясь в качестве метаязыка описания фразами упрощенного естественного языка, автор строит формулы, характеризующие целый ряд речевых жанров (предостережение, просьба прощения, угроза, резрешение, шутка, флирт, соболезнование, хвастовство, жалоба и т.п.). Каждая формула включает несколько фраз, вводимых словами, эксплицитно выражающими намерение говорящего в данной фразе: *Хочу..., Говорю..., Знаю, что.../ Не знаю, что..., Полагаю...*

Приведем несколько формул:

---

[88] *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров// Литературная учеба. 1978. N 1. С. 211; см.: *Он же.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 257.

[89] *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. С. 211—212.

[90] См.: *Wierzbicka Anna.* Genry mowy// Text i zdanie/ Ed. T. Dobrynskiej, E. Janus. Warszawa, 1983. Для понимания того, как происходит формирование жанровой структуры, большое значение имеют многие идеи, высказываемые при изучении лингвистики текста. См.: Лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. (Вступительная статья Т.М. Николаевой). В связи с рассматриваемой проблематикой см. опубликованную в упомянутом сборнике статью: *Вежбицка А.* Метатекст в тексте. С. 402—421.

Просьба прощения. Знаю, что я сделал нечто плохое для тебя; Полагаю, что ты можешь чувствовать по отношению ко мне что-то плохое; Говорю: я жалею, что это сделал; Говорю потому, чтобы ты не чувствовал ко мне ничего плохого.

Угроза. Говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если сделаешь X, то я сделаю тебе что-то плохое; Думаю, что ты не хочешь, чтобы я тебе это сделал; Говорю потому, что я хочу, чтобы ты не сделал X.

Изучение жанров речи представляет первостепенный интерес для анализа разновидностей речевого общения (общение официальное—неофициальное, публичное—личное, непосредственное—опосредованное техническими средствами, неподготовленное—подготовленное и т.п.), ибо за разными типами общения закреплен специфический набор жанров речи. Об этом писал более четверти века назад М.В. Панов. Рассматривая проблему разбиения речи на типы, он указывал, что за разными типами устной и письменной речи закреплены разные жанры. М.В. Панов пишет: "Для изучения "внешних" и внутренних закономерностей в в развитии русского языка нашей эпохи особенно важно историческое описание таких речевых жанров:

I. передовая статья в газете;
официальная речь на внешнеполитическую тему;
выступление на митинге;
прокламация;
судебная речь;
газетный фельетон;

II. статья в научно-популярном журнале;
вводная лекция по определенной дисциплине;
начальные разделы учебника по общеобразовательной дисциплине;
газетный отчет о научном совещании;

III. законодательный акт;
воинский устав;
деловое соглашение;

IV. лирическое стихотворение;

V. бытовой диалог;
дружеское письмо"[91].

Уже из этого списка видно, какого рода явления понимает М.В. Панов под речевыми жанрами.

Изучение жанров устной речи еще только начинается[92]. Понятие жанры речи применялось при рассмотрении разновидностей литературной русской РР. На первоначальном этапе изучения жанры речи

---

[91] Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 97—98.

[92] В качестве примера работ, посвященных этой проблематике, назовем: *Рейманкова Л.* К вопросу о языке интервью// Ruský jazyk. 28. С. 10, 1977—1978. S. 444—450; *Архипов А.Ф.* Синтаксические особенности речевого жанра радиоинтервью (на материале радиовещания ГДР): Автореф. дис... канд. филол. наук. М, 1974; *Wieliczko K.* Живая речь в условиях массовой коммуникации. Спортивный комментарий на русском и польском языках. Poznań, 1982; *Machačkova Evá.* Characteristics of the Interview as a special Genre// Text and the Pragmatic Aspects of Language. Praha, 1984. P. 65—78; *Storkan K.* Publicistické zanry. Praha. 1980; *Амзаракова И.П.* "Монолог" в немецкой разговорной речи. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1985.

выделялись на основе таких простейших и вместе с тем основных признаков, как: число партнеров акта коммуникации (два/более двух); мена ролей говорящий/слушающий — отсутствие такой мены[93]. Соответственно выделялись жанры: диалог (два партнера коммуникации, мена ролей обычна), полилог (более двух партнеров коммуникации, мена ролей обычна), рассказ (число партнеров коммуникации два и более, мена ролей отсутствует); подчеркивалось, что рассказ в непринужденной обстановке всегда диалогизирован, рассказчику необходима реакция слушателей, без нее он теряет желание говорить, "вянет".

В этой же книге были описаны некоторые наиболее клишированные жанры речи, к числу которых относятся типические для городской устной речи, привязанные к высокочастотным ситуациям[94] так называемые городские стереотипы (В магазине. В кассе кинотеатра. У газетного киоска. Телефонные стереотипы и т.п.), а также формулы речевого этикета[95]. Особую область стереотипов составляет информационный диалог (Сколько времени? Как пройти? и т.п.). Для построения типологии жанров речи особо важное значение имеют признаки отграниченности, смысловой замкнутости и законченности текста, которые выделяет чешская исследовательница Квета Кожевникова[96]. Она предлагает различать группы текстов, типизированных с жанрово-коммуникативной точки зрения:

1. Тексты, содержание которых строится по более или менее жестким, но всегда облигаторным информативным моделям (инструкция, рецепт, театральная афиша).

2. Тексты, содержание которых строится по узуальным информативным моделям (например, газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение).

3. Тексты не регламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанрово-коммуникативной (например, частная переписка)[97].

Примечание. Жанр личного письма, с нашей точки зрения имеет свои принципы организации и обязательные (облигаторные) элементы, которые различаются по параметрам официальность/неофициальность (и соответственно степени официальности/неофициальности) и литературность/нелитературность.

Итак, жанры речи — более крупные единицы, чем речевые акты. Они характеризуются более сложным строением, могут включать несколько иллокутивных сил. Каждый жанр имеет определенную композицию и тематическое строение. Вот некоторые из существенных признаков, влияющих на жанровую дифференциацию:

---

[93] См.: Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука, 1978.

[94] Ср.: "Жанры соответствуют *типическим ситуациям речевого общения* (курсив наш. — *Е.З.*), типическим темам..." (*Бахтин М.М.* Указ. соч. С.216).

[95] См. описание названных жанров: Русская разговорная речь. Тексты. См. описание формул речевого этикета: *Акишина А.А., Формановская Н.И.* Русский речевой этикет. М., 1975.

[96] См.: *Кожевникова Кв.* Об аспектах связности в тексте как целом// Синтаксис текста. М.: Наука, 1979.

[97] Там же. С. 53—54. Ср. разграничение текстов, строящихся по "жесткому" и по "гибкому" заданию, у С.И. Гиндина (*Гиндин С.И.* Внутренняя организация текста. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1972. С. 9).

характер коммуникации (официальная/неофициальная)

вид коммуникации (личная/публичная, которая имеет два подвида: массовая — коллективная)

наличие, как и у речевого акта, определенной цели (иллокутивная сила)

число участников

вид адресата (личный/коллективный/массовый)

типическая концепция адресата (равный/подчиненный, женщина/мужчина, ребенок/старик, коллега/неспециалист и т.п.)

обращенность к адресату/отсутствие обращенности

адресат пассивен/адресат участник

Разработать полный список существенных признаков жанра и их иерархическую организацию — важная задача.

Проблема жанровых разграничений имеет большое социальное и практическое значение[98] для адекватного осуществления естественной коммуникации, ибо и говорить, и писать следует в соответствии с особенностями ситуации, целями речевого акта и характером отношений между партнерами коммуникации.

Проблематика жанров речи разрабатывается в ряде статей этого сборника. Обследуются такие жанры РР, как домашняя беседа и ее разновидности, некоторые разновидности непринужденного диалога, такой неизученный жанр, как разговоры с домашними животными и др. (см. статьи Л.А. Капанадзе, Е.А. Земской, О.П. Ермаковой и др. в этом сборнике).

Можно предположительно сказать, что наблюдаются определенные различия в построении жанров в зависимости от признаков говорящего субъекта. Так, носитель литературного языка и носитель просторечия по-разному строят рассказ, объяснение чего-либо, по-разному оформляют письмо к близким. Накопление фактического материала поможет разработать типологию жанров устной речи. Для создания такой типологии необходимо установить полный набор признаков, по которому осуществляется разбиение речи на жанры. Другой необходимый этап — разработка приемов описания жанров речи и метаязыка описания. Выявление жанров речи позволит глубже понять, по каким формальным и семантическим законам строится естественная устная речь, каковы ее текстообразующие закономерности.

* * *

Отражая универсальные законы коммуникации и построения речи, материалы живой устной речи представляют большой интерес для изучения проблем языковой эволюции. При коммуникативно-дискурсивной подходе к проблемам эволюции языка[99] разрабатывается понятие "прагматического кода", в котором корреляция элементов формы

---

[98] Показательно, что проблематика несоответствия жанра речи ситуации и цели общения, неумения избирать нужный речевой жанр находит отражение на страницах печати. См., например: *Ильина Н.* Поговорим о жанрах. Лит. газ. 1984. 26 сент.

[99] См.: *Николаева Т.М.* Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции// ВЯ. 1984. N 3.

и содержания максимальна. Особенности прагматического кода удивительным образом напоминают типические особенности разговорной речи русского и других языков[100], показывая неслучайный и глубоко древний характер тех черт РР, которые мы наблюдаем в современных языках[101]. Это обстоятельство наглядно доказывает важность изучения живой устной речи для теории языкознания.

Т.Г. ВИНОКУР

УСТНАЯ РЕЧЬ И СТИЛЕВЫЕ СВОЙСТВА ВЫСКАЗЫВАНИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Настоящая статья посвящена обсуждению некоторых проблем устно-разговорной стилистики. Имея коммуникативно-социологическое содержание, они касаются информативной ценности коннотаций, создаваемых стилистически значимыми явлениями языка при их употреблении в речи (т.е. для настоящего случая, в ее устной форме). Изучение устной речи города в стилистическом аспекте не предполагает классификации высказываний, прямо зависящей от того, какими социальными признаками характеризуется их автор. На первый план здесь выходят прежде всего реальные и типические условия их функционирования, способствующие формированию стилистической значимости речи.

Следовательно, при анализе речи (и с точки зрения отдельных элементов высказывания, и с точки зрения высказывания как коммуникативной единицы в целом) целесообразно опираться на комплекс ситуативных показателей, организующих ее устную форму.

Эти показатели уже сами приводят к определению социально-речевого образа говорящего: вырисовывается взаимодействие постоянных и переменных (ролевых) особенностей его позиции, которые соответствуют стилевому составу устного высказывания в каждом отдельном случае, или в группе типических случаев.

---

[100] Поиски универсалий и фреквенталий разговорной речи ведут советские ученые, а также ученые разных стран: *Скребнев Ю.М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи: Докт. дис. М., 1971; *Алисова Т.Б.* Константы языкового развития и типология романских языков// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. N 1. С. 3–12; *Иванова К.* Универсалното и специфичното в диалога// Български език, XXX. 1980. Кн. 5. С. 392—399; *Она же.* Универсалният характер на системните грешки и мястото им в узучаването на книжовните езици// Български език, XXXIII. 1983. Кн. 3. С. 183—188; *Земская Е.А.* Общее и различное в структуре разговорной речи ряда славянских и неславянских языков// Славянское языкознание .IX Международный съезд славистов. М.: "Наука", 1983. С. 135—152; *Jachnow H.* Zur Universalität der Sprachmittelverwendung in gesprochener Sprache// Slavistische Studien zum XI. internationalen Slavistenkongress in Kiev, 1983, Böhlau Verlag, Köln—Wien, 1983; *Голованова К.* Особенности построения разговорной речи в русском и эстонском языках// Вопросы сопоставительного изучения лексики и грамматики (на материале эстонского и русского языков). Таллин, 1982; *Leinonen M.* Finnish and Russian as they are spoken: from linguistic to cultural typology. Scando-Slavica, 1985. Vol. 31. 1984.

[101] См.: *Николаева Т.М.* Указ. соч. С. 112—113. Ср: "...можно заметить, что многие высказывания, проводимые в исследованиях по русской разговорной речи... вполне соответствуют примерам на прагматический код, приводимым Т. Гивоном" (Там же. С. 113).

Если проблемы стиля связывают с формой речи, то можно ожидать, что исследованию подвергнутся те явления, которые обусловлены именно последней, например, явления звуковой стилистики (термин Н.С. Трубецкого). Но это не единственная возможность. Конечно, было бы странным, если бы при изучении стилевых свойств устного высказывания проблемы звуковой стилистики, сами по себе сложные, многоаспектные и, по свидетельству специалистов, недостаточно изученные, были обойдены полностью. Однако рассматривать их можно двояко: 1. Изолированно, т.е. с точки зрения фонологии, фонетики (где главенствующее место занимают суперсегментные явления — интонация, ритм, темп речи, логическое ударение, паузы), орфоэпии и учения об интонации в качестве специальных разделов или особых аспектов этих областей лингвистики[1]. 2. Соотносительно, т.е. принимая во внимание взаимодействие средств звуковой стилистики с другими средствами[2], обозначающими стилевую характерность языкового элемента — в качестве специального раздела или особого аспекта стилистики. В зависимости от того, какую из этих задач ставит перед собой исследователь, определяется круг явлений, демонстрирующих характер и роль тех свойств устного высказывания, которые могут квалифицироваться как стилевые.

Второй путь предполагает исследование связей между формой речи и стилем речи[3], или же рассмотрение вопроса о самой правомерности установления таких связей, так как говоря о стилистике устного высказывания, мы сопоставляем принципиально несопоставимые понятия — форму речи и стиль речи. Для работы, автор которой полностью разделяет мнение о классификационной разнонаправленности формы речи и функциональной системы (или подсистемы) языка, прояснение этого вопроса представляется чрезвычайно важным. Согласно этому мнению, письменная разговорная речь и устная книжная речь равно учитываются, несмотря на генетическую первичность устной или письменной формы в противопоставленных функциональных объединениях.

Стилистические категории, в противовес категориям формы осуществления речевого акта, непосредственно связаны с функциональными делениями системы языка. Таким образом, первым условием успеха в задуманном предприятии должна быть договоренность о том, как относиться к содержанию ряда стилистических понятий, и о том, как употреблять некоторые стилистические термины. Стилисты единодушно признают, что современная лингвостилистическая теория находится в сложном состоянии. Отягощенная проблемами и методами теории информации, теории коммуникации, социо- и психолингвисти-

---

[1] См.: *Брызгунова Е.А.* Звуки и интонации русской речи. М., 1977.

[2] Ср. принципы изучения суперсегментной фонетики с коммуникативной точки зрения: Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. Гл. 1.

[3] Ср. именно так и формулирующиеся задачи некоторых работ: *Малышев С.Т.* Стилистические ресурсы письменной формы русского литературного языка// Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. Киев, 1977, где идет речь о сознательных отступлениях от орфографических норм, о роли большой буквы, о нагнетании знаков препинания и пр.; *Семин И.Е.* Стилистические ресурсы русской фонетики и орфоэпии// Учен. зап. Стерлитамакского пед. ин-та. Сер. филол. 1963. Вып. 12. N 2.

ки; поставленная перед необходимостью самоопределения в связи с развитием лингвистики текста и модой на прагматику; соседствующая с лингвистической поэтикой — лингвостилистика обросла непомерно раздутым и противоречивым понятийно-терминологическим аппаратом. Поэтому в каждом отдельном случае желательно ставить точки над "и" применительно к конкретным задачам данной работы и не выходя за пределы ее рабочих категорий.

Первичные, численно превосходящие все остальные и потому наиболее многообразные, устные высказывания содержит разговорная сфера общения. Так как она ассоциируется не только с устностью, но и со стилистической сниженностью — речь пойдет о взаимоотношении этих понятий, что даст возможность уточнить вопрос о стилистике РР.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ, РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ, УСТНАЯ ФОРМА

I. Разговорную речь причислить к понятию "функциональный стиль" нельзя. Сейчас у этого мнения уже гораздо больше сторонников, чем противников. И, справедливости ради, уместно было бы заметить, что первое сомнение в когда-то общепринятом определении: "разговорная речь — это функциональный стиль" возникло именно при стилистическом взгляде на предмет: обнаружилась многомерность разговорной речи и невозможность ее отождествления с набором однородно окрашенных и однотипно употребляемых средств в таких функциональных сферах общения как, допустим, публицистическая или деловая речь. А это, в свою очередь, привело к поискам аналогий между разговорной и художественной речью, которые сейчас используются достаточно часто.

Осознание особого статуса разговорной речи имело и дальнейшие последствия, сказавшиеся на необходимости пересмотреть содержание самого понятия "функциональный стиль", которое еще совсем недавно (до работ Л. Долежела, К.А. Долинина, Ю.М. Скребнева, Д.Н. Шмелева и др.) было как бы "вне подозрений" и очень свободно прилагалось к языковым и речевым объединениям самого разного рода.

Взаимоотношения разговорной речи и разговорного (сниженного) стиля описаны[4]; и с точки зрения общей оппозиции: "система (подсистема) языка и стиль" их реалистичность не вызывает сомнений. Здесь необходимо внести лишь некоторые коррективы, продиктованные закономерностями употребления языка вообще, которое всегда стилистически значимо (при наличии стилистической "маркированности" или при наличии "гипермаркированности", равной нейтральности. — мысль Ю.М. Скребнева).

Лингвостилистические занятия, которые имеют своим основным предметом навыки языкового употребления кол-

[4] См.: *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 49—53.

лективом носителей, заставляют отказаться от представления о стилистически значимом явлении как продукте специальной "выработки" и "повышенного качества". В настоящей статье нет возможности вновь и вновь (со ссылками на исследования современных специалистов и ученых прошлого) поднимать вопрос об истории терминов "стиль" и "стилистика" и об их перегруженности (мнение Д.Н. Шмелева) в наши дни. Однако следует считаться с тем обстоятельством, что эти термины до лингвистики нового времени всегда ассоциировались с особенностями словесного искусства и, следовательно, с индивидуальной манерой письма. А, получив (у Ш. Балли) коммуникативно-коллективное содержание, стилистические явления иллюстрировались опять-таки примерами из художественной литературы.

Как бы далеко ни уходили впоследствии теория и практика лингвостилистического анализа от категорий словесного искусства и отождествления термина "стиль" с индивидуальной манерой письма, удовлетворительно преодолеть удавалось (и в этом тоже была некоторая странность) лишь второе — так же, как в свое время преодолено было отношение к parole как к индивидуальному речевому акту (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур), что в корне изменило для нас саму суть дихотомии Соссюра. Первое же незримо присутствовало в большинстве стилистических работ всегда. Шла ли речь о научном функциональном стиле, или о публицистическом, или, наконец, о типических способах языкового употребления в художественной литературе определенной школы и эпохи — предметом изучения в одинаковой мере оказывались специфические способы языкового выражения, являющиеся плодом специального отбора, обработки, нормативных или нарочито "антинормативных" устремлений говорящего/пишущего.

Еще задолго до обнаружения и изучения нового лингвистического феномена — "разговорная речь" (или "разговорный язык") ученые, чьи интересы сосредоточивались на коллективных языковых навыках общества и на их функциональной дифференциации (Г.О. Винокур), установили несомненное наличие в последних именно стилистических тенденций. Так была проведена граница между стилистикой, изучающей общелитературный язык и стилистикой, изучающей язык художественной литературы (и, тем более, поэтикой, или, как сейчас принято говорить, лингвистической поэтикой). Она отделила индивидуальный стиль от коллективных навыков языкового употребления, и в результате этого обнажился истинный предмет лингвистической стилистики: им были признаны лишь последние.

При этом неизбежно должно было возникнуть обсуждение меры автоматизма в осуществлении говорящими подготовки к высказыванию и, следовательно, тех навыков речи, которые не могут не иметь стилистической квалификации (Г.О. Винокур), так как повседневное речевое общение ("социальный язык" — по терминологии Р. Барта) предполагает именно автоматизм, хотя он вовсе не исключает "активного" отношения к языку (Г.О. Винокур).

И вот настало время лингвистического описания разговорной речи, причем не в отражении ее художественной литературой, а на магнитофонном уровне достоверности. Изучение закономерностей разго-

ворного речевого общения разрушило невольно образовавшуюся в нашей науке асимметрию в составе материальной базы, укомплектованной по преимуществу фактами литературно-письменного языка. И, более того, оно сместило акценты в интерпретации многих фактов не только системы языка, но и способов его употребления. В частности, оно (может быть и невольно) расширило границы стилистических категорий.

Еще высказанная Балли, и много раз затем подтвержденная самыми разными наблюдениями, мысль о высоком уровне "аффективности" разговорной речи — качестве, которому он придавал именно стилистический смысл — показала не только несомненное наличие в разговорном языке явлений стиля, но и то, что их обнаружению посредством экспрессивных качеств речевого общения (А. Сеше) вовсе не противоречит опора на коллективные языковые навыки и, следовательно, на автоматизм — механическое и неподготовленное свершение речевого акта, возможное, главным образом, в спонтанной устной речи. На наш взгляд, обилие фактов, представленных в научное распоряжение усилиями ученых, исследующих современную русскую разговорную речь, подтверждает наличие в ней внушительных стилистических потенций.

Исследование общих закономерностей стилистического использования языка, предпринятое одновременно с "открытием" разговорной речи и с учетом последствий этого открытия, привело ко многим уточнениям, касающимся стилистических категорий в их отношении к разным, функционально-определенным, языковым подсистемам. Ощущение абсолютной невозможности ограничить стилистическую интерпретацию языковых явлений фактами преднамеренно-осознанного и подготовленного во времени словесного отбора окончательно укрепилось. Возникла необходимость построить шкалу градаций подготовленности отбора, крайними точками которой были бы спонтанность, неосознанность (или даже подсознательность; см.: *Мукаржовский Я.* Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве// Структурализм "за и против". М., 1975. С. 164 и далее), соединенная с неподготовленностью во времени, и эстетически мотивированная обдуманность, соединенная с возможностями временной подготовки.

Как относится стиль к делениям этой шкалы? Попытка установления узуально-стилистических закономерностей языкового употребления привела к мысли об их равномерном распределении по всей линии отбора, сопровождаемом указаниями на различие вербального результата, в зависимости от признаков того или иного деления. Это подтвердило мысль о неотторжимости стилистического начала от процесса подготовки и осуществления употребления языка в целом (Г.О. Винокур).

Конечно, нельзя не считаться с тем, что желание как-то различить содержание понятий "стиль устной разговорной речи" и "письменно-книжные стили" (или художественный стиль) вполне законно. Если мы говорим об устном высказывании повседневной речи или об "Евгении Онегине", то даже сами формулировки лингвистической задачи напрашиваются разные: "Стилевые свойства устной речи" и "Стилистические особенности "Евгения Онегина". Однако в настоящее

время это обстоятельство уже не может помешать дальнейшим поискам общности. В этом смысле единственный реальный выход из положения заключается в распространении понятия "стилистическая значимость языкового отбора", организующего высказывание, на любую область языкового употребления. Естественно, что исследователь каждой из этих областей обязан отдавать себе отчет в содержательном различии данного понятия, обусловливаемом спецификой их коммуникативных задач.

Содержание, которое мы вкладываем в понятие "стилевые свойства устного высказывания" было бы заманчиво обозначить каким-то другим термином — новым, свежим, только что придуманным, раз навсегда отказавшись от слова "стиль" и его производных в тех случаях, когда речь идет о разных способах коллективного языкового употребления. Возможно, что следовало бы отдать предпочтение термину "экспрессия"; но он отягощен иными связями в не меньшей степени, чем термин "стиль".

Также вероятно, что, по отношению к неподготовленной, непринужденной форме речи, лучше было бы применить понятие "манера", нежели "стиль", которое оставляется для письменно-литературных речевых жанров. Но оно ведет нас к мысли об индивидуальных речевых особенностях говорящего, как бы выходящих за пределы лингвистической компетенции, по поводу чего Г.О. Винокур писал: "одно дело стиль языка, а другое дело — стиль тех, кто говорит и пишет"[5]. Можно было бы найти и другие возможности — недостатком в терминотворчестве наша наука никогда не страдала. Однако существует длительная научная традиция, ломка которой в многослойной области стилистических категорий не спасает положения. Отказу от термина "стиль" по отношению к "автоматизированной экспрессии" препятствует наличие термина "стилистика". Тем более, что их взаимоотношение еще не определено в нашей науке достаточно удовлетворительным образом[6]. Стиль высказывания характеризуется — и экспрессией, и эмоцией, и функциональной направленностью, и образностью, и социальными параметрами, и (частично) оценочностью — хотя эти качества речевого общения играют разную роль и, соответственно, по-разному осмысляются в художественной и нехудожественной, в специальной и разговорной речи. Стилистическая проблематика вращается по разным орбитам вокруг этой совокупности понятий потому, что они целенаправлен-

---

[5] Применительно к языковой деятельности стилистические средства долгое время отождествлялись с выражением субъективности в речи. См.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. С. 126.

[6] Мысль о том, что к области стилистики целесообразно относиться расширительно, высказанная З. Сабо, привлекательна именно своей реалистичностью. Стилевые качества разноуровневых элементов языка, форм речи, типов высказывания — с точки зрения их функциональных и экспрессивно-эмоциональных особенностей — это объекты изучения разных областей, но внутри стилистики. И нет видимого резона бояться термина "стиль", сужать его, если за каждым из изучаемых со стилистической точки зрения явлений стоит конкретное свойство, позволяющее увеличить коннотативный объем языкового знака (см.: *Szabo Zoltan.* The types of stylistic studies and the characterisation of individual style: an outline of problems. Linguistics, N 62. Oktober 1970. Mouton. P. 97).

но объединены: это те факторы, которые обеспечивают конечный этап словесного отбора на пути к осуществлению высказывания. Лишь немногие ученые у нас и за рубежом отделяют некоторые из этих понятий (например, эмоциональную сторону языка) от стилистики. Но и наоборот: имеет место включение в стилистику всего диапазона социально-территориальной, диалектной классификации.

Сказанное, как будто, убеждает, что дело заключается все-таки в терминологии, а не в существе упомянутых категорий. Поэтому самым благоразумным для наших задач было бы, вероятно, не отказываться от термина "стиль", стилистический, стилевой[7], а применять их так, как это было условлено узуальной стилистикой, т.е. а) считать признаком стилистической отмеченности эмоциональный характер и функциональную ограниченность элемента языка; б) видеть в их соединении информативно-коннотативную роль "стилистического значения"; в) учитывать, что в коммуникативном акте стилистическое значение (план содержания высказывания) реализуется экспрессией (план выражения стилистического содержания высказывания); г) называть "функциональным стилем" не жанрово-речевую совокупность той или иной функциональной подсистемы языка в целом, а сигнальный набор ее языковых средств: обладающих однотипными стилистическими значениями, вступающих согласно закономерностям стилистического использования языка в определенные количественные и качественные отношения с нейтральными и иностилевыми средствами и, тем самым, формирующих стилистические приемы, характерные для данной сферы общения.

II. Итак, изучение узуальных навыков стилистического использования языка коллективом его носителей дает возможность говорить и о стилевых свойствах спонтанной устной речи, и о разных степенях и типах сочетания спонтанности и подготовленности (запланированности) речевого акта, в зависимости от которых стиль высказывания может приобретать ту или иную характерность. Каждая из функционально-коммуникативных подсистем языка обладает типической для условий ее реализации процедурой подготовки высказывания. Естественно, что вопрос о характере словесного отбора и условий протекания высказывания самым непосредственным образом связан с вопросом о соотношении индивидуального и коллективного начал в языковом сознании, обнаруживаемых речевой деятельностью.

Для изучения стилевых свойств устного высказывания как типического представителя РР поэтому можно было бы выдвинуть следующие положения:

I. Будучи индивидуальным актом с точки зрения реального исполнения, устное высказывание, в его опоре на узус и норму, точно так же содержит стилистические характеристики, как, например, индивидуальное словесно-художественное творчество, коль скоро само упот-

---

[7] Сделанная в этой статье попытка разграничить термины "стилевой" и "стилистический" в зависимости от того, относятся ли они к "стилю" или к "стилистике" натолкнулась на серьезные препятствия именно ввиду необщепринятости содержательных взаимоотношений этих терминов.

ребление языка должно непременно пройти стадию стилистического отбора. Разницу же в объеме и информативном качестве этих характеристик показывает степень взаимной близости или отдаленности понятий "язык" и "стиль". Изучение индивидуального художественного стиля, направленное на эстетическое начало языкового отбора, разводит эти понятия: "стиль писателя" можно изучать и в плане словесного искусства, т.е. без регулярной опоры не только на общеязыковой фон, но и на "язык писателя". Изучение стилевых навыков говорящего коллектива, рожденных нуждами коммуникации (хотя и принципиально не чуждых эстетического начала), сводит эти понятия. Стилистические характеристики получает конечный этап языкового отбора, подготавливающего осуществление речевого акта в целом. Они свидетельствуют о стилистически нейтральном (по Ю.М. Скребневу — гипермаркированном, т.е. годящемся для любых нужд коммуникации), или о стилистически не нейтральном результате этого отбора. Стилистика общелитературного языка, обращаясь ко второму, изучает его взаимодействие с первым, в разнообразии видов которого и состоят стилевые навыки использования единиц языка.

2. Намеренно не упоминая в первом пункте о признаках спонтанности или специальной обдуманности языкового — и, следовательно, стилевого — состава высказывания, отметим теперь, что индивидуальный стиль писателя с точки зрения адресанта художественного произведения — это тоже индивидуальное "исполнение" высказывания, но являющееся, очевидно, результатом другого вида стилистического отбора. Однако, вряд ли можно говорить, что этот вид прямо противоположен тому, который организует устное разговорное высказывание. Здесь обнаруживается перекрещивающиеся зависимости, то сближающие, то отталкивающие друг от друга названные типы речи.

Вопрос о мере индивидуальности языкового употребления в устном высказывании естественным образом оказывается в тесной связи с вопросом о специфических стилевых признаках спонтанной непринужденной (потому что мы говорим только о РР) речи. Эта речь в стилистическом отношении показательна тем, что представляет собой крайний полюс естественности, безыскусственного и непреднамеренного проявления тех языковых навыков, которые обусловлены социальным обликом говорящего. Т.е., если устная форма непринужденного разговорного высказывания и может расцениваться как выявление индивидуальности говорящего, то в целом — это не осознанный и, тем более, не эстетически мотивированный как специальное намерение, речевой акт Любопытно привести сходные мнения об этом совершенно разных людей — француза и русского, ученого и писателя: "... любой индивид оказывается пленником своего языка; за пределами своего класса он обнаруживает себя каждым произнесенным словом, каждое слово выявляет его всего целиком и выставляет напоказ вместе со всей его историей. Благодаря своему языку человек открыт для разгадки, его выдает сама правдивость языковой формы, неподвластная... желанию солгать о себе... Вот почему возрождение разговорного языка (имеется в виду возрождение традиции изображения разговорного языка художественной литературой. — *Т.В.*) стало выражать все проти-

воречивое содержание социальной жизни[8]"."Прямая речь позволяет мне крепко поубавить описательную часть: какой человек? Как он думает? Чего хочет? В конце концов мы ведь и так составляем понятие о человеке — послушав его. Тут он не соврет — не сумеет, если даже захочет"[9].

Трудно сомневаться в том, что стилистическая сторона речи играет далеко не последнюю роль в "правдивости языковой формы". Тем более, что даже по поводу стиля писателя существуют мнения, весьма далекие от обычного представления о нем как о результате в высшей степени осознанного, продуманного и эстетически мотивированного словесного отбора. Приведем опять высказывание Р. Барта: "... специфическая образность, выразительная манера, словарь данного писателя — вся это обусловлено жизнью его тела и его прошлым, превращаясь мало-помалу в автоматические приемы его мастерства... Как бы ни был изыскан стиль — в нем всегда есть нечто от сырья: стиль — это форма без назначения, его толкает некая сила снизу, а не влечет к себе известный замысел свыше... стиль представляет собой самодовлеющий личностный акт, а вовсе не продукт выбора и рефлексии..."[10].

С этим высказыванием трудно согласиться из-за привычки относиться к понятию "индивидуальный стиль писателя" как к словесному результату осмысления действительности, характерного для художника Однако нельзя зыбывать, что многое опять-таки зависит от понимания термина. Ведь тот же Р. Барт отделяет от процитированного отношения к стилю в художественной литературе понятие "стиль как ремесло" (ср. сходные идеи Я. Мукаржовского), включая сюда различные этапы и способы подготовки художественной обработки текста. Но нельзя забывать и другое: стилистическая категория — всегда категория целевая по своей сути. А то положение, что реализации коммуникативно-речевой цели не мешает тип речи, при котором цель достигается спонтанно и автоматически — как раз одно из наиболее важных положений для изучения стилевых свойств устного высказывания.

Если бы, подражая физикам, мы составили энциклопедию "Лингвисты шутят", то могли бы включить в нее известный каламбур о "хорошо подготовленном экспромте". Он очень точно объясняет природу спонтанной экспрессии, рождение которой в устном разговорном высказывании подготавливается общим стилевым опытом говорящего коллектива. Индивидуальность словесного отбора, подготавливающего устное высказывание, при этом ограничена; устное высказывание создает ножницы между реальным личностным его выполнением и опорой на узуальный опыт говорения. Они имеют разную конфигурацию, в зависимости от личностных, межличностных (в понимании прагматиков и социолингвистов), а также ситуативных колебаний. Что касается отношения между индивидуальным и коллективным началом, то для лингвистики оно начинается за порогом индивидуальной психо-физической

---

[8] *Барт Т.* Нулевая степень письма// Семиотика. М., 1983. С. 347.

[9] Интервью с В. Шукшиным// Вопросы литературы. 1967. N 2. (Разр. в обеих цитатах наша — *Т.В.*) С. 67.

[10] *Барт Р.* Указ. соч. С. 310.

роли говорящего в осуществлении речевого акта. Здесь индивидуальное переходит в коллективное, и, если речь идет о стиле высказывания, то коллективные навыки всегда выступают не как общеколлективные, а как коллективно-групповые. Это, кстати, выражается не только в закономерностях функционально оправданного отбора нейтральных, высоких и сниженных способов языкового выражения, но и в более частных языковых привычках, указывающих либо на социально предопределенные особенности языкового сознания (например, границы и состав словарного запаса), либо на модель речевого поведения, обусловленного ситуацией, характерной для того или иного типа речи.

Как известно, то, что можно на первый взгляд принять за сугубо индивидуальное проявление речевых навыков говорящего, на самом деле всегда лежит в области социально-речевых привычек, которые так или иначе поддаются обобщению и типизированию (максимальная или минимальная эксплуатация свойств "линейной грамматики" при построении устного высказывания, частотность "излюбленных" способов выражения, масштабы модальностей и пр.). Важно лишь отметить, что в стилистическом отношении индивидуальные навыки понимаются ровно в такой же мере расширительно, в какой сужается представление о коллективных языковых навыках при их реализации устным высказыванием. И, таким образом, эти две крайние точки сливаются в среднем звене — коллективно-групповом, на чем покоится соотношение нулевой и положительной величин стилистической значимости языковых элементов.

Сказанное позволяет трактовать стилевые свойства предмета наших наблюдений следующим образом: I. Стилевые свойства высказывания существуют независимо от формы речи как результат разных типов языкового отбора[11]. Они формируются взаимодействием стилистически нейтральных и стилистически значимых единиц. Это взаимодействие есть продукт определенных закономерностей, согласно которым язык как знаковая система используется в целях общения. 2. В зависимости от того, в каком виде высказывания они обнаруживаются — элементы обдуманного и подготовленного отбора сочетаются в разных пропорциях с автоматизированными языковыми навыками говорящих. В устном (и преимущественно разговорном) высказывании мы имеем дело с проявлением автоматических стилевых навыков говорящих.

III. Выше шла речь о том, что от термина "стиль" в применении к экспрессии устного высказывания (имеющей автоматический характер обнаружения и служащей планом выражения многоаспектного стилистического содержания) отказываться нецелесообразно, если только не задаваться специальной целью пересмотра стилистической терминологии[12].

---

[11] Так, не вызывает сомнения то обстоятельство, что, например, стилистические свойства интонации реализуются (пусть разными средствами) и в устной, и в письменной речи.

[12] Сама по себе эта задача чрезвычайно актуальна. Такие попытки предпринимались неоднократно и имели в высшей степени плодотворные результаты (ср.: *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977). Но большей частью они

Теперь следует коснуться причин, заставляющих отдать предпочтение термину "разговорный стиль" по сравнению с термином "сниженный стиль", когда речь идет об экспрессивных свойствах РР, которые, как правило, находят отражение в устной форме языкового общения.

Понятия "разговорный" и "сниженный" проходят по разным классификационным параметрам[13]. Первый (функционально направленный и вследствие этого указывающий на соответствующую экспрессию) составляет двучленный ряд: "разговорное — книжное". Второй (экспрессивный и вследствие этого указывающий на функционально ограниченное употребление) — трехчленный: "высокое — нейтральное — сниженное". При этом неодинаковы не только организующие их причинно-следственные связи, но и их объем, потому что в первом ряду нейтральный слой распространяется на оба члена оппозиции, которые, таким образом, имеют общую часть.

Использование термина "разговорный стиль", как кажется, могло бы точнее отразить стилистический статус РР. Как объект лингвистического изучения, имеющего структурно-коммуникативную специфику, специалисты выдвигают литературную разговорную речь. Литературной речи не может быть не свойственна внутренняя стилистическая неоднородность. Как литературная — РР содержит нейтральный стилистический слой, сближающий ее с КЛЯ, что находит отражение на всех системно-языковых уровнях. И как от литературной же — от современной РР, в ее нейтральном слое, невозможно (со стилистической точки зрения) отсечь обширный репертуар нелитературных и окололитературных — сниженно-обиходных, просторечно-профессиональных, жаргонных и полужаргонных средств, которые, в качестве стилистически отмеченных, регулярно действуют в современном разговорном общении.

Это первая реальная данность, которую специалисты по РР называют набором сниженных красок, относя сюда главным образом экспрессивные раритеты в области лексики[14]. При этом часть подобных средств одновременно попадает в явления "языковой игры" (понятие "речевой маски") , которая квалифицируется как отражение, "пусть даже самое скромное", эстетического задания, как "особый род комического" в языке[15]. Следовательно, эстетическое задание, преследуемое языковой игрой, в рамках устной РР вполне согласуется и с ее спонтанным осуществлением, и с реализацией специального выразительного намерения говорящего. Однако, по мнению исследователей, роль языковой игры этим не ограничивается. Она вообще способна отражать разнообразные функции эмотивного плана, не обяза-

---

относятся к какой-либо одной проблеме стилистики, или к одной группе изучаемых языковых фактов (см.: *Петрищева Е.Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984) и тем самым невольно оставляют в еще более неясном положении терминологическую связь нерассмотренных областей с рассмотренными.

[13] И наиболее отчетливо это осознают как раз те, кто специально занимается разговорной речью.

[14] См.: Русская разговорная речь: Общие вопросы... С. 49—53.

[15] См.: Русская разговорная речь: Фонетика... С. 172 и далее.

тельно предполагающие шутливое намерение. Это положение открывает доступ в языковую игру — или, с точки зрения стилистического узуса, наоборот, выводит из языковой игры — большое количество переходных, стертых случаев языкового употребления, характерного для РР. Расцениваются ли они с двусторонней позиции "говорящий/слушающий", или с односторонней: только говорящий и только слушающий; выглядят ли они нарочито шутливыми или нет, — повышенную экспрессию (хотя бы являющуюся следствием экономии речевых средств, свойственной ситуативно-связанной РР) они имеют непременно.

И словообразовательный факт: Постой/ я тебя *недопроверила...*; и контекстно-диалогическое словотворчество: Ты говоришь/ *"одногодки"*/ а мы вот с Колей "*однодневки*"/ в один день родились!; и фразеологическая модификация: Я что-то *впал в нерешительность;* и утрированные свойства "линейной грамматики" вкупе с подражательными элементами: Ну-ну-ну/ ну пошли-пошли-пошли/ тра-та-та/ ... не надоело? (болтать) — типичны как экспрессивное выражение вариантов разговорного стилистического значения. Возможно, что они не осознаются столь отчетливо говорящими и не воспринимаются столь безоговорочно слушателями. Но это происходит потому, что устное разговорное высказывание соответствует не только одному делению на шкале языкового отбора. Яркие случаи языковой игры поднимаются на ступеньку выше, по сравнению с самой нижней (спонтанный, неподготовленный, автоматический отбор, опирающийся на норму). Здесь включается тот "скромный" участок творческого отношения к языку, который позволяет совершить эстетически значимую импровизацию. Если этот участок перейдет границы "скромности", импровизация уже будет относиться к роду словесного искусства. Если, наоборот, в отведенные ему границы просочится безусловный стандарт — общеколлективный и частотный — это нормативное явление разговорно-стилевого узуса, в котором случаи языковой игры занимают периферийное место, при условии, что их вообще стоит выделять в особый способ разговорного общения со стилистической точки зрения.

Такая картина складывается потому, что, во-первых, любая неузуальность на фоне узуса всегда стилистически отмечена и, значит, экспрессивна. Во-вторых, потому, что если уж говорить о шутливо-иронической манере, то надо признать ее экспрессивной доминантой современного неофициального общения (причины этого — отдельный вопрос). Она регулярно соединяется с чисто информативным назначением той или иной разговорной ситуации, с бытовыми диалогами и с вполне серьезной темой беседы: А: Пообедать не успеем? Б: Намто что/ мы и без обеда перебьемся/ а вот начальнику худо будет; А: Выбрось наконец весь этот хлам! Б: Хорошо// Если хлам/ тебя заодно заприходую/ и тю-ю!; Он/ конечно/ все это очень хи-и-тро/ сделал/ ну прям Талейран какой/ все возражения предвидел// Но беда/ что кому это к чертовой бабушке нужно все?

На основании, допустим, одного "перебьемся", "заприходую" или "к чертовой бабушке" — говорить о языковой маске и пр. трудно так же, как оспорить абсолютную общность данного стилистического приема. В-третьих, потому, что, например, такой отчетливый стили-

стический прием, как ирония — сам по себе, в качестве одного из узуально-стилистических приемов "инвертированного" класса, даже в тех видах, в каких он используется РР — безусловно шире "языковой игры". В-четвертых, наиболее яркие случаи языковой игры (см.: *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая традиция// Русская разговорная речь: Фонетика... Гл. 4.) — привилегия современной интеллигентской речи и, более того, интеллигентской элиты (чаще — гуманитарной), несмотря на фольклорные истоки многих приемов. Ее приметы без всякого сомнения редуцируются по мере удаления от навыков разговорного общения лиц данной группы.

Но, когда мы говорим, что весь этот круг разнообразных стилистических средств преимущественно направлен на сниженную экспрессию, то подтверждаем еще одно важное положение, касающееся способов стилистического использования языковых средств: для каждой функционально-коммуникативной сферы их репертуар определенным образом лимитирован.

IV. Структурно-коммуникативная специфика РР как "особого литературного языка" имеет, в числе прочих, и стилистический аспект. Он освещает другую сторону тех же явлений. Вряд ли могут существовать серьезные сомнения в том, что все обсуждаемые стилистические качества РР образовались на основе одного из ее главных коммуникативных признаков: непринужденности, неофициальности общения. Наличие и экспрессивная роль "языковой игры" в разговорном общении лишь подтверждает, что внутри разговорной речи есть своя стилистическая характерность.

Два как бы противоположных фактора — внутренняя стилевая неоднородность и в то же время очевидная общая приверженность РР к сниженной экспрессии — способствуют осуществлению в ее пределах двух основных стилистических закономерностей употребления языка — стилистического согласования[16] и стилистического контраста.

Напомним положение М.В. Панова о соотносительности произносительной и лексической стилистики, когда наиболее обычным случаем является соответствие стилистической окраски слова и звука в пределах высказывания. Произношение *шыис'ат* характерно для сниженной разговорно-бытовой фразы, в которой снижена и лексика. По закону стилистического согласования им непременно будут "подыгрывать" и словообразование и синтаксис: "Дай-*ка* мне, *голубчик, шыис'ат вот этих,* еще лучше *сотенку*"[17]. От того, что произношение слова "шестьдесят" сниженно и разговорно, вместе с *голубчиком, сотенкой, дай-ка, вот этих,* — и употреблено не в составе, предположим, художественного текста, а в реальном разговорном высказывании, оно вовсе не потеряет ни стилистического значения сниженности, ни выражающей его экспрессии. Ср. другого типа примеры: Вы мне *трешку передали* (дали лишнюю); *Дай двушку*

---

[16] См.: *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 102.

[17] См.: *Панов М.В.* О стилях произношения// Развитие русского литературного языка. М., 1963. С. 15.

позвонить; Да ты что/ мне/ что ли/ это надо/ буду я ей бегать.../ ей надо/ мне не надо//; Конечно/ ей удобнее/ детей здесь бросить/ а *сама/ фьють*!; А: Нет/ они *недельку точно прихватят*/ да/ *Кать?* Б: *Неужели*![18] (об отпуске, который молодые родители хотят продлить потому, что дети остаются под присмотром бабушки) и подобные, в которых непременно будет присутствовать сразу комплекс показателей сниженной экспрессии в разном сочетании.

Такая сниженная, фамильярно-небрежная экспрессия — выражение одного из вариантов разговорно-стилистического инварианта в наборе узуально-стилистических значений. Выбор наиболее точного термина для его определения еще впереди. Но это значение так или иначе свидетельствует о нестрогом, ненормативно-письменном, стяженном, облегченном, приспосабливающемся к типу речи и характерной для него ситуации (к темпу, ритму, необходимой степени точности восприятия, к артикуляционным возможностям говорящего в этой ситуации) способе употребления языка.

Следовательно, и произносительная форма, и все остальные языковые средства данных высказываний, согласуясь между собой, независимо от степени обдуманности экспрессивного задания говорящим, объединяются в стилистический прием "интимизации общения"[19], соответствующий характеру непринужденной РР.

Непринужденность РР как основа ее экспрессивных качеств и наводит на мысль о большей правомерности двойного, а не тройного деления: официальность и неофициальность; строгость и свобода (т.е. право на "самостоятельность", ограниченное так широко — общеколлективным навыками — что ограниченность эта может и не приниматься в расчет) и непосредственная необходимость следовать функционально-предопределенной норме.

К такой оппозиции (в книге "Русское литературное произношение" М.,1959) пришел Р.И. Аванесов (и, например, М.В. Панов считает, что это неслучайно), говоря о двух стилях произношения: строгом и свободном [20], полном и неполном[21]. Каждый из них содержит средства, которые вступают в стилистическое согласование с себе подобными средствами разных уровней языка.

---

[18] Это, характерное для бытовой и эмоциональной РР, употребление "неужели" отличается от многих, уже описанных случаев его диалогической роли (см.: *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. N4. 1982. С. 315—326). Оно не предусматривает вопросительного смысла, намекает на эллипсис, создает насмешливо-ироническую экспрессию, способствует синонимизации "неужели" с "А то нет", "Уж обязательно!", "Уж (я/он/она) не пропустит такого случая" и пр.

[19] Об узуально-стилистическом понимании "средства" и "приема" см.: *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. Гл. 1.

[20] Термин "свободный" так же применяется по отношению к стилю английской разговорной речи, у которой существуют две стилевые разновидности: литературно-разговорная и фамильярно-разговорная. См.; *Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М.* Стилистика английского языка М., 1960. С. 131—134.

[21] Различается стилистическая и нестилистическая трактовка введенных Л.В. Щербой понятий "полный" и "разговорный" стиль с орфоэпической точки зрения. См.: *Кузьмина С.М.* О состоянии и задачах изучения сценической речи// Русское сценическое произношение. М., 1986. С. 8.

При соприкосновении иностилевых начал в высказывании, принадлежащем любой сфере общения, начинает действовать закон контраста. Приведенные примеры с *заприходую* и *чертовой бабушкой* содержат контраст, который тоже "работает на интимизацию", не обеспеченную в должной мере стилистически нейтральными средствами литературной РР и получившую поддержку стилистически отмеченных средств в виде сниженного фразеологизма и шутливого использования канцеляризма.

Безусловно, контраст с наибольшей силой обнажает стилистическую природу того или иного средства языка[22]. Поэтому естественно, что, попав в книжное нормативно-литературное окружение, разговорное стилистическое средство сыграет свою роль с особым блеском. Однако трудно предположить, что это ему удастся при полном отсутствии "природных актерских данных", т.е. при генетической нейтральности, несовместимой с какими бы то ни было экспрессивными потенциями[23]. Между нейтральными в стилистическом отношении средствами контраст не образуется, а между нейтральными и книжными — выражен менее явно, чем при столкновении крайних полюсов.

Также трудно предположить, что языковое средство получает стилистическое значение только по контрасту, т.е. целиком и полностью за счет упомянутого текстового окружения. Другое дело, что природа стилистического значения — контекстуальна (различие между понятиями "текст" и "контекст" сейчас определено уже достаточно четко) и что для его образования принципиально необходим лишь микроконтекст (слово, словосочетание, высказывание). Контекстуальный контраст как явление, лежащее в основе формирования текста, присуще РР в полной мере.

Стилистическая неоднородность РР и свойственная ей, по свидетельству специалистов, контрастность[24] (как особому структурному коммуникативному типу речи) позволяют выделить из ее языкового состава стилистически отмеченные элементы, т.е. элементы, имеющие разговорные стилистические значения. Их образование можно рассматривать в двух аспектах. Согласно первому — питательная среда для обнаружения разговорно-стилевой характерности — это среднее звено социально-коммуникативных вариантов, по-разному относящихся к литературной норме. Со стилистической точки зрения существуют

---

[22] Ср. популярное сейчас понятие контрастирующих систем. Например жаргон (студенческий, воровской и пр.) трактуется и как явление, само по себе имеющее социально-стилевую характерность, и как приобретающее ее лишь в иностилевой среде.

[23] И не менее трудно предположить, что употребление, например, одного сниженного глагола в книжном высказывании или ряде высказываний создаст разговорный стиль, а в разговорном высказывании этого не произойдет. Ср., например, фрагмент из статьи: "Иные молодые люди, поступающие в высшие учебные заведения, часто *заваливаются* на простейшем, казалось бы, вопросе: когда началась первая мировая война?" (*Алигер М.* О, август сорок четвертого... Лит. газ. 25/VIII. 1964); или из повести: "За семь лет Копылов *отгрохал* новый механизированный ток, машинный двор, две типовые фермы, построил швейный цех для удержания бобрищевских невест..." (*Петров М.* Нежилой дом. Наш современник .N 9. 1984).

[24] Русская разговорная речь: Общие вопросы... С. 38.

литературная, обиходная (термин С.И. Ожегова) и просторечно-жаргонная разговорная речь. В условиях современного русского разговорного общения первые два варианта взаимодействуют достаточно тесно; во всяком случае настолько тесно, чтобы можно было говорить об иллюзорности чисто литературной РР как действительно некой разговорной универсалии для нашего общества. Ни одна из социальных групп говорящих не может полностью исключить из своего речевого опыта один из этих вариантов. Обиходная речь, понимаемая как тематически ограниченная (т.е. более непосредственно и тесно связанная с бытовой тематикой) и ситуативно-заниженная (т.е. чаще соединяющаяся с Ты-отношениями и сугубо прозаическими условиями речи), находясь в эпицентре устного неофициального общения города и численно (по количеству носителей) в нем преобладающая, содержит такие элементы, которые способны играть роль сигналов разговорной сниженности по отношению к книжной речи. Это явления, служащие как бы вывеской экспрессивных возможностей непринужденного, неофициального общения, его тяги к фамильярности и интимности, к небрежности и легкости, которым не должно быть места (как социальной норме речевого поведения) в официальной сфере общения. Речевая жизнь говорящего коллектива не может существовать без противопоставленности этих двух начал. И по отношению к сегодняшней языковой действительности очень важно, как кажется, отдавать себе отчет в том, что обиходный пласт РР именно потому и может являться, в обсуждаемом аспекте, "представителем" разговорного стиля, что за ним стоит реальное большинство обслуживаемых им разговорных ситуаций реального большинства носителей современного русского языка.

5. Неофициальная, непринужденная манера разговора — это речевое следствие типических условий данного вида коммуникации. Образующиеся в их среде явления стилистической отмеченности всегда должны быть (в теории) готовы к иностилевым заменам, свидетельствующим о самом малейшем сдвиге ситуационного характера. Однако в узуально-стилевой практике говорящего общества такие замены осуществляются далеко не всегда, и это обстоятельство как раз подтверждает наличие в стилистической оппозиции "разговорный — книжный" общей, нейтральной части языковых средств.

В тех случаях, когда иностилевая (синонимическая, или "квази"-синонимическая) замена лежит, что называется, на поверхности — присутствие в одном из сопоставимых способов выражения разговорного стилистического значения не требует дополнительных доказательств (ср. Он *хороший человек* — он *славный парень*; Давайте *чайку попьем — давайте чаю выпьем; Картошечки бы купить — надо купить картошки*; *Пешком* каждый день на пятый этаж/ *дураков нет — кто ж это согласится*/ каждый день *пешком* на пятый этаж; *Давай-ка*/ *давай*/ быстро *поворачивайся*/ мы *опаздываем — пожалуйста*/ *собирайся побыстрей*/ мы *можем опоздать*; Надо мне съездить.../ там у меня *тетка есть своя*/ (о знакомой в театральной кассе) может *сделает два билета* на субботу/ *чего* им зря *мотаться* — там у меня есть *своя кассирша* / может быть *даст* (достанет) два билета на субботу / что

им зря *по улицам ходить*). И тот и другой способ вполне осуществим и реален в пределах разговорного общения. Но во вторых членах сопоставляемых пар можно видеть редукцию или интимно-фамильярной шкалы, или эмоциональной оценки ситуации, а также (в последнем примере) примеси жаргонной фразеологии.

Теперь сравним такие примеры: Ну/ *мне надо итти*; Ну/ *мне пора*; Ну/ *я пошел*. С нашей точки зрения, разговорное стилистическое значение получает лишь последнее высказывание, где перфектная форма глагола обозначает интенцию говорящего к действию, которое должно вот-вот состояться. То же самое — в другом семантическом оттенке разговорного перфекта — Я тебе *сказала*/ не трогай! (ср.: Я тебе *говорила*/ не трогай!), где речевое действие, обозначенное перфектом, совпадает по времени с речевым действием, сформировавшим данное высказывание.

Подобные разговорные конструкции дают меньше оснований усматривать в их составе отражение экспрессивного ряда "сниженность — фамильярность — интимность", чем предыдущие. Однако намек на эту экспрессию здесь, безусловно, есть, так же, как и в настоящем времени глагола *опаздываем* где лексическое значение вступает в противоречие с ее грамматическим значением (ср.: мы *всегда* опаздываем). На первый план здесь выходит стилистическое освещение другой стороны понятия "непринужденное личное общение"[25]. Эта сторона более непосредственно связана с высокой конситуативной зависимостью структурных особенностей разговорного высказывания и дальше отстоит от его содержательно-тематических и социально-авторских признаков.

Стилистическими характеристиками этой стороны можно было бы считать два противоположных качества: конситуативную экономию плана выражения, обусловленную непринужденным характером общения, и конситуативную избыточность плана выражения, обусловленную неподготовленным характером языкового отбора. Эти качества, обостряющие асимметрию языкового знака, не способны столь же очевидно проявляться не только в условиях письменной книжной речи, но и в условиях устной книжной или письменной разговорной речи. Поле их действия, ограниченного личным и контактным видом общения, прежде всего определяется такими главными признаками как устность и разговорность. Поэтому в выделении второго ряда стилистических значений устная форма речи оказывается равноправным стилеобразующим средством, наряду с разговорной системой (или подсистемой) языка, имеющей функциональное предопределение.

Второй ряд стилистических значений разговорного стиля, таким образом, не самостоятелен по отношению к устной форме, а зависим от нее. Ему соответствуют следующие понятия: 1. Краткость (сжатость), динамика, недосказанность (незаконченность)[26], логическая

---

[25] Русская разговорная речь. С. 20.

[26] О таких понятиях, называя их стилевыми чертами, писала Э.Г. Ризель (*Ризель Э.Г.* Полярные стилевые черты и их языковое воплощение// Иностр. яз. в школе. М., 1961).

непосредственность и содержательная концентрация, что отражается в преобладании конвенциональных структур над конверсационными[27]. С этой точки зрения нельзя отказать в обладании стилистическим значением ни выносному именительному, ни крайним случаям конситуативного эллипсиса, ни номинациям типа "Над нами живет вчера умерла". 2. Плеонастичность, аморфная статичность, логическая инверсия, содержательная "свобода". Эти стилистические значения выражаются свойствами "линейной грамматики" (термин Т.М. Николаевой), имеющей в своем распоряжении разного рода повторы, рекурентные построения, актуализирующие средства и пр. Ср. диалог: *Вот вчера мы* с Колей/... Коль!/ *Вчера мы Сен-Санса* слушали/ что?// Что ты говоришь?// Я говорю, *Сен-Санса/ вчера мы с тобой...*; реплики типа: Ну я просттаки прям не могу уже/ вот и все; Что же это будет?/ Ни тпру ни ну/ ни туда и не сюда; *Я не хочу высказываться/ но скажу/* что это глупость; Вот видишь/ как все *просто и несложно*; Мне бы надо такой *малипусенький небольшой* гвоздик и пр.

Прагматические исследования последних лет указывают на такую возможность интерпретировать связь языка и мышления, которая подчеркивает природу стилистических свойств устной разговорной речи: "... неверно, что смысл, передаваемый в речевом общении, заранее дан говорящему и нуждается лишь в словесном воплощении. В процессе мыслительно-речевого акта смысл создается, формируется, т.е. для действующей модели языка терминальными компонентами являются не смысл и текст, а мысль и (звучащая) речь"[28]. В спонтанной устной речи формирование смысла высказывания, синхронное формированию его языкового выражения, способствует возникновению "ближайших" экспрессивных воплощений, при которых: а) минимальное и, следовательно, содержательно концетрированное словесное обнаружение соединяется с паралингвистическими показателями, сохраняющими "тайну образования экспрессивного вклада"; б) максимальное и, следовательно, "разряженное" словесное обнаружение, которое, отвергая паралингвистическую помощь, выносит эту тайну на поверхность высказывания.

Как известно, по отношению к практической языковой жизни общества далеко не просто "развести" случаи обиходной характерологии (первый аспект разговорно-стилистической характерности) как источника относительно независимых разговорных стилистических значений и случаи их связанности типическими условиями уст-

---

[27] См. современные работы по прагматике: *Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики; *Демьянков В.З.* Прагматические основы интерпретации высказывания// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. N 4. Последний называет вообще прагматику разговора — "конверсационной", что терминологически не соотносится со смыслом различий между конвенциональными и конверсационными импликатурами общения с точки зрения "прямых" и "косвенных" речевых актов как они трактуются в статье Т.В. Булыгиной (С. 339).

[28] См.: *Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е.* Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. N 4. С. 354. Ср. обиходное клише "сначала подумай, потом говори" как выражение прагматически же направленной попытки устранить неизбежные издержки этого процесса.

ного личного непринужденного общения (второй аспект разговорно-стилистической характерности). В языковом употреблении они сливаются. Если глагольную окказиональность типа "Я тебя недопроверила" мы отнесли к фамильярному "следствию" непринужденного общения, то сейчас нет препятствий отнести ее и к результату экономии речевых средств, обусловленной всем комплексом ситуативных факторов, сопровождающих формирование устного разговорного высказывания. Ср. следующий диалог: А: Пока в ней нет/ конечно/ устойчивости// Я была как-то стабильней/ в ее возрасте// Вот Гомер (т.е. "она, с одной стороны, читает Гомера")/ и все это/ ... всякие тряпочки/ палочки/ все время пристает с какой-то ерундой/ какие-то лодочки; Б: Ну/ так ты ее достабилизируй/ что в твоих силах. В глагольной форме *достабилизируй* одновременно соединяется и стремление к ситуативной экономии (в данном случае как характерной диалогической реакции) речевых средств, и направленность на интимизирующий прием, заключающийся в приспосабливании книжного лексического значения к разговорному стилистическому значению.

Так же двойственно можно трактовать обиходные: *выбейте мне два кило*, или *перебейте десять копеек* и пр. Причем все-таки именно в обиходе, и в семейном, и в общественном, случаи полного слияния этих двух аспектов наиболее регулярны.

По всей вероятности, мысль о существовании разговорного стиля не только не противоречит взгляду на РР как на особую языковую систему (или подсистему) и как на особый литературный язык, но, наоборот, подтверждает этот взгляд со своей стороны. Разговорный стиль логически может быть выделен именно на его основе как элемент РР, как ее стилистически окрашенная часть, как опять-таки "набор красок", сниженных по отношению к КЛЯ, но не ограничивающийся лексическими и другими экзотизмами, а составляющий, наряду с признаками РР, выделяемыми не на стилистических основаниях, ее суть. Согласно нашему пониманию, на "разговорном стиле" не говорят так же, как и на "сниженном"[29] или на любом другом, — просто потому, что стиль и структура находятся в отношениях: части к целому[30] и "четвертого измерения" к совокупности системных показателей фонетики, грамматики, лексики.

Таким образом, если время утверждения, что разговорная речь — это стиль, прошло, то утверждение, что в разговорной речи есть[31] разговорный стиль и что составляющие его элементы проявляют себя не только вне, но и внутри РР, остается актуальным[32].

---

[29] Русская разговорная речь: Общие вопросы... С. 53.

[30] При сопоставлении, например, взглядов Ю.М. Скребнева с другими можно увидеть, что для него это ограниченный набор единиц, который квалифицируется как коллоквиальный субъязык.

[31] Точнее, в разговорной разновидности литературного языка

[32] Даже в пределах звучащей речи об этом можно судить по фактам использования разговорного произношения в качестве характерологического средства сценической речи. См.: *Розанова Н.Н.* Разговорная речь на сцене// Русское сценическое произношение. М., 1986. С. 110—113.

Нужно также сказать, что стилистический смысл некоторых структурно-коммуникативных черт устной РР (если уж говорить о стиле РР, проявляющемся в КЛЯ) подчеркивается тем обстоятельством, что стилизация первой во втором осуществляется главным образом при помощи ограниченного круга явлений, имеющих стилистическое значение и на своей "родине".

СТИЛИСТИКА ЗВУЧАЩЕГО ТЕКСТА

I. Приведенные соображения позволяют утверждать, что устное высказывание, осуществляемое в разговорной сфере общения и, следовательно, построенное по структурно-коммуникативным законам РР, способно содержать типические признаки разговорного стиля, сообщающего ему соответствующую экспрессию. И, скорее всего, устная реализация признаков разговорного стиля в рамках РР выявляет предельный, для спонтанно-автоматических условий подготовки речевого акта, объем экспрессии, создаваемой согласованным межуровневым взаимодействием языковых единиц.

Роль звуковой стилистики для автоматизированной спонтанной экспрессии, которая служит планом выражения разговорно-стилистических значений, при этом отлична от ее роли в других сферах устного общения, несмотря на то, что последним свойственно типологическое соприкосновение с РР по отдельным признакам.

Так, например, признак "своя" речь, т.е. речь, в которой человек выражает себя именно как автор данного высказывания и в содержательном и в формальном плане, также характерен для ораторской (лекторской) речи. Но, так как деления на шкале "спонтанность—подготовленность" отбора у ораторской речи и у РР различны, то различно и отношение стилистически значимого звукового отбора, который даст экспрессивный эффект, к отбору аналогичных средств других уровней языка. Ясно, что и этот стилеобразующий фактор, и другой, с ним связанный, — соотношение "индивидуальное/коллективное" — для звуковой стороны речи в целом означает бóльшую амплитуду колебаний между автоматизмом и продуманной экспрессией[33]. Нужды последней могут в разных ситуациях привести к двум прямо противоположным следствиям. 1. Отказу от с в о и х (допустим, произносительных) привычек в пользу общепринятых как функционально целесообразных и, значит, узуально-экспрессивных. Это свойственно речи людей, чья профессия связана с необходимостью говорить публично. Здесь прежде всего возможна редукция насыщенных эмоционально-бытовых интонаций, произносительных особенностей (если они имеют сниженную окраску) и связанного с ними убыстренного темпа речи. Со звуковой стороны профессиональная речевая роль в этих случаях стремится уйти как можно дальше от обиходно-

[33] Это касается говорящего, но не служащего. Опыт показывает, что говорящий, способный чутко улавливать звуковые особенности речи собеседника, не замечает своих. А, если ему на них указывают, удивляется и даже обижается ("Да что ты выдумываешь, я никогда так не говорю" и т.п.).

постоянных навыков говорящего. 2. Те, для кого публичная устная речь — редкая и нетипичная языковая ситуация, наоборот, стараясь поднять стиль высказывания над уровнем обиходности, достигают этого за счет лексико-синтаксических средств в первую очередь и в последнюю — вспоминают о своих произносительных навыках.

Другой признак: "свое произнесение чужой речи" — чтение или актерская игра. Он соприкасается с устной РР только в "исполнительской" части, и тогда индивидуализация речевого выражения естественным образом сосредоточивается (и может быть гипертрофирована) именно на ней[34]. Тот, кто "озвучивает" текст, есть его первый адресат, и свое восприятие текста он доносит до других адресатов с помощью приемов звуковой стилистики. Они в этом случае предназначены для дополнительной информации о стилистических особенностях одной из двух реально существующих форм речи[35]. Поэтому действие стилеобразующего фактора, поддерживающего либо ту, либо другую форму, проявляется в той точке шкалы, которая содержит деления, указывающие на специальный отбор средств преднамеренно экспрессивного отбора.

Существует мнение, что "фонетических признаков у разговорного стиля нет". Оно наряду с другими доводами призвано подтвердить отсутствие последнего в пределах РР[36]. Но, если допустить обратное, то нельзя не признать наличия разговорного стилистического значения у "сниженного" ("свободного", "неполного", "домашнего" и пр.) стиля произношения. Его признаки выступают в устной разговорной речи не изолированно, а как один из элементов совокупной стилистической характерности[37], условия для проявления которой, по закону стилистического согласования, создает именно устная РР.

На произносительные стили, функционально мотивированные, дополнительным грузом ложатся приемы, отражающие более высокую степень преднамеренности экспрессивного звукового задания. Спонтанная речь не мешает его автоматической реализации и обеспечивает соответствующий экспрессивный эффект, хотя, например,

---

[34] Конечно, на нормативно-произносительных особенностях это отражается меньше, чем на сопутствующих им интонационно-мелодических. См.: *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., 1950. С. 15. И с точки зрения последних исследователи справедливо разграничивают понятия "устная речь" и "звучащая речь".

[35] Ср. сопоставление выразительных средств устной и письменной формы речи: «...чтец... нарочито "отдельно" как заставку к главе произносит "Драгоценная пыль" — *словно набрав название главы крупным шрифтом*» (Мастера художественного слова. М., 1983. С. 201); «путевые заметки Ю. Юзовского "Мы с Наташей плывем по Волге" рассказываются... я не оговорился: не читаются, а рассказываются...» (о чтице И. Чижовой) (Там же. С. 244).

[36] Он есть лишь в КЛЯ "и выражается в подборе особой лексики". См.: *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 220.

[37] Ср. рассмотрение сочетания "мягкий зубной перед губным", в противовес "твердый зубной перед губным" как уводящего книжную лексему в разговорный стиль, т.е. интимизирующего официально-высокую семантику слова, адаптирующего ее к обиходной сфере общения. По отношению к рассматриваемому слову (*возвел*) эти выводы совпадают с теми, которые дают нефонетические показатели (см.: *Ганиев Ж.В.* О произношении рабочих — уроженцев г. Москвы// Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971. С. 39).

Н.С. Трубецкой настойчиво подчеркивал "искусственную природу" явлений звуковой стилистики[38]. Такая двойственность очень важна для понимания специфики разговорного стиля. Отдельные ситуации речи, мотивирующие употребление той или иной произносительной черты, отчетливо указывают на преднамеренное экспрессивное задание. Ср. пример из обиходно-деловой речи: (в ответ на вопрос одного сотрудника отдела, прочел ли коллега его работу, другой сотрудник отдела отвечает) "Да так/ *лиснул*...", где и лексическое, и грамматическое значения данного слова дают возможность продемонстрировать "несерьезное отношение" к делу, усиливаемое фонетической чертой, которая завершает образование стилистического значения этой глагольной формы. В беседе нескольких сотрудников научного учреждения (ситуация полуофициальная) звучит такая фраза: "А Петрова этого/ я бы лично *сей-час*/ выгнал" (из аспирантуры). Здесь произносительная ре-этимологизация, "завышая" сниженную произносительную норму [ш'ас], дает эффект, равный предыдущему по четкости и обратный по содержанию.

Такие средства вписываются в набор узуальных стилистических средств как генетически присущие устному речевому общению,отличающемуся одновременно и высоким уровнем автоматизма и частотностью высказываний, окрашенных эмоционально[39].

II. Изучая реальные стилистические свойства устного разговорного высказывания, так же невозможно ограничить экспрессивную роль его звуковой стороны одними произносительными стилями (как явлением фонетики) или одной звуковой стилистикой в понимании Трубецкого (как явлением фонологии), как и составить стилистическое целое лишь из двух разноплановых категорий. Оно, очевидно, складывается при участии и других звуковых явлений.

Исследователи РР отмечают, что она "строится как система коммуникации, в которой основную роль играет слуховой канал связи. В пределах слухового канала связи наряду с собственно языковыми средствами выступают и другие способы передачи информации, которые могут быть реализованы человеческим голосом. Их можно обозначить термином "мелодика" в широком смысле слова. Сюда относится

---

[38] *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960. С. 23—24. Что касается экспрессивно-характерологических признаков говорящего, которые Трубецкой отделяет от апеллятивных, то они, в ситуациях, требующих повышенного экспрессивного эффекта, действуют при том условии, что говорящий не чужд их вообще. Так, манерная редукция гласных, например, увеличивается, если она составляет часть произносительных постоянных привычек: Ну, пъчему, въшш'е, тъкой и пр. — в определенных условиях речи.

[39] Конечно, в устной повседневной речи вряд ли могут быть такие крайности, как, например, в сценической речи. Ср. характеристику чтения актрисы В. Поповой:«... на смену обычно произнесенному слову приходит плач и рядом с ним шепот, а вместе с ними распев широкий, мелодический и распев "сухой", словно растянутые, раскадрированные в шепоте или в обычной речи слова» (Мастера художественного слова. С. 124). Но, возможно именно поэтому, среди людей, любящих литературу, существует предубеждение против художественного чтения как вида искусства и мнение, что литературный текст лучше просто читать про себя, коль скоро он предназначен для чтения. А если уж не читать, а слушать, то мастеров, которым свойственна сдержанная манера исполнения.

не только интонация (движение тона, изменение тона), но такие явления, как динамика, темп, регистр, тембр"[40].

Возможно, что для явлений, охватываемых термином "мелодика", степень отдаленности от собственно языковых знаков неодинакова[41]. И, в зависимости от нее, те или иные из "мелодических" факторов могут играть стилеобразующую роль, если этому способствует мощный внешний стимул. Об одном таком явлении (темп речи), благодаря которому формируются определенные произносительные навыки, говорил Л.В. Щерба, выделяя "полный" и "неполный" стили произношения. Существование этих стилей связывается (хотя и с неодинаковой степенью четкости для разных явлений) с литературной и нелитературной (просторечной и книжной — как писал Р.И. Аванесов[42]) речью.

Мы знаем, что теоретически любое высказывание можно произнести любым "тоном", т.е. при помощи разнообразных комбинаций произносительно-мелодических средств. Известно, например, упоминание Р.О. Якобсона (и многие другие подобные свидетельства)[43], что один из актеров Художественного театра демонстрировал ему произнесение словосочетания *сегодня вечером* пятьюдесятью разными способами, которыми вовсе не исчерпывались, как считал сам Якобсон, все имеющиеся возможности орфоэпического и мелодического типа, потому, что они, по существу, составляют "открытый ряд"[44].

---

[40] См.:Русская разговорная речь: Общие вопросы... С. 26.Ср. высказывание Б. Пастернака: "Андрей Белый вел курс практического изучения русского классического ямба и методом статистического подсчета разбирал вместе со слушателями его ритмические фигуры и разновидности. Я не посещал работ кружка, потому что, как и сейчас, всегда считал, что музыка слова — явление совсем не акустическое и состоит не в благозвучии гласных и согласных, отдельно взятых, а в соотношении речи и ее звучания ("Люди и положения"). "Смысловые и эмоционально-стилистические различия звучащей речи возникают в результате взаимодействия синтаксической конструкции предложения, его лексики, интонации и смысловых связей в контексте" (*Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. С. 24).

[41] Как известно, в знаковом характере А.А. Реформатский не отказывал даже явлениям "неканоничной" фонетики (т.е. тем звукам, которые создаются органами, не включаемыми в каноничный речевой аппарат. См.: *Реформатский А.А.* Неканоничная фонетика// Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 96).

[42] *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., 1950. С. 14.

[43] См. гл. "Языковая игра" в кн.: Русская разговорная речь: Фонетика... 1983.

[44] Общеизвестны такие оценки как "сладкий", "потрясенный", "лающий", "мягкий", "ликующий", "утепленный" и пр. и пр. тон/ голос. Ср. пример из газетного фельетона: "Идите сюда, бессовестный, — иначе, тише, *наполненнее* сказала Зоя и протянула к нему руки". "...простое *здравствуйте* можно сказать *ехидно, отрывисто, приветливо, сухо, мрачно, ласково, равнодушно, заискивающе, высокомерно...*" (слова И.Л. Андроникова, цит. по: *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Слово написанное и сказанное у И.Л. Андроникова// Русское сценическое произношение. М., 1986. С. 120.

Автор этой статьи приводит и такую, например, ремарку Андроникова в письменном тексте: тоном *спокойным и удивленным*, т.е., очевидно по ИК-3 и ИК-4 Е.А. Брызгуновой. См. о единстве смыслового и эмоционального содержания высказывания: *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия... С. 8—16 и далее.

Ср. ремарки М.А. Булгакова, в которых угадывается сложная связь эмоции и смысла высказывания, передаваемая соединением мелодических и мимико-жестикуляционных средств: *снисходительно и, в то же время тревожно улыбнувшись*, сказал Тальберг; голос Тальберга *дрогнул;* Тальберг, *вытягивая слова, медленно* и *весело* рассказал...;

Однако, практические коллективные навыки устного разговорного общения свидетельствуют об определенных ограничениях в регулярных связях мелодики со знаковой стороной языка, создающих стилистическое значение устной формы речи. Регулярными можно, по всей вероятности, считать такие связи, которые способны смещать или увеличивать коннотативное содержание вступающих в них элементов языка. Сравним три ряда ремарок, которыми можно было бы обозначить на письме звуковые особенности высказывания:

1. Говорил: хриплым голосом, срывающимся голосом, плачущим голосом, отрывисто, задыхаясь, торопясь, проглатывая слова и пр. Это либо физические, либо психофизические характеристики звучания высказывания, и к языковому содержанию общения они отношения не имеют, хотя и свидетельствуют об эмоциональном состоянии человека в момент речи.

2. Говорил: спокойно, взволнованно, улыбчиво, добродушно, ласково, злобно, недовольно, нахально, дерзко и пр. В таких ремарках уже просматривается эмоциональная характеристика самой речи, но роль мелодики в том, чтобы эта характеристика получила стилистическое значение, не достаточно широко очевидна. Так, нейтральное по всем другим показателям высказывание может содержать эмоционально-мелодический подтекст лишь в связи с окказиональной конситуацией речи[45]: "Накрывай на стол", — радостно (грустно, раздражительно, весело, зло) сказала мама; в то время как высказывание, включающее в себя оценочное содержание, которое поддержано и мелодическим рисунком, узуально: "Мама заболела", — сказал он грустно.

Однако в этом последнем случае согласованные действия мелодики и остальных элементов тавтологичны с точки зрения коннотативного содержания высказывания, хотя и усиливают его экспрессию ("У меня пятерка!" — радостно закричала она), тогда как контрастирующие действия могут способствовать образованию одного из узуальных приемов инвертированного класса, смещающих объем коннотации: "Пьеса имела большой успех", — сказал он мрачно (раздраженно, недовольно, кисло и пр.) и "Француженка заболела!" — радостно закричала она. Здесь невербальный компонент вторгается в экспрессивно-оценочную семантику сообщения, и такие эмоциональные связи мелодики с остальными строевыми элементами высказывания регулярны[46]. Но при этом их функциональные основания не

или ремарки Бунина: "— Теперь уходите, барчук, *— бесстрастно, но значительно* сказала Наташа.."; Анюта *тупо, восторженно* и *косноязычно* говорила с печки: — Вот и помер, ваше сиятельство ... Так и не дал мне ничего..." ("Исход").

[45] Причем это может быть совершенно неоправданная конситуация. Так, зафиксирован случай произнесения диктором фразы: "По документам, это оказались преступники, которые окопались на территории Пакистана..." с ласково-вкрадчивым мелодическим оттенком при слове *окопались*, что вызвало единодушный смех слушающих радиопередачу.

[46] В цит. ст. Г.Н. Иванова-Лукьянова приводит и такие слова Андроникова: "...интонационное строение речи не только выражает отношение говорящего к тому, о чем идет речь, но иногда придает слову прямо обратный смысл" (С. 116).

указывают на подсистемную специфику общения. В сферах устной речи, противопоставленных разговорной, типический набор эмоциональных характеристик, возможно, утратит некоторые из уже упоминавшихся и приобретет другие (четко и раздельно, грозно и пр.). Но ясно, что одно и то же эмоциональное качество мелодики может накладываться на разный в функциональном отношении словесный состав высказывания. "Радостно" можно сказать и "Товарищи!/ Первую лекцию в новом учебном году/ я хочу посвятить/ очень интересной проблеме", и "Вот надо же/ я и не думала/ такая выставка интересная!". Это обстоятельство не позволяет считать чисто эмоциональные мелодические показатели составной частью стилистического значения языковых единиц.

То же самое можно сказать о мелодической характеристике, внешне выраженной в "функциональной" ремарке: бытовой, будничный, проходной тон/голос[47], которая на самом деле является нулевым показателем эмоциональности. Скороговорка, "безинтонационность", отсутствие тембровой амплитуды, смены голосового регистра — например, в ораторской речи нарушают полноту условий для осуществления "книжных" стилистических значений, принадлежащих научному и публицистическому высказываниям. В то же время, контрастной природе РР присущи широкий мелодический диапазон, в котором "нуль эмотивности" (т.е. бытовая безинтонационность, сопровождающаяся аллегровым темпом речи) является при определенных условиях стилистически значимой точно так же, как ее высокая степень. Ср. бытовое проговаривание фразы: "Вот я дурак что я за дурак такой" и эмоцинально насыщенную высокую ноту, на которой звучат те же слова: "Вот я дурак!//Что я за дурак такой!" Поэтому квалификация мелодики высказывания как "бытовой" не может вести к признанию за ней способности к образованию стилистического значения, несмотря на кажущуюся функциональную определенность ряда подобных определений.

3. Говорил: шутливо, фамильярно, интимно, иронически, язвительно, насмешливо, чопорно, торжественно, высокопарно и пр. Это характеристики, синтезирующие эмоцию и функцию. Их мелодическая часть не может быть свободна от эмотивных признаков. Но последние оказываются на службе у функционального задания, которое предпола-

---

[47] Ср. эстетическую квалификацию подобных понятий. В статье о чтеце А. Кутепове упоминается, что Д.Н. Журавлев делает во время репетиций следующие замечания: "Это бытово. Это Чехов, а не Пушкин" (Мастера художественного слова. С. 25).

В постановке "Ревизора" театром "Современник" В. Гафт, играющий городничего, нарочито "обытовляет" интонационный рисунок реплик, что дает неожиданный экспрессивный эффект. Кроме того, иногда мелодические показатели ощущаются как прямолинейно социальный, характерологический признак речи, хотя вряд ли существует возможность не только непосредственно связать его с вербальной стороной речевого общения, но и хоть сколько-нибудь определенно квалифицировать его с акустической стороны. Так, например, приходилось слышать мнение, что такой-то актер не может играть героя в экранизации чеховского рассказа, потому что у него "неинтеллигентный голос" (причем имелся в виду именно тембр и, частично, интонация, но никак не орфоэпические приметы); или же замечание режиссера о том, что актер, озвучивающий роль сицилийского крестьянина, должен забыть свои "комсомольские интонации".

гает регулярную связь мелодики с вербальным составом высказывания на паритетных началах. «"Накрывай на стол" и "мама заболела" — шутливо сказала она» — неузуальны, тогда как ирония в высказывании: "Нина — это наша главная моральная опора" и ласковая шутливость в высказывании: "Как Вы сегодня прекрасны, дорогая!" — отражают типовые стилистические приемы, в формировании которых средствами устной формы речи принимает участие и мелодика.

"Интимная" же интонация в высказывании: "Товарищи!//Первую лекцию в новом учебном году/ я хочу посвятить очень интересной теме" не только неузуальна, но и противоестественна, в то время как для высказывания "Вот надо же/ я и не думала/ такая выставка интересная" она вполне реальна. И, наоборот, прямое экспрессивное назначение высокопарного тона в условиях РР разрушается. Ср. из домашнего диалога: А: (о внучке) Ей надо учиться все самой делать/ надо/ чтобы она понимала/ сняла/ тут же простирнула/ грязное не копить...; Б: (входит) Что это у вас здесь за *скорбный пафос* такой/ *по поводу грязного белья*? Последняя реплика может быть реакцией только на мелодическую сторону высказывания, которая контрастирует и с ситуацией, и со словесным составом, содержащим разговорную глагольную форму "простирнуть". И, таким образом, стилеобразующую роль мелодики так же, как и для вербального состава высказывания, целесообразно видеть в экспрессивном выражении стилистического содержания, которое образуется на пересечении эмоциональных и функционально ограниченных признаков языкового употребления.

С этой точки зрения, мелодические показатели устного высказывания (при том, что исследователи РР трактуют их в широком смысле, т.е. отмечают неоднородность их состава, который и сам еще нуждается в более точном определении) выполняют экспрессивное задание аналогично тому, как его основные интонационные типы выполняют информативное задание[48]. Из этих двух заданий складываются условия для реализации речевого общения. Если существует коммуникативная функция просодической структуры РР в целом[49], то наличие у отдельных ее элементов специфически экспрессивной функции закономерно. И в интимизирующих приемах, и в приемах комико-иронического ряда, вместе с интонационными и орфоэпическими признаками, звуковая экспрессия создается тембром, темпом, ритмом высказывания. Ср., например, диалог из популярного анектода "Нужна мне ваша курица... — Мадам говорит что ей нужна ваша курица". Роль ремы слово "нужна" могло бы выполнить (при том же порядке слов) и с другим мелодическим рисунком реплики; но для "иронической ремы"[50] здесь необходим полуусмешливый, "хмыкающий" призвук, которым сопровождается ударный слог, иногда являющийся и ослабленным повтором такого же призвука, имевшего место в препозиции к словесному

[48] См.: Русская грамматика. М., 1985. Т. 1, 2 (разделы об интонации, написанные Е.А. Брызгуновой).

[49] См.: Русская разговорная речь: Фонетика... 1983. Гл. 1.

[50] (помимо синтаксической инверсии).

выражению всей реплики. В другом случае мелодическое усиление иронии выразится каким-то еще качеством тембрового изменения ударного слога: "Да/ты сегодня *прекрасно* сделала уроки". В зависимости от него появятся или сверхдолготы ударных слогов, или ритмико-динамические изменения произнесения слов в словосочетаниях, их включающих. Но без специальных мелодических показателей вообще прием иронии в устной речи не формируется.

И, соответственно, отобранным как стилистический нейтральный окажется нулевой в эмоциональном смысле мелодический рисунок высказывания[51]. Ср. случаи, когда, например, шутливо-неодобрительное прозвище приобретает номинативную функцию: "Анна Николаевна/ я у вашей *Мегеры* (ср. Иры, сестры, соседки)/сумку синюю взяла/ ничего?" Слово *Мегера* в этом высказывании не имело специальной звуковой экспрессии.

СИТУАТИВНО-СТИЛЕВЫЕ ЗАВИСИМОСТИ УСТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

I. С коммуникативной точки зрения нет смысла изучать стилеобразующую роль совокупности разноуровневых языковых показателей вне экстралингвистических факторов, порождающих высказывание. Более того, стилистическое значение высказывания как единицы речевого общения достаточно безразлично к тому, какими именно видами сочетания стилистически отмеченных элементов оно исполняется[52]. В гораздо большей степени оно зависит от участия в его формировании приема контраста или приема согласования. Поле деятельности этим приемам, обнаруживающим основные закономерности стилистического узуса, представляет ситуация речи. И потому типология устно-разговорных речевых ситуаций играет для явлений стиля определяющую роль[53].

Наиболее обычные (регулярные и естественные) ситуации устной речи — это разговорные ситуации. Конечно, в "ролевой функции"

---

[51] Ср. о нейтральном эмоциональном состоянии как одном из видов проявления эмоции: *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия... С. 12.

[52] Несколько знаков денотативной системы могут в совокупности образовывать один коннотатор — в случае, если они отсылают к одному и тому же коннотативному означаемому. Иначе говоря, единицы коннотируемой системы могут иметь другую величину, нежели единицы денотативной системы. Обширные фрагменты денотативного высказывания могут образовывать лишь одну единицу коннотируемой системы (такова стилистика текста, состоящего из множества слов, но отсылающая к одному единственному означаемому) (*Берт Р.* Основы семиологии// Структурализм "за" и "против". М., 1975. С. 158.

[53] В сопоставлении разных точек зрения по этому вопросу находит отражение существующая здесь и понятийная, и терминологическая неупорядоченность. Ср.: «Параметры стилевой охарактеризованности ЗТ (звучащего текста. — *Т.В.*) выявляются: 1. во взаимоотношения стиля и ситуации общения; 2. во взаимоотношении стиля с формой реального языкового проявления; 3. в отношении стиля ЗТ к понятию "разговорная речь"; 4. во взаимоотношении стиля ЗТ со способом коммуникации и видом речи; 5. в связи с динамикой тематико-ситуационных границ» (*Лузина Л.Г.* Функционально-стилистические особенности звучащего текста// Звучащий текст: Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1983. С. 127).

говорящего/слушающего, ими создаваемой, непременно проявляются черты постоянного социально-языкового облика участников общения, которые не менее существенны для стилистических характеристик. Дело здесь заключается лишь в следовании такому способу описания, который более бы соответствовал поставленной задаче. Ситуативная рамка, т.е. инверсия (от переменных признаков к постоянным) представляется вполне допустимой, так как позволяет увидеть высокую вариативность первых, зависящую от последних.

Высокая ситуативно-речевая вариативность постоянного социального облика говорящего — это главная причина стилистической гетерогенности устных разговорных высказываний, в основе которой лежит не различие в "наборе ситуаций"[54], а различие в умении приспособиться к "типическому набору ситуаций". По этому признаку, который значим как для стандартных, так и для нестандартных, окказиональных ситуаций речи, прежде всего можно провести стилевую границу между речью интеллигенции (а, вернее, численно небольшой ее части — научная, "творческая" интеллигенция и т.п.) и всеми остальными слоями городского населения (уровень образования и профессиональная принадлежность здесь играют второстепенную роль).

Существование подобной границы еще с одной стороны подтверждает правомерность стилистической квалификации той части языковых средств РР, которая отчетливее других выражает ее непринужденный характер — во-первых, и конситуативную зависимость структуры высказывания — во-вторых. Именно в речи названных групп интеллигенции прослеживается самая широкая амплитуда стилистической гетерогенности, позволяющая видеть реальную роль обиходного слоя как центра образования разговорных стилистических значений. Обиходно-стилевой центр РР распространяет свое влияние на бесспорное большинство ее стандартных ситуаций и вовлекает в свои пределы такое же большинство говорящего населения города. Социальная значимость дает стандартным ситуациям известное преимущество перед окказиональными, и численный перевес обиходной тематики в рожденных ими речевых стереотипах укрепляет "серединные" позиции разговорного стиля на линии, конечные пункты которой обозначаются как "нейтральный" и "просторечно-сниженный" (когда речь идет об экспрессии, а не о характерологии).

В этом смысле также открываются большие возможности для наблюдения над экспансией в сферу разговорного общения стилевых черт обиходной речи. Прежде всего анализ данного явления обнаруживает их ситуативное происхождение, т.е. функциональную вариативность разговорной экспрессии. Отклонение от обиходных стилистических значений в тех условиях, когда они естественны, может быть осуществленно опять-таки в речи лишь определенной части интеллигентных носителей языка, т.е. при более чутком осознании единственно возможной выразительной необходимости.

---

[54] Эта мысль лежит в основе теории "развернутого" и "ограниченного" языковых кодов ("средний" класс/рабочий класс), существующей в западной лингвистике. См.: *Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика. М., 1976. С. 33.

Наиболее показателен здесь такой вид стилевых вариаций, кокоторые образуются как немедленный отклик на ситуативное изменение. Ср.: (приход врача в семью двух научных работников) А: (жена больного) Доктор, я Вас прошу/ мне главное чтобы в легких/...ничего нет? / ...Или бронхит?... (на замечание врача о жестком дыхании): Ну жесткое дыхание/ я знаю/ жесткое дыхание/ вообще-то/ это у него хроническое;(после назначения лекарства): Так/ бисептол по две/... Понятно... (после ухода врача): Ну ты конечно воды в рот набрал// Надо как-то лечиться/ а ты даже вообще ничего// Она значит какие жалобы/ а ты значит никаких жалоб/ ты значит у нас симулянт// Уму непостижимое идиотство.

Стилевое переключение (снижение) обнаруживается при следующих явлениях: 1. Ускоряется темп высказывания и, соответственно, сокращается его интонационная сегментация. 2. Редуцируются и контаминируются фразеологические сочетания, из-за чего нарушается их синтаксическая и семантическая структура (*Уму непостижимо* и *Молчишь, как будто бы в рот воды набрал,* где исчезают элементы, формирующие сравнение). 3. Диапазон стилевых колебаний лексики и фразеологии расширяется, вследствие приобретения высказыванием эмоциональных и утраты нормативно-нейтральных качеств. 4. Увеличивается количество семантически ослабленных элементов высказывания, связанное с синтаксическим построением, развертывающимся "по окружности".

Как прямо противоположный можно привести пример из просторечного высказывания (ситуация: пациентка не хочет уходить из кабинета врача, хотя туда уже вошел следующий посетитель): Дък ты мне ету смерь / кровяную/ какой день хожу// ... бюллетень нам не надо/ мы не оформляем бюллетень/ я слава-те-хосди пенсионерка на пенсии.../ етот стаж у меня давний. Если стилевое переключение предыдущего высказывания связано с ситуативным переключением, то носительница просторечия "выкладывает" свой контрастный стилевой опыт (*слава-те хосди, стаж, оформлять бюллетень*) вне прямой ситуативной зависимости, а следовательно, без специального учета коммуникативных нужд адресата. Последнее характерно и для тех носителей литературной разговорной речи, навыки которых в стилевом отношении тяготеют к сниженно-обиходным краскам как к характерологическим, а не экспрессивным.

II. Разнообразие разговорно-коммуникативных ситуаций и обслуживающих их речевых жанров можно объединить, с точки зрения взаимодействия разных стилевых навыков говорящих, в два типа речевого поведения — "отталкивающий" и "впитывающий". Самым полным образом они, естественно, выражаются в устной диалогической форме общения, ограничивающей возможности заранее обдуманного "приспособленчества" и, тем самым, открывающей наибольший простор экспликации истинно-коллективных навыков в употреблении стилистически значимых единиц языка[55].

---

[55] Ср. мнение психолога о телефонном разговоре как виде речевого общения, стимулирующем использование штампов, и переписке, которая мобилизует индивидуально-

С этой точки зрения устные высказывания дифференцируются в зависимости от того, являются ли они репликой во "внутригрупповом" или в "межгрупповом" диалоге (полилоге). Для первого обычен выбор наиболее краткого и прямого пути к взаимопониманию, т.е. к совпадению стилевого задания и стилевого эффекта. Для второго такой выбор — явление нерегулярное и не всегда обеспечивающее совпадение задания с эффектом. Если в межгрупповом диалоге есть конвенциональные приемы, свидетельствующие о желании "найти общий язык", то они, как правило, принадлежат тому, кто обладает более гибким и более разносторонним языковым опытом. Частности здесь, конечно, непредсказуемы, но общая тенденция налицо: склонность к более узким групповым привычкам — возрастным, профессиональным и пр. — может помешать заключению конвенции.

Вот самые элементарные примеры: (в книжном магазине) Покупатель: Да/ "Пиф" как-то и слинял/ и вылинял (о детском французском журнале. Имеется в виду его отсутствие на прилавке); продавец: У нас бракованных экземпляров / вообще в продажу не поступало ("игра" не принята и не понята). Ср. А: Чему я завидую/ она работает/ ну прямо отрешенно/ в келью засядет и все/ для нее ничего больше нет; Б: Ну а как отрешишься/ а кормить их надо?// Между прочим/ трехразовое питание. А: Трехразовое/ необязательно. (Принят и высокий глагол и цитатный прием употребления профессионально-делового клише. Стилевое задание дало ожидаемый стилевой эффект.) Или: А: У них вон на всем участке/ восемь лифтóв поломано/ ...прост-тъки не знаю../// Стучите шибче/ может кто сверху услышит; Б: Мы уж стучали/ и шибче/ и по-всякому... ("Шибче" в нелитературном значении — 'сильнее', 'громче' — принято и процитировано как знак достигнутого взаимопонимания, перемещенный, следовательно, из характерологической категории в экспрессивную).

Существует также множество "отраженных" реакций на чуждый речевой опыт, обнаруживающих стилевые навыки самого автора данного высказывания. Приведем лишь один .типический пример: столкновение "полного" и "неполного" стилей в произнесении имени-отчества: Эта "Лизавета Николаевна"/ как она представляется/ довольно унылая мымра; Он меня только *Григорий Сергеевич* на-

---

творческие потенции авторов писем (Неделя. 1984. N 36. *Бушелева Е.* Я говорю по телефону. Я пишу письмо). К тому же уменьшающаяся роль частной переписки, дневников и прочих жанровых разновидностей РР в письменной форме резче обозначила границы стилевых переключений в связи с формальными — для тех, кто не вполне владеет литературной нормой, — и привела к принципиальному (теоретически) отсутствию таковых для современной интеллигенции. Обратные явления для обоих полюсов сохраняются лишь в языковом опыте старшего поколения потомственной интеллигенции, для которой письма — все еще значимая часть речевой деятельности, требующая серьезного и "нормативного" подхода. (В этом случае частные, неофициальные письма могут тяготеть и к книжной речи.) И, наоборот, просторечно-говорящие люди пожилого возраста часто, по-старинке, приходят к тем, кто "пограмотнее", с просьбой "отписать своим", потому что "они так хорошо не напишут, как надо...". В то же время устные высказывания этих людей могут содержать, например, метафоры типа: "Наш Иванто *на орбиту вышел*, квартиру получил".

зывает/ не иначе. И обратное: Вечно у них это/ *Пал Палч* писал/ *Пал Палч* говорил/ *Пал Палч* учил/ такое/ знаешь/ кокетство секты посвященных...

Такое совпадение — не единственно необходимое условие для внутригруппового устного разговорного общения, так же как и противоположное явление для межгруппового. Однако можно говорить о максимальных и минимальных условиях (ситуациях) сближения стилевого опыта говорящих (т.е. "понимает с полуслова" и "невозможно найти общий язык"). Ср. А: У нас *денег*/ в доме *куры не клюют*; Б: Зато *детки клюют*. Экспрессия понята и подхвачена при том, что "инвертированное" ироническое употребление фразеологизма в первой реплике было очень слабо обозначено мелодическими средствами. Более существенным показателем здесь выступило взаимоотношение семантики данной языковой единицы с лицом говорящего ("Куры денег не клюют" обычно у кого-то другого, а не "у нас"). Такая тонкость вызывает адекватное восприятие лишь при наличии сходного стилевого опыта в употреблении языка.

Некоторые виды стилевого взаимодействия говорят о "предельном" совпадении экспрессивных задания и эффекта. Оно, например, находит отражение в том, что адресат первой диалогической реплики чутко реагирует на употребленный собеседником прием (если тот обусловил иностилевое вкрапление), а став, в свою очередь, адресантом второй реплики, возвращает высказывание в разговорное стилевое русло. Ср.: А: У нее вырабатывается такой стереотип поступков/ чтоб обязательно наоборот! Б: Это надо поломать. Разговорная модификация устойчивого книжного словосочетания *стереотип поведения* усиливается контаминацией с таким же словосочетанием *сломать стереотип* — во-первых, и с фоновым обиходным клише: *Это дело надо поломать*.

Как свидетельство стилевой гетерогенности устного разговорного высказывания, позволяющей гибко приспосабливаться к адресату и ситуации речи, отметим и следующее характерное явление: зависимая реплика, по закону диалога требующая языкового повтора инициативной реплики, приводит говорящего, обладающего достаточно тонким языковым чутьем, к желанию "уступить" собеседнику. Это желание он может осуществить именно благодаря широкому диапазону своих стилевых навыков. Инициативная же реплика, задающая и содержательный и формальный план ответной реплики, в пределах диалогического целого часто не сдает своих позиций и не принимает условий, навязываемых собеседником, имеющим отличные от партнера по речи стилевые навыки. Ср. беседу родителей, ожидающих в вестибюле школы конца уроков: А: Ваши мальчики/ оба в лагере на две смены были? Б: А куда их девать/ У кого вон ребята к бабке в деревню/ у нас никого. А: Да/ когда кто-то есть в деревне/ Вот мои/ у меня тоже двое было/ мои всегда дети к няне моей бывшей на все лето// Там такие места! (Стилевая обиходность не подхватывается: *у кого вон — когда кто-то есть*; *ребята — мальчики, дети;* бóльшая и меньшая эксплицитность, сочетающаяся с логической объемностью). Ср. разговор в химчистке: А: Вы вот

www.ruslang.ru

с такими/ (показывает пятна на пальто) я не знаю/ может быть/ *возьмете*/ я не знаю... Б: А что мне у Вас *брать*?// Мы до восьми А: Я только хотела узнать/ вы с такими вот.../ Б: Завтра придете/ *примем*. Если только не мазут/ *примем*. Первая реплика Б. — это и содержательное и формальное отталкивание от реплики А., выполненное в точном соответствии с законами диалога ("возражение на слово, а не по существу"). Вторая реплика усиливает эту реакцию, так как весь речевой опыт А. (и лексика, и синтаксическое оформление) не принимается Б., переводящего речь в нужное ситуативно-профессиональное русло. По сравнению с предыдущим примером здесь диалогически закономерная негативная реакция на стиль соседней реплики (лаконичности — на плеонастичность; четкости формулировки — на ее расплывчатость; непрофессионального словоупотребления на профессиональное) проявляется не сразу, а постепенно и по восходящей линии.

Бóльшая свобода для проведения самостоятельной стилевой линии создается условиями полилога. Ср. разговор с пятью участниками (средний возраст, высшее образование — техническое у четверых, гуманитарное у одного), нестандартный по содержательно-ситуативным признакам, что вообще характерно для полилога: неожиданная поломка машины, на которой четверо из пяти говорящих собрались ехать с дачи в город, а пятый приглашен помочь: А: ...Когда жиклеры прочищают/ и это не помогает/ то одно/ где-то где-то/ должен быть перекрыт бензопровод... Б: А жиклеры/ это там такие иголочки? В: Какие иголочки/ ...дырочки. А: Жиклеры прочищают/ это не помогает/ значит где-то/ перекрыт бензопровод... Б: Господи/ вот как знала/ ... В: А бензопровод/ как же может быть перекрыт? А: Как может быть перекрыт?// Кто-то его перекрыл/ как... Б: Это надо же. А: Видите/ подача топлива нормальная/ искрá есть. Г: Это утешает// Главное/ чтоб искрá была// А уж можно ехать/ нет/ это уже... А: А следовательно/ наверное/ загрязнились свечи... Д: Знаете/ я вдруг вспомнил// Я ведь сам/ у меня же это противоугонное.../ я сам перекрыл... А: Я так и предполагал... В: Я тоже подумал... Б: А теперь как/ это долго? А: А мы сейчас посмотрим.

Лишь один из четверых (В.) подхватывает специальную терминологию, которая для А. есть в данном случае не только номинативное, но и экспрессивное средство профессионально-интеллектуальной оценки создавшейся ситуации. Для Д. данный терминологический уровень, видимо, менее вероятен, так как он втягивается в него с большим опозданием и ввиду крайней необходимости. Реплики Б. содержат субъективную и эмоциональную оценку ситуации, словесно независимую от других реплик. Г. (филолог) — единственный из участников разговора, "играет" терминами, обнаруживая этим больше интереса к словам, чем к сути дела.

В типах столкновения стилистических навыков говорящих безусловную роль играет такой признак, как постоянное знакомство с собеседником или "одноразовый" (случайный) разговор с незнакомым до этого лицом. Стилевой подхват и стремление к взаимопониманию более характерны для первого случая; сохранение своей речевой

обособленности — для второго. Ср. разговор троих (пожилая женщина, продающая зелень перед магазином, и две покупательницы) А: Бабушка/ почему же укроп так дорого?// Я брала на рынке по 15. Б: На рынке/ милок/ ты до рынка добегешь еще/ ай нет... В: Будьте добры/ разрешите (как бы пытаясь немного отстранить опередившую ее покупательницу)... Значит/ два укропа/ одна редиска.../ и лук пучок я у вас.../ так?// Ну/ если Вы уже купили/ дайте хоть... В нем обозначивается вся стилевая амплитуда современной РР — от нелитературного до литературного уровня в ее опоре на обиходный центр. Последний объективно составляется не только из синонимии "брала—купила"и обращения *бабушка*, но и шире — из преобладания предметно-бытовой лексики в сочетании со стандартными ситуативными особенностями синтаксиса и мелодики (реплика В. отражала тактичное недовольство поведением А. подчеркнутой "сухостью" и нетерпеливой незавершенностью тона, соединенного с быстрым темпом речи).

III. Контрастность как общее свойство РР частично "узаконивается" контрастной структурой самих ситуаций, которые ею обслуживаются. Такую структуру, например, имеют ситуации одной из наиболее значимых в нашей общественной жизни сфер — обиходно-деловой. Обиходно-деловые ситуации целиком строятся на контрасте делового содержания с неофициальным характером общения[56]. И, следовательно, межуровневые или внутриуровневые стилевые стыки — необходимое условие вербализации обиходно-делового высказывания. В устной форме речи они образуются самыми разными взаимодействиями. Например, ни сниженная произносительная норма, осложненная соответствующей мелодической экспрессией, ни ситуативно-обусловленные особенности разговорной грамматики или семантики не отступают перед книжной лексикой. Ср. (из речи научно-административного работника): ...Так нету/ нет этого ничего// Он *грит* в *сь*нограмме зафиксировано/ в *сь*нограмме нет этого ничего А доклад его на пленку писали; *Реализация* у меня сегодня/ нормально *должно* быть (говорит зав. секцией Универсама в конце рабочего дня); *Переоценку* еще *не привезли*/ *ту*/ а пока не привезут/ куда я с этими накладными... (в канцелярии торгового учреждения). Внутри лексического пласта легко соединяются разностильные лексические единицы: *Приветик*!/ А Вера Петровна/ что/ *отсутствует*?.. Ну/ я потом/ в конце дня/ *загляну*. Ср. также изменение коммуникативных требований к стилю высказывания, вызванное содержательной необходимостью: ...А: (в ответ на неудовлетворившую его предыдущую реплику собеседника) Нет/ ты это/ поточней давай ему скажем/ и короче надо. Б: Ну/ скажу/ в связи с болезнью/ я... А: Не в связи/ а ты проще... А: Опять нехорошо. Б: Нехорошо// Ты так давай/ просто скажи/ Николай Иванъч/ Я все-таки долго болела/ и поэтому/ ну и прямо/ что сначала тебе нужно в отпуск.

IV. Последний пример говорит о том, что ситуативная типология устных высказываний предполагает их различие по степени запла-

[56] Менее типичен обратный контраст: неделового содержания речи в официальной обстановке.

нированности не только в содержательном, но и в формальном плане, выступающей как признак тех или иных жанров устной разговорной речи. "Установка на язык", которая, например, отличает, по свидетельству исследователей РР, устный рассказ (бытовое повествование), при содержательной предопределенности не сковывает проявление естественных стилевых навыков говорящего, а скорее создает для них оптимальные условия. В речи интеллигенции, всегда с большей целеустремленностью учитывающей фактор адресата, совпадение экспрессии с импрессией является причиной стилевой вариативности текста. Ср. следующий рассказ: Я на Гиллельса ходила/ на каждый его концерт// Тогда он был такой/ рыженький/ смешной такой/ он... на крепенькую такую лисичку /гриб/ похож..// Мы? Мы всегда на одни и те же места ходили/ ну/ когда абонемент/ ну и так/ у меня своя кассирша была/ нас тогда все там знали/ всегда первый амфитеатр/ особенно если первый ряд..// Тогда две партии были/ флиеристы и гилель-гиль... (запуталась)... в общем за Гиллельса// А этот был как молодой бог/ или/ вернее/ демон носатый...// Да/ но он/ вот такую музыку/ там/ второй концерт Рахманинова/ ... играл лучше/ у него получалось романтичнее/ вдохновеннее так/ страсть в клочья// ... А с чем сравнивать?// Рихтер же позже/ эпоха рихтерианства ...// Ну/ если есть викторианец/ почему не рихтерианец?

Ср. фрагмент рассказа об отпуске: Это вышло совершенно случайно/ как провидение прямо послало/ и это/ можно сказать/ определило всю нашу жизнь до конца уже// Если бы не эта глазастая Ириша/ мы бы сидели/ как дураки/ в этом кемпинге/ и/ главное/ она увидела еще на том пути/ что блестит (речь идет об озере).

Имея монологические признаки, такая устная речь обладает меньшей стилистической зависимостью от непосредственной словесной реакции на нее собеседника, чем, например, информативно-бытовой диалог. Интересно заметить, что даже при более ярко выраженном диалогическом развитии повествования, каждый его фрагмент (реплика) представляет собой мини-монолог, ведущий свою содержательно-структурную и, следовательно, стилевую партию. Ср.: А: В то лето было грибов/ жуткое количество/ и все говорили/ что к войне// Мальчики когда больше рождаются/ тоже к войне/ и вообще всё/ ...Бабуся наша тогда еще запросто за грибами шастала/ была как огурчик// Ну вот. Б: Этот лес/ слишком классический/ как будто его Шишкин рисовал. А: Писал. Б: Писал// Я люблю лес прозрачный/ светлый такой// Мне/ идеал красоты/ конечно/ наша роща/ березовая/ но она тоже/ совершенно неправдоподобная/ с картины/ но это совершенно волшебное зрелище! А: Да-а// Красотиша... (разговор на прогулке).

По мере превращения повествования в беседу степень содержательной запланированности высказывания, естественно, уменьшается. Но на первый план тогда выступает другая общность — главенствующая роль самой речевой деятельности, на коммуникативный успех которой направлены усилия говорящего. (Обратный случай — побочная, сопровождающая роль речевого действия по отношению к другому действию в момент речи.) Э. Бенвенист, цитируя Б. Малиновского,

назвавшего такое речевое общение "фатическим"[57], считал его самым тривиальным и в то же время наименее изученным случаем, когда "социальная ситуация в целом состоит из языковых событий"[58].

Дав такой ситуации кодовое название "болтовня на завалинке" ("А у нас в квартире газ. А у вас?"), можно с легкостью представить ее свободное сюжетно-речевое развитие в отличие от повествовательной запланированности. И если последняя стимулирует экспрессивную активность говорящего, то первая ее ослабляет, так как непредсказуемость содержательно-тематического поворота не может обеспечить адекватного стилевого переключения; оно заменяется инерцией в выборе средств языкового выражения. Отсутствие у беседы реальной информативной заданности не создает стремление преодолеть различие в стилевых навыках средствами спонтанного устного речепроизводства, и это часто ведет к затуханию общения. Особенно показательны здесь случаи "общения поневоле", например, пассажиров, едущих в одном купе. Ср.: А: Я все взял/ вот так (жест —"по горло")/ как говорят/ "от и до" Б: Как Вы сказали? А: Да говорю/ все мы взяли сейчас ездили/ две шапки по 300/ ну и там разное/ куртку заменитель/ полтинник Б: 50 рублей? А: Ну!/ Не задаром же/ за свои Б: Да я понимаю что за свои/ а не за чужие А: А чего не понимать/ у нас/ каждый год ездим/ там теща/ каждый год/ у нее сейчас.../ обменялась/ в Бибирево Б: Да.../ Бибирево. В информативном же диалоге, как правило, берет верх центростремительное стилевое движение по инициативе того говорящего, который обладает более гибкими стилевыми навыками. Ср. диалог учительницы и ученицы: А: Успокойся наконец/ приди в норму/ и оставь Краснощекова в покое Б: Да это он сам/ Еленыван (Елена Ивановна)/ сам все пристает... А: Никто/ к тебе приставать не будет/ если сама не будешь.

Однако мы уже видели, что путь к взаимопониманию усложняется прямо пропорционально углублению эмоциональной нагрузки высказывания. Не имея возможности или не желая возражать собеседнику по существу — "придираются к словам". Ср. (в книжном магазине): А: Что ж это/ у вас теперь ничего нет?/ Даже беллетристики какой-нибудь/ второсортной? Б: У нас все первый сорт// Какая вам беллетристика?// Вот/ всё на прилавке. А: Ну да// "Все на продажу". Б: А я себе не возьму/ мне не надо/

V. Далеко не все ситуативно-речевые типы создают предпосылки для формирования ими обусловленных стилевых особенностей высказывания. Так, сам факт сопровождения контактоустанавливающей речи

---

[57] Это "случай использования языка в свободных социальных связях, без определенной цели, который заслуживает специального рассмотрения. Когда люди... беседуют, чтобы отдохнуть от работы, или когда они сопровождают простую ручную работу болтовней, никак не связанной с тем, что они делают, то ясно, что здесь мы сталкиваемся с каким-то иным типом функции речевого общения. Язык здесь не зависит от происходящего в данный момент. Он даже кажется лишенным какого бы то ни было контекста ситуации" (*Бенвенист Э.* Формальный аппарат высказывания // Общая лингвистика. М., 1974. С. 318—319).

[58] Там же.

не связанным с ней по содержанию действием менее значим для стиля, чем для структуры высказывания в целом. Однако стилистические последствия могут иметь различия между прямой и побочной функцией речи в отношении к этому действию. Речевое действие выступает или как побочное для данной целевой установки общения (разговор за обедом, во время механически совершаемой работы, на прогулке), или как прямое (встреча — дружеская, или полуофициальная — назначенная именно для беседы и сопровождаемая любым мини-действием: поправляет прическу, галстук, достает что-то из портфеля, рассматривает витрины).

Первый случай чаще всего манифестирует контактоустанавливающую функцию устной речи со свойственной ей свободой, отсутствием логических и тематических ограничителей в текстовом развитии, незапланированностью. В контактоустанавливающую речь легко вплетаются и элементы данного ситуативно-речевого стереотипа (например, за обедом — просьба передать соль; вопрос, вкусно ли, достаточно ли горячо), стимулирующие стилевое переключение. Но оно не сковывает свободного полета "беседы для беседы", стилевой диапазон которой помещается между возможностями обозначить его глаголом "вещает" и глаголом "трепется".

Второй же случай, выдвигающий вперед информативное или информативно-оценочное содержание общения, указывает на запланированное в общих чертах содержание (встретились подруги — им "столько всего нужно рассказать" друг другу). И для него не столь типичны случаи стилевых переключений, так как экспрессивный план языкового выражения здесь более непосредственно задается темой речи и характером отношений между говорящими.

К тому же полнота отражения говорящим объема своих стилевых навыков в рамках той или иной ситуации общения во многом зависит от его индивидуально-психологических качеств. Известно, например, что многие люди не способны совместить два действия одновременно. Допустим, что в ситуации "гости" хозяйка, занятая разливанием чая, заинтересовалась разговором сидящих около нее гостей. Это заставляет ее прекратить свое занятие и, с чайником в одной руке и с ситечком в другой, активно включиться в беседу. Теперь внимание говорящей не распыляется между двумя действиями, что оказалось ей как бы не под силу, а сосредоточивается на одном — речевом действии. И тогда экспликация ее стилевого опыта предоставляет возможность судить о том, какое место в нем занимает стереотипное речевое поведение и какими языковыми средствами оно соединяется с индивидуализированным.

Заметим также, что побочное речевое действие вовсе не обязательно осуществляется лишь с контактным намерением. При автоматическом характере работы оно может носить и чисто информативный характер. Приведем фрагмент устного текста, в котором последовательно и бесперебойно сменяются высказывания, имеющие фатическую и информативную функции; причем последняя выражается и в содержании, которое с связано с непосредственной деятель-

ностью говорящего в данных условиях. (Разговору предшествует замечание А: И так шум/ а они всю смену рта не закрывают — о восьми работницах швейного цеха в ателье; записывающий — Б. — нелегально находится внутри цеха.) Б: Зоечка/ вот здесь как-то/ не то что ли. В: Это/ шлицу если не закрепить/ сзади отходить будет// Мань/ а во вторник/ я в утреннюю не могу. Г: А когда/ до холодов еще подвалят. В: Ты сейчас пойдешь/ тогда возьмешь мне тоже (в магазин)// Ну/ до холодов успеем/ когда еще холода/ а и холода// Вот в прошлом году у нас жил один/ каждый день в тренировке х/б/ (в тренировочном костюме) бегал в мороз. Здесь ассоциативное развитие текста соединяется с прямо и косвенно ситуативно-обусловленным. Такая ситуативно-содержательная многоаспектность примечательна для стилистических характеристик тем, что не препятствует отражению целостной картины разговорного стиля в его тяге к обиходным значениям, которые конструируются (как регулярный стилистический прием) сочетанием сниженности и нейтральности.

VI. Полярные, с точки зрения запланированности и целенаправленности, фатическая речь и бытовое повествование объединяются, когда вступают в оппозицию с таким типом речи, который можно было бы назвать "приговариванием". Для него характерна не только вторичность, но и содержательная зависимость от синхронного с ним внеречевого действия. Вырванное из ситуации "приговаривание" полностью теряет коммуникативное оправдание. Нельзя сказать, что это "безадресатное" высказывание. Его структура указывает на наличие адресата, так же, как и в любом другом ситуативном типе речи, не противореча законам общения и, более того, чаще всего имея элементы, прямо направленные на адресата (обращение, императив, местоимение второго лица в ед. ч., что особенно подчеркивает фамильярность/ интимность стилистического приема). Когда же призыв к немедленной ответной реакции является заведомо фиктивным и коммуникативная суть высказывания ослабевает — на первый план выходит поэтическое начало, что подтверждает мысль многих ученых об универсальной приверженности к нему говорящего общества. Коллективные навыки использования языка вне прямой коммуникативной необходимости отчасти объясняют самые сокровенные тайны поэтического творчества. Здесь мы имеем дело с эксперессией без импрессии, с выразительным заданием, не требующим адекватного эффекта.

Ср. разговор хозяйки с пирогом: А ну/ давай-давай/ вылезай-вылезай/ такой миленький хорошенький пухленький/ Вот мы тебя/ вот мы накроем/ накроем-укутаем..; разговор с гвоздем: Вот тебя/ вот так тебя/ да еще так тебя/ будешь знать не влезать/ ишь-ты, подишь-ты..; разговор с отсутствующим адресатом: Ну/ я тебе сейчас напишу/ я тебе сейчас/ такое письмишко откатаю-закачу/ что ты сядешь/ будешь знать..; собираются ехать на дачу: Солнышко-солнышко/ ну-ка выходи/ ты что/ нам ехать/ давай выходи...

Заметим, что мнение о регулярном речевом общении с вещами (игрушками) детей нужно было бы дополнить замечанием о возни-

кающем у них с возрастом скептическом противовесе. Весьма характерны такие реакции на стремление взрослых подладиться под детскую психологию: А (досадливо) Ну зачем ты с ней так разговариваешь?// (с куклой) Все равно/ это глупость/ она же не живая; (иронически) Тебе слон/ что ли/ хоботом будет отвечать?; Или же (стесняясь, что бабушка в лесу зовет: "Лисички! (о грибах. — *Т.В.*) Вылезайте!") Н-ну/ бабушка/ если бы еще лисица настоящая// Они хрюкают?// Что они делают?

VII. В противопоставлении "запланированность/ незапланированность речи", которое, несомненно, имеет и стилистическое содержание, крайними звеньями являются контактоустанавливающая речь и пересказ типического содержания высказываний оппозиционных РР функционально-речевых сфер.

Для устного высказывания пересказ всегда отмечен глобальными масштабами стилевых переключений внутри высказывания или более обширного текста. Это фактически перевод языковых средств из одного стиля в другой, взаимно адаптирующий содержание разных функциональных сфер общения. Он состоит в попытке передать, например, средствами разговорного стиля официально-деловую тематику, которая оказывает сопротивление этой процедуре. Говорящий очень быстро сдает свои позиции, отказываясь, естественно, прежде всего от деловых клише. Ср. телефонный разговор о полученной бумаге для райжилотдела: А: Ну/ значит там/ кому/ куда/ чего. Б: Петров подписал? А: Нет/ треугольник/ без треугольника как// ...Значит/ куда/ кому// Ну так/ значит/ сначала всё как надо/ ведущий ученый/ член того-то/ и того-то/ по роду работы... и т.п.// ...В общем/ ходатайствует о предоставлении/ ну как там/ о предоставлении ей равноценной квартиры. Б: Что значит/ равноценной?// Это метраж только? А: А я не знаю. Б: А то/ что в центре? А: Сейчас/ подождите/ я прочту (идет за бумагой и читает).

Известно положение о том, что наиболее глубокое владение культурой речи предполагает равное умение пользоваться законами всех функциональных сфер общения. Тем не менее существуют объективные препоны, некий стилевой порог, который говорящему трудно перешагнуть в предлагаемых обстоятельствах, т.е. в устной форме речи. Ср. пересказ научно-популярной статьи: А: Вначале там он пишет обо всех последних открытиях/ ну вот об этом/мгновенном "развертывании"/ распухании он говорит/ распухании вселенной из точечного состояния// Да/ это точечное/ в нем свертывается и время и пространство// Их нет. Б: Вот этого я никогда не пойму. А: Причем интересно// Одновременно/ и в "За рубежом"/ и какой-то американец/ канадец кажется/ и в "Знании-сила"/ наш/ об одном и о том же/ сходные термины// Но понять трудно// В "За рубежом" попроще/ но все равно трудно понять.

"Пересказчик" — сам ученый, но работающий в другой области. Как видим, он не очень преуспел в содержательном отношении, и, возможно, что не столь образованный человек преуспел бы еще меньше. Однако дело заключается не в содержании, вернее, не только в нем. Ср., например, пересказы художественной литера-

туры. Уже стала общим местом комическая имитация пересказа восторженным мальчишкой приключенческого фильма, от которого захватывает дух: Ну/ он значит входит/ тот сразу/ ба-бах!//Трахтарарах!//Всё!// Один в маске/ перья вот такие/ на шляпе/ герцог/ ну этот самый/ герцог//Кто дал тебе право являться перед моими очами!// Ха-ха-ха! Такой пересказ очень типичен не только для неопытных говорящих. Адекватное воспроизведение художественного текста вообще невозможно, и это касается даже самого искушенного рассказчика. Но причины здесь иные, чем в предыдущих случаях. Помимо того, что, как правило, в пересказе вообще нейтрально-информативный текст трансформируется в оценочно-информативный; что смещается сюжетно-композиционная перспектива изложения; что повторы, возвраты, реминисценции и пр. естественным образом вызывают к жизни гипертрофию модальных показателей, что, вследствие этого, содержательный план высказывания отображается во фрагментарном виде,–пересказ художественного текста требует некоей "конгениальности", позволяющей уловить стереоскопичность художественного изображения, предотвратить плоскостную линейную модификацию, которая выхолащивает его истинный смысл. Умелый рассказчик, чувствующий пропорции в отборе содержательных элементов, располагает их в тексте нужным образом при помощи обширного репертуара вводных, модально-временных, оценочных и прочих средств, имеющих такие стилистические значения, которые способны как можно ближе подвести к этому художественному смыслу. Но чаще говорящий довольствуется внешним отражением сюжетной канвы художественного произведения.

При всем этом важно отметить, что именно в случае пересказа художественного текста проблема стилевых перемещений не стоит так остро, как в других аналогичных ситуациях. Стилистическая многослойность художественной речи позволяет привлекать любые средства в зависимости не только от содержательной, но и формальной необходимости.

VIII. В книге "Люди, годы, жизнь" И. Эренбург писал: «Л. Брик, когда к ней однажды пришли гости, сказала, что поставит магнитофон; потом мы услышали разговор и стало неприятно — мы говорили длинными "литературными" фразами». Коммуникативно-стилистическая жизнь языка в обществе знает ряд ситуаций, в которых речевое поведение говорящих имеет "отраженный" характер. Попадая в стереотипную и социально значимую ситуацию, говорящий как бы считает себя обязанным сыграть ту или иную речевую роль, знакомую ему по художественной литературе, публицистике и т.д. Нарочитая игра какой-то речевой роли — явление нередкое в коллективном языковом употреблении, и, естественно, что раньше всего она сопровождается стилистическими перемещениями, не всегда имеющими прямое ситуативное обоснование. Так, в наше время весьма популярны встречи бывших одноклассников, а теперь уже взрослых и чаще всего пожилых людей, описанные в пьесе В. Розова "Традиционный сбор". Запись подобной встречи дала удивительный результат. Из 14-ти присутствующих в доме (хозяин — бывший

староста собравшегося класса) лишь двое — журналист и филолог — не изменили стилевых привычек, отражающих норму непринужденной, неофициальной речи. Всех остальных (врач, физик, инженер, преподавательница балетного училища, домашняя хозяйка и пр.) "приподняла" освященная литературой традиция и они заговорили "неразговорно". Их речь наполнилась ситуативными штампами, заимствованными из иностилевой среды, обусловившими и соответствующие мелодические признаки. В этих случаях экспрессия выразила не разговорные стилистические значения, долженствующие соответствовать ситуации "гости", "встреча друзей", а их вторичное художественное моделирование (Ребята!/ Дорогие мои!/ Как хорошо/ что мы опять все вместе// И давайте никогда не разлучаться...// Я с вами/ всем сердцем! и пр.). Стилевая дефектность, вторичность этих устных высказываний для описываемой ситуации была подчеркнута тем обстоятельством, что одна из присутствующих огласила свои записи всех предыдущих встреч, которые содержали те же литературно-публицистические штампы, что и речь большинства участников встречи. Письменная форма, вербализующая ту или иную речевую ситуацию, особенно подчеркивает нетерпимость устной формы к штампам, которые находятся вне средств разговорного стиля. И, таким образом, со стилистической точки зрения может быть обнаружена связь устности и разговорности как проблема, требующая специального рассмотрения.

* * *

Именно те речевые ситуации, из которых составляется устно-разговорная жизнь общества, обуславливают, как кажется, бесспорное существование средств "свободного", "домашнего", "нестрогого" разговорного стиля в пределах РР. Их взаимодействие с нормативно-нейтральными и экспрессивно-нейтральными элементами РР — это разговорный стилистический узус. Образование разговорной экспрессии вовсе не предполагает непременного участия в нем всех строевых элементов высказывания как стилистически значимых средств. Ср. диалог: А: Ты что/ считаешь/ что мы теперь / мы что ли должны теперь/ какие-то моральные обязательства перед нею... Б: Моральные или аморальные/ а надо ей помочь/ надо ей теперь из положения выйти/ что делать... А: Выходить/ пусть выходит/ я бы ей вышла...

Согласно вышеизложенной точке зрения, нет никаких препятствий к тому, чтобы отнести стиль этого диалога к разговорному[59]. Стилистический прием, организующий его текст, — это соединение нейтрально-книжной лексики и разговорной грамматики. Именно в данном приеме резче обозначаются стилистические характеристики разговорной грамматики (в частности, ее "линейные" особенности), и при стилизации РР в художественной речи подобный прием непременно будет использован. Как бы ни "занижали" мы

[59]Ср. диалог о Сен-Сансе на с. 61.

лексику, которая наполнит сходную синтаксическую структуру, и какие бы мелодические оттенки экспрессивного характера ни получила бы последняя, без нейтрального фона (любого — лексического, интонационного, синтаксического) разговорное высказывание не состоится, ввиду контрастности РР как общего свойства ее системы. И в этом свете устная форма осуществления РР предстает как дополнительный, по отношению к непринужденности и неподготовленности, стилеобразующий фактор.

А.Ф. ЖУРАВЛЕВ

ОПЫТ КВАНТИТАТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗНОВИДНОСТЕЙ УСТНОЙ РЕЧИ

> Благодаря своему языку человек открыт для разгадки, его выдает сама правдивость языковой формы, неподвластная его — своекорыстному или благородному — желанию солгать о себе. Таким образом, само разнообразие языков выступает как проявление Необходимости, и именно в этом состоит его трагическая сущность.
>
> *Ролан Барт,* "Нулевая степень письма"

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Обобщенные суждения о фундаментальных чертах грамматического строя и типологических особенностях лексикона языка, имеющего письменность, основываются на исследованиях данного языка, как правило, именно в его письменной форме. Факты устной речи даже в наиболее капитальных описаниях языков с богатой письменной традицией приводятся большей частью "во-вторых", в качестве позволительной, но в общем необязательной роскоши. Предпочтение, оказываемое письменному тексту по сравнению с устным, может объясняться, помимо герменевтических истоков филологии как научной дисциплины (показательна уже сама этимология слов *грамматика, литература*), господствующим представлением (не всегда, впрочем, отчетливо осознаваемым и, по мнению Ф. де Соссюра[1], довольно поверхностным) о большей прочности и надежности графического облика слова сравнительно с его звучанием ("слова улетают, написанное остается"), авторитетом письменного слова как преимущественного носителя кумулятивной культурно-исторической функции языка, а также тем отнюдь не маловажным обстоятельством, что фиксированное (и потому конечное) легче поддается классификации и анализу, нежели текучее (и неограни-

[1] *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики// Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 64.

ченное в объеме), и при изучении письменного текста оказывается достижимее столь желательная в лингвистической науке акрибия.

Когда исследователь в своих высказываниях о наиболее общих особенностях устройства того или иного языка опирается только на его письменный вариант, он либо полагает, что устная форма языка представляет собой результат если не прямой порчи, то по меньшей мере редукции и упрощения языковой системы, которая находит свое адекватное воплощение в письменной речи, либо исходит из допущения, обычно молчаливого, что фундаментальные черты данного языка являются общими для письменного и устного его изводов и не меняются в зависимости от того, на какой из них обращено внимание лингвиста.

Нет необходимости доказывать очевидные преимущества второй позиции. Однако давно замечено, что для большинства языков, имеющих письменность, особенно старую, суждения обобщенного характера заведомо не являются полными, если базируются на изучении лишь одной — письменной — формы. Территориальные диалекты, городское койне, обиходно-разговорная речь образованных носителей языка и т.д. могут весьма значительно отличаться в фонетическом, грамматическом, лексическом отношениях от кодифицированной речи, и фиксация, и сопоставление таких различий существенно обогащает общую картину данного этнического языка, рисуемую лингвистом.

Более того, не будет столь уж большим преувеличением утверждать, что языковая коммуникация, опосредованная письмом и подчиняющаяся нормам письменной речи (чтение и само писание текстов), не только является вторичной по отношению к устной коммуникации, но и находится в известном смысле на периферии употребления языка. Письменные тексты, продуцируемые даже теми, для кого этот процесс связан с профессиональной деятельностью, составляют весьма незначительную часть совокупностей речевой продукции — исходящих от человека вербальных текстов (в широком понимании): подавляющая часть текстов не пишется, а артикулируется. Читает человек в сотни раз бóльшие по объему тексты, чем порождает сам посредством письма, но и чтение не является преобладающей формой перцептивного употребления языка: еще больше, чем говорит, человек слушает и слышит.

Следовательно, устные сферы коммуникации явно и безоговорочно доминируют над письменными. Поэтому чрезвычайно важно знать, в каких качествах, помимо субстанциальных, состоит специфика обеих форм языка, чтобы быть уверенным в том, что обращенность к какой-либо одной из них не вносит существенных аберраций в наиболее общие суждения о данном этническом языке в целом.

Изучение устных разновидностей языка освящено давними и благородными традициями. Диалектология, имеющая дело почти исключительно с устным словом, справедливо почитается, по крайней мере в славистике и, в частности, в русском языкознании, как одна из главных исследовательских дисциплин лингвистического цикла. Начатое в 20-х годах "лингвистическое изучение города"

(Б.А. Ларин) нашло новые импульсы в исследованиях последних двух десятилетий. Бурно развивается отрасль науки, которая занимается анализом литературной разговорной речи и получила даже специальное наименование — "коллоквиалистика". Усиливается исследовательский (а не только ортологический) интерес к такой языковой формации, как просторечие. Предметом лингвистического исследования стали и устные формы так называемой массовой коммуникации (устная речь на радио и телевидении). Все это, можно думать, свидетельствует о том, что устное слово, устная речь привлекают к себе достаточно серьезное внимание филологов.

Однако до сих в русистике ощущается явная нехватка работ, посвященных исследованию соотношения различных разновидностей устной речи между собой. Устные варианты языка изучаются по большей части обособленно друг от друга. Сравнение диалектных, например, фактов с данными, полученными коллоквиалистикой, несомненно, весьма полезно и эвристически плодотворно для последней (в частности, в области словообразования, лексической семантики и особенно в области синтаксиса, где, впрочем, дела обстоят несколько лучше, чем в сопоставительном изучении иных языковых уровней[2]), но подобные сравнения осуществляются еще в скромных масштабах. Недостаточно и работ, которые выявляют особенности устной речи в целом — в ее отличиях от речи письменной. Всесторонний анализ и целостное представление феномена устной речи как некоего функционального и структурного (относительного) единства еще ждут своего времени.

* * *

Настоящая статья относится к сопоставительным исследованиям, ставящим своей целью выявление черт устной речи как целого и особенностей отдельных ее разновидностей в их взаимном соотношении. Данный опыт никоим образом не претендует на сколько-нибудь полное освещение указанной проблематики и носит самый предварительный характер. К тому же наше рассмотрение материалов устной речи ограничено применением исследовательских методов, при всей их эффективности имеющих в лингвистике вспомогательное значение, и поэтому предлагаемый здесь взгляд отличается некоторой вынужденной односторонностью.

Во избежание возможных недоразумений следует отметить, что в настоящей статье не предполагается выдвижение какой-либо новой типологии или нетрадиционной классификации разновидностей речи, как это можно было бы заключить из ее названия, равно как не

---

[2]См.: *Шапиро А.Б.* Очерки по синтаксису русских народных говоров. М.: Изд-во АН СССР, 1953; *Никольский А.А.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Душанбе, 1964; *Лаптева О.А.* Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения// ВЯ.1969. N 1; *Она же.* Общие устноречевые синтаксические явления литературного языка и диалектов// Русская разговорная речь: Сборник научных трудов. Саратов, изд-во Саратовского ун-та, 1970; *Она же.* Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976.

ставится задача уточнения или реинтерпретации таких понятий, как "стиль", "функциональный стиль", "тип речи", "формация", "жанр", "вид" и т.п. (если бы не опасения стилистической и терминологической монотонности, мы предпочли бы пользоваться одним предельно нейтральным термином "разновидность", хотя нельзя сказать, что в употреблении остальных терминов в этой работе наблюдается полное отсутствие всякой системы). Конечная задача — определение (насколько это оказывается для нас выполнимым) степени близости между отдельными "разновидностями" или "формами" речи, выделяемыми достаточно традиционно.

Для сопоставительного анализа отбирались тексты, принадлежащие различным типам устной речи. Эти типы выделяются на основании комбинации различных значений ("да":"нет") трех главных параметров: (а) владение/ невладение носителями языка литературной нормой; (б) официальность/ неофициальность ситуации, в которой реализуется данный тип речи; (в) территориальная закрепленность/ незакрепленность собственно лингвистических дифференциальных характеристик речи (языка). Не все возможные комбинации разных значений данных параметров реализуются в современном русском языке. Так, сочетание признаков "литературность" и "территориальная закрепленность" не находит отражения в каком-либо лингвистическом образовании в структуре современного русского языка (будучи реальностью для многих языковых ситуаций в разных европейских странах, в том числе и славяноязычных, региональные варианты литературного языка в современном русскоязычном обществе крайне сомнительны, несмотря на попытки некоторых исследователей-русистов констатировать их наличие: территориальное варьирование литературной нормы русскому языку не известно). С другой стороны, являясь безусловной социолингвистической реальностью, некоторые комбинации указанных признаков тем не менее представляют собой явно рецессивные формы существования языка. Так, первичная и бесспорно преобладающая сфера функционирования нелитературных разновидностей устной речи — неофициальное общение. Свидетельствуемое каждодневными речевыми примерами (телевидение, государственные учреждения и т.п.) совмещение признаков "официальность" и "нелитературность" обычно воспринимается носителями языка с развитым языковым чутьем как нечто нежелательное. Речевые типы такого рода в настоящей работе в рассмотрение не включены.

Таким образом, в качестве объектов анализа здесь выделены следующие типы устной речи:

литературная устная речь, реализующаяся в ситуации официального общения. Одним из важнейших проявлений этого типа речи устная публичная речь[3] (УПР);

---

[3]См.: *Земская Е.А., Ширяев Е.Н.* Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная?// ВЯ. 1980. N 2; *Лаптева О.А.* О соотношении устности и разговорности в устной разновидности современного русского литературного языка// Československá rusistika. 1983 (XXVIII). N 5. С. 199—200.

литературная устная речь, реализующаяся в ситуации неофициального общения. Как монопольный представитель этого типа речи рассматривается так называемая разговорная (обиходно-разговорная) речь[4] (РР);

нелитературная устная речь, особенности которой не являются территориально закрепленными: просторечие[5];

нелитературная устная речь с комплексом структурных признаков, имеющих то или иное ограниченное территориальное распространение: диалектная речь.

Кроме того, в пределах каждого из выбранных для исследования типов устной речи выделялись два различных ее вида, определяемых способом организации текста: монолог и диалог. Обоснование необходимости разделения устных текстов при их анализе на монологические и диалогические было бы излишним, если бы не утверждения некоторых исследователей о слабой противопоставленности монолога и диалога в живой устной речи, о несущественности результатов поиска собственно лингвистических показателей их самостоятельности. Так, О.А. Лаптева усматривает едва ли не единственное их различие в относительной протяженности "реплики": "...в живой устной речи диалог и монолог противопоставлены не так отчетливо (как, например, диалог и монолог в драме. — *А.Ж.*)..."[6]; "...различие монолога и диалога в устно-разговорной разновидности литературного языка вполне условно (разрядка наша. — *А.Ж.*) — как в аспекте общепризнанного свойства диалога (направленность реплики к собеседнику и получение ответной реплики — собеседники постоянно меняются ролями, ответная реплика не обязательна, последовательное развертывание темы не обязательно), так и в аспекте общепризнанного свойства монолога (отсутствие такой направленности — на деле она всегда налицо). Релевантен лишь один признак — относительная пространность реплики, определяющая появление в речи тех или иных синтаксических конструкций"[7]; "Монологичность устно-разговорной речи проявляется в признаке протяженности реплики (который, конечно, носит относительный характер). Если искать различие устно-разговорного монолога и диалога в плане выяснения того, какие типы синтаксических структур представлены в одном и не представлены в другом, то окажется, что различие между ними лежит на линии "краткая единичная однофразовая реплика" — "пространное неединичное высказывание". Появление в речи тех или других в конечном счете обусловливается фактором общеситуационного характера"[8].

---

[4]См.: *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: (Проспект). М.: Наука, 1968; Русская разговорная речь/ Под ред. Е.А. Земской. М.: Наука, 1973. С. 5—17; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

[5]См.: *Земская Е.А.* Русское просторечие как лингвистический феномен// Ceskoslovenská rusistika. 1983 (XXVIII). N 5; Городское просторечие. Проблемы изучения/ Под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1984.

[6]*Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. С. 49.

[7]Там же. С. 52.

[8]Там же. С. 52—53.

Думается, что такая точка зрения нуждается в коррекции. Во-первых, собственно лингвистические особенности диалога и монолога следует искать не только в сфере синтаксиса (хотя, разумеется, прежде всего в нем). Во-вторых, различия эти могут быть не только абсолютными ("монолог характеризуется наличием таких-то языковых явлений, отсутствующих в диалоге"), но и относительными, состоящими в различной мере присутствия тех или иных явлений ("монолог характеризуется преобладанием таких-то явлений по сравнению с диалогом"). Количественные расхождения между различными разновидностями языка не должны, на наш взгляд, недооцениваться, а тем более игнорироваться. В-третьих, и это самое существенное, характерность диалога заключается не в меньшем, по сравнению с монологом, объеме высказывания[9] (хотя это важно), но в принципиальном расчете одного из партнеров коммуникации на реакцию (в том числе и прежде всего вербальную) другого партнера. Главным образом именно этот внелингвистический фактор обусловливает и собственно языковые, в том числе синтаксические, черты диалогического построения. При монологической организации текста такая принципиальная установка на непосредственную реакцию партнера (партнеров) коммуникации отсутствует.

Этот ведущий признак не всегда учитывается при отнесении конкретного текста к монологическому или диалогическому виду. Например, несмотря на возможные перебивы, выражения согласия и т.п. со стороны партнеров говорящего, телевизионный жанр "круглого стола" политических обозревателей является монологическим жанром по существу: "реплики" строятся здесь без расчета на словесное внедрение в данный текст других участников коммуникации, хотя оно допустимо (вообще говоря, речь здесь адресована не столько коллегам-обозревателям, сколько не имеющим возможности вмешаться в разговор телезрителям). Нельзя относить к диалогическим видам речи и жанр публичной дискуссии (например, "обсуждение" в завершающей части секционного заседания на научной конференции): это также не что иное, как цепь не рассчитанных на непосредственную, сиюсекундную реакцию слушателей монологов, организуемая лишь связочными репликами председательствующего. Однако в определенных обстоятельствах степень официальности может быть настолько снижена (не сводясь, впрочем, к нулю), что такая дискуссия превращается в подлинный диалог. Это возможно, например, при протоколируемом (и уже это обеспечивает минимальный уровень официальности) профессиональном обсуждении какого-либо вопроса в достаточно узком кругу сотрудников, давно и хорошо знакомых друг другу. Один из образцов этого жанра (обсуждение рукописи научной работы одного из членов коллектива на заседании сектора в академическом институте) представлен среди использованных в данной статье текстов.

---

[9]Ср.: *Вдовиченко П.С.* Распределение классов слов в диалогической и монологической речи (на материале немецкого языка)// Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1977. Вып. 8. С. 4.

Следует отметить, что в настоящем исследовании мы не проводим различия между диалогом и так называемым полилогом: задающиеся для реализации последнего условия (число участников коммуникации больше двух и политематизм[10]) не порождают, как нам кажется, особых лингвистических свойств текста. Линейный политематизм в равной мере может обнаруживаться и в коммуникативном акте с двумя участниками, что отмечается и в работах, постулирующих существование жанра полилога[11]. Если же тематическая "полифония" свойственна и диалогу двух партнеров, то роль большего, чем два, числа участников коммуникации не выходит за пределы внешнего, непринципиального обстоятельства[12].

Изучение разновидностей устной речи проводится в данной работе в сопоставлении с письменной речью. Для последней характерно большое разнообразие типов, стилей и жанров. Поскольку основное внимание в работе сосредоточивается на разновидностях устной речи, а письменные тексты привлекаются как объект сравнения, из всего многообразия письменных "подъязыков" здесь выделены лишь три наиболее, как нам кажется, яркие и определенные в своих языковых приметах функциональные разновидности: научный стиль, официально-деловой стиль и "стиль" авторского беллетристического повествования. Все эти типы письменной речи организованы, как можно заметить, "монологически".

Имитация устной речи в художественной литературе (прямая речь персонажей в прозе, диалоги и монологи в сочинениях драматического рода) в рассмотрение не включалась. Исследование различий между живой, подлинной устной речью и ее имитацией в художественных произведениях, выяснение того, какие явления, свойственные устной речи, могут отражаться в конструируемой прозаиком или драматургом речи персонажей, а какие нет, какие качества настоящей устной речи попадают в "светлое поле" писательского сознания, а какие остаются за его пределами, — представляет самостоятельный научный интерес.

Наш список отобранных группировок текстов, представляющих разновидности речи, сообразно с целями и методикой дальнейшего анализа структурируется несколькими способами, в результате чего

---

[10]См.: Русская разговорная речь. М., 1973. С. 36; Русская разговорная речь: Тексты/ Под ред. Е.А. Земской и Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978. С. 15; *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. С. 6; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Указ. соч. С. 15—16.

[11]См.: *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ... С. 6—7.

[12]Не слишком удачным представляется и сам термин "полилог". Включаясь в цепочку соотносительных обозначений "монолог" — "диалог" — ..., термин "полилог" как бы задает всему ряду словообразовательную изоморфность и семантическую одноплановость, предполагая возникновение его компонентов, так сказать, на едином основании, и заставляет (ввиду μόνος 'один, единственный' и πολύς 'многий') трактовать διά- в термине "диалог" как δι- 'двойной, парный', в то время как греч. διάλογος поморфемно переводится русским *разговор*. Кстати, греч. πολυλόγος означает 'многоречивый, болтливый', намекая на обилие слов, а не участников акта коммуникации.

возникают разные, не совпадающие по своим составам объединения текстов. В связи с этим перекрестным разбиением необходимо оговорить некоторые используемые в данном исследовании рабочие термины.

Тексты, представляющие одну, наиболее мелкую из выделяемых здесь разновидностей ("стиль" письменной речи, монологический или диалогический "извод" какого-либо типа устной речи), объединяются в группу текстов. Здесь рассматривается одиннадцать таких групп. Две группы устных текстов, различающиеся лишь противопоставлением признаков "монологический : диалогический", снятием этой оппозиции объединяются в пару, именуемую далее макрогруппой. Макрогруппами устных текстов мы называем, таким образом, объединения "устная публичная литературная речь", "литературная разговорная речь", "просторечие" и "диалектная речь". Все остальные, более крупные по числу компонентов, комбинации групп текстов мы будем называть межгрупповыми ассоциациями. Одна межгрупповая ассоциация всегда противопоставлена другой по какому-либо одному признаку. Сюда относятся межгрупповые ассоциации "письменная речь" — "устная речь"; в рамках устной речи выделяются "литературная устная речь" (УПР и РР) — "нелитературная речь" (просторечие и диалекты), "монологическая речь" — "диалогическая речь". Кроме того, проводится разделение текстов на основании противопоставления речевых признаков "подготовленный : спонтанный". В межгрупповую ассоциацию "подготовленная речь" включаются все группы письменных текстов и группа "устная публичная литературная речь, монолог", поскольку публичный монолог складывается в основном из подготовленных жанров. В межгрупповую ассоциацию "спонтанная речь" входят все остальные группы устных текстов. (Конечно, противопоставление подготовленной и спонтанной речи носит несколько условный характер, но в группу "публичный монолог" мы отбирали тексты достаточно высокой степени подготовленности.)

* * *

Лингвистические особенности, которыми характеризуются различные разновидности речи (языка), могут быть специфическими и неспецифическими. Первые из них обусловливают различия между типами речи, имеющие абсолютный характер. К ним относятся фонетические, грамматические, лексические и др. явления, представленные в одних разновидностях и не представленные в других. Так, например, флексия -[т'] (*-ть*) в третьем лице единственного и множественного числа глаголов настоящего времени свойственна некоторым нелитературным сферам языка (южнорусское наречие, отчасти просторечие) и не свойственна литературному языку. Предикативные номинации лиц типа *над нами живут* (ср.: *Над нами живут* в Киев уезжают//) или орудий типа *чем завинтить* (ср.: У тебя нет *чем завинтить*?) отмечаются в устной речи и не свойственны письменным ее разновидностям. Такого рода явления и раз-

личия требуют прежде всего квалитативных (структурных, семантических, функциональных и т.д.) подходов к их изучению.

Факты второго рода (неспецифические явления) порождают относительные различия между разными типами речи. Это явления общеязыковые, универсальные, представляющие неотъемлемые черты языка как целого и, следовательно, всех его разновидностей, но распределенные в разных языковых сферах неравномерно. Например, глагольные формы настоящего времени (если отвлечься от их конкретной функционально-семантической нагруженности в конкретных текстах) гораздо шире употребляются в научном стиле письменной речи, чем в беллетристическом повествовании. Вопрос как один из типов модальности встречается чаще в устной речи по сравнению с письменной, а в ее границах чаще в диалоге, чем в монологической речи. Для установления подобных различий (и их пределов) необходим квантитативный подход. (Другое дело, что для выяснения причин неравномерной представленности тех или иных неспецифических явлений в разных типах речи квантитативные методы малопригодны. Однако прежде чем говорить о причинах количественных различий, нужно, понятно, их обнаружить.)

В настоящей статье рассмотрению подвергаются именно неспецифические, общеязыковые явления, и для их анализа привлекаются квантитативные методы.

Из тех особенностей, которые не могут быть отнесены в строгом смысле к неспецифическим, здесь затронуты лишь некоторые явления, связанные с интонационным членением потока речи. Они рассматриваются, естественно, только на материале устной речи. Не являясь "универсальными" для всех форм языка, они характеризуются неспецифичностью в пределах устной речи как основной формы его существования и могут служить важными параметрами "измерения" ее отдельных разновидностей.

Для исследования было отобрано 39 текстов — фрагментов письменных сочинений и расшифровок магнитофонных записей устной речи, объединенных в 11 групп: три группы текстов, представляющие "стили" письменной речи, и восемь групп текстов, представляющие разновидности устной речи.

Состав текстов следующий.

Научный стиль письменной речи (далее в таблицах сокращенно: "научн.") — фрагменты работ: Н.М. Амосов, М.Ф. Зиньковецкий. Хирургическое лечение тетрады Фалло. Киев, 1982 (медицина); В.Н. Топоров. Ведийское *rta-*: к соотношению смысловой структуры и этимологии. — Этимология 1979. М., 1981 (лингвистика); Б.В. Магомедов. О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи.— Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983 (археология); Н.П. Коноплева, В.Н. Попов. Калибровочные поля. М., 1980 (физика).

Официально-деловой стиль письменной речи ("оф.-дел."); Устав Московского городского общества любителей собаководства (МГОЛС). — Каталог 6-й Московской городской выставки собак. М., 1979 (устав); Универмаг "Уфа" предлагает. — газ. Вечерняя Уфа, 19.5.1983 (рек-

ламное объявление); Техническое училище N 38 объявляет прием... — газ. Вечерняя Москва, 12.8.1983 (объявление); К сведению авторов. — журн. Вопросы языкознания, 1982. N 3 (инструкция).

Беллетристика, авторское повествование ("беллетр.") — отрывки из прозаических произведений: А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу; Б. Окуджава. Путешествие дилетантов. Из записок отставного поручика Амирана Амилахвари; Ф. Абрамов. Деревянные кони; Ф. Искандер. Путь из варяг в греки.

Устная публичная речь, монолог (УПР (м)) — фрагменты магнитофонных записей, фонотека Сектора современного русского языка (ССРЯ) Института русского языка АН СССР: лекция О.Н. Трубачева "Трактат о хорошей работе", прочитанная 23.I.1980 в Институте русского языка АН СССР; доклад N.N. на конференции "Теория и практика лингвистического описания разговорной речи" (Горький, 1976); выступление писателя В. Берестова на авторском вечере в Институте русского языка АН СССР (январь 1983); публичное выступление художника Московского шелкового комбината "Красная Роза" с рассказом о своей работе.

Устная публичная речь, диалог (УПР (д)) — фрагменты магнитофонных записей, фонотека ССРЯ: опрос свидетеля на заседании суда (Куйбышевский районный суд, г. Москва); опрос свидетельницы на заседании суда (Куйбышевский районный суд, г. Москва); обсуждение рукописи индивидуальной монографии на заседании сектора в академическом институте.

Разговорная речь, монолог (РР (м)) — фрагменты опубликованных расшифровок магнитофонных записей: "Рассказы о собаках", "О музыке", "Воспоминания Л.В. Успенского", "Рассказы о путешествиях". — См.: Русская разговорная речь. Тексты.

Разговорная речь, диалог (РР (д)) — фрагменты опубликованных расшифровок магнитофонных записей: "Телефонный разговор родственниц", "Об изготовлении обуви", "Микродиалоги", "Об экзаменах". — Там же.

Просторечие, монолог (прост. (м)): "Рассказ мастера-наставника ПТУ об училищном общежитии" (фрагмент магнитофонной записи, фонотека ССРЯ); "Рассказ женщины о кошке и собаке", "Рассказ женщины о довоенном и блокадном Ленинграде" (фрагменты опубликованных расшифровок магнитофонных записей, см.: Городское просторечие...).

Просторечие, диалог (прост. (д)) — фрагменты магнитофонных записей, фонотека ССРЯ: "Объяснение между соседями по коммунальной квартире", "Разговор старых работниц Трехгорного комбината", "Разговор трех женщин о годах войны".

Диалектная речь, монолог (диал. (м)): "Текст 16" (с. Холм Псковской обл.). — Л.И. Баранникова, В.Д. Бондалетов. Сборник задач и упражнений по диалектологии. Саратов, 1974; "В городе" (с. Подстепки Ставропольского р-на Куйбышевской обл.). — В.А. Малаховский. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия. Куйбышев, 1957; "Из воспоминаний о Великой Отечественной войне" (с. Шушелово Дедовичского р-на Псковской обл.). — Н.П. Гринкова, В.И. Чагишева. Практические занятия по диалектологии. Л., 1957.

Диалектная речь, диалог (диал. (д)) — расшифровки магнитофонных записей, фонотека Лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР, ед. хр. А—183, А—563, А—808: "Разговор гостьи и хозяйки" (д. Куность Белозерского р-на Вологодской обл.); "Разговор соседок о молодом односельчанине" (д. Язвиха Сандовского р-на Калининской обл.); "Разговор соседок о ягодах и покупке дома" (д. Куя Приморского р-на Архангельской обл.)[13].

Объемы обследованных текстов колеблются в пределах 200—250 словоупотреблений (включая незнаменательные слова). Сравнительно невысокий объем выборок обусловлен несколькими моментами. Во-первых, он дает, как показали пробные подсчеты, довольно надежные результаты статистического анализа тех явлений, которые были выбраны для изучения (как было сказано, "универсальных", т.е. характеризующих язык в целом, а не отмечаемых лишь в каких-то отдельных его разновидностях, и поэтому достаточно частых в речи). Для сравнения укажем, что объемы текстов, обработанных Дж. Гринбергом для его квантитативной морфологической типологии языков разного строя[14], а также стандартные объемы текстуальных выборок, использованных в коллективной монографии "Квантитативная типология языков Азии и Африки" (Л., 1982), развивающей идеи Гринберга, составляют 100 словоупотреблений, в то время как в нашем случае суммарный объем каждой из 11 выборок (по отдельным указанным разновидностям речи) составляет около 775 словоупотреблений. Конечно, объем анализируемого текста зависит прежде всего от того, какие его единицы — фонетические, морфологические, синтаксические и иные — подлежат подсчету. Во-вторых, материалы показывают достаточную стабильность средних величин получаемых индексов, которые при увеличении объема использованных текстов меняются в незначительных пределах (за исключением случая, который будет оговорен). В-третьих, целью работы было не получение максимально точных, не могущих быть оспоренными другими исследователями цифр, хотя это, разумеется, крайне желательно, пусть и труднодостижимо, а выявление тенденций, существующих в распределении тех или иных явлений по различным группировкам текстов или разновидностям речи.

Неравнообъемность исследуемых текстов в нашем случае незначима, поскольку в вычислениях мы пользуемся не абсолютными величинами, характеризующими текст при данном его объеме, а долями, т.е. отношением числа подсчитываемых единиц к другим

---

[13]Неопубликованные расшифровки магнитофонных записей образцов литературной устной речи, просторечия и диалектного диалога сделаны в основном автором. Два фрагмента взяты из неопубликованных расшифровок М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой. Автор пользуется случаем, чтобы выразить глубокую признательность Р.Ф. Касаткиной (Пауфошиме) за помощь в поиске добротного диалектного материала.

[14]См.: *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков// Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. Вып. 3.

единицам (обычно к длине текста в словоупотреблениях, реже к числу иерархически более высоких языковых единиц, например, числа личных местоимений к числу местоименных слов вообще). Неравнообъемность анализируемых фрагментов вызвана предъявленными к ним требованиями синтаксической оформленности (т.е. текст не мог быть "оборван" на середине высказывания) и относительной смысловой автономности целого. Некоторое влияние (небольшое из-за все-таки близкого объема текстов) неравнообъемность исследуемых фрагментов могла оказать на результаты определения индекса лексического разнообразия для каждой из 11 обследуемых групп текстов, однако дальнейшая (конфронтационная) обработка полученных данных в значительной мере стирала это влияние.

Круг явлений, которые можно подвергнуть количественному анализу на таком объеме текстов, достаточно велик. Заведомо ясно, что здесь не могла изучаться статистика таких, скажем, объектов, как типы сложных предложений, пассивные конструкции или распределение имен собственных по текстам разного характера: результаты были бы весьма ненадежными. Однако нет и нужды углубляться в такие проблемы, как, например, статистика аппозитивных сложений типа *техник-смотритель* или представленность форм творительного падежа существительных в темпоральном значении: эти особенности для общей характеристики выбранных разновидностей речи, по-видимому, не являются принципиально важными. Речь должна идти о явлениях, отражающих реально значимые особенности каждой из обследуемых групп текстов и при этом поддающихся квантитативному изучению на выборках сравнительно небольшого объема.

К таким, без сомнения, относится большинство так называемых индексов Гринберга. Он предлагал с их помощью строить типологию разных языков, однако эти индексы могут быть использованы и для экспликации различий между формами и типами одного и того же языка. Критиками метода Дж. Гринберга не раз указывалось, что результаты его "индексации" в сильной степени зависят от стилевой принадлежности анализируемых текстов. Для нас, однако, это обстоятельство оказывается как раз благоприятным. Из числа индексов, предложенных Дж. Гринбергом, в данной работе используются индексы синтеза (общей сложности слова), словосложения, деривации, словоизменения, префиксации и суффиксации.

В упомянутой монографии "Квантитативная типология..." предложено несколько новых индексов, примененных для анализа и типологического сравнения разных языков. Некоторые из них также могут быть использованы для типологии разновидностей одного языка. К ним мы отнесли индексы флективности, аналитичности и лексичности vs. грамматичности.

В статистической стилистике, имеющей традиции в отечественном языкознании (см. многочисленные работы, выполненные на материале русского языка в Саратове, Горьком, Перми, Киеве, Минске и др.), большой популярностью пользуются подсчеты различных классов слов (частей речи), длины и глубины предложения, текстообразующей роли наиболее частотных слов и др. Часть этих индексов применялась и

в настоящей работе. При этом мы не опасались неизбежных повторений того, что уже было сделано, как и "тривиальности" некоторых наблюдений.

Прежде всего в нашей работе расширен круг привлекаемого к анализу материала за счет не обследовавшихся подобным образом сфер устной речи. Изучение этих разновидностей речи требовало их сравнения с другими формами и стилями, которые анализировались разными исследователями с почти неизбежными расхождениями в методике обработки текстового материала, как в отборе единиц для подсчета, так и в способах их статистического представления. Единообразие в анализе сравниваемых объектов — необходимая особенность сопоставительных исследований. Соображения унификации подходов к анализу заставили нас отказаться от прямого использования результатов, полученных другими авторами. Что же касается "тривиальности" наблюдений ("в бытовой устной речи личные местоимения встречаются чаще, чем в научном стиле" и под.), то здесь, однако, весьма важным представляется установление статистических пределов для такого рода различий.

Некоторые параметры для "измерения" разновидностей речи в целях их типологии в данной работе предложены впервые.

От анализа ряда "универсальных" явлений, возможность изучения которых как будто предоставлялась объемом выборки, мы вынуждены были отказаться. Причинами этого служили либо большая зависимость результатов подсчета от тематики текста (например, презенс в научных жанрах в целом сильно преобладает над остальными глагольными временами, однако в тексте по истории — политической, "естественной", языка и проч. — он значительно теснится формами прошедшего времени, а то и заметно уступает им), либо труднопреодолимые сложности с выделением самого объекта (какие, например, единицы текста можно было бы подсчитывать для определения уровня "непрямой", "неиндикативной" модальности?), либо то обстоятельство, что количественный анализ какого-либо явления не может дать устойчивых и вследствие этого сколько-нибудь показательных различий между отдельными группами текстов (к таким явлениям, например, относится категория переходности/ непереходности глаголов).

* * *

Индексы, с помощью которых оцениваются выбранные нами тексты, представляют собой, как было сказано, отношение наблюденного в данном тексте числа каких-либо единиц либо к его объему (длине текста в словоупотреблениях, считая служебные лексические элементы), либо к числу языковых единиц более высокой иерархической ступени. Эти индексы затрагивают явления, относящиеся к морфологии (включая словообразование), синтаксису, интонационному членению потока речи (только для устных текстов) и лексической структуре текста. Необходимые пояснения к линг-

вистическому содержанию индекса и принципы отбора соответствующих языковых единиц для его вычисления оговариваются в каждом конкретном случае.

Дальнейшая обработка этих первоначальных ("эмпирических") данных велась с использованием некоторых элементарных статистических приемов, рекомендуемых, в частности, в пособиях по лингвистической статистике [15].

Все полученные численные данные сводятся в таблицы. Каждая таблица описывает какое-либо одно языковое явление в его распределении по отдельным текстам и группам текстов. Она включает в себя следующие цифровые показатели:

1) индивидуальные значения индекса, характеризующие конкретные тексты, или подвыборки (p_i);

2) выборочные средние значения индекса для групп текстов, или выборок ($\bar{p}$)[16].

3) стандартное отклонение от средней (σ) в каждой выборке[17];

4) вероятную ошибку средней (L) для каждой выборки[18];

5) доверительные интервалы, или интервалы действительных средних ($\bar{p} \pm L$) для разных выборок[19].

Кроме того, на базе значений каждого данного индекса для всей совокупности обследуемых текстов вычисляется так называемая общая средняя ($\bar{p}_{общ}$). Эта величина характеризует относительно рассматриваемого в данном разделе признака (явления) русский язык в целом, если мы сочтем совокупность избранных для анализа разновидностей речи достаточно представительной.

---

[15] См.: *Головин Б.Н.* Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971; *Носенко И.А.* Начала статистики для лингвистов. М.: Высшая школа, 1981; *Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А.* Математическая лингвистика. М.: Высшая школа, 1977.

[16] Выборочная средняя $\bar{p} = \frac{\sum_{1}^{n} P_i}{n}$, где n — число подвыборок (конкретных текстов).

[17] Стандартное (иначе — среднее квадратичное) отклонение $\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{1}^{n} (p_i - \bar{p})^2}{n}}$

Эта величина обобщенно характеризует рассеяние значений случайной величины (т.е. в нашем случае значений индексов для конкретных текстов) относительно ее средней ($\bar{p}$).

[18] Ошибка средней $L = \sigma t/\sqrt{n}$, где t — извлекаемый из специальных статистических таблиц коэффициент, зависящий от числа входящих в выборку (т.е. у нас в группу текстов) подвыборок (конкретных текстов), или числа так называемых степеней свободы, определяемого как n — 1. Значения L показывают, на какую величину в ту и другую сторону от вычисленной выборочной средней $\bar{p}$ может отклоняться так называемая действительная средняя, характеризующая генеральную совокупность текстов (т.е. вообще все существующие, а не только учтенные, тексты данной разновидности речи). Величина t, а следовательно и L, зависит от выбранной исследователем степени надежности (обратной по отношению к степени точности!). В нашем случае надежность полученных величин L составляет 90%, что считается (см.: *Головин Б.Н.* Указ. соч. С. 60—61) допустимым для статистических вычислений на языковом материале.

[19] Интервал, в котором заключена не могущая быть реально наблюдаемой действительная средняя (характеризующая генеральную совокупность) при выбранном коэффициенте надежности.

Группы текстов, как было сказано, комбинируются в различные надгрупповые объединения (макрогруппы и межгрупповые ассоциации). Имея данные по каждому отдельному тексту, нетрудно вычислить средние значения каждого индекса для всех упомянутых межгрупповых ассоциаций. Эти величины, характеризующие целые объединения групп текстов, условимся называть в дальнейшем комбинированными средними. Таким образом, возникает возможность сравнения комбинированных средних друг с другом в каждой паре взаимно противопоставленных по какому-либо признаку межгрупповых ассоциаций: "письменная речь" — "устная речь", "подготовленная" — "спонтанная", "литературная" — "нелитературная", "монологическая" — "диалогическая" (последние две пары противопоставляемых межгрупповых ассоциаций включают в себя только устные разновидности речи).

В некоторых случаях, если в том возникала необходимость, для выяснения содержательных и статистических связей между отдельными индексами предпринимались вычисления коэффициента корреляции (r)[20].

Квантитативные наблюдения над распределением отдельных языковых явлений в разновидностях речи (индексация) и типологическое сравнение их результатов, с конфронтацией комбинированных средних, представлены далее в виде самостоятельных разделов.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Синтез

Показатель степени синтеза, или общей сложности слова, вычисляется отношением количества морфем к количеству слов в тексте (M/W)[21] и колеблется в теоретических границах от 1,00 внизу до неопределенной величины вверху (Дж. Гринберг указывает, что "высший предел теоретически отсутствует, но на практике величины выше 3,00 встречаются редко"[22]). По приблизительным данным М. Мейлаха[23] и монографии (под. ред С.Е. Яхонтова) "Квантитативная типология языков Азии и Африки" средняя величина степени синтеза для русского языка составляет около 2,33, по нашим данным — 2,39.

---

[20]Коэффициент корреляции вычислялся по формуле

$$r_{xy} = \Sigma(x_i - \bar{x})\,(y_i - \bar{y}) / \sqrt{\Sigma(x_i - \bar{x})^2 \cdot \Sigma(y_i - \bar{y})^2},$$

где величины x и y относятся к разным (сравниваемым) индексам, при этом x_i и y_i — средние для групп текстов (выборок), а $\bar{x}$ и $\bar{y}$ — общие средние (т.е. $x_i = \bar{p}$, а $\bar{x} = \bar{p}_{общ.}$). Чем ближе коэффициент корреляции к 1, тем сильнее связи между сравниваемыми признаками, чем ближе они к 0, тем эти связи слабее. Положительные значения коэффициента корреляции свидетельствуют о существовании прямой зависимости между признаками ("чем выше А, тем выше В"), отрицательные — об обратной ("чем выше А, тем ниже В").

[21]См.: *Гринберг Дж.* Указ. соч. С. 74; Квантитативная типология... С. 14.

[22]*Гринберг Дж.* Указ. соч. С. 74.

[23]*Мейлах М.* Индексы морфологической типологии// Проблемы грамматического моделирования/ Под ред. А.А. Зализняка. М.: Наука. 1973. С. 169.

Выбранные для анализа тексты членились на морфемы в соответствии с установками деривационного (скорее морфематического) словаря Ворта, Козака и Джонсона[24], несмотря на его очевидные недостатки для наших целей (ориентированность на "максимальное" членение, вытекающая из нее фактическая архаизация морфемного состава слов современного русского языка, ср.: *ма-як, у-жас, уж-ин* и т.п.; непоследовательность в осуществлении этих принципов, выражающаяся, в частности, в неразбиении на морфемы явно членимой базы оттопонимических производных типа *ленинград-ец*; оправдываемое техникой создания словаря оперирование исключительно графическим представлением слова, в результате чего не соотносимый в составе данного слова с какой-либо фонемой мягкий знак может в этот словаре трактоваться — и в большинстве случаев фактически трактуется — как самостоятельная морфема, и ряд других). Однако эти недостатки перекрываются очевидными же его преимуществами, из которых главное — относительная полнота словника. К тому же (и это замечание касается всех остальных используемых в настоящей работе индексов) теоретическое обоснование и отбор принципов разбиения текстов на единицы, подвергаемые подсчету в целях количественной типологии разновидностей речи, менее существенны по сравнению с единообразием применения избранных принципов к анализу всех отдельных текстов, представляющих эти разновидности. Единственное отступление от установок указанного словообразовательного словаря состоит в отказе от "морфной" трактовки мягкого знака. Все остальные его принципы, сколь слабоаргументированными они ни казались, были сохранены.

Некоторых оговорок требует подход к членению имен собственных — антропонимов и топонимов. Топонимы, не имеющие соответствий в апеллятивной лексике литературного русского языка, фамилии и официальные (паспортные) формы личных имен признавались нечленимыми (в их составе выделялись лишь основа, приравниваемая тем самым к корню, и флексия). Суффиксы отчеств вычленялись: *Петр-ов-ич, Юлиан-ыч, Алексе-в-н-ой*... Имена — компоненты составных топонимов, имеющие соответствия в апеллятивном лексиконе, членились: *Тем-н-ые* (*Рады*), *Выс-ок-ой* (*Мох*), *Крас-н-ый* (*Маяк*)...; притяжательные прилагательные в составе топонимов и их производные признавались членимыми: (*на*) *Кулунд-ов-ом* (*Мху*), *Бизюк-ов* (*Монастырь*), *павл-ов-о-посад-ск-ие*... Также членимыми считались гипокористические и уничижительные формы личных имен: *Мить-к-а, Алеш-к-а, Надь-к-а, Андр-юш-а, Марин-оч-к-а*...

Так называемые нулевые морфы при выведении и данного, и следующих индексов из подсчета исключались. Если в транскрипциях устной речи встречался обрыв слова на середине морфа (например, *хо...=хочет*), то этот "обрубок" включался в подсчет как самостоятельная морфема. Итог статистических наблюдений над степенью синтеза в текстах, принадлежащих разным речевым формациям, представлен в табл. 1.

---

[24] *Worth D.S., Kozak A.S., Johnson D.B.* Russian Derivational Dictionary. N. Y., American Elsevier, 1970.

Таблица 1. **Индекс синтеза** (M/W)

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	3,08	2,93	3,20	3,22	3,11	0,11	0,13	2,98...3,24
оф.-дел.	3,43	2,96	2,96	3,00	3,09	0,20	0,24	2,85...3,33
беллетр.	2,63	2,71	2,06	2,72	2,53	0,27	0,32	2,21...2,85
УПР (м)	2,53	2,58	2,58	2,33	2,50	0,10	0,12	2,38...2,62
УПР (д)	2,06	2,06	2,49		2,20	0,20	0,34	1,86...2,54
РР (м)	2,30	2,29	2,21	2,05	2,21	0,10	0,12	2,09...2,33
РР (д)	1,99	2,26	2,14	2,20	2,15	0,10	0,12	2,03...2,27
прост. (м)	2,08	2,12	2,22		2,14	0,06	0,10	2,03...2,23
прост. (д)	2,16	1,91	1,97		2,01	0,11	0,19	1,82...2,20
диал. (м)	1,93	2,08	2,01		2,01	0,08	0,13	1,88...2,14
диал. (д)	2,06	1,90	1,80		1,92	0,11	0,19	1,73...2,11

Конфронтация "комбинированных средних" дает следующие результаты:

письменная : устная	2,91 : 2,16
подготовленная : спонтанная	2,81 : 2,10
(устная) литературная : нелитературная	2,27 : 2,02
(устная) монологическая : диалогическая	2,24 : 2,08

Значения индекса синтеза для отдельных текстов колеблются в пределах от 1,80 (диалектная диалогическая речь) до 3,43 (официально-деловая речь, жанр устава). Максимальная средняя величина индекса синтеза характеризует научные тексты (3,11), для устных разновидностей речи — публичный монолог (2,50), минимальная — диалектную диалогическую речь (1,92). Наиболее эффективным является индекс синтеза для противопоставления устных и письменных форм речи: "письменное" слово почти в полтора раза сложнее по морфемному составу, чем слово "устное". Почти столь же большими являются различия, даваемые индексом синтеза, между спонтанной и подготовленной речью.

Словосложение

Вслед за Дж. Гринбергом[25] показатель развитости словосложения мы определяем отношением числа корневых морфем к длине текста в словоупотреблениях (R/W). Авторы "Квантитативной типологии..." предлагают уточненный вариант этого индекса (R—W)/W, однако для принятой в нашей работе методики конфронтационной обработки статистических данных такой вариант менее удобен, так как подает различия между отдельными текстами и между средними величинами индекса в чрезмерно преувеличенном виде: реальные расхождения невелики. Таким образом, индекс (R—W)/W должен характеризоваться не столько как показатель словосложения, сколько как некий индекс "лишних", по сравнению с теоретическим минимумом, корней.

[25] См.: *Гринберг Дж.* Указ. соч. С. 76.

Таблица 2. **Индекс словосложения (R/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L.	$\bar{p} \pm L$
научн.	1,089	1,062	1,087	1,063	1,075	0,013	0,015	1,060...1,090
оф.-дел.	1,047	1,127	1,118	1,059	1,088	0,035	0,041	1,047...1,129
беллетр.	1,010	1,019	1,010	1,031	1,018	0,009	0,011	1,007...1,029
УПР (м)	1,034	1,019	1,033	1,017	1,026	0,008	0,009	1,017...1,035
УПР (д)	1,032	1,004	1,021		1,019	0,012	0,020	1,000...1,039
РР (м)	1,000	1,013	1,005	1,000	1,004	0,005	0,006	1,000...1,010
РР (д)	1,026	1,029	1,045	1,005	1,026	0.014	0,016	1,010...1,042
прост. (м)	1,018	1,000	1,038		1,019	0,016	0,027	1,000...1,046
прост. (д)	1,000	1,008	1,017		1,008	0,007	0,012	1,000...1,020
диал. (м)	1,015	1,009	1,000		1,008	0,006	0,010	1,000...1,018
диал. (д)	1,005	1,016	1,008		1,010	0,005	0,008	1,002...1,018

Все слова, включая, разумеется, и служебные, имеют минимум одну корневую морфему[26], поэтому нижняя граница индекса словосложения теоретически равна единице; верхний предел теоретически неопределим (в большинстве языков он не превышает 1,10)[27].

На материал в нашем случае накладываются следующие практические ограничения. В соответствии с установками деривационного словаря Ворта, Козака и Джонсона сложные топонимы типа *Ленинград, Северодвинск* рассматриваются как однокорневые (хотя теоретическая аргументация такого подхода слаба). Частотные аббревиатуры-акронимы (*СССР, ОТК;* других, впрочем, в наших текстах не встретилось) также толкуются как однокорневые. В качестве двукорневых принимаются композиции усеченных слов типа *универмаг, профсоюз.* Слова *сегодня, сейчас,* как и в указанном деривационном словаре, квалифицируются как членимые, т.е. сложения (точнее, сращения), но для текстов устной речи в случае произношения слова *сейчас* как *щас* оно признается не членимым на морфемы и, следовательно, однокорневым. Частица *-то*, присоединяемая "свободным" образом к неместоименным существительным, прилагательным и т.д., выносится в позицию самостоятельного слова[28] и считается имеющей корневой морф. Результаты подсчета см. в табл. 2.

Минимальная величина индекса словосложения для отдельных текстов равна 1,000 (различные жанры и тексты устной речи), максимальная — 1,127 (официально-деловой стиль письменной речи). Максимальная средняя для групп текстов фиксируется в официально-деловом стиле (1,088), минимальная — в монологических жанрах разговорной речи (1,004).

Конфронтация "комбинированных средних":

---

[26]Ср.: Русская грамматика. Том I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М.: Наука. 1980. С. 124.

[27]См.: Квантитативная типология... Особенно с. 319.

[28]Ср. принципы анализа словоформ с частицей *-то*: Частотный словарь русского языка/ Под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. С. 14, 16, 17.

письменная : устная	1,060 : 1,015
подготовленная : спонтанная	1,052 : 1,014
(устная) литературная : нелитературная	1,029 : 1,011
(устная) монологическая : диалогическая	1,014 : 1,017

Средняя для всего массива обследованных текстов равна 1,029.

В целом различия между отдельными текстами и "разновидностными" группами текстов, устанавливаемые с помощью индекса словосложения, не слишком значительны. Из общей массы текстов достаточно заметно выделяются лишь письменные тексты, относящиеся к научному и официально-деловому стилям. Различия между письменной и устной речью и между подготовленной и спонтанной речью устанавливаются с помощью данного индекса несколько эффективнее, чем различия между литературной и нелитературной разновидностями и между монологической и диалогической формами устной речи.

Деривация

Различия в роли деривационных аффиксов в структуре слова могут характеризовать не только разные языки[29], но и разновидности и подсистемы одного и того же языка. Индекс деривации, позволяющий представить расхождения в степени актуализации словообразовательных возможностей языка в разных его подсистемах и стилях, определяется отношением числа словообразовательных морфов к числу словоупотреблений в тексте (D/W).

В круг деривационных морфем включаются префиксы, словообразовательные суффиксы, интерфиксы, постфиксы *-то* (присоединяемый к местоименным словам; *-то* при неместоименных словах считалось отдельным словом), *-ся*[30] и др. Теоретически пределы индекса деривации составляются нулем внизу и неограниченным показателем вверху, практически этот разброс намного уже, хотя и достаточно велик. Итоги подсчета отражены в табл. 3.

М. Мейлах среднюю величину индекса деривации для русского языка дает равной 0,47[31]. По нашим данным она заметно выше и составляет 0,75. Даже если наша цифра оказалась несколько (вряд ли существенно!) завышенной из-за оговоренной ранее особенности словаря Ворта, Козака и Джонсона, в соответствии с принципами которого членились слова в использованных нами текстах, уже это расхождение свидетельствует о значимости данного показателя для характеристики различных разновидностей русского языка. Это расхождение между нашими данными и средней по Мейлаху обусловлено прежде всего принадлежностью проанализированных текстов разным "стилевым" формациям (у Мейлаха подсчет делался на сравнительно простом в лексическом отношении тексте перевода третьего псалма).

---

[29]См.: *Сепир Э.* Язык: Введение в изучение речи. М.; Л., 1934; *Гринберг Дж.* Указ. соч. С. 76—77; Квантитативная типология... С. 29.

[30]Ср.: Русская грамматика. Т. I. С. 129.

[31]*Мейлах М.* Указ. соч. С. 157.

Таблица 3. **Индекс деривации (D/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	1,24	1,14	1,33	1,42	1,28	0,10	0,12	1,16...1,40
оф.-дел.	1,50	1,10	1,22	1,07	1,22	0,17	0,20	1,02...1,42
беллетр.	0,87	0,93	0,47	0,97	0,81	0,20	0,24	0,57...1,05
УПР (м)	0,92	0,90	0,88	0,80	0,88	0,05	0,06	0,82...0,94
УПР (д)	0,50	0,43	1,02		0,65	0,26	0,44	0,21...1,09
РР (м)	0,61	0,68	0,63	0,44	0,59	0,09	0,11	0,48...0,70
РР (д)	0,50	0,72	0,59	0,65	0,62	0,07	0,08	0,54...0,70
прост. (м)	0,47	0,54	0,58		0,53	0,05	0,08	0,45...0,61
прост. (д)	0,60	0,39	0,48		0,49	0,09	0,15	0,34...0,64
диал. (м)	0,38	0,48	0,38		0,41	0,05	0,08	0,33...0,49
диал. (д)	0,46	0,43	0,34		0,41	0,05	0,08	0,33...0,49

Значения индекса деривации по отдельным текстам колеблются от 0,34 (диалектная диалогическая речь) до 1,50 (в официально-деловой речи). Максимальная средняя для групп текстов отмечается в научном стиле письменной речи (1,28), среди текстов устной речи — в публичном монологе (0,88), минимальная — в монологической и диалогической формах диалектной речи (0,41).

Отметим, что в обследованных устных текстах лишь однажды (в публичном диалоге, жанр профессионального публичного обсуждения научной работы) индекс деривации незначительно превысил единицу, т.е. число деривационных морфем в этом тексте превысило количество корневых и словоизменительных морфем, в то время как в научных и официально-деловых текстах он ни разу не опустился ниже единицы, т.е. деривационные морфемы в текстах этих жанров речи устойчиво преобладают в количественном отношении над остальными типами морфем.

Конфронтация "комбинированных средних" дает следующие результаты:

письменная : устная	1,10 : 0,59
подготовленная : спонтанная	1,05 : 0,53
(устная) литературная : нелитературная	0,68 : 0,46
(устная) монологическая : диалогическая	0,62 : 0,55

Различия между отдельными группировками текстов, устанавливаемые с помощью индекса деривации, как нетрудно заметить, весьма значительны. Наибольшими они оказываются между подготовленной и спонтанной речью. Нелитературные разновидности устной речи пользуются в целом более простой в словообразовательном отношении лексикой, чем литературные.

Словоизменение

Достаточно показательным для установления различий между разновидностями русского языка является применение индекса, оперирующего другим типом некорневых морфем, — индекса словоизме-

Таблица 4. **Индекс словоизменения (I/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,71	0,71	0,78	0,70	0,72	0,03	0,04	0,68...0,76
оф.-дел.	0,84	0,73	0,64	0,82	0,76	0,08	0,09	0,67...0,85
беллетр.	0,72	0,73	0,54	0,68	0,67	0,08	0,09	0,58...0,76
УПР (м)	0,60	0,63	0,62	0,52	0,59	0,04	0,05	0,54...0,64
УПР (д)	0,53	0,62	0,45		0,53	0,09	0,15	0,38...0,68
РР (м)	0,68	0,58	0,52	0,61	0,60	0,06	0,07	0,53...0,67
РР (д)	0,41	0,47	0,45	0,48	0,45	0,03	0,04	0,41...0,49
прост. (м)	0,53	0,54	0,55		0,54	0,01	0,02	0,52...0,56
прост. (д)	0,57	0,51	0,48		0,52	0,04	0,07	0,45...0,59
диал. (м)	0,51	0,56	0,58		0,55	0,03	0,05	0,50...0,60
диал. (д)	0,57	0,44	0,45		0,49	0,06	0,10	0,39...0,59

нения. Он представляет собой отношение числа словоизменительных морфов к числу словоупотреблений (I/W)[32].

В качестве словоизменительных морфем рассмотрены флексии, суффиксы сравнительной степени, суффикс прошедшего времени *-л-*, суффиксы неадъективированных причастий и деепричастий и постфикс *-ме*[33]. Результаты анализа текстов приведены в табл. 4.

Общая средняя для всего массива обследованных текстов равна 0,59. Это значительно ниже, чем индекс словоизменения, высчитанный М. Мейлахом (0,85). Объяснять расхождение нужно, по-видимому, привлечением в нашем случае большого числа текстов устной речи, где уровень словоизменения ощутимо ниже соответствующего индекса для письменных текстов.

Максимальная и минимальная величины индекса словоизменения, как "эмпирические" (для конкретных текстов), так и средние для групп текстов, обнаруживаются соответственно в официально-деловом стиле письменной речи (0,84; средняя 0,76) и в разговорном диалоге (0,41; средняя 0,45); максимальная средняя для групп текстов устной речи — в монологической разговорной речи (0,60).

Конфронтация "комбинированных средних", характеризующих крупные межгрупповые ассоциации:

письменная : устная	0,72 : 0,54
подготовленная : спонтанная	0,69 : 0,53
(устная) литературная : нелитературная	0,54 : 0,52
(устная) монологическая : диалогическая	0,57 : 0,49

Наибольшие различия фиксируются между письменной и устной (а также между подготовленной и спонтанной) речью. Различия по индексу словоизменения между литературной и нелитературной разновидностями устной речи незначимы. Уровень словоизменения в монологе несколько выше, чем в диалогических жанрах.

---

[32]См.: *Гринберг Дж.* Указ. соч. С. 77.

[33]См.: Русская грамматика. Т. 1. С. 129.

Префиксация

Этот индекс (так же как и следующий — индекс суффиксации)[34] характеризует положение аффикса относительно корневого морфа и определяется отношением числа префиксов к числу слов в тексте (P/W). Теоретический нижний предел, к которому могут опускаться значения этого индекса, равен нулю, верхнего предела теоретически нет, однако языковая реальность вряд ли даст примеры сколько-нибудь объемных текстов, где показатель префиксации превышал бы в русском языке величину 0,50. Результаты подсчета см. в табл. 5.

Таблица 5. **Индекс префиксации (P/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,34	0,31	0,36	0,41	0,36	0,04	0,05	0,31...0,41
оф.-дел.	0,41	0,30	0,29	0,29	0,32	0,05	0,06	0,26...0,38
беллетр.	0,24	0,30	0,14	0,30	0,24	0,06	0,07	0,17...0,31
УПР (м)	0,19	0,25	0,26	0,27	0,24	0,03	0,04	0,20...0,28
УПР (д)	0,15	0,14	0,25		0,18	0,05	0,08	0,10...0,26
РР (м)	0,16	0,20	0,16	0,12	0,16	0,03	0,04	0,12...0,20
РР (д)	0,19	0,19	0,16	0,23	0,19	0,02	0,02	0,17...0,21
прост. (м)	0,19	0,17	0,18		0,18	0,01	0,02	0,16...0,20
прост. (д)	0,18	0,12	0,14		0,15	0,03	0,05	0,10...0,20
диал. (м)	0,14	0,15	0,15		0,15	0,01	0,02	0,13...0,17
диал. (д)	0,13	0,11	0,10		0,11	0,01	0,02	0,09...0,13

Конфронтация "комбинированных средних" показателей префиксации для разновидностей русского языка такова:

письменная : устная	0,31 : 0,17
подготовленная : спонтанная	0,29 : 0,16
(устная) литературная : нелитературная	0,19 : 0,15
(устная) монологическая : диалогическая	0,18 : 0,16

Общая средняя величина для всего массива обследованных текстов составляет 0,21 (по М. Мейлаху, индекс префиксации для русского языка равен 0,17).

Наибольшие абсолютные величины индекса префиксации (0,41) встречаются в научной и официально-деловой разновидностях письменной речи, наименьшая (0,10) характеризует диалектную диалогическую устную речь. Максимальная среди средних для групп текстов равна 0,36 (научный стиль письменной речи), в устной речи — 0,24 (публичный монолог), минимальная — 0,11 (диалектный диалог).

Наиболее показательны различия по индексу префиксации между устной и письменной формами языка (в письменной речи префиксация гораздо выше). Заметны также отличия нелитературных разновидностей устной речи, т.е. просторечия и диалектов, от литературных (индекс префиксации у последних выше). В монологической речи префиксация несколько выше, чем в диалоге.

[34] См.: *Гринберг Дж.* Указ. соч. С. 77; Квантитативная типология... С. 34.

В монографии "Квантитативная типология..." предложен "улучшенный" вариант индекса префиксации: P/(D+I), т.е. берется отношение числа префиксов не к числу словоупотреблений, или длине текста, а к сумме некорневых морфем[35]. Эта версия данного индекса, насколько можно судить по полученным в указанной книге результатам, эффективна для решения задач квантитативной типологии разных языков, в частности, для выявления различий между изолирующими и флективными языками, с одной стороны, и агглютинирующими — с другой. Однако для квантитативной типологии разновидностей одного языка, в данном случае — флективного русского, такая версия индекса префиксации непригодна: она подвергает отдельные разновидности сильной нивелировке. Поэтому здесь была предпочтена формула Гринберга.

Суффиксация

Индекс суффиксации — это отношение числа суффиксов (как словообразовательных, так и словоизменительных) к числу слов, составляющих текст (S/W). Результаты анализа текстов отражены в табл. 6.

Конфронтация "комбинированных средних" значений индекса суффиксации:

письменная : устная	0,76 : 0,46
подготовленная : спонтанная	0,72 : 0,44
(устная) литературная : нелитературная	0,51 : 0,40
(устная) монологическая : диалогическая	0,48 : 0,44

Максимальная и минимальная величины индекса суффиксации для отдельных текстов наблюдаются в официально-деловом стиле письменной речи (1,08; единственный случай, когда индекс суффиксации в наших материалах превышает единицу, т.е. в среднем каждое слово текста имеет не менее одного словообразовательного или словоизменительного суффикса) и в просторечном монологе (0,28) соответственно. Разброс средних по группам текстов также весьма велик: от 0,37 для диалектной монологической устной речи до 0,82 для научного стиля письменной речи.

Общая средняя равна 0,55 (по скорректированным[36] данным М. Мейлаха — 0,56).

Так же, как и в предыдущем случае, авторы "Квантитативной типологии..." предлагают уточненный вариант этого индекса в виде отношения числа суффиксальных морфем к сумме некорневых морфем: S/(D+I). Для этого варианта индекса суффиксации приложимо замечание, сделанное по поводу "улучшенного" варианта индекса префиксации: различия между отдельными "стилевыми" разновидностями одного и того же языка — судим по русскому — им стирают-

---

[35] Квантитативная типология... С. 318.

[36] Необходимость коррекции вызвана тем, что М. Мейлах включает в число суффиксальных (=послекорневых!) элементов и флексию (см.: *Мейлах М.* Указ. соч. С. 165). Нужная величина получена вычитанием из индекса суффиксации по Мейлаху (1,21) индекса "чистой" флективности (0,65), см.: Там же. С. 169.

Таблица 6. **Индекс суффиксации (S/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,74	0,78	0,87	0,87	0,82	0,06	0,07	0,75...0,89
оф.-дел.	1,08	0,63	0,81	0,69	0,80	0,17	0,20	0,60... 1,00
беллетр.	0,78	0,69	0,46	0,72	0,66	0,12	0,14	0,52...0,80
УПР (м)	0,65	0,58	0,61	0,51	0,59	0,05	0,06	0,53...0,65
УПР (д)	0,43	0,41	0,73		0,52	0,15	0,25	0,27...0,77
РР (м)	0,60	0,56	0,50	0,38	0,51	0,08	0,09	0,42...0,60
РР (д)	0,30	0,53	0,43	0,45	0,43	0,08	0,09	0,34...0,52
прост. (м)	0,28	0,44	0,51		0,41	0,10	0,17	0,24...0,58
прост. (д)	0,53	0,35	0,41		0,43	0,07	0,12	0,31...0,55
диал. (м)	0,32	0,40	0,39		0,37	0,04	0,07	0,30...0,44
диал. (д)	0,45	0,40	0,31		0,39	0,06	0,10	0,29...0,49

ся. Более того. при явно большем развитии суффиксации в письменной речи сравнительно с устной, особенно в научном стиле, последний, однако, по индексу суффиксации, вычисленному с помощью "улучшенной" формулы S/(D+I) характеризуется более низкими цифрами, чем, например, диалогический жанр в просторечии и диалектной речи, что даже на базе интуитивных представлений не может не восприниматься как недоразумение. Сравнительно высокая доля суффиксов в общем числе некорневых морфем — это далеко не то же самое, что развитие суффиксации. Поэтому и здесь предпочтение было отдано "классической" формуле Гринберга, как более адекватной сущности описываемого явления.

Наилучшим образом при помощи индекса суффиксации выявляются различия между письменной и устной формами речи и подготовленной и спонтанной речью. Расхождения между монологическими и диалогическими жанрами устной речи по этому параметру сравнительно невелики. В литературных разновидностях устной речи суффиксация развита сильнее, чем в просторечии и диалектной речи.

Флективность

Индекс флективности подсчитывается как отношение числа флективных морфов к числу словоформ в тексте: F/W[37]. Данный индекс весьма близок к индексу словоизменения I/W, так как бóльшую часть словоизменительных морфем (в тексте) в русском языке составляют именно флексии. (Коэффициент корреляции между индексами словоизменения и флективности, подсчитанный по средним для групп текстов, равен +0,94.) Однако поскольку индексом словоизменения все же не дублируется показатель флективности и последний может представить самостоятельный интерес, было сочтено возможным включить рас-

[37] Квантитативная типология... С. 39; ср.: *Мейлах М.* Указ. соч. С. 163 ("индекс чистой флективности").

Таблица 7. **Индекс флективности (F/W)**

	p_i				$\bar{p}$	o	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,68	0,63	0,71	0,68	0,68	0,03	0,04	0,64...0,72
оф.-дел.	0,74	0,72	0,60	0,75	0,70	0,06	0,07	0,63...0,77
беллетр.	0,47	0,55	0,41	0,58	0,50	0,07	0,08	0,42...0,58
УПР (м)	0,56	0,58	0,52	0,45	0,53	0,05	0,06	0,47...0,59
УПР (д)	0,41	0,47	0,41		0,43	0,03	0,05	0,38...0,48
РР (м)	0,51	0,45	0,45	0,55	0,49	0,04	0,05	0,44...0,54
РР (д)	0,35	0,40	0,38	0,44	0,39	0,03	0,04	0,35...0,43
прост. (м)	0,50	0,48	0,39		0,46	0,05	0,08	0,38...0,54
прост. (д)	0,42	0,41	0,39		0,41	0,01	0,02	0,39...0,43
диал. (м)	0,41	0,43	0,42		0,42	0,01	0,02	0,40...0,44
диал. (д)	0,44	0,34	0,36		0,38	0,04	0,07	0,31...0,45

четы по этому параметру в настоящую работу. Итоги подсчета приводятся в табл. 7.

Общая средняя для всего массива проанализированных текстов составляет 0,50 (т.е. в среднем половина слов в русском тексте имеет флективный морф; нулевая флексия, как было оговорено ранее, не учитывается).

Колебания "абсолютных" (эмпирических) величин индекса флективности достаточно велики: максимальная — 0,75 в официально-деловом стиле письменной речи (жанр инструкции), для разновидностей устной речи — 0,53 в публичном монологе, минимальная — 0,34 в диалектной диалогической речи. Максимальная среди средних по группам текстов равна 0,70 (официально-деловые тексты), минимальная — 0,38 (диалектный диалог). Для оправдания введения в настоящей работе индекса флективности (помимо индекса словоизменения) укажем, что и абсолютный и "относительный" (т.е. для групп текстов) минимумы по индексу словоизменения отмечены были не в диалектной речи, а в литературной разговорной речи (но также в диалоге!).

Конфронтация "комбинированных средних" для межгрупповых ассоциаций:

письменная : устная	0,63 : 0,44
подготовленная : спонтанная	0,60 : 0,43
(устная) литературная : нелитературная	0,46 : 0,42
(устная) монологическая : диалогическая	0,48 : 0,40

Наибольшая противопоставленность по данному параметру отмечается у соотносительной пары "письменная речь—устная речь." Различия в флективности между диалогической и монологической формами устной речи также достаточно велики. В целом для выявления подобных противопоставлений индекс флективности более эффективен, чем индекс словоизменения, так как дает более сильные различия.

Аналитичность

В количественной типологии Дж. Гринберга знаменательные и служебные элементы текста (слова) не разграничиваются и понятие служебного слова как выразителя аналитизма языкового строя не используется, что считается ее существенным недостатком. Представляется, что "тест" на аналитизм может быть полезен и при дифференциации разновидностей одного и того же языка. Введенный в монографии "Квантитативная типология..." индекс аналитичности определяется как отношение числа служебных слов к общему числу слов в тексте (Aux/W)[38]. В той же работе предложен и другой вариант индекса аналитичности: Aux/(I + Aux), т.е. отношение числа служебных слов к сумме обоих типов носителей грамматической семантики — служебных слов и словоизменительных аффиксов[39]. Этот второй вариант дает для разновидностей русского языка несколько более контрастные противопоставления, чем первый, поэтому и был предпочтен в настоящем исследовании.

К служебным словам отнесены предлоги, союзы и союзные слова, частицы, а также глагол-связка (в использованных текстах, за тремя-четырьмя исключениями, — глагол *быть*) и вспомогательный глагол *быть* в составе форм аналитического будущего времени. В нескольких сомнительных случаях, встретившихся при обрывах и самоперебивах в устных текстах (разговорная речь и просторечие), глагол *быть* был квалифицирован как связка условно. Итоги подсчета см. в табл. 8.

Индивидуальные значения индекса аналитичности для отдельных текстов в русском языке колеблются от 0,18 в официально-деловой речи (жанр устава) до 0,51 в разговорной речи (диалог). В устной речи "абсолютный" показатель индекса аналитичности не опускается ниже 0,29 (монологическая разговорная речь). Минимальная средняя для групп текстов отмечена в официально-деловой речи (0,22), для устной речи — в разговорном монологе (0,32); максимальная (0,45) — в диалогических устных текстах (разговорная речь и диалекты).

Общая средняя для всего массива обследованных текстов равна 0,35, что заметно выше, чем предварительная цифра для русского языка (0,20...0,25), данная в монографии "Квантитативная типология..." (с. 317). Объясняется это, несомненно, значительными расхождениями по части аналитизма между письменной речью и устными текстами, которые ранее с подобной точки зрения не анализировались.

Конфронтация "комбинированных средних" для межгрупповых ассоциаций текстов дает следующие результаты:

письменная : устная	0,26 : 0,39
подготовленная : спонтанная	0,28 : 0,40
(устная) литературная : нелитературная	0,38 : 0,41
(устная) монологическая : диалогическая	0,35 : 0,44

Устные тексты "насыщены" аналитизмом в полтора раза сильнее, чем письменные. Достаточно эффективно дифференцируются

---

[38] Квантитативная типология... С. 37.
[39] Там же. С. 316—317.

Таблица 8. **Индекс аналитичности (Aux/(I+Aux))**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,23	0,31	0,19	0,23	0,24	0,04	0,05	0,19...0,29
оф.-дел.	0,18	0,23	0,22	0,24	0,22	0,02	0,02	0,20...0,24
беллетр.	0,24	0,31	0,40	0,29	0,31	0,06	0,07	0,24...0,38
УПР (м)	0,34	0,30	0,30	0,40	0,34	0,04	0,05	0,29...0,39
УПР (д)	0,40	0,38	0,45		0,41	0,03	0,05	0,36...0,46
РР (м)	0,29	0,32	0,36	0,31	0,32	0,03	0,04	0,28...0,36
РР (д)	0,51	0,45	0,42	0,42	0,45	0,04	0,05	0,40...0,50
прост. (м)	0,37	0,38	0,39		0,38	0,01	0,02	0,36...0,40
прост. (д)	0,37	0,44	0,49		0,43	0,05	0,08	0,35...0,51
диал. (м)	0,39	0,39	0,39		0,39	0,00	0,00	0,39
диал. (д)	0,37	0,49	0,50		0,45	0,06	0,10	0,35...0,55

по показателю аналитичности монологическая и диалогическая разновидности устной речи. Различия между устными литературными и нелитературными формациями невелики.

Аналитизм в языке противопоставлен синтезу, поэтому закономерно ожидать высокую отрицательную корреляцию между различными разновидностями языка по индексам синтеза и аналитичности. Эти ожидания подтверждаются коэффициентом корреляции $r = -0{,}91$, вычисленным по средним для групп текстов.

Грамматичность

В книге "Квантитативная типология языков Азии и Африки" С.Е. Яхонтовым предложены два индекса, демонстрирующих соотношение лексического и грамматического в языке (ср. рассуждения Ф. де Соссюра: «... можно было бы в известном смысле, не придавая этому, впрочем, буквального значения, называть те языки, где немотивированность достигает своего максимума, *лексическими,* а те, где она снижается до минимума, — *грамматическими.* Это, разумеется, не означает, что "лексика" и "произвольность", с одной стороны, "грамматика" и "относительная мотивированность" — с другой, всегда синонимичны, однако между членами обеих пар имеется некоторая принципиальная общность. Это как бы два полюса, между которыми движется вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны, склонность к употреблению лексических средств — немотивированных знаков, с другой стороны — предпочтение, оказываемое грамматическим средствам, а именно — правилам конструирования»[40].

"Носителями лексических значений, — пишет С.Е. Яхонтов, — являются корни знаменательных слов, грамматических значений — аффиксы и служебные слова (предлоги, союзы, вспомогательные глаголы и т.п.). Таким образом, чтобы отделить лексическое от грам-

[40] *Соссюр Ф. де.* Указ. соч. С. 165—166.

Таблица 9. **Индекс грамматичности ((D+I+Aux)/M)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,70	0,74	0,72	0,72	0,72	0,01	0,01	0,71...0,73
оф.-дел.	0,74	0,69	0,69	0,72	0,71	0,02	0,02	0,69...0,73
беллетр.	0,69	0,74	0,67	0,70	0,70	0,03	0,04	0,66...0,74
УПР (м)	0,72	0,70	0,68	0,71	0,70	0,02	0,02	0,68...0,72
УПР (д)	0,67	0,69	0,73		0,70	0,03	0,05	0,65...0,75
РР (м)	0,68	0,67	0,65	0,64	0,66	0,02	0,02	0,64...0,68
РР (д)	0,67	0,69	0,64	0,67	0,67	0,02	0,02	0,65...0,69
прост. (м)	0,64	0,66	0,67		0,66	0,01	0,02	0,64...0,68
прост. (д)	0,69	0,68	0,73		0,70	0,02	0,03	0,67...0,73
диал. (м)	0,63	0,67	0,66		0,65	0,02	0,03	0,62...0,68
диал. (д)	0,66	0,68	0,68		0,67	0,01	0,02	0,65...0,69

матического, мы должны перенести служебные слова из класса корней в один класс с аффиксами. Предлагаемый индекс (индекс лексичности) будет подсчитываться как (R — Aux)/M (отношение числа корней, не считая служебных слов, к общему числу морфем в тексте). Знаменателем индекса является число морфем, а не слов. Индекс грамматичности определяется как (D+I+Aux)/M, т.е. как отношение числа (деривационных и словоизменительных вместе. — *А.Ж.*) аффиксов и служебных слов к общему числу морфем. Кроме небольшого числа сложных случаев, 2 индекса в сумме всегда составляют 1 (100%)..."[41], т.е. находятся в отношениях дополнительного распределения, и поэтому для анализа текстов вполне достаточно одного индекса — любого из двух предложенных.

Любопытно выяснить, пригодны ли эти индексы С.Е. Яхонтова для количественной типологии разновидностей одного и того же языка. Применение индекса грамматичности к материалу русского языка дает такую картину (табл. 9).

Общая средняя для всех обследованных текстов по этому индексу составляет 0,69, что согласуется с предварительными прикидками для русского языка, сделанными в книге "Квантитативная типология..." (0,60...0,70).

Конфронтация "комбинированных средних" для межгрупповых ассоциаций текстов:

письменная : устная	0,71 : 0,68
подготовленная : спонтанная	0,71 : 0,67
(устная) литературная : нелитературная	0,68 : 0,67
(устная) монологическая : диалогическая	0,67 : 0,68

Нетрудно убедиться в том, что для квантитативной типологии разновидностей одного языка (по крайней мере русского) индекс грамматичности дает немного. Разброс как средних, так и индивидуальных величин индекса весьма невелик. Выясняется лишь, что подготовленная и, в частности, письменная речь несколько

[41] Квантитативная типология... С. 320.

более грамматична (в указанном смысле), чем речь спонтанная, устная (соответственно устная речь показывает некоторое превышение над письменной в "тесте" на лексичность). Различия между литературной и нелитературной разновидностями устной речи и между монологическим и диалогическим видами речи по индексу грамматичности (соответственно лексичности) практически отсутствуют. Это позволяет судить об уровне грамматичности/лексичности для текстов разного характера в пределах одного языка как о величине, близкой к константам. Об этом же свидетельствуют и невысокие коэффициенты средних квадратичных отклонений в каждой группе текстов (не выше 0,03).

Если воспользоваться терминологией Ф. де Соссюра, определявшего изолирующий китайский язык как "ультралексический", а флективный санскрит — как "ультраграмматический"[42], то русский язык с его индексом грамматичности, превосходящим соответствующий индекс для санскрита[43], должен быть отнесен к ультраграмматическим языкам, уступающим в этом отношении из обследованных с помощью "теста" на грамматичность языков только арабскому.

Глагольность

Показательными для количественной типологии разновидностей одного языка следует признать расхождения между типами и жанрами речи в текстообразующей роли разных частей речи, в "частеречном" составе различных текстов. Целесообразно привести здесь данные о распределении основных частей речи в пределах каждой анализируемой разновидности: глагола, имени существительного и имени прилагательного.

Для нахождения индекса "глагольности" подсчитывались все глагольные формы, встретившиеся в текстах: спрягаемые (предикативные) формы, императив, инфинитив, причастие и деепричастие в их суммарном отношении к числу словоупотреблений (V/W). Вспомогательные глаголы в аналитических формах глагольного времени рассматривались как самостоятельные лексические единицы и также включались в подсчет. Безусловно исключались из него адъективированные и субстантивированные причастия, явно отделившиеся от глагольных парадигм (сомнительных случаев в наших материалах почти не встречалось), а также, хотя и имеющие причастную "этиологию", но утратившие собственно глагольные признаки предикативы типа *необходимо, (не) принято* и т.п. Аналогичное решение было принято относительно непервообразных междометий, генетически связанных с глаголом (*здравствуйте, смотри-ко, не дай Бог* и под.). Отглагольных междометий ("глаголов ультрамгновенного вида") типа *хлоп, прыг, хвать* в использованных для анализа текстах не было

---

[42] См.: *Соссюр Ф. де.* Указ. соч. С. 166.
[43] См.: Квантитативная типология... С. 321.

Таблица 10. **Индекс глагольности (V/W).**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,11	0,09	0,07	0,09	0,09	0,01	0,01	0,08...0,10
оф.-дел.	0,15	0,06	0,06	0,16	0,11	0,05	0,06	0,05...0,17
беллетр.	0,31	0,22	0,18	0,13	0,21	0,07	0,08	0,13...0,29
УПР (м)	0,14	0,16	0,14	0,15	0,15	0,01	0,01	0,14...0,16
УПР (д)	0,15	0,21	0,15		0,17	0,03	0,05	0,12...0,22
РР (м)	0,19	0,17	0,15	0,14	0,16	0,02	0,02	0,14...0,18
РР (д)	0,18	0,07	0,13	0,16	0,14	0,04	0,05	0,09...0,19
прост. (м)	0,19	0,20	0,18		0,19	0,01	0,02	0,17...0,21
прост. (д)	0,24	0,19	0,13		0,19	0,05	0,08	0,11...0,27
диал. (м)	0,19	0,23	0,18		0,20	0,02	0,03	0,17...0,23
диал. (д)	0,21	0,17	0,15		0,18	0,03	0,05	0,13...0,23

отмечено, и поэтому принимать какую-либо точку зрения на меру их "глагольности" необходимости не возникло.

Априорно можно ожидать, что исключение из подсчетов атрибутивных глагольных форм — причастия и деепричастия — несколько усилило бы общие расхождения между письменными и устными разновидностями по части "глагольности". Однако учет того обстоятельства, что в диалектных грамматических системах (и в просторечии) функциональная нагрузка атрибутивных форм глагола может быть существенно отличной от их функциональных обязанностей в кодифицированном языке и быть ближе к собственно глагольным функциям (например, употребление в части говоров, в том числе и в диалектных текстах, привлеченных к анализу в нашей работе, деепричастий не только для выражения сопутствующего действия, как в литературно нормированном языке, но и в собственно предикативном качестве: *вся деревня собравши*)[44], вызвал необходимость рассмотрения системы глагольных форм в ее полном объеме. Итоги анализа представлены в табл. 10.

Экстремальные индивидуальные величины индекса глагольности для отдельных текстов встречаются в письменных разновидностях русской речи: 0,06 в жанрах официально-деловой речи (объявления) и 0,31 в беллетристическом повествовании. Минимальная из средних по группам текстов отмечается в научной речи (0,09), максимальная — в той же повествовательной художественной прозе (0,21).

Разброс соответствующих показателей для устных разновидностей русского языка гораздо менее широк. В устной речи индивидуальный максимум глагольности фиксируется в просторечном диалоге (0,24), максимальная средняя для групп устных текстов — в диалектной монологической речи (0,20), т.е. и та, и другая максимальные для устной речи величины — в ее нелитературных разновидностях.

Общая средняя для всего массива текстов составляет 0,16.

Конфронтация "комбинированных средних":

[44] Ср.: Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. С. 173—174.

письменная : устная	0,14 : 0,17
подготовленная : спонтанная	0,14 : 0,17
(устная) литературная : нелитературная	0,15 : 0,19
(устная) монологическая : диалогическая	0,17 : 0,16

Несмотря на заметный разброс индивидуальных величин, при принятой в настоящем исследовании единой для всех индексов методике конфронтационной обработки статистических данных индекс глагольности демонстрирует не слишком большие различия между группировками текстов. Происходит это, как можно думать, из-за сильной неоднородности в этом отношении письменной речи в целом, где чрезвычайно резко разграничиваются научный и официально-деловой функциональные стили как "безглагольные" по преимуществу, с одной стороны (общий для них индекс глагольности 0,10), и насыщенный глагольностью "стиль" беллетристического повествования — с другой (0,21). Усреднение данных по жанрам письменной речи стирает их особенности и отличия от устных жанров и разновидностей.

Разумным поэтому кажется противопоставлять в данном случае индекс глагольности для относительно более однородной по данному признаку устной речи как индексу глагольности официально-делового и научного стилей вместе взятых, так и соответствующему показателю для повествовательной художественной прозы. Первое противопоставление обнаруживает, что в отношении глагольности устная речь в целом в 1,7 раза превосходит научный и официально-деловой стили и в 1,24 раза уступает беллетристическому повествованию (хотя нужно иметь в виду, что последнее характеризуется наибольшим для данного индекса средним квадратичным отклонением σ, т.е. фактически наибольшей неоднородностью эмпирических данных: разброс их — от 0,13 до 0,31 при значительно меньших разбросах в других группах текстов).

Следует, видимо, отметить, что наши данные по разговорной речи (монолог и диалог) несколько отличаются от данных, полученных другими исследователями. Так, монологическая и диалогическая речь, по выкладкам Т.А. Василенко и Т.И. Кольцовой[45], противопоставлены резче, чем это получилось в наших подсчетах ("В 3 выборках по 100 слов такая пропорция:

диалогическая речь: 16, 11, 12;
монологическая речь: 18, 29, 23",

т.е. средняя для обиходно-разговорного диалога — 0,13 против 0,14 в наших данных и средняя для монологической разговорной речи — 0,23 против 0,16 у нас). По данным Э.А. Клочковой расхождения между разговорным монологом и диалогом по уровню глагольности менее значительны, хотя обе средние выше наших: 0,198 и 0,183 соответственно[46]. Различия обусловлены, надо полагать, и материалом

[45] *Василенко Т.А., Кольцова Т.И.* Некоторые лексические особенности разговорной речи // Русская разговорная речь: Сборник научных трудов. Саратов, изд-во Саратовского ун-та, 1970. С. 83.

[46] *Клочкова Э.А.* О распределении классов слов в живой разговорной речи // Вопросы стилистики. Саратов, изд-во Саратовского ун-та, 1969. Вып. 3. С. 94—95.

и подходом к его статистическои обработке. Однако по всем трем исследованиям монолог больше насыщен глагольными формами, чем диалог.

Субстантивность

Более значительные расхождения между видами и жанрами речи дает индекс субстантивности, определяемый отношением числа встретившихся в тексте имен существительных к общему числу слов (Sb/W).

В подсчет включались имена существительные нарицательные и собственные, субстантивированные прилагательные и причастия, именные компоненты составных предлогов типа *на основании, в случае, в результате.* Частотные инициальные аббревиатуры *СССР, ОТК* толковались как одно существительное. Аппозитивные сложения имен существительных типа *платье-костюм, чертежник-конструктор* анализировались как синтаксические образования, т.е. сочетания самостоятельных слов. Фамилия *Бодуэн де Куртенэ* рассматривалась как два существительных; сложный иноязычный топоним *Топрак-Кала* принят за однословное наименование. В качестве имен существительных рассматривались русские отчества. Как существительные же толковались компоненты *Академи, макарони* в воспроизведенных иноязычных словосочетаниях *Академи форестье* и *макарони итальяни.* (Указанные сомнительные случаи занимают чрезвычайно малую часть обследованного текстового пространства, поэтому их влияние на статистические результаты ничтожно.)

Не включались в подсчет для индекса субстантивности местоимения-существительные (*я, ты, он, что, никто, что-нибудь, себя* и т.д.). Результаты "теста" на субстантивность представлены в табл. 11.

Общая средняя для всего массива обследованных текстов равна 0,22. Эта величина служит довольно четкой демаркационной линией между письменными и устными разновидностями речи.

Индивидуальные величины индекса субстантивности для отдельных текстов колеблются в пределах от 0,09 внизу (разговорная диалогическая речь) до 0,51 вверху (официально-деловой стиль письменной речи, жанр устава). Наименьшая и наибольшая средние для групп текстов отмечаются в тех же разновидностях языка: от 0,13 до 0,44.

Абсолютный и средний (для групп) максимумы в устной речи обнаруживаются в монологической публичной речи: 0,24 и 0,21 соответственно.

Конфронтация "комбинированных средних":

письменная : устная	0,36 : 0,16
подготовленная : спонтанная	0,32 : 0,16
(устная) литературная : нелитературная	0,16 : 0,16
(устная) монологическая : диалогическая	0,18 : 0,15

Различия по индексу субстантивности, обнаруживающиеся между письменной и устной речью (а также между подготовленной и спонтанной), очень велики: письменные тексты в целом более чем в два раза превосходят устные по насыщенности именами сущест-

Таблица 11. **Индекс субстантивности (Sb/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,40	0,28	0,40	0,46	0,38	0,07	0,08	0,30...0,46
оф.-дел.	0,51	0,37	0,46	0,44	0,44	0,05	0,06	0,38...0,50
беллетр.	0,22	0,26	0,24	0,31	0,26	0,03	0,04	0,22...0,30
УПР (м)	0,22	0,20	0,24	0,17	0,21	0,03	0,04	0,17...0,25
УПР (д)	0,16	0,15	0,15		0,15	0,01	0,02	0,13...0,17
РР (м)	0,11	0,19	0,20	0,15	0,16	0,04	0,05	0,11...0,21
РР (д)	0,09	0,13	0,17	0,13	0,13	0,03	0,04	0,09...0,17
прост. (м)	0,11	0,21	0,12		0,15	0,05	0,08	0,07...0,23
прост. (д)	0,14	0,14	0,15		0,14	0,01	0,02	0,12...0,16
диал. (м)	0,22	0,17	0,16		0,18	0,03	0,05	0,13...0,23
диал. (д)	0,22	0,13	0,19		0,18	0,04	0,07	0,11...0,25

вительными (разумеется, еще более представительны расхождения между максимальной и минимальной средними по группам текстов: официально-деловой стиль письменной речи "субстантивнее" разговорного диалога почти в три с половиной раза).

Монологическая устная речь в большей степени "субстантивна", чем диалогическая. Это подтверждается и данными Э.А. Клочковой[47] по монологической и диалогической разговорной речи, весьма близкими нашим цифрам: 0,153 и 0,130 (у нас 0,16 и 0,13 соответственно). Различий по этому индексу между литературной и нелитературной разновидностями устной речи как "целыми" формациями не обнаруживается, хотя разброс индивидуальных показателей субстантивности в литературной устной речи шире, чем в диалектах и просторечии.

Адъективность

Индекс адъективности определяется как отношение числа имен прилагательных в тексте к числу слов (Adj/W).

К считаемым для этого индекса единицам были отнесены все собственно-знаменательные прилагательные, в атрибутивной и предикативной функции, полные и краткие, в нейтральной форме и в формах компаратива и суперлатива. Составные порядковые прилагательные типа *восемьдесят четвертый* считались как два самостоятельных прилагательных. К именам прилагательным были отнесены слова *форестье* и *итальяни* в упомянутых в предыдущем разделе воспроизведенных иноязычных словосочетаниях. Как имена прилагательные рассматривались и неузуальные субстантиваты типа *диахроническое, синхроническое, историческое, логическое* в одном из использованных для анализа научных текстов. В случаях вроде *она... пошла на лестничную и...* контекстной субстантивации также не усматривалось, и такие факты толковались как эллипсис существительного

[47] *Клочкова Э.А.* Указ. соч. С. 94—95.

Таблица 12. **Индекс адъективности (Adj/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,20	0,12	0,25	0,13	0,18	0,05	0,06	0,12...0,24
оф.-дел.	0,08	0,21	0,20	0,10	0,15	0,06	0,07	0,08...0,22
беллетр.	0,04	0,09	0,04	0,12	0,07	0,03	0,04	0,03...0,11
УПР (м)	0,08	0,10	0,09	0,05	0,08	0,02	0,02	0,06...0,10
УПР (д)	0,09	0,01	0,05		0,05	0,03	0,05	0,00...0,10
РР (м)	0,09	0,05	0,12	0,08	0,08	0,03	0,04	0,04...0,12
РР (д)	0,03	0,10	0,02	0,03	0,04	0,03	0,04	0,00...0,08
прост. (м)	0,02	0,04	0,03		0,03	0,01	0,02	0,01...0,05
прост. (д)	0,02	0,02	0,06		0,03	0,02	0,03	0,00...0,06
диал. (м)	0,03	0,05	0,08		0,05	0,02	0,03	0,02...0,08
диал. (д)	0,01	0,03	0,03		0,02	0,01	0,02	0,00...0,04

(в данном конкретном примере — существительного *площадка*). В подсчет не включались местоименные прилагательные (очень немногочисленные примеры контекстного приобретения местоименными прилагательными качественных значений во внимание не принимались), неадъективированные причастия (они, как оговаривалось ранее, считались глагольными формами) и "отадъективные" усечения в составе сложносокращенных образований типа *кож-* в *кожгалантерея*, которые некоторые исследователи склонны трактовать как аналитические прилагательные. Результаты анализа приведены в табл. 12.

Разброс индивидуальных показателей адъективности — от 0,01 в публичном диалоге (жанр опроса свидетеля на судебном заседании) и диалектной диалогической речи до 0,25 в научном стиле письменной речи. Максимальная из средних для групп текстов отмечается в научной письменной речи (0,18), в устных разновидностях — в литературном (публичная и обиходно-разговорная речь) монологе (0,08)[48], минимальная — в диалектной диалогической речи (0,02). Резко отделены от остальных разновидностей и форм языка научный и официально-деловой стили письменной речи.

Общая средняя для всего массива текстов составляет 0,08.

Конфронтация "комбинированных средних" демонстрирует следующее положение:

письменная : устная	0,13 : 0,05
подготовленная : спонтанная	0,12 : 0,05
(устная) литературная : нелитературная	0,07 : 0,04
(устная) монологическая : диалогическая	0,06 : 0,04

т.е. адъективность письменной (и вообще — подготовленной) речи выше аналогичной характеристики устной (и неподготовленной) речи более чем вдвое. Достаточно сильно противопоставление по адъективности текстов и между членами пар "литературная—нелитературная устная речь" и монолог—диалог". Индекс адъективности — один из самых сильных стилистических и "разновидностных" дифференторов ($\bar{p}_{max}$: $\bar{p}_{min}$=9).

[48] У Э.А. Клочковой соответствующая цифра для разговорного монолога существенно ниже: 0,027 (см.: *Клочкова Э.А.* Указ. соч. С. 94—95).

Местоименность

Существуют явные и многозначительные различия между текстами, принадлежащими разным вариантам языка, состоящие в неодинаковой степени насыщенности их дейктическими элементами. Индекс местоименности (дейктичности) может быть определен как отношение числа местоименных слов к общему числу слов в тексте (Pn/W).

Для вычисления значений индекса местоименности в нашем случае подсчитывались дейктические слова всех частей речи: местоимения-существительные (личные, неопределенные и отрицательные), местоименные прилагательные (притяжательные, указательные, вопросительные и т.д.), местоименные наречия (личные, возвратные, указательные и т.д.), местоименные числительные (*один, оба, сколько, несколько...*). Сюда же по необходимости включались и знаменательные слова в местоименной функции (*данный, следующий* и нек. др.). Возможные (по-видимому, очень малочисленные) случаи ситуативного приобретения "традиционными" дейктическими словами неместоименной ("знаменательной") семантики[49] (например: Жизнь совсем была/ конечно *не тая*//, т.е. 'плохая, тяжелая, не та, на которую уповали'; ср. *тот еще* и под.) игнорировались. Итоги статистических наблюдений рисуют, как и следовало ожидать, достаточно выразительную картину (табл. 13).

Индивидуальные значения индекса местоименности колеблются в диапазоне от 0 (официально-деловая речь, жанр объявления; по всей вероятности, нулевые значения могут давать лишь тексты относительного малого объема) до 0,31 (просторечный монолог), т.е. случай, когда почти треть объема текста формируется дейктическими словами. Максимальная средняя для групп текстов — 0,26 (разговорная монологическая речь), минимальная — 0,03 (официально-деловые тексты), минимальная средняя для разновидностей устной речи — 0,16 (диалектная диалогическая речь).

Индексы местоименности для обиходно-разговорной речи, полученные нами, выше аналогичных цифр по данным Э.А. Клочковой (0,191 в монологе и 0,175 в диалоге)[50].

Общая средняя для всего массива обследованных текстов равняется 0,17.

Конфронтация "комбинированных средних":

письменная : устная	0,07 : 0,21
подготовленная : спонтанная	0,10 : 0,21
(устная) литературная : нелитературная	0,22 : 0,20
(устная) монологическая : диалогическая	0,22 : 0,20

Наибольшие различия в крупных межгрупповых ассоциациях по индексу местоименности устанавливаются между письменной и устной речью: устные разновидности речи в целом в три раза "дейктичнее" письменной речи. Резко отделены от других жанров и стилей письменные научный и официально-деловой функциональные стили

[49] Ср.: *Янко-Триницкая Н.А.* Русская морфология. М.: Русский язык, 1982. С. 73.

[50] *См.*: *Клочкова Э.А.* Указ. соч. С. 94—95.

Таблица 13. **Индекс местоименности (Pn/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,04	0,13	0,06	0,06	0,07	0,03	0,04	0,03...0,11
оф.-дел.	0,03	0,05	0	0,03	0,03	0,02	0,02	0,01...0,05
беллетр.	0,13	0,09	0,11	0,13	0,12	0,02	0,02	0,10...0,14
УПР (м)	0,18	0,18	0,20	0,24	0,20	0,02	0,02	0,18...0,22
УПР (д)	0,22	0,24	0,17		0,21	0,03	0,05	0,16...0,26
РР (м)	0,29	0,25	0,19	0,29	0,26	0,04	0,05	0,21...0,31
РР (д)	0,21	0,16	0,24	0,24	0,21	0,03	0,04	0,17...0,25
прост. (м)	0,31	0,18	0,18		0,22	0,06	0,10	0,12...0,32
прост. (д)	0,28	0,16	0,13		0,19	0,06	0,10	0,09...0,29
диал. (м)	0,21	0,19	0,21		0,20	0,01	0,02	0,18...0,22
диал. (д)	0,18	0,16	0,15		0,16	0,01	0,02	0,14...0,18

(общий для них индекс местоименности весьма низок: 0,05). Монологическая устная речь в большей мере, чем диалогическая, пронизана местоименными элементами.

Автосемантичность (полнознаменательность)

Совмещение данных об употребительности в текстах разных жанров речи служебных и местоименных слов может дать представление о соотношении в этих текстах знаменательных и незнаменательных лексических элементов. Индекс автосемантичности целесообразно высчитывать как отношение полнозначных слов (т.е. слов, составляющих текст, за вычетом служебных слов и местоимений: Aut = W – Aux – Pn) к общей длине текста. Теоретические пределы индекса автосемантичности — от нуля до единицы.

Имена собственные, несмотря на то что они "лексически неполнозначные слова, не обладающие никакой смысловой структурой, выполняющие в языке лишь одну — номинативно-опознавательную функцию"[51], были отнесены в наших подсчетах к автосемантичным словам. Результаты обследования представлены в табл. 14.

Диапазон варьирования индивидуальных значений индекса автосемантичности — от 0,36 (диалогическая форма обиходно-разговорной речи) до 0,82 (официально-деловой стиль письменной речи). Максимальная среди средних для групп текстов — 0,77 (официально-деловые тексты), в устных разновидностях — 0,50 (публичный монолог), минимальные — 0,41 (обиходно-разговорный и просторечный диалог).

Подставив в формулу индекса автосемантичности числа, характеризующие разговорный монолог и диалог, извлеченные из данных Э.А. Клочковой[52], мы получили значения индекса, превосходящие

[51] *Уфимцева А.А.* Лексика // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1972. С. 446. Впрочем, это мнение — лишь одна из существующих точек зрения на природу имени собственного.

[52] См.: *Клочкова Э.А.* Указ. соч. С. 94—95.

Таблица 14. **Индекс автосемантичности (Aut/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,76	0,55	0,75	0,74	0,70	0,09	0,11	0,59...0,81
оф.-дел.	0,81	0,73	0,82	0,71	0,77	0,05	0,06	0,71...0,83
беллетр.	0,64	0,58	0,53	0,60	0,59	0,04	0,05	0,54...0,64
УПР (м)	0,51	0,55	0,54	0,41	0,50	0,05	0,06	0,44...0,56
УПР (д)	0,43	0,39	0,47		0,43	0,03	0,05	0,38...0,48
РР (м)	0,43	0,48	0,51	0,44	0,46	0,03	0,04	0,42...0,50
РР (д)	0,36	0,46	0,42	0,41	0,41	0,04	0,05	0,36...0,46
прост. (м)	0,38	0,50	0,46		0,45	0,05	0,08	0,37...0,53
прост. (д)	0,38	0,44	0,40		0,41	0,03	0,05	0,36...0,46
диал. (м)	0,46	0,46	0,41		0,44	0,02	0,03	0,41...0,47
диал. (д)	0,47	0,42	0,41		0,43	0,03	0,05	0,38...0,48

любую среднюю для групп устных текстов вообще и более близкие значениям индекса автосемантичности письменных текстов: 0,54 для монологической разговорной речи и 0,55 для диалогической. Расхождения с нашими данными могут быть вызваны как различиями в характере привлеченных к анализу текстов, так и принципами отбора языковых единиц для статистической обработки.

Общая средняя величина индекса автосемантичности для русского языка в целом — 0,52, т.е. в среднем полнознаменательные слова в русскоязычном тексте занимают немногим более половины его объема, а остальную долю составляют строевые и дейктические элементы.

Конфронтация "комбинированных средних" по признаку автосемантичности:

письменная : устная	0,68 : 0,44
подготовленная : спонтанная	0,64 : 0,43
(устная) литературная : нелитературная	0,45 : 0,43
(устная) монологическая : диалогическая	0,47 : 0,42

В наибольшей степени индекс автосемантичности эффективен для выявления различий между устной и письменной речью (письменные тексты в полтора раза насыщеннее устных полнознаменательными словами). Расхождения по данному показателю между монологической и диалогической формами устной речи сравнительно невелики, но устойчивы. Разницу между литературными и нелитературными изводами устной речи в этом отношении можно считать малосущественной.

Может показаться, что и по предложенной здесь формуле (W – Aux – –Pn)/W, и по своему лингвистическому содержанию (выделение единиц, являющихся носителями внеязыковой семантики), индекс автосемантичности близок к индексу лексичности, как он определен С.Е. Яхонтовым ((R—Aux)/W[53]. Если это действительно так, мы вправе ожидать высокого положительного коэффициента корреляции между

[53] Квантитативная типология... С. 320.

ними или, что то же, высокого отрицательного коэффициента корреляции между индексом автосемантичности и обратным по отношению к индексу лексичности индексом грамматичности (см. стр. 111 настоящей работы). Однако этого не обнаруживается: корреляция между показателями автосемантичности и грамматичности (вычисленная, как и в других подобных случаях, по средним для групп текстов) положительна (следовательно, между индексами автосемантичности и лексичности, по ее определению, отрицательна) и невысока: r=+0,66. Это свидетельствует в пользу того, что автосемантичность и лексичность — понятия не только не сходные, но существенно различные по лингвистическому содержанию. Грамматичность и лексичность определяются по формуле С.Е. Яхонтова на морфемном, уровне, понятие же автосемантичности (полнознаменательности) апеллирует к более высокому лексемному уровню.

Употребительность падежных форм имени существительного и местоимения-существительного

Хорошо известно, что устная и письменная разновидности речи дифференцируются в русском языке по степени функциональной нагруженности разных участков парадигмы склонения имени существительного и местоимения-существительного[54]. Это справедливо, однако, не только по отношению к такому "грубому" противопоставлению, каким является дихотомия "устная—письменная речь", но и по отношению к разновидностям речи, выделяемым "внутри" каждого из членов этой оппозиции.

Предлагаемые ниже подсчеты сделаны для двух падежей, обычно самых показательных при дифференциации речевых стилей и жанров в силу их наибольшей употребительности в русскоязычных текстах[55] и вследствие этого достаточной надежности соответствующих статистических данных. Речь идет о частотности граммем имени-

---

[54] См.: *Столярова Э.А.* Распределение и функционирование грамматических классов слов в русской разговорной речи. Автореф. дис... канд. филол. наук. Саратов, 1972; *Вишнякова Т.А.* Некоторые количественные характеристики русской разговорной речи. Автореф. дис...канд. филол. наук. М., 1967. С. 7; *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ... С. 74—76; Русская разговорная речь. М., 1973. С. 159; Русская разговорная речь... М., 1983. С. 99, 138—139; *Сиротинина О.Б.* Русская разговорная речь. М.: Просвещение, 1983. С. 39.

[55] По сделанным нами на базе данных частотного словаря Э.А. Штейнфельдт (*Штейнфельдт Э.А.* Частотный словарь современного русского литературного языка. 2500 наиболее употребительных слов. Таллин: Изд-во НИИ педагогики ЭССР, 1963) подсчетам, стандартный спектр падежных форм имен существительных в письменной речи (как целого, без стилевого и жанрового дробления) выглядит следующим образом:

именительный	— 27,1%	винительный	— 21,8%
родительный	— 26,9%	творительный	— 8,0%
дательный	— 5,2%	предложный	— 11,1%

Ср. также данные о распределении падежей в разных текстах: *Никонов В.А.* Статистика падежей русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1959. Вып. 3(10); *Он же.* Грамматическая характеристика видов речи // Язык и стиль русских писателей и публицистов (XIX--XX вв.): Труды V—VI научных конференций кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья (1961—1962). Куйбышев, 1963.

Таблица 15. **Индекс употребительности именительного падежа (Nom/Cas)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,18	0,16	0,28	0,11	0,18	0,06	0,07	0,11...0,25
оф.-дел.	0,17	0,20	0,33	0,27	0,24	0,06	0,07	0,17...0,31
беллетр.	0,51	0,20	0,34	0,22	0,32	0,12	0,14	0,18...0,46
УПР (м)	0,31	0,29	0,40	0,38	0,34	0,05	0,06	0,28...0,40
УПР (д)	0,51	0,64	0,56		0,57	0,05	0,08	0,49...0,65
РР (м)	0,60	0,46	0,44	0,57	0,52	0,07	0,08	0,44...0,60
РР (д)	0,54	0,60	0,55	0,70	0,60	0,06	0,07	0,53...0,67
прост. (м)	0,47	0,44	0,32		0,41	0,06	0,10	0,31...0,51
прост. (д)	0,46	0,59	0,35		0,47	0,10	0,17	0,30...0,64
диал. (м)	0,38	0,43	0,69		0,50	0,14	0,24	0,26...0,74
диал. (д)	0,58	0,56	0,37		0,50	0,09	0,15	0,35...0,65

Таблица 16. **Индекс употребительности родительного падежа (Gen/Cas)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,39	0,34	0,42	0,42	0,39	0,03	0,04	0,35...0,43
оф.-дел.	0,41	0,42	0,33	0,27	0,36	0,06	0,07	0,29...0,43
беллетр.	0,08	0,20	0,29	0,34	0,23	0,10	0,12	0,11...0,35
УПР (м)	0,17	0,42	0,28	0,21	0,27	0,10	0,12	0,15...0,39
УПР (д)	0,11	0,11	0,08		0,10	0,01	0,02	0,08...0,12
РР (м)	0,16	0,16	0,17	0,13	0,16	0,02	0,02	0,14...0,18
РР (д)	0,13	0,14	0,18	0,09	0,14	0,03	0,04	0,10...0,18
прост. (м)	0,14	0,12	0,21		0,16	0,04	0,07	0,09...0,23
прост. (д)	0,09	0,12	0,12		0,11	0,01	0,02	0,09...0,13
диал. (м)	0,07	0,22	0,12		0,14	0,06	0,10	0,04...0,24
диал. (д)	0,08	0,19	0,12		0,13	0,05	0,08	0,05...0,21

тельного и родительного падежей. Эти индексы вычислялись как отношение количества форм именительного (в одном случае) и родительного (в другом) падежей к общему числу рассмотренных в тексте падежных форм существительных и местоимений-существительных (Nom/Cas, Gen/Cas).

Подсчету подвергались имена существительные и местоимения-существительные, а также субстантивированные прилагательные и причастия. Падеж несубстантивированного прилагательного или причастия, как для числителей, так и для знаменателей указанных формул обоих индексов, учитывался только в тех случаях, когда прилагательное занимало самостоятельную, независимую от имени существительного синтаксическую позицию в данном предложении (высказывании), ср.: ...так там такие рощицы// Ну *лимонные/ апельсинные/* вот всё что... (разговорный монолог); — А сколько метров-то комната? *Большие* были? — Ну/ ну как *большие!* (просторечный диалог) и под. Результаты анализа представлены в табл. 15 и 16.

Максимальная употребительность именительного падежа — в диалогической разговорной речи (индивидуальный максимум — 0,70,

средняя — 0,60), минимальная — в научном стиле письменной речи (индивидуальный минимум — 0,11, средняя — 0,18), минимальная средняя для устных разновидностей русского языка — в публичном монологе (0,34).

Общая средняя для всего массива обследованных текстов — 0,41.

Конфронтация "комбинированных средних" индекса употребительности именительного падежа:

письменная : устная	0,25 : 0,49
подготовленная : спонтанная	0,27 : 0,51
(устная) литературная : нелитературная	0,50 : 0,47
(устная) монологическая : диалогическая	0,44 : 0,54

Наибольшая эффективность этого индекса проявляется при дифференциации письменной и устной речи: доля именительного падежа среди всех падежных форм в устной речи почти вдвое больше, чем в письменной. Ощутительна разница по данному признаку и между диалогом и монологом в устной речи: в диалогической ее форме номинатив встречается заметно чаще.

Максимальное значение индекса употребительности родительного падежа для отдельных текстов (0,42) отмечается в научном и официально-деловом стилях и в устном публичном монологе (жанр научного доклада), минимальное (0,07) — в диалектной монологической речи. Максимальная средняя для групп текстов отмечается в научном стиле (0,39), для разновидностей устной речи — в публичном монологе (0,27), минимальная средняя — в устном публичном диалоге (0,10).

Общая средняя для всех текстов — 0,21.

Конфронтация "комбинированных средних" приводит к следующим противопоставлениям:

письменная : устная	0,33 : 0,15
подготовленная : спонтанная	0,31 : 0,13
(устная) литературная : нелитературная	0,17 : 0,13
(устная) монологическая : диалогическая	0,18 : 0,12

Наибольшая эффективность индекса употребительности родительного падежа обнаруживается в оппозиции подготовленной и спонтанной речи (в первом из этих типов речи формы родительного падежа встречаются почти в два с половиной раза чаще, чем во втором). Диалогическая устная речь в целом в полтора раза беднее формами генитива по сравнению с монологом.

В общем индексы употребительности именительного и родительного падежей имени существительного и местоимения являются весьма сильными дифференторами при установлении статистических грамматических отличий устных и письменных разновидностей русского языка.

Употребительность личных местоимений

Заслуживает выяснения и распределенность в текстах разных жанров и видов речи личных местоимений. К таковым мы относим три группы местоименных слов, различающихся принадлежностью разным частям речи: к местоимениям-существительным: *я, ты, он, она, оно,*

Таблица 17. **Индекс употребительности личных местоимений (Pn_{pers}/Pn)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,25	0,12	0,08	0,23	0,17	0,07	0,08	0,09...0,25
оф.-дел.	0,14	0,10	0	0,29	0,13	0,10	0,12	0,01...0,25
беллетр.	0,70	0,30	0,48	0,73	0,55	0,17	0,20	0,35...0,75
УПР (м)	0,19	0,27	0,51	0,31	0,32	0,12	0,14	0,18...0,46
УПР (д)	0,49	0,65	0,27		0,47	0,16	0,27	0,20...0,74
РР (м)	0,61	0,48	0,42	0,36	0,47	0,09	0,11	0,36...0,58
РР (д)	0,67	0,29	0,37	0,35	0,42	0,15	0,18	0,24...0,60
прост. (м)	0,54	0,57	0,29		0,47	0,13	0,22	0,25...0,69
прост. (д)	0,47	0,50	0,16		0,38	0,15	0,25	0,13...0,63
диал. (м)	0,54	0,47	0,39		0,47	0,06	0,10	0,37...0,57
диал. (д)	0,36	0,62	0,41		0,46	0,11	0,19	0,27...0,65

мы, вы, они; к прилагательным: *мой, твой, его, ее, наш, ваш, их,* с их нелитературными эквивалентами (*ихний* и др.); к наречиям: *по-моему, по-твоему* и др., также с некодифицированными формами[56] (впрочем, оговорки этого рода излишни, так как в наших текстах реально представлены далеко не полные списки указанных разрядов местоименных слов).

Данный индекс вычисляется как отношение количества личных местоимений к количеству всех местоименных слов в тексте (Pn_{pers}/Pn), и значения его заключены в теоретических пределах от нуля до единицы. Результаты подсчета см. в табл. 17.

Предельные зафиксированные величины индекса употребительности личных местоимений, как индивидуальные, для отдельных текстов, так и средние по группам текстов, отмечаются в письменной речи: минимумы — в официально-деловой (эмпирический — 0 в жанре объявления, средняя — 0,13), максимумы — в беллетристическом повествовании (эмпирический — 0,73, средняя — 0,55). В текстах, представляющих устную речь, разброс этих величин не так широк: от 0,16 до 0,67 в эмпирических данных, от 0,32 до 0,47 в перечне средних для групп текстов (меньшая из последних двух цифр характеризует публичный монолог, бóльшая — монологическую же речь всех остальных подразделений устной речевой стихии, вычленяемых в данной работе, и публичную диалогическую речь). Устная речь в этом отношении выступает, таким образом, значительно более однородной, чем письменная, хотя колебания индивидуальных показателей в пределах каждой группы текстов велики.

Возможно, что средняя, характеризующая беллетристическое авторское повествование, оказалась несколько завышенной: три из четырех анализированных беллетристических текстов организованы от первого лица, при этом два из них дают самые большие индивидуальные значения индекса и, без сомнения, за счет личного местоимения первого лица. Указанное обстоятельство (несколько

[56] См.: Русская грамматика. Т. 1. С. 531, 542, 704.

смещающее картину, поскольку статистически соотношение повествования от первого лица и повествования "безличного", по-видимому, в русской прозе скорее в пользу последнего) было обнаружено уже на продвинутом этапе работы, и поэтому изменений в составе текстов не производилось. Результаты тем не менее достаточно показательны.

Общая средняя величина индекса употребительности личных местоимений для всего массива обследованных текстов составляет 0,38.

Конфронтация "комбинированных средних" по этому индексу демонстрирует незначительность различий между литературной и нелитературной устной речью и между диалогическим и монологическим ее жанрами, но весьма заметные расхождения между письменной и устной речью (соответственно между подготовленной и спонтанной):

письменная : устная	0,28 : 0,43
подготовленная : спонтанная	0,29 : 0,45
(устная) литературная : нелитературная	0,42 : 0,44
(устная) монологическая : диалогическая	0,42 : 0,43

Устная речь в целом более чем в полтора раза насыщеннее личными местоимениями, чем письменная.

Негация

Неравномерное распределение средств отрицания в текстах, принадлежащих различным формам, жанровым и стилевым разновидностям речи, также, на наш взгляд, может стать объектом исследования при количественной параметризации подсистем. Хотя само наличие и количество негативирующих языковых элементов во многом зависит от внелингвистической материи, служащей отправным фактором возникновения текста в его данности (тематика, авторские интенции и проч.), но в моментах и характере негации не могут не отразиться и принципы построения данного текста, связанные с его жанровой принадлежностью.

Индекс негации нетрудно определить отношением числа элементов текста, несущих семантику отрицания, к длине текста в словоформах (Neg/W).

В качестве лексических и словообразовательных элементов со значением отрицания в нашей работе принимались только модальная частица (релятив) *нет* и ее специфически устные эквиваленты (вроде [н'é?а], [м̀—м̀]), частицы *не* и *ни*, орфографически выделяемые в самостоятельные текстовые единицы, и префиксы *не-*, *ни-*, присоединяемые в словоформе большей частью "неплотно"[57]. Все остальные возможные средства негации (аффиксы, предлоги, лексические и синтаксические образования типа *анти-*, *противо-*, *кроме*, *за исключением* и мн. др.) игнорировались. За морфемой *не-* в словах *некоторый*, *несколько* и под. (индефинитивные местоимения) семантики отрицания, естест-

[57] О понятии "плотного" и "неплотного" присоединения морфем см.: *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. С. 11—12.

Таблица 18. **Индекс негации (Neg/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,014	0,031	0,010	0,013	0,017	0,008	0,009	0,008...0,026
оф.-дел.	0,005	0	0	0,039	0,011	0,016	0,019	0,000...0,030
беллетр.	0,015	0,061	0,035	0,049	0,040	0,017	0,020	0,020...0,060
УПР (м)	0,013	0,014	0,014	0,037	0,020	0,010	0,012	0,008...0,032
УПР (д)	0,072	0,073	0,017		0,054	0,026	0,044	0,010...0,098
РР (м)	0,020	0,004	0,018	0,044	0,022	0,014	0,016	0,006...0,038
РР (д)	0,022	0,017	0,086	0,080	0,051	0,032	0,038	0,013...0,089
прост. (м)	0,037	0,034	0,048		0,040	0,006	0,010	0,030...0,050
прост. (д)	0,060	0,065	0,030		0,052	0,015	0,025	0,027...0,077
диал. (м)	0,030	0,040	0,021		0,030	0,008	0,013	0,017...0,043
диал. (д)	0,066	0,020	0,020		0,035	0,022	0,037	0,000...0,072

венно, не усматривалось. Также не принимались во внимание слова с "плотным" соединением морфем типа *необходимость, неуклюжий, пренебрежение,* где семантика отрицания у (-)*не-* затемнена и может быть восстановлена лишь "этимологически", а сам этот префикс вычленяется далеко не безболезненно (ср. неузуальность "слов", полученных путем устранения негативирующей приставки: **уклюжий, *обходимость* и под.). В конструкциях с удвоением отрицания, характерных для русского синтаксиса (типа *никто не приходил, ни в чем не повинный, ни разу не встретился*), учитывались оба негативирующих элемента. Результаты вычислений индекса негации представлены в табл. 18.

Минимальные (нулевые) индивидуальные величины индекса негации показывают официально-деловые тексты (жанры объявлений), максимальное значение (0,086) отмечается в диалогической разговорной речи. Диапазон варьирования средних по группам текстов — от 0,011 в официально-деловом стиле (среди устных текстов — от 0,020 в публичной монологической речи) до 0,054 в публичном диалоге, где господствуют вопросно-ответные структуры.

Общая средняя для всего массива обследованных текстов составляет 0,033. Конфронтация "комбинированных средних":

письменная : устная	0,023 : 0,037
подготовленная : спонтанная	0,022 : 0,040
(устная) литературная : нелитературная	0,035 : 0,039
(устная) монологическая : диалогическая	0,027 : 0,048

Таким образом, выясняется, что различия по индексу негации между формами и типами речи достаточно значительны, если пренебречь естественной и ожидаемой неяркостью противопоставления по данному признаку литературной и нелитературной разновидностей устной речи. Наиболее существенными, по-видимому, здесь нужно считать различия, определяемые монологической или диалогической организацией текста (расхождения между монологической устной речью и письменными текстами, которые также организованы не как диалог, не столь велики: индексы 0,027 и 0,023 соответственно): негация — явление, характерное прежде всего для диалога.

Предикативность

"Измерение" предикативности текстов, или, точнее, их насыщенности предикативными единицами, представляет известную трудность, поскольку при анализе конкретных текстов, особенно устных, непросто решить, какие их элементы следует считать носителями предикации. Высокая степень эллиптичности, парцелляция, обрывы высказываний, неоднозначность интонационных показателей, взаимоналожение конструкций и многие другие особенности синтаксиса устной речи делают весьма непростой задачу вычленения языковых единиц — носителей предикации, а тем более их представления, так сказать, в "списочном" порядке. Такой априорный список заведомо не может быть полным, а разбор-комментарий каждого трудного случая в каждом конкретном тексте чрезвычайно утяжелил бы данный раздел работы и сильно нарушил бы ее пропорции. Поэтому мы ограничимся здесь наиболее существенными указаниями на то, какие единицы текста причислялись к выразителям предикации и подвергались подсчету для выяснения, каким образом различаются исследуемые группы текстов по уровню предикативности.

К таким единицам были отнесены финитные формы глагола (однородные глагольные сказуемые считались разными предикативными элементами), императив, инфинитив в инфинитивных односоставных предложениях, неадвербиализованные деепричастия, именная часть сказуемого с нулевой связкой, именные односоставные ответные реплики, "предикативы" (*ничего, так себе, того* и др.), "релятивы" (*да, нет, конечно, нельзя, ладно, пока, ну* и мн. др.), междометия и т.д. Парцеллированные элементы высказывания считались самостоятельными предикативными конструкциями. Следует отметить, что далеко не все языковые единицы, теоретически способные выступать в сказуемостной функции, встретились реально в выбранных для анализа текстах. Не включались в самостоятельный подсчет именные однородные части при одной связке, в том числе нулевой, "второе сказуемое" (именное) в полупредикативных конструкциях (типа *пришел пьяный*), причастия и причастные обороты в определительной функции, обособляемые адъективные определения, и т.п. С тем чтобы смягчить возможные упреки в произвольности такого отбора, заметим, что спорные случаи составляют в общем очень небольшую долю текстуального пространства и, по нашему представлению, не могут оказать серьезного влияния на результаты статистических прикидок.

Индекс предикативности определяется отношением числа предикативных единиц к длине текста в словоупотреблениях (Pred/W). Итоги анализа см. в табл. 19.

Индивидуальные значения индекса предикативности колеблются от 0,06 внизу (официально-деловой стиль письменной речи, жанры устава и объявления) до 0,35 вверху (диалогический жанр в разговорной речи); в устной речи он не опускается ниже цифры 0,12 (публичный монолог, жанр лекции). Средние для групп текстов: минимальная — 0,08 (научный и официально-деловой стили письменной

Таблица 19. **Индекс предикативности (Pred/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm l$
научн.	0,08	0,10	0,07	0,09	0,08	0,01	0,01	0,07...0,09
оф.-дел.	0,06	0,06	0,06	0,13	0,08	0,03	0,04	0,04...0,12
беллетр.	0,28	0,18	0,15	0,09	0,18	0,06	0,07	0,11...0,25
УПР (м)	0,12	0,14	0,15	0,16	0,14	0,02	0,02	0,12...0,16
УПР (д)	0,24	0,29	0,24		0,26	0,02	0,03	0,23...0,29
РР (м)	0,20	0,17	0,15	0,21	0,18	0,02	0,02	0,16...0,20
РР (д)	0,26	0,24	0,35	0,28	0,28	0,04	0,05	0,23...0,33
прост. (м)	0,23	0,23	0,23		0,23	0,00	0,00	0,23
прост. (д)	0,27	0,32	0,26		0,28	0,03	0,05	0,23...0,33
диал. (м)	0,23	0,23	0,22		0,23	0,01	0,02	0,21...0,25
диал. (д)	0,28	0,33	0,21		0,27	0,05	0,08	0,19...0,35

речи), для устных текстов — 0,14 (публичный монолог), максимальная — 0,28 (диалог в обиходно-разговорной речи и просторечии).

Общая средняя для всех текстов составляет 0,19.

Конфронтация "комбинированных средних" обнаруживает следующую картину:

письменная : устная	0,11 : 0,23
подготовленная : спонтанная	0,12 : 0,25
(устная) литературная : нелитературная	0,21 : 0,25
(устная) монологическая : диалогическая	0,19 : 0,27

В итоге выясняется, что устная речь в целом более чем вдвое насыщена предикацией по сравнению с письменной (хотя последняя, разумеется, не составляет однородного образования в данном отношении: научная и официально-деловая письменная речь характеризуется очень низким уровнем предикативности — в среднем для двух этих стилевых подсистем данный индекс равен 0,08, — в то время как показатель предикативности беллетристического повествования близок к общей средней для всех текстов). Заметны расхождения между устной литературной и нелитературной речью. Диалогическая речь устойчиво более предикативна, чем монолог.

Неглагольная предикация

Основным типом предикаторов в русском языке является личная (спрягаемая) форма глагола. Кроме этого, и в письменной, и в устной речи реализуется значительное количество как типизированных, так и нетипизированных способов предикации без использования финитной формы глагола. "Список" безглагольных предикативных конструкций чрезвычайно велик: от конструкций с нулевой связкой (*Мой брат учитель*) или с использованием безлично-предикативных наречий (*Дома тесно, Курить вредно*) до предельно эллиптизированных схем в вопросно-ответных репликах бытового диалога (*Куда?, В кино//, А ты?, Тоже//* и мн. др.) или парцеллируемых элементов устного высказывания. В устной речи, как можно предполагать, и выше употре-

Таблица 20. **Индекс неглагольной предикации ((Pred — V_{fin})/ Pred)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,19	0,60	0,47	0,42	0,42	0,15	0,18	0,24...0,60
оф.-дел.	0,25	0,08	0,46	0.58	0,34	0,19	0,22	0,12...0,56
беллетр.	0,11	0,34	0,17	0,15	0,19	0,09	0,11	0,08...0,30
УПР (м)	0,21	0,50	0,21	0,21	0,28	0,13	0,15	0,13...0,43
УПР (д)	0,47	0,38	0,61		0,49	0,09	0,15	0,34...0,64
РР (м)	0,12	0,11	0,29	0,47	0,25	0,15	0,18	0,07...0,43
РР (д)	0,39	0,83	0,67	0,55	0,61	0,16	0,19	0,42...0,80
прост. (м)	0,24	0,23	0,39		0,29	0,07	0,12	0,17...0,41
прост. (д)	0,26	0,54	0,57		0,46	0,14	0,24	0,22...0,70
диал. (м)	0,26	0,27	0,43		0,32	0,08	0,13	0,19...0,45
диал. (д)	0,27	0,54	0,44		0,42	0,11	0,19	0,23...0,61

бительность схем неглагольной предикации, и шире сам круг типизированных и тем более потенциальных неглагольных предикаторов.

Разумеется, включение в единую рубрику всех типов неглагольной предикации сильно обезличивает их, и сама эта рубрика с точки зрения синтаксической онтологии не является гомогенной. Единственное, что объединяет ее составляющие, — это то, что они представляют собой неосновные формы выражения сказуемого, противопоставляемые "классической" глагольной предикации. Однако более детальное, дифференцированное рассмотрение и статистический подсчет таких типов в настоящей работе невозможны из-за явно недостаточного объема привлекаемого текстового материала. Удовлетворительная статистика различных видов предикаторов могла бы быть получена при увеличении объема текстовых выборок на один-два порядка. Поэтому все типы "неосновной" безглагольной предикации рассматриваются здесь вместе, что является вынужденным решением, продиктованным условиями эксперимента.

Формула, по которой можно вычислить индекс неглагольной предикации, представляет собой отношение числа предикативных конструкций за вычетом числа финитных глагольных форм к общему числу предикативных единиц в тексте: (Pred — V_{fin})/Pred. Значения индекса располагаются в интервале от 0 до 1. Результаты подсчета представлены в табл. 20.

Максимальное индивидуальное значение индекса неглагольной предикации отмечено в диалогической разговорной речи (0,83), минимальное — в официально-деловом стиле письменной речи (жанр рекламного объявления: 0,08). Минимальная средняя для групп текстов (0,19) характеризует повествовательную беллетристическую прозу, максимальная (0,61) — разговорный диалог.

Высокие индивидуальные значения индекса неглагольной предикации, фиксируемые для некоторых текстов, представляющих научный и официально-деловой стили письменной речи, объясняются значительной распространенностью в этих подъязыках синтаксических конструкций с использованием предикативных причастий типа *принято*

и предикативов с модальными значениями типа *можно,* а также инфинитивных предложений (ср. характерные фрагменты из использованных нами текстов: "Чтобы *сделать* электродинамику сплошной среды чисто геометрической теорией, *необходимо выразить* источники поля через геометрические величины так, чтобы... Поскольку неоднородную неизотропную сплошную среду *можно рассматривать* как модель неевклидова пространства..." и т.д. — научный стиль; "Все примеры на иностранных языках *должны быть снабжены* переводами. Примеры в журнале *принято давать* курсивом (*подчеркивать* в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках. Все формулы и буквенные обозначения величин *должны быть* четко *выполнены* чернилами... Рисунки *должны быть* тщательно *выполнены* тушью..." и т.д. — официально-деловой стиль, жанр инструкции).

Общая средняя для всего массива обследованных текстов равна 0,37 (т.е. более чем в трети предикативных единиц, составляющих "средний" русскоязычный текст, отсутствует глагол в личной форме как выразитель предикации). Следует оговорить весьма заметный разброс индивидуальных величин индекса (и соответственно высокий показатель среднего квадратичного отклонения σ) в большинстве анализируемых групп текстов, что, несомненно, несколько снижает статистическую достоверность полученных средних. Однако общие тенденции, выявляемые конфронтацией средних для межгрупповых ассоциаций, улавливаются индексом неглагольной предикации, как нам представляется, достаточно верно.

Конфронтация "комбинированных средних" обнаруживает следующие соотношения:

письменная : устная	0,32 : 0,39
подготовленная : спонтанная	0,31 : 0,41
(устная) литературная : нелитературная	0,40 : 0,37
(устная) монологическая : диалогическая	0,28 : 0,50

Выражение сказуемого финитными формами глагола в устной речи в целом доминирует над неглагольной предикацией, но все же в меньшей степени, чем это характерно для речи письменной. Литературные и нелитературные разновидности устной речи различаются по данному признаку весьма незначительно. Наиболее противопоставленными по употребительности неглагольных предикаторов оказываются монологическая и диалогическая формы устной речи: половина предикативных единиц в диалоге формируется при помощи "неличноглагольных" морфолого-синтаксических средств, в то время как в монологе неглагольная предикация охватывает лишь немногим более четверти предикативных конструкций.

Интонационная расчлененность

Коммуникативные и в конечном счете определяемые ими синтаксические различия, существующие между типами и жанрами устной речи, не могут не проявляться на просодическом уровне, в частности, в интонационном членении потока речи. В самом общем плане единицы интонационного членения (фразировки) устных текстов можно

Таблица 21. **Индекс интонационной расчлененности (Synt/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
УПР (м)	0,18	0,30	0,27	0,24	0,25	0,04	0,05	0,20...0,30
УПР (д)	0,25	0,32	0,27		0,28	0,03	0,05	0,23...0,33
РР (м)	0,20	0,22	0,15	0,23	0,20	0,03	0,04	0,16...0,24
РР (д)	0,25	0,31	0,35	0,29	0,30	0,04	0,05	0,25...0,35
прост. (м)	0,24	0,25	0,30		0,26	0,03	0,05	0,21...0,31
прост. (д)	0,32	0,36	0,34		0,34	0,02	0,03	0,31...0,37
диал. (м)	0,22	0,22	0,24		0,23	0,01	0,02	0,21...0,25
диал. (д)	0,30	0,40	0,30		0,33	0,05	0,08	0,25...0,41

объединить в две разновидности синтагм (синтагма — линейная последовательность слов, минимальным объемом в одно слово, несущая, как правило, одно фразовое ударение и могущая вычленяться различной протяженности паузами, что, впрочем, реально не обязательно): синтагма с интонацией незавершенности — неконечная составляющая фразы, и синтагма с интонацией завершенности — конечная составляющая фразы. Интонация первого типа в нейтральных ("повествовательных") текстах характеризуется обычно мелодикой повышения и обозначается во многих принятых транскрипциях[58] одной косой чертой (/), второго — мелодикой понижения и обозначается двойной косой чертой (//) в конце синтагмы. К "завершенным" синтагмам следует отнести также последовательности слов без обязательного понижения интонации, т.е. фразы вопросительные и "восклицательные" (эмфатические). Синтагмы с вопросительной интонацией могут быть и неконечными составляющими фразы. Синтагмы, не получающие завершенности по "экстрасинтаксическим" причинам (обрывы, перебивы и т.п.) условно можно отнести в подсчетах к "незавершенным".

Даже этого, довольно грубого разбиения достаточно, чтобы обнаружить различия в характере фразировки устных текстов, принадлежащих разным коммуникативным типам и стилевым группировкам.

Интонационная расчлененность текста может быть измерена отношением числа синтагм обоего типа к общей длине текста (Synt/W)[59]. Итоги статистических наблюдений над интонационной расчлененностью устных текстов представлены в табл. 21.

Пределы колебаний индивидуальных значений индекса интонационной расчлененности — от 0,15 в разговорной монологической речи до 0,40 в диалектной диалогической речи. Минимальная средняя для групп текстов (0,20) отмечается в разговорном монологе, максимальная (0,34) — в просторечном диалоге.

Общая средняя для всего массива обследованных устных текстов составляет 0,27.

---

[58] См.: Русская разговорная речь. М., 1973. С. 217—218; Русская разговорная речь: Тексты. С. 20—21.

[59] Обратная операция (W/Synt) позволила бы вычислить длину синтагмы.

Конфронтация "комбинированных средних" не выявляет больших различий между литературными и нелитературными разновидностями устной речи (0,26 для литературной публичной и разговорной речи в целом против 0,29 для просторечно-диалектных формаций), но расхождения между монологической и диалогической формами устной речи по этому "тесту" следует признать весьма ощутимыми: 0,23 в монологе против 0,32 в диалоге.

Длина фразы

Фразой будем считать линейную последовательность слов в потоке устной речи, содержащую синтагму с интонацией завершенности (и, понятно, заканчивающуюся ею).

Длину фразы нетрудно вычислить отношением числа слов в тексте к количеству выделенных в нем синтагм с интонацией завершения ($W/Synt_{fin}$). Результаты приведены в табл. 22.

Средняя длина фразы в обследованных здесь русскоязычных устных текстах — 9,23 слова. При этом отклонения от средней величины чрезвычайно заметны.

Экстремальные индивидуальные показатели длины фразы отмечены в наших материалах в пределах одной макрогруппы текстов — в устной публичной речи: минимальный в диалоге (жанр опроса свидетеля на заседании суда) — 3,12, максимальный в монологических текстах (жанр научного доклада) — 26,00. Максимальная среди средних для групп текстов характеризует публичный монолог (16,59), минимальная — диалектную диалогическую речь (5,24).

Конфронтация "комбинированных средних":

(устная) литературная :нелитературная	10,22:7,98
(устная) монологическая :диалогическая	12,60:5,60

В просторечно-диалектной устно-речевой формации фраза короче, чем в устной речи литературно говорящих. Фраза в монологической устной речи значительно (в 2,25 раза) длиннее, чем диалогическая реплика.

Таблица 22. **Индекс длины фразы ($W/Synt_{fin}$)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
УПР (м)	13,11	26,00	15,21	12,05	16,59	5,55	6,53	10,06...23,12
УПР (д)	8,03	3,12	6,61		5,92	2,05	3,46	2,46...9,38
РР (м)	12,25	12,39	13,06	9,78	11,87	1,24	1,46	10,41...13,33
РР (д)	5,90	6,41	3,58	5,85	5,34	1,10	1,29	4,05...6,63
прост. (м)	13,56	11,56	5,97		10,36	1,71	2,88	7,48...13,24
прост. (д)	7,64	4,96	4,96		5,85	1,26	2,12	3,73...7,97
диал. (м)	11,00	11,15	9,24		10,46	0,90	1,52	8,94...11,98
диал. (д)	5,46	3,84	6,42		5,24	0,97	1,64	3,60...6,88

Интонационная напряженность речи

В некотором идеальном смысле синтагмы с интонацией незавершенности требуют обязательного текстуального продолжения, которое разрешилось бы интонацией завершенности. Точно так же требуют продолжения (как правило, другим партнером коммуникации) фразы с вопросительной интонацией. Наличие синтагм с интонацией незавершенности и вопроса задает тексту известную интонационную напряженность. (То обстоятельство, что т.н. риторические вопросы не требуют непременного текстуального продолжения, не исключает их из числа явлений, создающих интонационную напряженность речи, ибо они могут существовать лишь как прием, состоящий в уклонении от некоих общеобязательных правил, и только на фоне "обычных", "нериторических" норм.)

Аналогию обсуждаемым вещам вполне можно усмотреть в ладово-интонационных отношениях в системе классической европейской гармонии: тактово-периодические образования с тонально неустойчивыми созвучиями на их границах могут быть уподоблены речевым синтагмам с интонацией незавершенности, а периоды с тоническим трезвучием на конце — синтагмам с интонацией завершенности. Чем реже разрешения доминантсептаккорда в тонику, тем более напряженным воспринимается музыкальное развитие.

Интонационная напряженность устной речи может быть измерена суммарным отношением числа синтагм с интонацией незавершенности и синтагм с вопросительной интонацией в конце фразы к общему числу синтагм в тексте ($(Synt_{non} + Quest)/Synt$).

Обращение к фиксациям устной речи с этой точки зрения дает картину, представленную в табл. 23.

Индивидуальные значения индекса интонационной напряженности заключены в пределах от 0,40 (диалектная диалогическая речь) до 0,89 (публичный монолог, жанр научного доклада). Средние для групп текстов колеблются от 0,49 внизу (обиходно-разговорный диалог) до 0,73 вверху (публичная монологическая речь).

Общая средняя для всего массива проанализированных устных текстов составляет 0,59.

Конфронтация "комбинированных средних":

Таблица 23. **Индекс интонационной напряженности речи ($(Synt_{non} + Quest)/Synt$)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
УПР (м)	0,57	0,89	0,75	0,72	0,73	0,11	0,13	0,60...0,86
УПР (д)	0,68	0,64	0,55		0,62	0,05	0,08	0,54...0,70
РР (м)	0,65	0,72	0,50	0,56	0,61	0,08	0,09	0,52...0,70
РР (д)	0,45	0,53	0,47	0,51	0,49	0,03	0,04	0,37...0,52
прост. (м)	0,69	0,65	0,46		0,60	0,10	0,17	0,43...0,77
прост. (д)	0,64	0,50	0,48		0,54	0,07	0.12	0,42...0,66
диал. (м)	0,66	0,62	0,55		0,61	0,05	0,08	0,53...0,69
диал. (д)	0,59	0,40	0,62		0,54	0,10	0,17	0,37...0,71

(устная) литературная : нелитературная 0,61 : 0,57
(устная) монологическая : диалогическая 0,64 : 0,54

Монологическая речь заметно превосходит диалогическую по индексу интонационной напряженности. При этом несомненно, что бóльшая интонационная напряженность монолога создается прежде всего за счет расчлененности гораздо более длинной, чем в диалогических жанрах, фразы, т.е. преобладанием синтагм с интонацией незавершенности над конечными синтагмами фразы, так что даже значительное преобладание вопросительных структур в диалоге по сравнению с монологической речью не может существенно скомпенсировать интонационной напряженности последней. Различия между литературными и просторечно-диалектными разновидностями устной речи по рассматриваемому признаку гораздо менее показательны.

Лексическое разнообразие

Лексика, наряду с синтаксисом, является языковой сферой, в которой специфика лингвистических формаций (подъязыков) и "стилей" обнаруживается наиболее ярко. Прежде всего эта специфика проявляется в качественной характерности лексики, т.е. в стилевой, функциональной, тематической и т.д. дифференцированности отдельных конкретных лексем и лексических ассоциаций. Однако квантитативный анализ текстов, апеллирующий к отдельному, конкретному слову, в высшей степени затруднен и в целом малосодержателен из-за несопоставимости лексиконов, обслуживающих как разные стили и разновидности языка, так и целые тематические области.

Намного целесообразнее обращение к тому, что (применительно к разным этническим языкам) А.Е. Супрун определяет понятием "типа лексикона": "Тип лексикона характеризуется качественно разнообразием составляющей его лексики в семантическом, стилистическом, грамматическом отношениях, количественно в отношении объема и статистической стратификации словаря, а также морфемной структурой и словообразовательными потенциями, ее сочетаемостью и некоторыми другими факторами... Специфика лексикона одного из языков определяется пересечением различных показателей, а сравнение комплекса показателей позволит лучше выявить типологические взаимоотношения лексиконов..."[60].

Отчасти проблематика, касающаяся типа лексикона, была затронута в предыдущих разделах настоящей работы ("словообразовательные" индексы, показатели распределенности разных частей речи, местоименности, автосемантичности и др.). Ниже предлагаются три индекса, демонстрирующих некоторые аспекты лексической структуры текстов, принадлежащих разным подъязыкам одного языка, в ее численном выражении.

Индекс лексического разнообразия определяется как отношение числа разных лексем в тексте к числу составляющих его

[60] *Супрун А.Е.* Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983. С. 5.

словоупотреблений (Lex/W)[61]. Теоретические пределы значений этого индекса — от величины, неограниченно стремящейся к нулю (однако всегда отличной от него), до единицы.

Естественно ожидать высокие значения данного индекса у тех разновидностей речи, где при составлении текста предполагается (и даже требуется) сознательный отбор лексики (например, "стиль" беллетристического повествования, стихотворная речь и т.п.); в спонтанной, неподготовленной речи, особенно устной, где акт коммуникации протекает, как правило, в условиях острого дефицита времени и тем самым требования к селективности лексики объективно оказываются ослабленными, следует ожидать низких показателей лексического разнообразия.

Весьма важной особенностью индекса лексического разнообразия, отличающей его от других используемых здесь индексов, является довольно жесткая обратная зависимость его значений от объема анализируемого текста: чем короче текст, тем вероятнее высокие показатели его лексического разнообразия (текст длиною в одно словоупотребление всегда дает максимальное значение индекса); с увеличением объема текста этот индекс снижается. Поэтому конкретные численные выражения индекса лексического разнообразия, будучи привязанными к длине конкретного текста, всегда относительны и сравнимы с показателями для других текстов только равного объема.

Однако в нашем случае ригористические требования абсолютной равнообъемности обследуемых текстов были принесены в жертву показавшимся нам более сильными требованиям синтаксической законченности и относительной смысловой автономности анализируемых фрагментов. По объему тексты, использованные в данной работе как эмпирическое "сырье", неравны (200—250 словоупотреблений), но предварительная проверка показала, что с варьированием длины конкретных фрагментов статистические колебания индекса лексического разнообразия для отдельных текстов и средних для принятых группировок текстов всегда оказываются значительно меньшими, чем различия между "комбинированными средними", и, таким образом, не препятствуют сравнению последних и принципиально на окончательные результаты анализа не влияют. Итоги подсчета приведены в табл. 24.

Максимальное значение индекса лексического разнообразия для индивидуальных текстов отмечено в научном стиле письменной речи (0,77), хотя здесь же, как нетрудно заметить, возможны тексты с данным индексом ниже общей средней, а величина среднего квадратичного отклонения (т.е. фактически показатель неоднородности текстов по рассматриваемому признаку) наибольшая именно в этой группе. Индивидуальный максимум для устных текстов фиксируется в публичной монологической речи (0,65, жанр научной лекции). Минимальная величина засвидетельствована в публичном диалоге (0,41, жанр судебного опроса свидетелей). Максимальная групповая

[61] Ср.: Частотный словарь... С. 922.

Таблица 24. **Индекс лексического разнообразия (Lex/W) (для текстов объемом в 200—250 словоупотреблений)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,62	0,66	0,77	0,53	0,64	0,09	0,11	0,53...0,75
оф.-дел.	0,61	0,58	0,72	0,62	0,63	0,05	0,06	0,57...0,69
беллетр.	0,65	0,72	0,60	0,66	0,66	0,04	0,05	0,61...0,71
УПР (м)	0,65	0,60	0,62	0,56	0,61	0,03	0,04	0,57...0,65
УПР (д)	0,41	0,45	0,50		0,45	0,04	0,07	0,38...0,52
РР (м)	0,54	0,58	0,57	0,49	0,54	0,03	0,04	0,50...0,58
РР (д)	0,50	0,59	0,59	0,48	0,54	0,05	0,06	0,48...0,60
прост. (м)	0,53	0,58	0,48		0,53	0,04	0,07	0,46...0,60
прост. (д)	0,46	0,48	0,48		0,47	0,01	0,02	0,45...0,49
диал. (м)	0,56	0,59	0,44		0,53	0,06	0,10	0,43...0,63
диал. (д)	0,52	0,50	0,46		0,49	0,03	0,05	0,44...0,54

средняя отмечается в беллетристической повествовательной прозе (0,66), минимальная — в устной публичной диалогической речи (0,45).

Общая средняя для всех обследованных текстов составляет 0,56.

Конфронтация "комбинированных средних" демонстрирует явное преобладание по рассматриваемому признаку подготовленной речи над спонтанной (и тем самым письменного варианта языка над устным):

письменная : устная	0,64 : 0,53
подготовленная : спонтанная	0,64 : 0,51
(устная) литературная : нелитературная	0,54 : 0,51
(устная) монологическая : диалогическая	0,56 : 0,49

Монологическая устная речь как целое характеризуется бóльшим лексическим разнообразием, чем диалог. Литературные разновидности устной речи стоят по данному параметру несколько выше, чем нелитературные, однако целиком за счет сравнительно высоких показателей у подготовленного публичного монолога; прочие подразделения литературной устной речи по индексу лексического разнообразия не имеют сколько-нибудь серьезных "преимуществ" перед просторечием и диалектной речью.

Текстообразующая роль наиболее частых слов

Для определения роли высокочастотных слов в образовании текста из "Частотного словаря русского языка" (под ред. Л.Н. Засориной) были отобраны 100 наиболее частых слов (от *в* до *глаз* включительно) и подсчитано их количество в каждом из используемых в настоящей работе текстов. Индекс доли первой сотни самых частых слов вычисляется отношением их количества к числу словоупотреблений в тексте (Freq/W). Как и следовало ожидать, текстообразующая роль наиболее частых слов оказалась различной для разных видов речи (табл. 25).

Таблица 25. **Индекс доли первой сотни наиболее частых слов (Freq/W)**

	p_i				$\bar{p}$	σ	L	$\bar{p} \pm L$
научн.	0,239	0,376	0,242	0,202	0,265	0,066	0,078	0,187...0,343
оф.-дел.	0,210	0,265	0,193	0,322	0,248	0,051	0,060	0,188...0,308
беллетр.	0,337	0,382	0,530	0,404	0,413	0,072	0,085	0,328...0,498
УПР (м)	0,500	0,452	0,460	0,398	0,452	0,036	0,042	0,410...0,494
УПР (д)	0,586	0,641	0,525		0,584	0,047	0,079	0,505...0,663
РР (м)	0,617	0,516	0,527	0,551	0,553	0,039	0,046	0,507...0,599
РР (д)	0,613	0,509	0,568	0,588	0,570	0,038	0,045	0,525...0,615
прост. (м)	0,622	0,510	0,569		0,567	0,046	0,078	0,489...0,645
прост. (д)	0,603	0,589	0,519		0,570	0,037	0,062	0,508...0,632
диал. (м)	0,500	0,520	0,619		0,546	0,052	0,088	0,458...0,634
диал. (д)	0,451	0,496	0,611		0,519	0,067	0,113	0,406...0,632

Минимальные значения индекса, как для индивидуальных текстов, так и средние для групп текстов, отмечаются в официально-деловом стиле письменной речи (соответственно 0,193, жанр объявления, и 0,248). Максимальные его величины характерны для диалогической устной публичной речи (0,641, жанр судебного опроса свидетелей, и 0,584). В спонтанной устной речи значения данного индекса не опускается ниже 0,451; здесь почти во всех индивидуальных текстах первая сотня наиболее частых слов русского языка занимает не меньше половины их объема.

Общая средняя для всего массива обследованных текстов составляет 0,471. Л.Н. Засорина[62] сообщает цифру 0,4136, которая близка, по данным А.Е. Супруна[63], показателям, характеризующим другие славянские языки (белорусский, польский, чешский и словацкий), и практически совпадает с нашей средней для беллетристического повествования. Разница между этими двумя цифрами, без малейшего сомнения, объясняется тем, что словарь под редакцией Л.Н. Засориной составлен на базе исключительно письменных текстов.

Конфронтация "комбинированных средних" обнаруживает следующее:

письменная : устная	0,308 : 0,543
подготовленная : спонтанная	0,344 : 0,559
(устная) литературная : нелитературная	0,537 : 0,551
(устная) монологическая : диалогическая	0,526 : 0,561

Наиболее сильным по данному признаку противопоставлением является оппозиция "письменная речь—устная речь". В диалогической устной речи текстообразующая роль наиболее частых русских слов несколько выше, чем в монологе.

[62] См.: Частотный словарь... С. 924.
[63] *Супрун А.Е.* Указ. соч. С. 14.

Лексическая тривиальность текстов

Текст разумно считать тем более "стандартным", тривиальным в отношении используемой для его построения лексики, чем выше суммарная частотность этих слов в языке вообще. Суммировав извлеченные из частотного словаря цифры, отображающие употребительность составляющих данный текст слов, и отнеся эту сумму к длине текста в словоупотреблениях (т.е. $\Sigma fr_w/W$), мы получаем среднюю частотность использованных слов, которая может служить мерилом лексической тривиальности текста. Чем более обычными, частотными (в рамках языка в целом) словами конструируется настоящий текст, тем выше индекс его лексической тривиальности.

Следует подчеркнуть, что понятие лексической тривиальности не содержит в себе никакой оценки содержательной стороны текста. Оно обращено исключительно к формальному аспекту, и лексическую тривиальность ни в коем случае нельзя понимать как какую-либо смысловую ущербность текста. Любая сколь угодно плоская и примитивная идея может быть выражена в высшей степени изысканным слогом, а "надрывать сердце", говоря словами Александра Кушнера, можно весьма "простыми средствами". Индекс лексической тривиальности пушкинского, например, восьмистишия "Я вас любил. Любовь еще, быть может..." намного выше, чем аналогичный показатель для фраз ("из газет") "Позвольте мне от всего сердца выразить вам горячую благодарность и признательность за то высокое доверие, которое вы оказали мне" или "Установленная на спутнике аппаратура работает нормально. Координационно-вычислительный центр ведет обработку поступающей информации".

Представляется, что степень лексической стандартности текстов является величиной, в определенной (и немалой) мере зависящей от "разновидностной" принадлежности этих текстов и, следовательно, индекс лексической тривиальности может быть применен в квантитативно-типологическом исследовании типов и жанров речи.

Конкретный численный анализ в данном случае сопряжен с одной существенной трудностью. Перепад частот в начале ранжированного списка лексем слишком велик: самое первое слово русского частотного словаря (предлог *в*) почти в 40 раз превосходит по употребительности сто первое слово (существительное *страна*), в 167 раз — пятьсот первое (существительное *стена*) и в 320 раз — тысяча первое (существительное *орган*). Понятно, что при учете общеязыковых частот всех слов, входящих в анализируемый текст, есть риск (и он в большинстве случаев становится непосредственной реальностью) за гигантским частоколом высокоупотребительных и поэтому малоинформативных служебных слов не обнаружить подлинной картины лексического своеобразия текста: одно "лишнее" употребление предлога *в* или союза *и* общую цифру, характеризующую данный текст при его сравнительно малом объеме, может изменить весьма существенно. Заглушая количественную аттестацию полнозначных слов, такой тотальный анализ фактически приводит к ситуации сравнения употре-

бительности в текстах слов служебных (и заставляет, кроме того, оперировать огромными и неудобными в обращении числами). Поэтому для сопоставительного квантитативного анализа, который более адекватно рисовал бы истинное положение вещей, необходимо отказаться от учета общеязыковых частот служебных и местоименных слов[64] (см. раздел "Автосемантичность (полнознаменательность)"). Формула индекса лексической тривиальности приобретает тогда вид $\Sigma fr_{aut}/W$ или, лучше, $\Sigma fr_{aut}/Aut$, т.е. представляет отношение суммы общеязыковых частот только полнознаменательных слов к их количеству в данном тексте (перечисление слов, относимых здесь к разряду служебных, см. в разделе "Аналитичность").

Подсчеты велись на базе данных "Частотного словаря русского языка" (под ред. Л.Н. Засориной). В анализе использовались абсолютные цифры, даваемые в указанном словаре (а не доли или вероятности), чем и определился масштаб приводимых в нижеследующей таблице величин индекса. Получаемые величины округлялись до целых чисел.

Встретившимся в проанализированных нами текстах словам, отсутствующим в "Частотном словаре..." (имена собственные, узкоупотребительная терминология, специфически разговорная, жаргонная и диалектная лексика, иноязычные вкрапления и т.п.) приписывалась абсолютная частота 1. Это решение не является идеальным, в особенности по отношению к собственным именам и диалектной лексике (в соответствующих подсистемах языка они могут занимать гораздо более заметное место), однако лучшего варианта в нашем распоряжении как будто нет.

Если в тексте встречался обрыв на середине слова и это незаконченное слово опознавалось однозначно, то оно рассматривалось "на общих основаниях" (т.е. в случае его принадлежности к разряду полнознаменательных слов ему приписывалась соответствующая частота, извлеченная из "Частотного словаря..."). Если же лексемная идентификация этого сегмента была затруднительна, то он в подсчет не включался.

Полученные значения индекса лексической тривиальности трудно сравнивать с данными по другим языкам, аналогичные исследования по которым проводились бы на базе частотных словарей, опирающихся на заведомо иные объемы текстовых выборок (впрочем, пока такие работы нам не известны). Однако сделать их соизмеримыми с возможными показателями для других языков очень несложно, избрав в качестве точки отсчета максимальную или минимальную (индивидуальную или среднюю для группы текстов) величину и отнеся к ней все остальные показатели, характеризующие разновидности данного языка. Еще лучше, по-видимому, использовать общую среднюю для всего массива подвергнутых анализу текстов, приняв ее за единицу. Этот вариант реализован в последней колонке табл. 26.

---

[64] Твердость в проведении этого принципа заставляет, увы, отказаться и от учета стилистических синонимов служебных и местоименных слов, использование которых явно свидетельствует о повышенном внимании автора текста (в том числе и устного) к лексическому отбору: *чем — нежели, которого — коего, для — ради, так как — потому что — поскольку — поелику...*

Таблица 26. **Индекс лексической тривиальности (Σfr_{aut}/Aut)**

	x_i				$\bar{x}$	σ	L	$\bar{x} \pm L$	$\bar{p}$
научн.	215	187	140	152	174	30	35	139...209	0,462
оф.-дел.	172	161	176	212	180	19	22	158...202	0,477
беллетр.	240	170	451	183	261	113	133	128...394	0,692
УПР (м)	329	285	277	328	305	24	28	277...333	0,809
УПР (д)	458	593	436		496	69	116	380...612	1,316
РР (м)	563	478	454	285	445	101	119	326...564	1,180
РР (д)	476	427	433	458	448	20	24	424...472	1,188
прост. (м)	636	279	577		497	156	263	234...760	1,318
прост. (д)	486	671	342		500	135	228	272...728	1,326
диал. (м)	426	520	538		495	49	83	412...578	1,313
диал. (д)	458	440	583		494	64	108	386...602	1,310

Общая средняя для всего массива текстов равна 377 (или, как мы условились, 1,000 в шкале оценок, представленной крайней правой колонкой таблицы).

По одну сторону этой демаркационной линии оказываются тексты подготовленной (прежде всего письменной) речи, по другую — спонтанной. Минимальные значения индекса лексической тривиальности (и индивидуальные, и групповая средняя) отмечены в научном стиле письменной речи (140 и 174 соответственно), что объясняется, конечно, использованием в нем, как правило, узкоспециализированной терминологической лексики, имеющей низкие показатели в общеязыковом частотном лексиконе. Максимальные значения дает жанр диалога в просторечии (индивидуальный максимум 671, средняя — 500).

Конфронтация "комбинированных средних" демонстрирует следующие соотношения:

письменная : устная	205 : 453
	(0,54 : 1,20)
подготовленная : спонтанная	230 : 479
	(0,61 : 1,27)
(устная) литературная : нелитературная	419 : 496
	(1,11 : 1,32)
(устная) монологическая : диалогическая	427 : 482
	(1,13 : 1,28)

Результаты, как нам кажется, с высокой точностью соответствуют интуитивным представлениям относительно лексической тривиальности текстов, принадлежащих разным языковым формациям речевые группировки "устная", "неподготовленная", "нелитературная" и "диалогическая" более тривиальны лексически, чем их корреляты. Наиболее сильно выражено противопоставление по данному параметру в соотносительной паре "письменная речь—устная речь".

Жанровая однородность обследованных групп текстов

Коэффициент среднего квадратичного отклонения σ, сообщаемый во всех приведенных таблицах значений отдельных индексов, может служить мерилом однородности текстов, входящих в каждую из одиннадцати заданных групп, по рассматриваемому в данной таблице параметру. Низкий коэффициент среднего квадратичного отклонения соответствует меньшему разбросу значений индекса для индивидуальных текстов, входящих в данную группу, и, следовательно, отражает их бóльшую однородность; высокий коэффициент σ соответствует большему разбросу индивидуальных значений и, значит, свидетельствует о меньшей однородности текстов по данному признаку.

На основе комплекса признаков, т.е. по всем параметрам вместе, можно выявить меру жанровой однородности (обозначим ее ψ) каждой из обследованных групп текстов вообще.

Поскольку единицы измерения каждого признака несопоставимы между собой (численные выражения степеней синтеза и словосложения, например, — от 1 внизу до неопределенной величины вверху, значения большинства других индексов заключаются в теоретическом диапазоне от 0 до 1, индекс длины фразы может выражаться двузначными числами, а индекс лексической тривиальности — трехзначными и теоретически еще бóльшими), то и коэффициенты среднего квадратичного отклонения по разным параметрам также оказываются в дальнейшем, для поставленной в этом разделе задачи, "неоперабельными". Оперировать, однако, можно номерами мест, занимаемых той или иной группой текстов в списках, ранжированных по убыванию коэффициента σ в каждой из представленных таблиц (первый номер приписывается группе с наибольшим значением σ для данного признака, последний — группе с наименьшим средним квадратичным отклонением). Сумма мест, полученных каждой из одиннадцати групп текстов, и будет выражать степень их жанровой однородности. Удобнéе, впрочем, максимальную сумму мест счесть "эталонной" и показатель жанровой однородности ψ представить в виде отношения суммы мест по величине σ к этому эталонному максимуму.

Необходимо подчеркнуть, что приводимые далее цифры характеризуют прежде всего выбранные нами тексты и показательны главным образом в рамках настоящего исследования и лишь во-вторых могут рассматриваться как приблизительная мера "жанровой" устойчивости и определенности выделенных языковых формаций вообще.

В табл. 27 представлены значения индекса жанровой однородности ψ для всех выделяемых в настоящей работе групп текстов по двадцати трем из двадцати шести рассмотренных параметров (три индекса, касающиеся интонационного членения потока речи и смежных явлений, могли быть учтены только для устных разновидностей языка).

Выбранные для анализа тексты, представляющие разновидности

Таблица 27. **Индекс жанровой однородности (ψ) обследованных групп текстов (по 23 параметрам)**

	Σ мест по величине σ	ψ
научн.	136	0,73
оф.-дел.	95	0,51
беллетр.	74	0,39
УПР (м)	165,5	0,88
УПР (д)	122,5	0,65
РР (м)	148	0,79
РР (д)	132,5	0,71
прост. (м)	164	0,87
прост. (д)	143,5	0,77
диал. (м)	187,5	1,00
диал. (д)	149,5	0,80

Таблица 28. **Индекс жанровой однородности (ψ′) обследованных групп устных текстов [по 26 параметрам]**

	Σ мест по величине σ	ψ′
1. диал. (м)	155	1,00
2. прост. (м)	124	0,80
3. УПР (м)	118	0,76
4. диал. (д)	114	0,74
5. РР (м)	112,5	0,73
6. прост. (д)	111,5	0,72
7. РР (д)	105	0,68
8. УПР (д)	96	0,62

устной речи, существенно более однородны в жанровом отношении, чем тексты письменные.

Низок показатель жанровой однородности группы текстов, представляющих официально-деловой стиль письменной речи. Это вполне естественно, поскольку обусловлено действительной пестротой жестко регламентированных жанров канцелярской словесности (использованные здесь жанры устава, объявлений и инструкции репрезентируют лишь крохотную долю не только мыслимых, но и уже реализованных в канонических формах способов департаментского упорядочивания действительности).

Еще более низким коэффициентом ψ определяется группа текстов, представляющих образцы беллетристического повествования. Причина неустойчивости здесь иная, нежели в предыдущем случае. В художественной прозе сильнее, чем в других обследованных типах речевого проявления человека, выражается индивидуальное авторское начало. Авторская воля беллетриста (и не только хорошего!) постоянно стремится расшатать вероятностные рамки языкового узуса, в которые вгоняет его облюбованный жанр, хотя это удается ей лишь до известной степени, ибо "любой индивид оказывается пленником своего языка"[65].

Жанровую однородность наших групп, представляющих разновидности устной речи, будем измерять с учетом всех 26 параметров, включая интонационные (табл. 28).

Самый низкий уровень жанровой однородности среди образцов устной речи — у группы текстов, относящихся к разряду публичного диалога (здесь представлены весьма различающиеся по языковым признакам жанры достаточно непринужденного, хотя и носящего официальный характер, профессионального обмена мнениями в научном коллективе, с одной стороны, и в высшей степени официаль-

[65] *Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 345.

ного, с резкой асимметрией социальных ролей участников ситуации, судебного опроса свидетелей, имеющего вопросно-ответную структуру — с другой).

В целом диалогические тексты, использованные в нашей работе, отличаются, как легко заметить, меньшей жанровой определенностью сравнительно с монологом, в котором роль интегрирующего фактора играют господствующие в нем языковые формы и средства нарративности. Нетрудно также увидеть, что монологический и диалогический жанры в просторечно-диалектной формации более однородны, чем соответствующие жанры в литературных разновидностях устной речи. Последнее следует, видимо, объяснять более широким спектром языковых средств и возможностей, имеющихся в распоряжении литературно говорящих по сравнению с носителями диалектов и просторечия.

Мера языковых сходств между группами текстов (resp. разновидностями речи)

Результаты параметризации рассматриваемых групп текстов по двадцати шести грамматическим, семантическим, лексическим и просодическим характеристикам, предпринятой в предыдущих разделах настоящей работы, позволяют, прибегнув к корреляционному анализу, выявить численную меру близости между отдельными группами текстов и тем самым — между отдельными разновидностями речи (имеются в виду парные связи каждой выделенной группы текстов с каждой из всех остальных; при числе принадлежащих данному множеству объектов n=11 число попарных связей в этом множестве составляет $(n^2 - n) : 2 = 55$).

Чтобы сделать гомосистемными, т.е. свести в одну шкалу, единицы измерения различных признаков, "прогону" по которым подвергались наши тексты, и возможными дальнейшие корреляционные вычисления, в каждой таблице (с 1 по 26) групповые средние (входящие в колонки под символом $\bar{p}$) были нормированы путем деления на максимальную среди них. Отклонения нормированных групповых средних от нормированных же общих средних (по отдельным параметрам), т.е. $\bar{p} - \bar{p}_{общ.}$, использовались после необходимой их перегруппировки для вычисления коэффициента корреляции между выделенными группами текстов по формуле:

$$r = \frac{\Sigma a_i b_i}{\sqrt{\Sigma a_i^2 \cdot \Sigma b_i^2}},$$

где a и b — отклонения от нормированных общих средних в одной и другой группе (по всем параметрам). Коэффициент корреляции r и служит мерилом близости (сходства) между отдельными группами текстов (значения его заключаются в диапазоне от −1 до +1; чем ближе коэффициент корреляции к +1, тем сильнее связи — т.е. сходства — между сравниваемыми объектами; отрицательные значения коэффициента в данном случае свидетельствуют о наличии расхождений

Таблица 29. **Сила связей между обследованными группами текстов (коэффициенты корреляции r)**

	1	2	3	4	5
научн.	1	+0,971	+0,284	+0,648	–0,798
оф.-дел.	2	x	+0,309	+0,610	–0,833
беллетр.	3		x	+0,237	–0,427
УПР (м)	4			x	–0,689
УПР (д)	5				x
РР (м)	6				
РР (д)	7				
прост. (м)	8				
прост. (д)	9				
диал. (м)	10				
диал. (д)	11				

между сравниваемыми группами текстов по большинству рассмотренных параметров).

Результаты корреляционного анализа по указанным 26 параметрам приведены в табл. 29.

Увеличение или уменьшение числа параметров, по которым сравниваются тексты, непременно изменит эти цифры (вопрос — насколько). Гарантией их надежности служит важность избранных в качестве основания для сравнения языковых признаков, характеризующих исследуемые тексты.

Максимальную близость друг к другу по 26 параметрам обнаруживают научный и официально-деловой стили письменной речи. Устная публичная речь в ее монологической форме (лекция, доклад, "беседа") демонстрирует свою большую близость письменной речи, нежели остальным разновидностям устной речи (положительные связи, и весьма незначительные, у нее существуют лишь с монологической разговорной речью). Это дает основание заключить, что дихотомия "подготовленная речь — спонтанная речь" (а публичный монолог как разновидность устной речи складывается по преимуществу из подготовленных жанров) является более сильной, чем дихотомия "письменная речь—устная речь". Корреляты первого из этих противопоставлений не включают отрицательных связей между своими компонентами (если пренебречь близким к нулю отрицательным коэффициентом корреляции между монологом и диалогом в обиходно-разговорной речи), в то время как монолитность устной речи нарушена откровенно преобладающими отрицательными показателями по коэффициенту корреляции между публичным монологом и остальными компонентами данной межгрупповой ассоциации.

Компактность макрогрупп и межгрупповых ассоциаций

На базе данных, приведенных в табл. 29, может быть предложено численное выражение степени компактности (vs. размытости) отдельных макрогрупп текстов (устная публичная литературная речь,

6	7	8	9	10	11
–0,493	–0,683	–0,899	–0,882	–0,935	–0,896
–0,503	–0,736	–0,884	–0,884	–0,846	–0,834
–0,193	–0,605	–0,192	–0,425	–0,269	–0,387
+0,281	–0,696	–0,235	–0,722	–0,225	–0,691
+0,031	+0,835	+0,563	+0,830	+0,468	+0,700
x	–0,053	+0,526	+0,002	+0,675	+0,105
	x	+0,410	+0,804	+0,339	+0,689
		x	+0,653	+0,838	+0,619
			x	+0,554	+0,861
				x	+0,693
					x

разговорная речь, просторечие и диалектная речь, без различия между их монологической и диалогической формами), а также межгрупповых ассоциаций, рассматривавшихся ранее в списках конфронтационных пар "комбинированных средних" по отдельным параметрам (т.е. "письменная речь", "устная речь", "подготовленная речь", "спонтанная речь", "литературная устная речь", "нелитературная устная речь (просторечие и диалекты)", "монологическая устная речь", "диалогическая устная речь").

Меру компактности макрогрупп и межгрупповых ассоциаций следует понимать как степень спаянности соответствующих подразделений языка, общий уровень монолитности каждого из выделяемых подмножеств внутри всего множества разновидностей русской речи в целом. В какой-то мере это понятие сходно с трактовавшимся понятием жанровой однородности групп текстов, но обращено оно к иерархически более высоким уровням.

Вычислить индекс компактности нетрудно, сложив представленные в табл. 29 численные значения (и положительные, и отрицательные) силы связей для каждой пары входящих в подмножество групп и разделив эту сумму на число попарных связей в данном подмножестве. Иначе говоря, компактность ассоциации определяется усреднением показателей силы связей (сходств) между ее компонентами. Для выявления меры компактности межгрупповой ассоциации "письменная речь", например, следует оперировать коэффициентами корреляции между компонентами пар 1~2, 1~3 и 2~3, а ассоциации "монологическая устная речь" — коэффициентами корреляции для пар 4~6, 4~8, 4~10, 6~8, 6~10 и 8~10 и т.п. Индекс компактности подразделений, называемых у нас макрогруппами, представляют собой, естественно, простое повторение коэффициента корреляции между двумя группами текстов, образующими макрогруппу.

Положительные значения индекса компактности свидетельствуют о том, что в данной ассоциации преобладают интегративные ("центростремительные") факторы, а отрицательные — о том, что сильнее дезинтегративные ("центробежные") факторы. Близость значений ин-

Таблица 30. **Индекс компактности макрогрупп (устных текстов) и межгрупповых ассоциаций**

	(r)
Литературная устная публичная речь	–0,689
Разговорная речь	–0,053
Просторечие	+0,653
Диалектная речь	+0,693
Письменная речь	+0,521
Устная речь	+0,291
Подготовленная речь	+0,510
Спонтанная речь	+0,531
Литературная устная речь	–0,048
Нелитературная устная речь	+0,703
Монологическая устная речь	+0,310
Диалогическая устная речь	+0,786

декса к нулю говорит о "сбалансированности" интегративных и дезинтегративных моментов в данной макрогруппе или межгрупповой ассоциации (табл. 30).

Наиболее компактным объединением, с сильными связями между его компонентами, обеспечивающими монолитность целого, является межгрупповая ассоциация "диалогическая устная речь". Высокой степенью спаянности отличаются макрогруппы "просторечие" и "диалектная речь", ассоциируемые в компактное множество "нелитературная устная речь". Остальные объединения не представляют собой столь же тесных единств, причину чего следует усматривать в первую очередь в значительных различиях по обсужденным выше грамматическим, семантическим, лексическим и просодическим характеристикам между монологической и диалогической формами образующих соответствующие ассоциации разновидностей речи. Наибольшими эти различия оказываются между монологическим и диалогическим "вариантами" литературной устной публичной речи, вследствие чего о какой-либо цельности последней не приходится и говорить (индекс компактности для этого умозрительного объединения выражается высоким отрицательным числом). Из-за существенных различий между монологом и диалогом показателем компактности, близким нулю, характеризуется разговорная речь.

Ввиду очевидного тяготения публичного монолога к книжным типам речи (что объясняется прежде всего его подготовленностью) кажется целесообразным выделение межгрупповой ассоциации "неподготовленная устная монологическая речь", куда были бы включены монологические "изводы" разговорной речи, просторечия и диалектной речи (в которых явно преобладают нарративные грамматические и композиционные структуры). Индекс компактности этой трехкомпонентной ассоциации составляет +0,680, что является весьма высоким показателем.

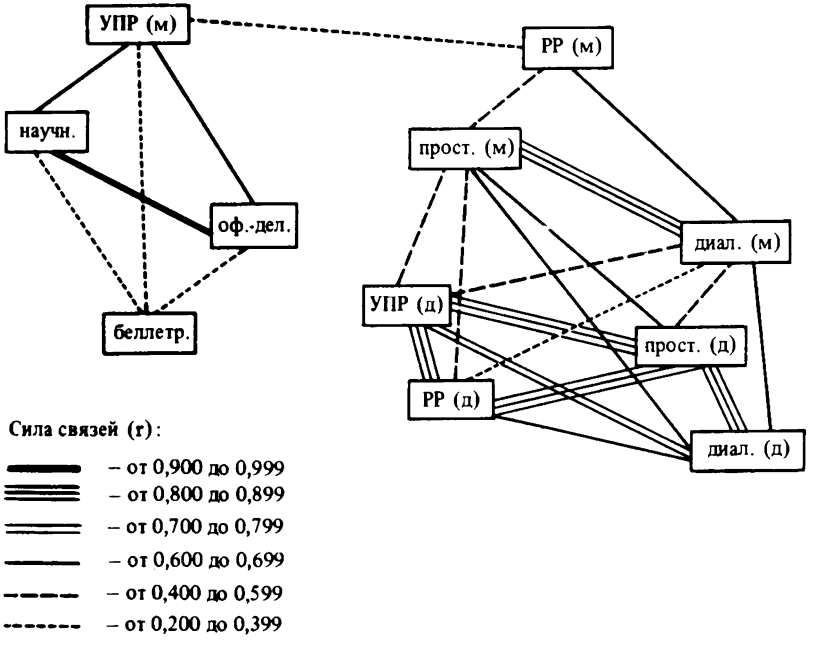
Для правильного уяснения сущности введенного здесь понятия компактности постулируемых исследователем языковых подразделений (в той или иной степени приближенности отражающих подлинную реальность) нужно представлять себе каждый данный язык в целом как некую неоднородную, но внутренне сбалансированную, гомеостатическую систему. Индекс компактности всей этой системы как целого, складывающегося из относительно самостоятельных "разновидностей", должен быть равным нулю: положительные значения индекса для одних объединений "подъязыков" (типа большинст-

ва наших макрогрупп и межгрупповых ассоциаций) компенсируются отрицательными значениями индекса для других (скажем, для пар, явно не составляющих каких-либо единств, "научный стиль + диалектный монолог" или "беллетристическое повествование + диалогическая обиходно-разговорная речь"). Средняя приведенных в табл. 29 значений коэффициента корреляции между отдельными разновидностями речи по комплексу различных языковых признаков составляет –0,043, т.е., будучи близкой к нулю, подтверждает теоретические предположения (отклонение от нуля в данном случае очень невелико и объясняется накоплением неизбежных в статистике ошибок определения средних величин). В отношении внутренней сбалансированности центростремительных и центробежных тенденций разговорная речь, индекс компактности которой также близок к нулю (–0,053), может, при известных допущениях, рассматриваться как условная модель (аналог) языка в целом.

* * *

Графическая экспликация зависимостей и сходств (vs. различий), существующих между выделенными разновидностями и формами речи и выявленных квантитативным анализом, содержится в предлагаемой схеме (сила связей между группами текстов, определяемая коэффициентом корреляции r, выражается на ней мощностью соответствующих связям линий; связи слабее +0,200 в схеме не учитываются).

Эту схему можно считать типологическим итогом предпринятого исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ.
ОБРАЗЦЫ УСТНОЙ РЕЧИ

Литературная устная публичная речь, монолог

Из лекции О.Н. Трубачева "Трактат о хорошей работе" (Институт русского языка АН СССР, 23.I.1980)

Мы исходим из презумпции/ что молодой специалист любит свое дело// Свою тему// В зрелые годы оставаясь специалистом узким он наверно еще более укрепляется в этом/ еще сильнее любит// Нормальному человеку вообще свойственно любить свое дело и вероятно себя в своем деле// Но надо знать свои слабости/ которые с возрастным склерозом к тому же могут прогрессировать// Шмилауэр вслед за Бодуэном де Куртенэ/ предостерегает нас против этой "слоновой болезни" в филологии//+цитирую Шмилауэра// "Предмет изучаемый со слишком большой любовью вырастает под микроскопом мелочного исследования/ сверх необходимой меры/ и переоценивается в сравнении с другими// Кто возьмется за кельтский язык/ находит его следы повсюду"// Ну в общем это... [смеется] не так уж... смешно потому что кельты действительно как и готы/ были/ почти везде в Европе// Но действительно/ есть может быть и другие случаи/ когда/ предмет объективно... э-э-э... небольшой/ разрастается в глазах... по-человечески пристрастного/ влюбленного в него исследователя/ вот тут уже и наступает "слоновая болезнь" // На тему ошибок мы еще будем говорить/ беседуя об образованном ученом// А пока мы будем держаться самых — элементарных — понятий// Да/ так вот то что я упомянул как "слоновая болезнь"/ это между прочим в геологии еще называют/ "провинциализмом"// Там в это не вкладывают ругательного смысла дескать "далеко от Москвы"// А просто в геологии такие провинции существуют/ геологические// И в сво... а одна... одна геологическая провинция имеет свою физиономию/ другая значит вот свою другую// Так вот распространять... свойства своей/ провинции облюбованной/ на другие/ это вот тот самый провинциаль... провинциализм//

Рассказ художника Московского шелкового комбината "Красная Роза"

Для того чтобы... не возникало/ недоумений и каких-то лишних вопросов/ э... то есть [смеется]/ это уж вопрос не лишний/ а он в общем насущный/ его обычно задают в любой аудитории с которой нам приходится общаться/ э... я сразу/ э... просто отвечу как бы на несколько/ таких вопросов/ э... которые всегда возникают// Сколько мы выпускаем тканей? Рисунков// Рисунков мы выпускаем сто двадцать в год// Сто двадцать в год// Куда деваются наши ткани? И почему то/ что обычно/ э... ну как-то хорошо звучит на выставках или э... мы показываем/ как какие-то наши достижения/ как наши новинки/ почему это навалом не висит э... в наших магазинах? Ответ на этот вопрос/ и прост и сложен// Ну во-первых/ мы/ всего только семь процентов наших тканей работаем для так называемой розницы/ то есть для продажи в магазинах// И девяносто три процента/ к сожалению не работаем// Вот эти/ э... две цифры/ сразу могут объяснить/ почему магазины/ не наполнены нашими тканями// Э... Я говорю о том соотношении которое существует у нас для нашей продукции// Это в среднем// Какие-то артикулы мы почти полностью сдаем/+в швейную промышленность/ э... какие-то артикулы частично уходят все-таки и в розницу/ то есть/ реально продаются в магазинах/ но дальше/ э... тут можно вспомнить/ небольшой такой рассказик// Говорят одного деда спросили/ почему в лесу полно поганок и мухоморов/ но очень... нечасто встречаются белые грибы? Дед на это ответил просто// Потому что/ белые-то грибы/ выби-ра-ют// Выбирают! понимаете/ хорошее не... валяется/ не лежит// Хорошее уходит быстро/ его выбирают//

Литературная устная публичная речь, диалог

Опрос свидетельницы на заседании суда

А в шестьдесят втором году он не был в квартире там? — В... шестьдесят второй год? — Да// — Нет/ я не помню// — Не знаете// — Шестьдесят второй год/ эти... э... э... лето... э... — А разговора такого не было/ там/ с вами не делилась Матвеева как с хорошей знакомой? — Ан... а... что... э... что... — Алексеев/ жил там/ что вот скандалил/... — Нет/ что он не жил все время там// Это она все время жаловалась// Видела я матрас// Вот такой/ грязный... прод... матрас/ и на нем рваная простыня// Ни подушки ни одеяла/ это доказательство было что... — Вы знаете что это его постель такая? — Что это его постель// Это двадцать восьмого марта... — В какой комнате была его постель? — В про... В проходной большой комнате/ — В проходной большой комнате// — поставлена к стенке гд... э... где проживает дедушка// + к той стенке поставлена// + была// Она мне жаловалась тогда тоже что он мешал Игорю заниматься э... вечером// Там/ свет/ скандалы были/ неприятности были/... — Это в каком году? — Это было в октябре/ шестьдесят четвертый// — Шестьдеся... А в шестидесятом году? — В шестьдесят втором/ вот я была тогда в суде// И я присутствовала сама... — А после суда? — После суда я там тоже бывала/ но ни разу с ним не встречалась// — С ним не встре...? И ва... с вами не делились что он там бывал? — Никогда! Ни... Наоборот/ вот "у нас хорошо тихо мирно"// — А Полторак сказала на суде что бывал// А вот с вами она значит не поделилась// — Нет/... если он приходил со взломом/ она в милицию ходила жаловаться/ но чтоб жить/ он... [вероятно, жест отрицания].

Обсуждение рукописи индивидуальной монографии на заседании сектора в академическом институте

(А) Мне хотелось бы только вот какой поднять вопрос на обсуждении// Мне хотелось бы изменить/ название// Поскольку это название историческое/ осталось от прежних времен/ когда эта книга должна была представлять двухтомник/ и писаться вместе с N.N.// Мне бы хотелось чтобы называлось/ что-нибудь просто/ "Русская орфография"// Вот как вы к этому относитесь? и как это вообще вот оформляется? Поскольку я знаю что нельзя просто/ лично/ менять/ если название уже есть/ — (Б) Просить Ученый совет я думаю// — (А) зафиксировано/ ... — (В) Да// Угу// — (Б) Сектор должен просить Ученый совет// — (Г) Не будет ли толкать/ название такое "Русская орфография"/ на мысль что это учебник? — (Д) Да/ и вот вообще/ как это все ...? — (Г) какое-то пособие вот? — (Б) Мне кажется что тогда "Теория" все-таки надо оставить слово// — (В) Да// Да-а// Это красивее// [смеется] — (Г) [нрзбр.] нужно... — (Б) "Теория русской орфографии"/ но и на самом деле это в общем скорее теоретическое исследование/... — (А) Красивее/ но ответстве... ответственно очень// [смеется] — (Б) Ну да// — (Е) А почему... нужно менять? — (Ж) "Теория" обязательно нужно оставить/ потому что иначе не поймут что... что это такое// — (Г) Ну да... это будет... какой-то... — (Б) Что это не свод правил/ а теоретическое исследование// — (В) Да-да-да// — (Г) Ну это безусловно конечно// — (Ж) А "Теория" как раз и отражает самую суть этой... вообще... работы// — (Б) "Теория русской орфографии"/ может быть вот так? — (В) Ну правильно// — (А) А/ да// Правильно// — (Б) Я думаю что мы пока так/ м... сделаем предложение/ а потом м... — (Ж) Конечно// Да// — (Б) когда М.М./ придет еще обдумаем это// — (Ж) Конечно// А пока вот так// — (Б) Угу// — (А) Так/ я даже не знаю/ нужно ли мне еще что-то говорить//

Просторечие, монолог

Рассказ мастера-наставника ПТУ об училищном общежитии

У меня в общежитии вот я держу под контролем/ курют пять девочек/ пять! а их сто сорок! И причем/ вот этот год набор/ девчонки даже сами над ними работают//... Но это уже мне кажется/ такие/ они наверно... может бросют/ но пока еще... Пока я вам хочу сказать/ пока еще этого/ еще не видать! Но пять! Я потому что каждую держу/ потому что рабочий день я начинаю с общежития! Сама! Рабочий день/ это у меня закон!

Утром я каждую комнату проверяю/ всё держу под... Они знают это// Я уже им дала задание какую генеральную уборку навести/ чтоб чувствовали они/ что это их родной дом// Каждый день я иду в производство/ вот я пришла в восемь часов/ и захожу/ у нас общежитие прямо рядом/ вот фабрика/ общежитие и всё/ я захожу/ всё проверила с ними всё переговорили/ там мало ли какие/ может вахтер мне что пожалувает/ выясним сразу на месте/ чтоб этого не было/ знаете таким... А вот/ причем разговоры не вожу такие с девочками: "Мне сказали"// Если я сама точно не проверю/ я не веду/ потому что это их обижает// А мы иногда/ знаете как можем поговорить! Вот я могу на вас наговорить того чего может вы и не знаете// Эти я не вожу разговоры// Это обижает их// А мне их тоже жалко/ хоть они и не мои...

Просторечие, диалог

Объяснение между соседями по коммунальной квартире (в присутствии третьего лица)

Товарищеский суд приходил// Так он же там врал// Там он еще по-другому... — Это я не врал/ я сидел там/ пять человек... — [нрзбр.] пять человек приходили/ целый час выбивали/ ... — [нрзбр.] Товарищеский суд не приходит/ а-а в товарищеский суд идут// — Ну/ вот они приходили узнать в чем дело// Час с него выбивали/ он не дрался/ не видел// Откуда-то/ у меня есть-то справка/ кто ж меня бил тогда? — Так с тряпкой налетала/ конечно я что ж/ по морде бить тряпкой/ как это/ — Придумал/ вывернулся// — хорошо/ да? — Да я тряпки и в глаза не видела/ и ты не видел// — Так это же не первый/ когда я ре... — Вышел/ вывернулся //— А зимой что делала? Я ребенка на кухне мыл/ что ты делала? — Нам с тобой бесполезно разговаривать/ спорить// Бесполезно// — А-а бесполезно? С женой дрались тоже// Все волосы ей потаскали/ да еще муж налетел// — Вранье-о! Мы тебя век не трогали// — Чего йто вранье! Век не трогали! — Сколько ты нам проделываешь/ мы всё думали что ты немножко поумнеешь// [...] Век... живем с мужем/ зайдем/ нас не видать не слыхать// А вот чего тебе понадобилось/ не знаю// Вот ты ето/ без конца/ пьяный придешь/ и не знаешь/ к чему тебе пододраться// Пододрался/ к стирке// — Говорить все можно конечно// — Да/ вот так как тебе/ придумал/ тряпку// Потом/ которой не было нигде// Ну вот Ларюшину вызовут там/ она скажеть/ она все видела// Была там тряпка/ [нрзбр.] — Пожалуйста // Ну/ видела/ [нрзбр.] — Стояла/ пока ты меня хлыстал/ а там... [...] Если ему такие вещи прощать/ он тогда без конца будет руки распускать// Надо бы/ жить как люди живут//

Диалектная речь, диалог

Разговор соседок о ягодах и покупке дома (д. Куя Приморского р-на Архангельской обл.)

Ты не была на Кулундовом Мху? — Это там/ назади-то? — Да/ назади-то// — А/ с Леонилой Алексевной когда-то ходили// — Один раз? А/ вчерась я ходила/ Комиссариха принесла/ по б... по два... литра// — Смотри-ко! — А? — А вот вчерашний день-т/ я на Высокой Мох сюда ходила/ ... — На Высоком-то нету говорят/ всех... — Всё побрано// —А надо (?) идти на Высоком Мху дак в Радах// В Темных Радах идут ягоды// — Я дак... по Радам ну... прошли дак... — По Рад... — ... всё уж обегано// —Ну/ а Павел Петрович знал дак... всё у них... — Да-а// — ...уносил тут// — Ну дак та что мне сказала/ Евдокия-то Васильевна/ в Северодвинске? — В Северодвинске// В Северодви... — А у меня там и дочь/ в Северодвинске//—А-а// — А я/ иногда-то и езжу к ней// — Дак она [о Евдокии Васильевне] и плату-то просит/ триста рублей// А... — Триста рублей? — Да// А Львов ведь э... хотел купить/ — Да// — а сын сказал что если ты уйдешь в чужой дом/ дак мы г<ово>рит к этой (?) не зайдем// — Это кто так отец сказал? — Да/ отец-то хотел... из того-то дома перемещаться... в етот// С робятами// Набрал сын-от... — Это Митька? — Да/ Митька-то// Дак... Не могу говорит терпеть рёву да... тех... гуда/... — Отец-то хотел к Александру ходить-то сюда? — Дак Александр хотел в етот дом// — С Анной-то? — Да/ в... пойдет он на... — А как Анна-то съездила к сыну-ту/ сын сказал что/ живите в своем доме// А пускай они стало ходят// — Да// — То<ль>ко/ тесно// И так ничего//

Л.А. КАПАНАДЗЕ

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В УСТНОЙ РЕЧИ

В лингвистических работах последних лет уделяется много внимания оценочным категориям. Описываются альтернативы хуже/лучше с точки зрения говорящего, дается сопоставление ценностных сравнений, изучается сравнительная оценка ситуаций с логической точки зрения[1]. Семантический комплекс "хороший/плохой" рассматривается как градуированное понятие, разделенное осью симметрии нейтральной зоны. В данной статье мы не будем стремиться выявить антонимические элементы в оценочных высказываниях, все коннотации, связанные с теми или иными объектами действительности, остаются за пределами этой статьи.

Наша цель — показать те приемы, способы, которые использует раскованная устная речь для формирования оценочных высказываний. Понятно, что оценочные высказывания часто сосуществуют с дескриптивными значениями, и предметно-логическое значение составляет с оценочным единый семантический комплекс[2].

Особая эмоциональность, экспрессивность РР связана с самой природой непринужденной, раскованной речи. Здесь говорящий может свободно выразить свое отношение к миру, обстоятельствам, событиям, лицам.

Мы знаем, что язык житейских дел и отношений часто иррационален. Слова приобретают эмоциональную выразительность в зависимости от смысла того целого, в котором они прозвучали, в зависимости от "смысловой картины" в целом[3].

Говоря об оценках и языковых способах их выражения, мы затрагиваем сферу человеческих чувств. Но связи и отношения в эмоциональной области по-прежнему остаются малоизученной страницей в психологии. Многое здесь проблематично и даже загадочно. Этому отчасти способствует то, что чувства отличаются целым рядом особенностей, одна из главных — их смутность. На чувстве невозможно сосредоточить внимания в отличие от ощущения[4], и эта особенность нашей эмоциональной сферы не может не отразиться на общем харак-

---

[1] *Арутюнова Н.Д.* Сравнительная оценка ситуаций // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1983. N 4.

[2] *Девкин В.Д.* Диалог. Немецкая разговорная речь. М.: Высшая школа, 1981. С. 110; *Вольф Е.М.* Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979.

[3] Это очень хорошо понимают писатели-реалисты, знатоки психологической правды. Остается лишь удивляться той точности в передаче живых диалогов и художественной интерпретации их, которую дает, например, Лев Толстой: — Николенька, ты говоришь пустяки, замолчи, замолчи! Я тебе говорю, замолчи!.. — почти кричала она, чтобы заглушить его голос. — Мама, голубчик, это совсем не от того... душечка моя, бедная, — обращалась она к матери...

Слова ее были бессмысленны; но они достигли того результата, к которому они стремились (Л. Толстой. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1980. Т. V. С. 303).

[4] Чувство не имеет свойства ясности. Удовольствие или неудовольствие могут быть интенсивными и продолжительными, но они никогда не бывают ясными" Титченер. Цит. по: *Л.С. Выготский.* Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 250.

тере оценок в РР, когда они являются знаком наших эмоциональных состояний и сами становятся смутными.

Если мы сравним строгие шкалы оценок, существующие в разных терминологических системах кодифицированного языка, все эти многочисленные "табели о рангах", с теми аффектированными оценками, которые бытуют в РР, мы заметим, что они противопоставлены по признаку рациональность/иррациональность. Оценки в КЛЯ связаны с логической стороной мышления и работой обобщающей мысли, оценки в РР — с чувствами, смутной работой души[5]. Именно поэтому в РР в качестве оценок часто выступают гиперболы разного рода, литоты, метафоры, которые хорошо выражают именно субъективность говорящего по отношению к выражаемому. Еще Ш. Балли писал о тенденции к преувеличению как к черте, наиболее характерной для разговорной речи. Преувеличиваются размеры, количество, интенсивность, степень чего-либо. Под влиянием эмоций человек употребляет оценки, не адекватные событиям[6].

Что дает возможность сочетать в слове номинативное и оценочное значения? Один из путей, по которому идет язык — развитый метафоризм[7].

Свойство, лежащее в основе метафоры, наполнено внеязыковыми ассоциациями[8]. Метафоры РР отражают эмоциональные реакции человека: — Мой рост/ пятый рост/ кому нужен? Опять купишь *балахон*// (о покупке пальто); — И ты еще с этим *сундуком* объяснялась? (об упрямом, несговорчивом человеке); — Как наткнусь на эту *стену*/ на эту вашу Е.М. прекрасную/ хоть криком кричи// (о несговорчивом человеке).

Как видно из примеров, в РР используется конкретная лексика для образования субстантивных метафор-оценок.

Ряд существительных со значением 'животное, птица, рыба, насекомое' часто употребляется в РР в переносном значении как оценочная характеристика какого-либо лица ("звериные метафоры"). Говоря о регулярной многозначности существительных, Ю.Д. Апресян приводит в своей книге под N 38 следующий тип: 'животное, насекомое'— че-

---

[5] "Жизнь чувства — расход души", — говорил Д. Овсянико-Куликовский (Психология мысли и чувства. СПб, 1914. С. 26). Ср. также: "Говоря о вещах, относящихся к повседневной жизни и стоящих вне сферы чистого мышления, даже самый логически мыслящий человек вынужден пользоваться "аффективной речью", он чувствует, что аффективная речь — это лучший способ внушить мысль собеседнику (*Балли Ш.* Французская стилистика / Пер. с франц. М., 1961. С. 329).

[6] "Категория истинности, т.е. отношение к действительности, играет в речи малую роль, а итог практического рассуждения не получает абсолютной значимости. Оптимальный для одного человека, он может оказаться неприемлемым для другого. В некоторых случаях зависимость языкового употребления от ходов практической мысли и жизненных ситуаций сильнее отношений, устанавливаемых грамматикой" *Арутюнова Н.Д.* Указ. соч. С. 341. Ср. также: Эмоциональная окрашенность лексических единиц в разговорной речи выявляется особенно резко и подчеркнуто" (*Панов М.В.* О развитии русского языка в советском обществе // ВЯ. 1962. N 3. С. 8).

[7] *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. С. 123.

[8] *Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1978. Т. 37, N 4. С. 335.

ловек, похожий на него (метафорический перенос): *баран, бегемот, ворона, комар, лиса, муха, обезьяна, орел, паук, тюлень*[9]. Ю.Д. Апресян говорит о том, что представители этого типа далеко не всегда трактуются в словарях как многозначные слова, и он, рискуя вызвать критику, предпочитает в данном случае более широкое решение, которое дает основу для дальнейшего исследования вопросов регулярной многозначности. Действительно, здесь открывается простор для размышлений о свойствах слов. В словарях указанная группа значений отмечается по-разному (повторим, что мы включаем в эту группу и слова со значением 'рыбы' — *акула, кит, карась, щука* и т.д.). Словарь Ожегова отмечает переносные значения у слов *ворона, обезьяна, орел, тюлень*, МАС дает переносное значение слову *муха; баран* же отмечен переносным значением лишь в идиоме *стадо баранов*. Стилистические пометы разнообразны — это и *разг.* (ворон, паук), и *разг. неодобр.*, (обезьяна), и *разг. шутл.* (тюлень).

Противоречивость словарных данных симптоматична. Эта группа слов различно ведет себя в КЛЯ и в РР. В РР это, безусловно, открытый ряд. В нашей картотеке есть случаи метафорического переосмысления следующих слов: *акула, бык, волк, змея, жаба, кит, медведь, моль, муравей, мышь, росомаха, шакал, щука* во всевозможных экспрессивных вариациях этих слов (*мышонок, мышка, муравьишка, паучище, стрекозка, волчище, щучка* и т.п.). Приведем примеры: — Это же *лиса*// настоящая *лиса*// его нельзя всерьез принимать//; Ну и *медведь*/ во всем напролом лезет//; Ты просто *змея*/ так и знай!; Есть такие *шакалы* / такие *шакалы* / ну просто гаденыши //; А этот *муравьишка* опять нас всех обскакал?; 1. Все говорят/ Н.Н. умеет себя показать... 2. Да это *мышка*/ *мышка-норушка*/ больше ничего!; — Наши *киты* тоже выступали? На этом вот заседании?; Я эту *моль* не переваривaю// Тихая-тихая/ а себе на уме//; Да чтобы это все съесть/ — надо *быком* быть/ Или по крайней мере *бычком*//; 1. Надо с ними *волком* становиться// Вот именно *волком*// 2. Которого ноги кормят? 1. Что-то вроде того// Ср. также следующий диалог: 1. Он как *росомаха*/ отвратительный/ скользкий... 2. Постой! *Росомаха?..* При чем тут? Это что-то меховое/ где ж скользкое? 1. Нет/ ты меня не слушаешь! "Меховое"! (имитирует интонацию 2-го) Злой/ вонючий/ это страшный человек!

Характерно, что метафора в РР часто стоит в позиции предиката (а это позиция акцентно выделенная) и употребляется с повтором, что обычно является сигналом экспрессивного усиления речи.

Из приведенных примеров видно, что РР становится полигоном для формирования общеязыковых метафор, и вот это-то динамически неустойчивое положение и отражают современные словари.

Заметим, что и в тех случаях, когда словари уже зафиксировали переносное значение у слова, в текстах РР мы можем встретить не это, а другое переносное значение. Так, при слове *паук* словарями отмечено переносное значение 'о том, кто жестоко эксплуатирует кого-то'. Действительно, это переносное значение распростра-

[9] *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. С. 203.

нено широко. Но в устной речи мы можем встретить и другое словоупотребление: — Этот *паук* раскинул свои сети и выжидает/ поджидает... Когда мы как дуры попадемся // И *паукам* везет! Кто-нибудь подвернется всегда//; Он такой приставучий/ ну просто *паук* какой-то//

Иногда тексты РР дают наглядную картину формирования метафорически-эмоционального значения из группы синтаксически связанных выражений, бытующих и в КЛЯ (об этом языковом явлении писал В.В. Виноградов). Ср.: *старый сыч, глядеть сычом, жить сычом (как сыч)*... Постепенно у слова *сыч* формируется значение 'о мрачном, угрюмом человеке'. *Волком смотреть, волк в овечьей шкуре, хоть волком вой*... Формируется переносное значение 'о человеке злом, одиноком'.

Мы видим, что регулярная модель метафорического переноса животное→человек действует в РР свободно и неограниченно, образуя слова-оценки с широким диапазоном эмоциональности. И все высказывание, в которое включены подобные слова, отмечено повышенной экспрессивностью.

Далеко не всякое словоупотребление выходит за рамки индивидуального и становится типическим, общим, но свободное включение в этот лексико-семантический ряд новых слов, само пристрастие РР к подобным метафорам говорит о том, что данный тип регулярной многозначности осознается говорящими, он дает новообразования и пополняет словарь.

Оценочность высказывания создается в устных формах речи при использовании гипербол или литот.

Гипербола в РР дает экспрессивное усиление, преувеличивает истинные размеры предметов, свойства ситуации и почти всегда так или иначе бывает связана с предикативной синтаксической позицией[10]: — Работы/ *пропасть! По горло застряла* в этих дебрях// Лес там — *не пройти!* Там *уйма* этих цветов// Да я *за пять минут* обернусь/ здесь всего-то *три квартала*// Ну ты просто *скелет!* Что за мясо ты принес? *Сплошные кости!*

По-видимому, чисто разговорным приемом является преувеличение количества — сроков, лет, дней, часов, счетных предметов и т.п.: Я *сто лет* тебя не видела// *Тыщу штук* тебе покажу// Он *десять раз* переписал/ и опять ошибки//

Эффект гиперболизации — это общеязыковое явление, он известен, разумеется, и кодифицированному языку, однако в разговорных текстах интенсификация признака, как правило, ничем, кроме эмоций говорящего, не мотивирована (ср. невозможное для публичной речи — на митинге, конференции и т.п. — словоупотребление: Я *сто лет* его не видела, *Тысячу раз* вам говорил...). Неудивительно, что в выражении гиперболы средства РР как бы дублируют друг друга, благодаря чему эффект гиперболизации проявляется ярче[11].

---

[10] См.: *Вольф Е.М.* Указ. соч. С. 288.

[11] Это свойство РР часто имитируется в газетном фельетоне. Например: — Простите за беспокойство, но вода хлещет все сильнее... — Почему бы ей не хлестать, — сказал

В РР в качестве оценочных употребляются не только полнознаменательные слова, местоимения разного рода, но и заменители вербального ряда — жесты, мимические движения, явления супрасегментные — и прежде всего интонация и тон речи.

Рассмотрим некоторые виды оценочных жестов. Семантическая схема: предмет, лицо событие → оценка этого предмета, лица может реализоваться по-разному[12]. Первая часть может быть задана ситуацией, и тогда она выражается жестом указания. В других случаях предмет называется вербально, а оценка — жестом (иногда в сопровождении звукового жеста): — Картина? *Во!* (показывает большой палец); — Она глядит на меня представляешь/ вот такими глазами (жест — "очки", т.е. преувеличенно большие глаза). — Отпуск? — (уныло машет рукой = пропал)[13]. — Ты с ним — *ни-ни!* (грозящий жест). — У него лапищи — *вот!* (двумя руками показывает что-то очень большого размера). Последний "гиперболический жест" очень распространен в РР.

Среди оценочных жестов в РР немалая роль отводится так называемым звуковым жестам[14].

Жест, как и интонация, полифункционален, но его эмоциональная направленность очевидна.

Необходимо отметить и такие оценочные высказывания РР, которые реализуются в условиях диалога и невозможны вне его. Оценочность реплики создается повторением (эхо-репликой), иронической интонацией высказывания: 1. Она? Не знает// 2. Как не знает? (сильное сомнение) 1. Он не говорил// 2. Ну да// ("рассказывай" = сомнение). 1. Вера? Она же *веселая*// 2. *Веселая!* Не смеши меня// 1. Сергей Сергеич очень *тихий*// 2. *Тихий!* Ты не знаешь просто// 1. Мне понравилось/ как он *тактично* начал говорить —// 2. *Тактично!* Ты ушел просто/ не слышал// 1. Послушай/ а ты у нас *талант!* 2. *Талант*/ опять тройка по анатомии//.

Наполненное "контрастами высказывания", слово, вынесенное во 2-й реплике в инициальную позицию, приобретает (благодаря тону) негативный эмоциональный смысл[15].

Вообще, интонационные возможности РР велики. Большую нюансировку высказыванию дают растяжки речи: — Ну—/ *Не зна-а-аю*/ *посмо-о-трим!* (=сомнение и несогласие).

Разговорная речь стремится языковыми или невербальными средствами интенсифицировать оценку, включить в высказывание семантическое значение повышения/понижения степени, и в этом тенденции,

водопроводчик, — засор! Главное — качество. У нас привыкли все делать *шалтай-болтай*... — *На живую нитку,* — подсказал папа.— *Тяп-ляп,* — сказал водопроводчик. —*На халтуру,* — сказал папа. — *На фуфу!* — сказал водопроводчик. —*Алям-болям,* — сказал папа (*Шатров С.* Девятая серия, "Правда", 17.6.72).

[12] *Красильникова Е.В.* Жест и структура высказывания в разговорной речи // Русская разговорная речь. 1983. С. 232.

[13] Пример Е.В. Красильниковой.

[14] См.: *Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В.* // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 479.

[15] Ср. наблюдение В.Д. Девкина: "Близки к выражению оценки и предложения — эхо, строящиеся на повторении слов" (Указ. соч. С. 111).

действующие в устном высказывании, оказываются противопоставленными тенденциям, действующим в области кодифицированного языка, особенно строгих его областей. В оценочных высказываниях РР почти всегда на первый план выступает компонент с субъективно-эмоциональной окраской, который может быть выражен как вербальными, так и невербальными средствами.

М.В. КИТАЙГОРОДСКАЯ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПОСТРОЕНИЕМ УСТНОГО ПРОСТОРЕЧНОГО ТЕКСТА

Общий интерес к проблемам языкового функционирования обусловил активность исследовательских поисков в некодифицированной сфере современного русского языка. При этом вполне закономерно первостепенное внимание привлекла к себе литературная некодифицированная речь — разговорная речь (РР). Результаты, полученные в этой области, подготовили почву для функционального изучения нелитературной сферы современного языка — городского просторечия. На пути исследования городского просторечия как категории функциональной, отражающей реальную языковую жизнь современного города, в настоящее время сделаны лишь первые шаги[1]. Анализ записей "живого" просторечия дал основания для вычленения самого объекта исследования, для определения его языкового статуса и характеристики состава носителей просторечия[2]. Собранный материал позволил выявить и описать просторечные явления на всех языковых уровнях (фонетика, морфология, лексика, синтаксис). Задачи дальнейшего изучения просторечия предполагают прежде всего последовательное накопление фактов.

Представления о просторечии могут быть, по-видимому, существенным образом дополнены и уточнены при исследовании просторечия на фоне определенного типа коммуникации, вербальной частью которой оно является. Продуктивность такого подхода кажется очевидной при решении задач, поставленных в настоящей работе — описать некоторые характерные для просторечия отклонения от норм литературного языка в области построения текста.

Выявить и понять причины специфических особенностей структурно-семантической организации просторечного текста, связанных с отступлениями от механизма "правильной" коммуникации, помогает предварительное рассмотрение вопросов о сфере реализации просторечия и о структуре просторечного коммуникативного акта.

---

[1] См.: Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.

[2] В данной работе мы следуем тому пониманию просторечия, которое нашло отражение в указанной книге. В ней под просторечием понимается речь городских жителей, не владеющих нормами литературного языка. Просторечие как лингвистический объект не представляет собой особой языковой системы. Современное просторечие — это не имеющая системного характера совокупность разнородных отклонений от норм литературного языка.

СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОСТОРЕЧИЯ

Принято считать, что сфера реализации просторечия — это бытовая речь. Однако жизнь современного города предполагает постоянное преодоление его жителями рамок обиходно-бытового общения (профессиональные отношения, нередко связанные с публичными формами речи, контакты с различными государственными учреждениями, общение с незнакомыми в магазинах, на транспорте и т.д.). Каковы же особенности речевого поведения носителей просторечия в сферах, предполагающих использование кодифицированного литературного языка (КЛЯ)?

Собранный материал[3] позволяет сделать некоторые наблюдения, касающиеся функционального диапазона просторечия и вопросов освоения просторечно говорящими определенных типов речи, ориентированных прежде всего на письменную форму кодифицированного языка.

Носителями литературного языка в зависимости от условий речевого общения осуществляется выбор языковых средств, характерных для того или иного типа речи. Успешность такого переключения зависит от индивидуальных особенностей, навыков, умения говорящего. Однако принципиально важным является выбор РР или КЛЯ в соответствии с установкой на официальность/неофициальность общения. Для просторечно говорящего такое переключение на КЛЯ невозможно (в противном случае он не является носителем просторечия).

Просторечно говорящие нередко переносят в сферу официальных контактов навыки речевого поведения, характерные для непринужденного общения. Так, для "просторечника" естественно обращение на "ты" к незнакомым, что является нарушением норм речевого этикета литературного языка: (диалог покупателя и продавца в магазине "Галантерея") А: Не покажете сарафан пятидесятый? Б: Ну что/ красный *возьмешь?* Здесь возможна вариативность в речи одного и того же лица: А: Когда у вас завоз? Б: А *вы знаете* что/ мы откуда знаем/ машина привозит//. В этом выборе, вероятно, может играть определенную роль оценка говорящим языкового партнера, их коммуникативных отношений[4]. Можно заметить, что лексическое поле обращений в просторечии, представленное в рамках общения с незнакомыми, значительно шире, чем в литературном языке. При выборе обращения говорящий

---

[3] Материалом статьи служат магнитофонные и блокнотные записи речи лиц — носителей просторечия — в условиях как неофициального, так и официального, а также публичного общения. Это домашние разговоры, беседы, записи публичных монологов (выступления на собраниях, вечерах, записи уроков-лекций в ПТУ), а также отдельные фрагменты из материалов радио и телевидения (в основном это интервью и выступления на собраниях, митингах, т.е. материал определенным образом паспортизованный). Информанты — люди разного возраста.

[4] *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981. Т. 40. Вып. 4. О роли прагматического фактора, определяющего степень фамильярности в обращении человека со словом, см.: *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 12.

нередко ориентируется на конкретного адресата, как бы задавая тональность отношений в акте коммуникации: (приемный пункт вторсырья) А: А вы тряпки принимаете? Б: Принимаем/ *доча*//; (в комиссионном магазине продавец покупательнице) А: (о юбке) Возьмите/ конечно/ *миленькая*//; (вахтер в клубе билетеру) *Хозяйка*/ *а хозяйка*/ тебя там внизу ждет ктой-то//; (продавец в магазине) Ты бы *бабка* домой шла//

Наблюдения показывают, что если речи человека присущи определенные просторечные черты в фонетике, лексике, грамматике, то они находят свое проявление в речи, связанной с официальными условиями речевого общения (контакты с незнакомыми в магазинах, на предприятиях бытового обслуживания, общение в государственных учреждениях, публичные выступления на собраниях и т.д.[5]).

Приведем примеры из текстов: (продавец одного из московских универмагов обращается к покупателям) Задние/ *за сумкими не становьтесь*//; (на приеме у судьи разбирается дело о квартирной ссоре. Из диалога пострадавшей и "ответчика") Мы *тебе* век не трогали// Сколько *ты нам проделываешь*/ мы все думали что ты немножко поумнеешь // *Век живем* с мужем/ зайдем/ *нас не видать — не слыхать* // А вот чего тебе понадобилось/ не знаю// Вот ты *ето*/ без конца/ пьяный придешь/ и не знаешь/ к чему тебе *пододраться*// *Пододрался* к стирке//; (фрагменты выступления на вечере ткачихи комбината "Красная Роза". Рассказ об истории комбината и жизни рабочих-ткачей до революции) *Первые дни* советской власти фабрика наша *остановилася*/не работала// Вот// Хозяев между прочим этих всех трех *братьёв*/ посадили/ в Петербурге// Не знаю *чего* там *было*// В общем они там две недели отсидели/ потом *вернулися*/ собрали значит свои чемоданчики/ своих жен/ и уехали во Францию//; *Семейные*/ небольшое количество семейных людей/ *были каморки*// Теперь комнаты называют/ раньше каморки// *Колидор*/ по *обоим* стенам/ по *обоим* сторонам значит вот эти каморочки// Каморки маленькие/ до потолка по... закрыт не был/ наполовину он так э-э/ только вот *пергораживался*//; А самое-то главное/ что вот *народился* у них ребенок// И уже когда жена в родильный дом пошла/ он уже *мечтает* (='думает', 'ломает голову')/ что сделать/ куда деваться// Потому что *в вороты*/ с ребенком/ даже с грудным/ на руках/ покормить его/ не пропустят//; Но самое-то главное что/ *кажную паску*/ перед *паской* делался расчет // Полный расчет// Паспорта отдавали на руки//; (характерное для просторечия гипертрофированное употребление уменьшительных форм)... раньше ведь э-э теперь стали стро... строить помещения без этих/ столбов// А раньше ведь были стол-

[5] Некоторые из этих ситуаций могут субъективно оцениваться говорящими (не только носителями просторечия, но и носителями литературного языка) как неофициальные. Поэтому наиболее показательными являются материалы публичного общения. О "смазанных" ситуациях, допускающих и РР, и КЛЯ, см.: Русская разговорная речь. М., 1973. С. 15.

бы// Вот на этом столбе/ вокруг/ него/ *полочку* такую делали/ ставили иконы// И *лампадочки*// Вот// *Занавесочку* подвешивали// Вот// У... у кровати тоже был/ *подзорчик* назывался/ знаете чтоб закрыть/ кровать/ была знаете а не так как теперь/ кровать высокая//

Интересно, что носители просторечия в официальном общении нередко пытаются контролировать свое речевое поведение: (из публичного выступления ткачихи комбината "Красная Роза") Нашу фабрику звали первое время до революции/ Кобылий двор// Почему такое название? Говорят что когда-то/ хозяева/ вместо того чтобы мясо там положить/ мясо что ли коровье/ где-то кобылу купили/ и к... из кобылятины сварили щи/ или суп// И вот нас и прозвали// (увлекаясь рассказом) Вот пивоваренный завод напротив был/ так и звали// Ну/ девки идут с Кобыльего двора// (как бы спохватившись, что рассказ приобретает излишне фамильярный характер) Знаете/ по-простому был разговор так//

Подобного рода факты говорят о том, что в сознании просторечно говорящих присутствует определенное представление о ситуативно-тематически обусловленной дифференциации языковых средств. Об этом же свидетельствует наличие в их речи типичных стилистических примет, т.е. единиц, свойственных тем или иным типам речи КЛЯ и освоенных просторечно говорящими. Необходимость освоения таких средств актуальна прежде всего для носителей просторечия, которые в силу особенностей своей профессиональной и общественной деятельности активно вовлекаются в сферу официального и публичного общения. Успешность овладения нормами, свойственными разным функционально-стилистическим разновидностям КЛЯ, во многом определяется индивидуальной чуткостью к языку, языковой интуицией человека. Однако нужно заметить, что подобно тому, как вкрапление черт разговорности в устные варианты разных жанров КЛЯ не делает их принадлежностью РР, так и присутствие отдельных элементов книжных или единиц официально-делового стиля не может быть, естественно, показателем литературности речи, поскольку просторечный фон остается.

Остановимся на типических для носителей просторечия отклонениях от норм литературного языка, которые отмечаются при оформлении речи, ориентированной на различные функциональные разновидности КЛЯ.

Книжные элементы и речевые шаблоны официально-делового стиля могут осваиваться в просторечной морфологической форме или попадать в просторечное лексическое окружение: (разговор двух пожилых женщин об уменьшении квартплаты) А: Тебе сколько сбавили? Б: *На мене* это *не распространилося* //; (разговор в учебной части ПТУ) А: Кто в вашу группу вошел? Б: В группу уже *взошли* десять человек// Получается *очень огромная* группа// Я делю группу напополам/ но *теоретически должны взойти* все кто есть//; (из публичного выступления)... перед девятьсот пятым годом/ почему-то из Москвы выслали/ с... самого хозяина (фабрики)// ... потому что какие-то тут были *ихние коммерческие*

комбинации// Из-за этого он *был выгнан*/ из России// Остались его три сына// Три сына/ они как-то вот так *получилося*/ что *структура* их работы/ собственно говоря равна и нашей теперешней *структуре на предприятии*//; Вот видите/ как была сначала *психология людей*/ *так построена*/ *что все боялися*//

Характерной чертой просторечия является несоблюдение условий употребления разного рода книжных и канцелярских оборотов, номинаций, конструкций, что приводит к нелитературным синтаксическим построениям: (из публичного выступления ткачихи)... они старались в первую очередь увольнять тех кто живут на вольных квартирах// Это хозяева-то// А мы старались-то/ больше всего/ оставаться на казенной квартире/ н... на его/ фабричной/ *с тем расчетом чтоб*/ *меньше возможностей быть уволенным*//; (мастер-преподаватель ПТУ) Мы проводим в-в... на базе нашего общежития/ у нас будет седьмого числа/ такой *вечер*/ *типа с чаем*//; (на приеме у судьи)... он заявлял в завкоме/ когда он обратился *в отношении поехать куда-то отдыхать*/ за путевкой//

При овладении элементами официально-делового стиля типична контаминация фразеологических словосочетаний: (на приеме у судьи) Товарищ судья/ ну как же по закону/ он должен свое/ как говорится/ *что заслужил*/ *то нести*//; Таких же нельзя/ пьяных/ так держать/ чтобы они дрались/ без конца// Какие-то *меры наказания надо им давать*//; (ср. сочетание стилистически контрастных элементов) Я б его/ товарищ судья/ *просила одну дать меру*/ *чтоб его глаза чуть протрезвились*//; Он его *под свое влияние взял*//; Особенно-то она *внимания на меня не могла уделить*//; (рабочий завода) Мастер *был в большом авторитете*// (ср. *быть в почете* и *пользоваться авторитетом*).

Типичные отклонения от норм, которые возникают при овладении литературным языком просторечно говорящими, можно отнести с определенной долей условности к новому слою просторечия[6]. Выделить его помогают наблюдения над функционированием просторечия за рамками непринужденного бытового общения. Книжно-канцелярский стиль служит одним из главных источников нового слоя современного просторечия (о других источниках современного просторечия — жаргонах и мещанизмах — см. у Л.А. Капанадзе[7])..

Одна из самых характерных примет современного просторечия — ситуативно и стилистически не оправданное употребление книжных оборотов, конструкций и штампов официально-делового стиля

---

[6] О возможности выделения старого и нового слоя в просторечии см.: *Земская Е.А., Китайгородская М.В.* Наблюдения над просторечной морфологией// Городское просторечие: Проблемы изучения. (Старый слой — это прежде всего факты фонетические, лексические, грамматические). Явления нового просторечия анализируются и в последующих разделах статьи.

[7] *Капанадзе Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Там же.

при непринужденном общении[8]. Инерция книжно-канцелярского стиля особенно свойственна лицам с профессионально обусловленной ориентацией на этот стиль речи (делопроизводители, административно-канцелярские работники).

Я выпила лекарство и сразу *получила облегчение*//; Он раньше выпивал/ а теперь *исправил свое поведение*//; (о ребенке) Уже *внимание уделяет*/ я вхожу он улыбается//; Раньше/ когда у меня печенка здоровая была/ я масла много уничтожала// Ну так *в размере килограмма на месяц*//; Мы теперь *плиту привели в чистоту*//; Маша в лагерь поедет// Ей обычно *нравится в коллективах*//; *Поскольку она в состоянии ангины*/ с ребенком ей лучше не общаться//; Я прям *была опешена*//; (о сыне) Бывает/ что-то что он задумал/ это ведь бывает не в мою пользу / но он все равно добивается// Хоть я поплачу другой раз/ но все равно по евоному бывает// *В этом отношении не всегда удобно*//

Итак, наши наблюдения позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся сферы реализации просторечия. Детерминирующим фактором, определяющим использование просторечия, служит состав носителей. Носитель просторечия не может быть одновременно носителем литературного языка[9]. Просторечно говорящие используют просторечие не только в условиях личного непринужденного общения, но и за его рамками. Следовательно, просторечие не обнаруживает функциональной распределенности с какой-либо другой разновидностью языка в соответствии с меняющимися особенностями языковой коммуникации (подобно РР и КЛЯ). Признак "официальность" общения, как было отмечено, оказывает определенное воздействие на речь носителей просторечия. Это проявляется в употреблении элементов книжных, единиц и клишированных конструкций официально-делового стиля, что не приводит однако к формированию некоего нового "языкового единства", поскольку и в официальных ситуациях в речи носителей просторечия отчетливо проступает просторечная основа. (Это обстоятельство дает

[8] Эта черта может быть свойственна отдельным носителям литературного языка, речь которых отмечена сильным влиянием книжности. Ср.: "При оценке говорящего по его речи мы исходим не из одних лишь критериев литературности или нелитературности тех или иных способов выражения. Помимо таких качеств речи, как точность, образность, богатство и т.п., нами оценивается ее соответствие ситуации. Разумеется, эта оценка проводится самими говорящими чаще всего почти бессознательно, но адекватность средств выражения условиям общения всегда так или иначе обращает на себя внимание. Соответствие или несоответствие "речевого поведения" индивидуума ситуации иногда не менее существенный критерий его оценки, чем его же способность "правильно" выражать свои мысли" (*Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 19).

[9] Обратная ситуация, когда носитель литературного языка, являясь в прошлом носителем диалекта или просторечия, при разговоре с близкими переходит на диалект (просторечие), отмечается как возможная (см.: *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 24—25). Наиболее же типично использование литературно говорящими при непринужденном общении элементов просторечия в качестве средства экспрессии. См.: Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983 (раздел Языковая игра).

основания при дальнейшем рассмотрении просторечных фактов опираться на материал как "официального", так и непринужденного бытового просторечия. Такие компоненты коммуникативного акта, как непринужденность, неподготовленность, непосредственность участия партнеров в акте коммуникации, являющиеся необходимой предпосылкой реализации литературной РР, обозначают зону преимущественного функционирования просторечия, его центр[10]. Эти признаки, не очерчивая границ функционирования просторечия, тем не менее определяют его основные языковые особенности[11], что объясняет известное сходство в организации просторечия и РР. Однако общие для РР и просторечия тенденции оказываются в просторечии как бы более продвинутыми, затрагивают более широкий круг явлений, преодолевая порог нормативности. Одна из причин этого — наложение на действие тенденций, связанных с условиями функционирования РР и просторечия, некоторых характерных для носителей просторечия социопсихолингвистических особенностей.

К СТРУКТУРЕ ПРОСТОРЕЧНОГО КОММУНИКАТИВНОГО АКТА (НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРЕСУППОЗИЦИЙ НОСИТЕЛЕЙ ПРОСТОРЕЧИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЯ ГОВОРЯЩИЙ—СЛУШАЮЩИЙ)

Просторечное языковое общение имеет ряд отличительных черт, связанных с особенностями говорящего субъекта[12]. Носители просторечия, как правило, люди недостаточно образованные. Объем и характер информации пресуппозитивного характера[13] нередко бывает различен у просторечно говорящих и носителей литературного языка[14]. Естественно предположить, что у носителей литературного языка

---

[10] По нашим предварительным наблюдениям, письменная форма языка, с которой связана нейтрализация признаков неподготовленность и непосредственность, также не является преградой для реализации просторечия. Письменная форма реализации просторечия (прежде всего письма, объявления) в настоящей работе не рассматриваются.

[11] Нужно заметить, что просторечные черты могут быть выражены в речи с разной степенью полноты, т.е. "коэффициент просторечности" индивидуально варьируется. Ср.: "Если можно говорить о разновидности языка, то конкретные тексты или высказывания, по-видимому должны рассматриваться как их (частичная) реализация, а не первооснова" (*Шмелев Д.Н.* Указ. соч. С. 5).

[12] В данном разделе языковые последствия некоторых экстралингвистических особенностей носителей просторечия рассматриваются в основном на лексическом материале. Но их воздействие, как представляется, существенно и для характеристики других компонентов просторечного текста.

[13] Мы отвлекаемся здесь от многозначности термина "пресуппозиция". Под пресуппозицией в данной работе понимается фон энциклопедических знаний о мире и сведения о лексических значениях слов, известные всем носителям данного языка.

[14] При исследовании РР вопрос о влиянии пресуппозиции на строение РР рассматривался лишь частично. Сведения пресуппозитивного характера учитывались при описании семантических процессов в словообразовании (*Земская Е.А. Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Указ. соч. С. 162—173) и лексике (Русская разговорная речь. М., 1983. Гл. III), а также в синтаксисе при анализе конситуативных и полипредикативных высказываний (Русская разговорная речь. М., 1981. Ч. III).

владение пресуппозитивными знаниями может быть градуированным, но не противоречащим некоторому общему фонду знаний[15]. Пресуппозитивные сведения носителей просторечия могут не соответствовать или вступать в противоречие с пресуппозицией, свойственной носителям литературного языка. С этим связано некоторое своеобразие отражаемой в просторечии "наивной" картины миры, которое проявляется в языковых фактах и может служить одной из содержательных характеристик просторечного текста[16].

На характере знаний носителей просторечия, связанных с определенным социальным опытом, может сказываться "фольклорный" путь усвоения тех или иных сведений, сопровождаемый смещением реальных причинно-следственных связей. Имеет место и наивно-прямолинейное восприятие информации, передаваемой средствами массовой коммуникации, с последующим необоснованным обобщением фактов. Для речи носителей просторечия типичны факты, отражающие определенные трудности при овладении некоторыми сведениями (например, сведениями о структуре и функциях государственных и общественных органов): (на приеме у судьи при разборе дела о квартирной ссоре) А: (пострадавшая ответчику) Это ты здесь будешь врать/ а мы все равно/ в газету "Правда"/ все равно опубликуем/ сделаем все что надо// Судья: При чем тут газета "Правда" интересно? У "Правды" другие дела есть//; Судья: Ну/ такие дела товарищеский суд рассматривает// А: Товарищеский суд приходил// Судья: Товарищеский суд не приходит/ а-а в товарищеский суд идут//

Укажем на языковые последствия невладения сведениями подобного рода.

Неточность словоупотребления с возможным смещением референтной соотнесенности имени: (о доме, подлежащем сносу) Ходили в Госплан/ не будут ли ломать//

Нарушение узуально-языковых закономерностей в построении номинативных единиц (говорящий заменяет официальные обозначения должностей, профессий. В качестве опорного компонента при этом обычно выступают общеупотребительные слова с более широким значением): Он в *университете* работает *учителем по русскому языку*//; Мы пошли к *старшему бухгалтеру сберкасс* Москвы//;

В последнем случае в соответствии с применяемым нами термином "пресуппозиция" использовалось понятие общей (в противоположность частной) апперцепционной базы.

[15] Ср. понятие "осведомленность в теме", перекрещивающееся, но не вполне совпадающее с содержанием термина "прессупозиция" (Русская разговорная речь. М., 1981. С. 17). Профессиональная компетентность говорящего в той или иной области может отражаться на точности словоупотребления, склонности к использованию терминов и т.п.

[16] Ср.: "Проблема своеобразного статуса пресуппозитивной информации — проблема, которая решается в границах предложения, но влияние пресуппозитивного содержания на характер текста очевидно, знание содержания пресуппозиции является определяющим фактором характеристики говорящего, а следовательно, определяющим фактором характеристики рассказчика, героя и предполагаемого читателя" (*Майенова Мария Р.* Теория текста и традиционные проблемы поэтики// Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. М., 1978. Вып. 8. С. 427).

Он счас на пенсии/ а раньше работал *начальником адмиралтейства*// Можно заметить, что носителям литературного языка свойственно бóльшее чувство ответственности за правильность употребления подобных номинаций. В случае же неуверенности в своих знаниях обычно используются средства со значением предположительной достоверности (*я точно не знаю, как это называется, кажется..., ну вроде как...*).

Уровень и специфику пресуппозитивных знаний носителей просторечия следует учитывать при рассмотрении некоторых лексических особенностей просторечного текста. Имеются в виду яркие приметы просторечного словоупотребления, связанные с функционированием заимствованной и книжной лексики[17].

В речи носителей просторечия отмечаются факты ошибочного употребления лексических единиц, обусловленные смещением семантически различных, но фонетически близких слов (паронимов): (из рассказа о войне) А детские отделения (в бомбоубежищах)/ было в военном доме/ под аптекой// Там была большая насыпь/ там детей клали/чтобы шуму не было//И когда вот это было сильное *потрясение* (='сотрясение')/ так как все дети с этих палатев/ все поскакали// Вот какое было *совпадение* (='попадание')//; Я вот счас и питаюсь за ваш счет/ и все у меня *экономики* не получается//; ср. случаи курьезного характера: У них домик с *масандрой* (='мансардой'); Я вращалась в высоких *дистанциях* (='инстанциях')//

Для просторечия характерно семантически смещенное употребление заимствованной и книжной лексики: Сережка только счас *акклиматизировался* (='прийти в норму') после ангины //; Сколько нервов/ сколько *генов* потратили зря//; И стоит ваза/ аб-солютный *прототип* (='копия') той которую тебе Офик из Еревана подарила//; И совершенно *помпой* (='бомбой') было ее поведение; На мне и дети и готовка// А Толя совсем от семьи *отрекся* (='не помогает в домашнем хозяйстве'; ср. *отступился, отошел*)//

Склонность к речевым смещениям, к нивелировке семантических различий, разного вида эрзац-обозначениям не раз отмечалась исследователями как характерное свойство литературной РР[18]. Однако природа приведенных явлений и разного вида семантических смещений в РР различна. В РР нейтрализация некоторых семантических различий, семантические подмены порождены спонтанностью и ситуативностью речевого акта. Они возможны на фоне активного владения нормой, осознаваемой говорящим "небуквальности" значения слова[19]. У носителей просторечия сознание условности семан-

---

[17] Подробно фонетические и семантические процессы, сопровождающие освоение заимствованной лексики в просторечии, охарактеризованы: *Журавлев А.Ф.* Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика)// Городское просторечие: Проблемы изучения.

[18] См.: Русская разговорная речь. 1973 (гл. Номинация); Русская разговорная речь. 1983. С. 153—154.

[19] Это подтверждают и приемы языковой игры, основанные на разного вида непрямой номинации. См.: С. 196—206.

тически смещенных употреблений отсутствует. В них отражается приблизительность знания лексического значения слова, что проявляется в возможности снятия существенных, а не периферийных, как в РР, компонентов значения (можно заметить, что подобного рода факты встречаются в речи и молодых носителей просторечия, овладевших в известной мере нормами литературного языка, сохраняющих просторечные черты в основном в сфере словоупотребления). Ср. фрагмент текста, когда в ходе диалога просторечно говорящий вынужден эксплицировать знание лишь самого приблизительного семантического контура слова: (А. — рабочая столовой. Во время войны была в армии в одной из интендантских частей. Из рассказа о войне. Показательна для просторечия манера наивно-обобщенного представления событий с элементами саморекламы) А: Куда я ни приеду/ куда я ни приеду/ мене везде уважали// Б: Угу// А: В Латвию приеду/ уважали/ Б: Угу// А: Приеду в Литву/ уважали// Только и звали меня/ Софья-Софья-Софья // Б: Почему же Софья? А: А-а так там как-то *по латыни*/ Б: По латыни/ да? А: Да/ у них как-то принято/ я уж не знаю// (латынь='иностранный язык').

Размытость представления о лексических значениях слов из далеких для носителей просторечия семантических сфер создает почву для употребления книжных слов в значениях, существенно отстоящих от значения этих слов в КЛЯ: Он ждал когда она *осенит* его (='увлечь, соблазнить')// Очень она ему понравилась//; Это *льстит ее* (= 'возвышает в собственных глазах')//; Она *благотворила* меня в этом домотдыхе (= 'боготворила+ублажать')//

Неосвоенность книжных лексических средств находит проявление в фактах их ситуативно не оправданного употребления, а также в отклонениях от сочетаемостных характеристик: (продавец покупателям в овощном магазине) Я закрываю// И так весь обед вам *посвятила*//; Она счас в больнице// Надо чтоб *общественность* к ней *съездила*//; (из телевизионного интервью) Мы бассейн/ стадион построили// Надо чтоб *современность была здоровая*//; И пришлось мне *проповедовать свою профессию*//

Книжные элементы в речи носителей просторечия могут оставлять ощущение чужеродности и в тех случаях, когда их употребление ситуативно и тематически оправдано. Они не подвергаются процессу стилистической нейтрализации или экспрессивизации[20], подобно тому, как это происходит в речи носителей литературного языка. Объясняется это тем, что условием нейтрализации функционально отмеченных слов является не только соответствие их теме сообщения, но и сопутствующая этому интеллектуализация содержания сообщения[21]. Объект речи у носителей просторечия — это

---

[20] См.: *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.

[21] "Элементы содержания, связанные с какой-то областью умственной деятельности человека (значит, не обязательно с областью профессиональной деятельности говорящего) закономерно повышают в стилистической организации высказывания удельный вес книжности в языковом выражении. Однако введение книжных средств

преимущественно личный опыт говорящего. Переход от конкретности к обобщению, связанный с интеллектуализацией содержания, может представлять определенные трудности для просторечно говорящих. Это приводит нередко к необоснованному обобщению фактов и обусловливает такой характер рассуждений, который может отражать не всегда умелое воспроизведение достаточно тривиальных представлений и мнений. Ср. отрывок из диалога двух пожилых женщин о загрязненности воздуха в городе и о влиянии этого на здоровье жителей: А: Молодежь с детства такой он у них/ и во... и воздухом/ и всё у них// Счас всё кругом/ атмосфера такая тяжелая// Б: Ну счас всё ж они-и/ так сказать и сыти/ и всю... всю жизнь лучше// А все-тки молодежь мелкая// А: А потому что воздуха... все газ//

Описание специфических качеств просторечного текста не может, по-видимому, не учитывать экстралингвистических особенностей носителей просторечия, связанных с своеобразной реализацией соотношения говорящий-слушающий. В непосредственной спонтанной коммуникации это соотношение носит, как известно, динамичный характер, т.е. предполагает варьирование активности партнеров коммуникации в зависимости от ситуативно-жанровых особенностей общения и индивидуально-психологических свойств говорящих (речевой темперамент, коммуникативный опыт и т.д.)[22]. Однако такое варьирование, соотносимое с большей ориентированностью то на субъект, то на адресат речи, допустимо в пределах, гарантирующих взаимопонимание партнеров. Говорящие, владеющие нормами литературного языка, контролируют наличие "обратной связи", им свойственно то, что называют "умением моделировать в себе слушателя"[23]. Коммуникативное поведение носителей просторечия не всегда соответствует условиям, обеспечивающим успешность акта коммуникации. В просторечии говорящий нередко строит текст с позиции неосознанного приоритета, объем необходимой для собеседника информации не всегда контролируется. Стремление говорящего к упрощению своего речевого поведения при недостаточно хорошо развитых рефлектирующих способностях приводит к наступлению на права адресата. Так, носителям просторечия свойственно завышение объема общей с собеседником апперцепционной базы, что приводит к коммуникативной неудаче и влечет запрос со стороны адресата необходимой информации, например: (разговор на пункте вторсырья о книжных абонементах. А. — приемщица) Б: А Лажечников есть? А: А контора что? Б: (с недоумением) А что? А: Так не привозили еще//. Интонация в таких случаях часто "выдает" говорящего, который считает подобные сведения извест-

---

в таких случаях — не простое влияние "темы": оно, как правило, связано с интеллектуализацией самого содержания" (*Кожевникова К.В.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha, 1970. S. 47).

[22] *Арутюнова Н.Д.* Указ. соч.

[23] *Ширяев Е.Н.* Структура разговорного повествования// Русский язык: Текст как целое и компоненты текста (Виноградовские чтения). М., 1982. Т. 11. С. 109—110.

ными собеседнику, отсюда удивление, вызываемое непонятливостью партнера.

Неосознаваемая вера в "телепатические способности" собеседника[24] — одна из характерных психолингвистических особенностей носителей просторечия — нередко является причиной нарушения взаимопонимания: (на приеме у судьи) Судья: Надо в товарищеский суд наверно передать материал такой// А: А чего ж меня долго держали? Ведь меня/ сами они послали сюда/ к вам// Судья: Кто? А: Полтора месяца продержали почти// Судья: Кто продержал? А: Милиция-то// Девятое отделение//

Итак, можно сказать, что экстралингвистические особенности носителей просторечия имеют определенную лингвистическую значимость. Они помогают выявить причины тех или иных отклонений от норм литературного языка. Типичные экстралингвистические черты просторечно говорящих (характер прагматических пресуппозиций, специфика коммуникативного поведения) дают "выход в текст", вызывая разнообразные нарушения в его структурной и семантической организации[25].

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ УСТНОГО ПРОСТОРЕЧНОГО ТЕКСТА

Отклонения от общелитературных норм в построении устного просторечного текста приводят к нарушению основных требований, предъявляемых к тексту — семантической связности и правильности. В дальнейшем изложении мы попытаемся соотнести рассматриваемые явления с некоторыми общими тенденциями, свойственными непринужденному спонтанному устному общению. При этом важно выявить в просторечном тексте специфические черты, связанные как с построением плана содержания, так и выбором соответствующего ему плана выражения.

Тенденция к имплицитности

Одним из факторов, определяющих своеобразие строения текста при непринужденном личном общении, является тенденция к имплицитности. Это свойство не раз привлекало к себе внимание исследователей литературной РР. Возможность оставить вербально не выраженными отдельные элементы содержания обусловлена спецификой функционирования РР (использованием нескольких

---

[24] Аналогичное явление можно наблюдать и в детской речи.

[25] Возникает вопрос: как отграничить подобного рода факты, характерные для просторечия, от тех ошибок и отдельных неправильностей, которые могут иметь место в речи лиц — носителей литературного языка? Как представляется, можно использовать такой критерий. Если в речи человека присутствуют бесспорные, "сильные" сигналы просторечия (грамматические, лексические, фонетические), то и отклонения от норм в области структурной и семантической организации текста (если они не являются индивидуально-речевыми ошибками, а встречаются в речи ряда информантов) могут рассматриваться как факты, характерные для нелитературной сферы функционирования языка, подводимой под понятие "просторечие".

каналов связи, опорой на ситуацию и общую апперцепционную базу собеседников). Это определяет особый характер связности текста в РР, основанный на учете всех компонентов коммуникативного акта[26].

Тенденция к имплицитности отчетливо прослеживается и в устном просторечном тексте. Отмечаются разные виды имплицитности — контекстная, ситуативная, апперцепционная. Сигналом вербально не выраженного смысла служат обычно нереализованные синтаксические связи[27].

(Разговор в учебной части ПТУ) А: (зав. учебной частью) Юлия Андреевна/ вы все-таки объясните/ как вы с де... с учащимися поступаете относительно вот праздников// Б: (мастер-преподаватель) Праздников/ расскажу// Часть у меня уедет/ часть// Мало// Остальные здесь// Что у нас намечено? Пятого торжественное/ А : А почему не все уезжают? Б: А-а некоторые далёко/ а некоторым нравится у нас// Мы не поедем// У нас счас хорошо очень воспитательная работа поставлена/ и они очень заинтересованы//

Интерпретация имплицитного содержания в данном фрагменте достаточно прозрачна. Она основывается на контекстных связях (например: Часть у меня уедет = 'часть моих учащихся уедет'; Остальные здесь = 'остальные останутся здесь'); смысловых связях между компонентами текста (А почему не все уезжают? — А некоторые далёко/ = 'а некоторые живут далеко'; а некоторым нравится у нас// Мы не поедем// = 'а некоторым нравится у нас они говорят мы домой не поедем'); на сведениях прагматического характера (пятого торжественное= 'пятого ноября торжественное собрание'). Слово *заинтересованы* употреблено абсолютивно без отсылки к какому-либо конкретному слову в предыдущем контексте (объектный распространитель *заинтересованы в чем?* или *чем?* отсутствует). Вторая часть высказывания *и они очень заинтересованы* входит в состав полипредикативного высказывания с причинно-следственными отношениями. Содержание ее (которое, вероятно, было бы более удачно выразить конструкцией *и им интересно*) проясняет первая часть высказывания *У нас счас хорошо очень воспитательная работа поставлена.*

Возможность эллиптизации в плане выражения тех или иных звеньев обусловливается логическими и конситуативными связями

---

[26] "... единство ряда высказываний, которые можно характеризовать как текст, в РР создается такой тесной взаимосвязанностью всех высказываний (собственно текстовые связи), внеязыковых компонентов (конситуация, в том числе частноапперцепционная база) и неязыковых каналов связей (прежде всего визуального канала), что высказывание как стержневой компонент текста невозможно абстрагировать от текста в целом" (*Ширяев Е.Н.* Указ. соч. С. 109—110).

[27] Известно что имплицитность может быть и не сигнализирована в плане выражения: "Нередки также случаи, когда сообщение не содержит ровно ничего, что могло бы подсказать окказиональное раздвижение рамок значения примененных лексических средств. Например, в реплике *Ну, я пошел* для говорящего и для адресата может заключаться и значение цели, направления, действия" (*Кожевникова К.В.* Указ. соч. С. 24—25).

внеязыковых явлений. (На приеме у судьи) Потом я вижу что дело плохо/ оделась/ пошла грю/ Зоя Якольна/ домоуправу грю/ что он (сосед) стирать мне не дает//. В описании последовательности действий *оделась пошла грю* опущен естественно подразумеваемый момент 'пришла к домоуправу'. (Из рассказа о жизни ткачих "Трехгорки") А: На всех одна (кухарка) готовила// Б: Ну ведь она чего готовит// Вот постановит/ да выйдет// А уж приготовлю я сама// В кастрюле ей приготовлю/ вот она видит что кастрюля/ поставить/ сварится/ выйдеть// Чтоб не сгорела//. Смысловые связи последнего высказывания *Чтоб не сгорела* определяются всем содержанием предыдущего фрагмента, в котором описательно выражено отрицание 'кухарка не готовила она только следила за тем как готовится пища'. (Из разговора с мастером ПТУ) Это я делюсь/ потому что я пришла тоже сюда/ и мне много помогала Валентина Семеновна/ вот я чего отдаю должное// Полнота плана выражения имеет в данном случае обманчивый характер, поскольку конситуация подсказывает эллиптированный смысл 'я пришла тоже сюда неопытной'.

Как показывают наблюдения, просторечный текст, по сравнению с литературным разговорным текстом, отличает бóльший объем имплицитного содержания. Неполнота плана выражения в РР не означает каких-либо пропусков в плане содержания, хотя при этом могут иметь место фрагменты с разной степенью смысловой определенности и четкости[28]. Известно, что языком выработаны специальные средства, позволяющие говорящему и слушающему оперировать недостаточно дифференцированными смысловыми комплексами. Это естественные закономерности спонтанного общения, не влияющие на автоматизм речевого восприятия и не нарушающие связности текста. Просторечно говорящие нередко так строят план выражения, что идентификация имплицитного содержания значительно затруднена, приблизительна, а иногда и невозможна. Следствие этого — снижение степени связности текста. Сложение вербально выраженных семантических компонентов может давать сумму, не достаточную для восприятия текста как связного. Прибавление необходимых слагаемых из большого контекстного объема, актуализация недостающих компонентов пресуппозитивного характера перекладывается на слушающего (в том случае, если адресат заинтересован в достижении взаимопонимания).

(Из рассказа о Ленинграде). Для восстановления связности текста, содержащего высказывания с отсутствующей или "смазанно выраженной" рематической частью[29], от слушателя требуется активная переработка содержания текста в целом: А: И счас/ считайте/ этот Ленинград/ Ленинград// *Он же*/ а счас сколько соединили//

---

[28] Там же. С. 28.

[29] Ср.: "Рема как коммуникативный центр высказывания должна быть выражена в предложении. Предложение без ремы невозможно" (*Ковтунова И.И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.; Просвещение, 1976. С. 47).

Б: Пригороды/ да?· А: Пригороды// Считайте/ Колпино соединили с Ленинградом// Б: Уже Ленинград// А: Да// Считайте э-э как вам сказать еще/ *другие тоже места-а/ вот Пушкин/ Детское Село/ как раньше было*// Тоже соединёно с Ленинградом// *Павловск так не считалось оно/* тоже теперь относится// И все это э-э относится к Ленинграду//

Просторечный текст нередко представляет собой как бы "вещь в себе", которую адресат путем определенных мыслительных усилий должен превратить в "вещь для себя". (Из рассказа ткачихи "Трехгорки") Б: Счас вот только/ стали хорошо делать/ к... мне не пришлось/ а... одним квартиры дают// На что́ хорошо! И вон есть комнатные квартирки/ две/ три комнаты// Я одна// А то конечно/ я сделала/ вот пол вымыла у себя/ а ты прошла// Ну что ж ты прошла-то// Ноги-то не обтерла//. Текст предполагает приблизительно такую интерпретацию: Счас вот только стали хорошо делать. Мне, правда, не пришлось так пожить. А другим... отдельные квартиры дают. Очень хорошо. Есть однокомнатные, двухкомнатные, трехкомнатные квартиры. И вот живешь одна (в отдельной квартире). А то конечно, (восстановление редуцированной интродуктивной части) если живешь в коммунальной квартире, бывает и так. Сделаешь что-нибудь, вот пол, например, вымоешь, (далее обращение к обобщенному гипотетическому адресату) а ты прошла. Ну что ж ты прошла-то. Ноги-то не обтерла.

На степень связности текста может повлиять напряжение, которое возникает в речи лиц, недостаточно овладевших литературным языком, при попытке выразить определенное содержание и оформить его в соответствии с требованиями определенного стиля КЛЯ: (на приеме у судьи. Истец излагает суть конфликта, уловить которую слушателю достаточно сложно из-за неясности смысловых отношений между частями высказывания и самими высказываниями, а также из-за неоднозначности референтной отнесенности местоимений). Судья: Ну/ мирно никак не решим? Б: Нет// Во-первых он меня морально и физически так сказать// Во-первых я еще хочу вам подтвердить// Значит я-я/ приглашаю в свидетели/ так как он заявлял в завкоме/когда он обратился/ в отношении поехать куда-то отдыхать/ за путевкой/ председатель заводского комитета/ заместитель/ Судья: (перебивает) Как свидетель чего/ каких обстоятельств? Б: Что он сказал/ стали разбирать/ вы гыт лишаетесь за хулиганский поступок/ никакой путевки мы вам не дадим // Он стал ей говорить/ якобы я его значит эмульсией там брызнул/ и я гыт в это время ударил // Это раз // Это председатель/ председатель заводского комитета Шелепина// Она грит запишите мой адрес/ и я грит приеду все это скажу//

По-видимому, в имплицитности нужно видеть причину порождения характерных для просторечия высказываний, в которых тема и рема строятся как бы автономно, синтаксически независимо и соединяются при помощи глагола-связки: А самое что тяжелое было/ это для матерей и отцов// (='самым тяжелым было положение

матерей и отцов'). О возможности автономного кодирования темы и ремы говорят и другие примеры: Если ты не помнишь/ то я-то знаю// Ты же кажный день глаза не просыпаются// (='выпивши').

Отличия просторечного текста от литературного, как представляется, касаются не только объема, но и характера имплицитного содержания. В просторечии шире, чем в РР, представлена имплицитность, обусловленная нечеткостью, диффузностью, недостаточной содержательной обработкой подаваемой информации. В РР имплицитность этого рода соотносится прежде всего с теми компонентами текста, которые признаются говорящими информативно второстепенными, не нуждающимися в детализации или однозначно предсказываются ситуацией. В просторечии такой вид имплицитности отмечается на информативно важных участках текста: (из рассказа старой ткачихи "Трехгорки") А это сейчас вон видишь всё// Да всё перемени... Да и теперь бы старый человек взоше.. это/ вот хоть какой до войны/ да посмотрел/ что творится (='если бы в наше время перенесся человек который бы знал только довоенную жизнь') Нет видишь/ едет на тележке// (отрицание сигнализирует имплицитный смысл 'раньше было не так как сейчас'. 'А счас посмотришь ребенка в колясочке везут') На тележке// А тады ребенок два года/ а ты его прешь//

Недостаточная обработка содержания может быть связана с нечеткостью логических связей между отдельными его компонентами. В РР неупорядоченность содержания, одной из причин которой является необходимость синхронизировать процесс мышления и вербализации[30], допустима в пределах, позволяющих обеспечить взаимопонимание партнеров. В просторечии говорящий не всегда способен проконтролировать соблюдение таких границ. В ряде случаев носитель просторечия строит текст по принципу ассоциативного нанизывания частей высказывания без вербально выраженных показателей логических отношений. В результате возникают усложненные высказывания с большим числом предикативных конструкций, уяснить наличие смысловых отношений между которыми и определить их характер слушающему достаточно затруднительно (именно поэтому такие высказывания не характерны для литературной РР, а если и встречаются, то, как и в КЛЯ, обычно бывают союзными[31]). (На приеме у судьи) Судья: Ну/ а если Баченков так сказать принесет извинения по поводу случившегося/ даст обещание вести нормально/ как Баченков? А: (пострадавшая) Товарищ судья/ мне от него теперь не полегчает/ я целую неделю с головой ходила/ и счас мне еще/ вдарит во весь рост об порог/ его бы туда что мне/ да ванная сверху с мылом на меня/ мне хорошѐе-то/ вся рука была черная/ от этого ничего нет/ что мне извинится/ а еще/ придет пьяный/ потом он неисправимый человек//

Полипредикативное высказывание выражает отказ от предлага-

[30] *Кожевникова К.В.* Указ. соч. С. 27.

[31] См.: Русская разговорная речь. 1981 (гл. Синтаксис).

емой судьей возможности уладить конфликт мирным путем. Нежелательность события мотивируется путем обращения к предшествующей ситуации и выражения модального отношения к ответчику. На примере этого фрагмента видно, что степень связности текста зависит от характерной черты непринужденной спонтанной речи — линейности построения и нелинейного характера формирования содержания. Между частями высказывания можно выявить следующие смысловые связи.

Части высказывания, связанные с выражением скрытого отрицания предлагаемого действия: Товарищ судья/ мне от него (извинения) теперь не полегчает/... мне хорошее-то/... от этого ничего нет/ что мне извинится...

Предикативные конструкции, входящие в причинную часть высказывания (с элиминированным причинным союзом), объединяются следующим образом. Части высказывания, в которых сообщается о событиях, имевших место в прошлом. Эти события делают невозможным, по мнению говорящего, предлагаемое действие. "Первопричина" (при описании наблюдается сдвиг во временной перспективе, связанный с психологическим возвращением в прошлое): ...вдарит во весь рост об порог/... да ванная сверху с мылом на меня/. Следствие из "первопричины":... я целую неделю с головой ходила/ и счас мне еще/... вся рука была черная/. Причина отказа, обращенная в будущее (...а еще/ придет пьяный/) и к вневременной характеристике (...потом он неисправимый человек//).

В середине высказывания имеется модальная вставка (...его бы туда что мне/). Разнообразие смысловых связей между предикативными конструкциями, осложненное их дистантным расположением и отсутствием информативно необходимых союзов, отрицательно сказывается на связности текста.

В просторечном тексте отмечается своеобразный способ оформления недостаточно четкого содержания — "неопределенные" (ср. род.) предикативные формы: А: Вот теперь интересно у нас порт будет// В: Что будет? А: Порт// Порт вот там у нас в этом Кораблестроительном/ *будет расстроено*/ и сейчас строят//; (из рассказа о Ленинграде) А: Сейчас у нас лучше// Улучшилось// Почему? Везде все даже двухкомнатные/ и трехкомнатные/ и четырехкомнатные квартиры// Б: Угу// А: И отопление// А раньше на плитках // В: На плитках? А: Да// А то карасинки// Карасинки// *Больше на карасинках было*//; (из публичного выступления. Рассказ ткачихи комбината "Красная Роза" об истории его создания): Работал значит он (хозяин) здесь э-э была фабрика сначала/ жизнь свою он начал на Шаболовке// В маленьком деревянном доме// Маленький был корпус/ ручные ткацкие станки/ все было почти ручное// После этого/ он начал теперь вот здесь/ а вот *было* значит очевидно какая-то площадь свободная/ или *как это было*/ выстроил первые корпуса ткацкие// Первых два корпуса//; (из беседы в ПТУ) Валентина Семеновна мне много помогла/ по журналам/ все// Сперва-то я неудачи терпела// Всю жизнь *производственное*/ и вдруг перейти в такую сферу//

В непринужденном личном общении говорящие, как известно, широко используют возможность исключать из плана выражения обозначения лиц и тех или иных фрагментов действительности в том случае, если собеседник, по мнению говорящего, в состоянии идентифицировать объект речи[32]. В просторечии этот вид имплицитности тоже широко представлен, при этом говорящий не всегда контролирует достаточность эксплицитных средств, позволяющих адресату однозначно определить его референциальные намерения. В связи с этим остановимся на некоторых характерных для просторечия явлениях, связанных с вопросами текстовых повторов, в частности употребления местоимений.

Условия функционирования высказываний с местоимениями в анафорической функции предполагают линейную первичность исходного имени и необходимость лексических повторов, подтверждений референтной соотнесенности, обеспечивающих правильность восприятия текста. В просторечии нередко отмечается ввод в поле зрения адресата нового объекта с помощью местоимения, употребленного без антецедента. Для установления его референтной отнесенности адресату необходимо активное использование апперцептивных знаний: (о Ленинграде) Вот счас возьмите/ у Финляндского вокзала// Все э-э спрашивают туда попасть в этот... Музей// И все идут туда и смотрят // А раньше там *он* не стоял// (имеется в виду не музей, а памятник).

Аналогичное явление наблюдается в высказываниях с незамещенными синтаксическими позициями. Имплицитный объект идентифицируется адресатом на основании представлений о связности текста: (о жизни ткачей "Трехгорки" до революции) Жили в казармах// Вот// Восьмиметровые комнаты/ вот// Перегородка была// Все слышно// Друг от друга все слышно// *Отоплялся* паровым таким отоплением//

Употребление определительных и указательных местоимений в идентифицирующем значении может отражать недостаточное владение номинативными (лексическими) средствами. Интерпретация их контекстного значения осуществляется на основе контекстных семантических связей: И вообще было/ я вам скажу/ совсем было народу мало// Как сейчас// Счас очень много народу// Приезжих// И все в Ленинград// А-а так/ *других* считайте/ мало осталось/ нынче// (других = 'коренных жителей'). Ср. также следующий фрагмент, где говорящий сам уточняет референтную отнесенность местоимений. В том же случае, когда он этого не делает, адресат без знания конкретной денотативной ситуации не в состоянии установить ее: (из рассказа о жизни в период гражданской войны) За хлебом ездили// Отымали// (для снятия двусмысленности необходима была бы вербализация скрытого смысла — 'бывало и так что хлеб у нас отнимали') Я восемьдесят верст ехала *на этом/ на буферах*// Вот так вот/ муж с женой/ и я к ним прилепилася// И вот/ он нас постановил двоих//

[32] См., например, описание конситуативных высказываний в РР. Там же.

Так вот *на эти/ дощечки* положил/ а сам *на этой* (?)// И говорит/ как только где толчок/ а вы хватайтесь за меня//

При общении с просторечно говорящими слушающий в случае местоименных замен нередко может испытывать затруднения, связанные с установлением кореферентности, когда содержание текста допускает варьирование в выборе антецедента или когда антецедент (исходное имя) удален на значительное расстояние в предтексте, т.е. когда автоматизм восприятия требует подтверждающего лексического повтора. Адресату, чтобы не потерять нить разговора, подчас приходится держать в памяти достаточно большие фрагменты текста и делать для себя необходимые уточнения.

(Из рассказа о собаке Джемме и коте Антоше. Затрудненность в выявлении цепочки кореферентных местоименных замен осложняется непоследовательностью в выражении категории рода одного из субъектов — Джемма — собака — она — пес — он) А: ... а маленьких/ хоть вот маленький налетает и все/ *он* (*собака*) не трогает маленьких животных// Даже тут *один* пытался и куснуть/ *маленький такой/ собачка/ его* не трогал// Кот ведь *его*/ царапина *у него* на носу есть// И все-таки вот когтями *его* бьет/ а ведь *не куснул*// Ну милый мой/ это просто тебе повезло/ а то бы хвостика не было за такую проделку// Кот идет к миске/ *у него* пробу снимает/ и *собака* переживает/ переживает/ и Б: Ну да// А: переживает/ и *весь* так крутится/ ведь это самое/ но не трогает//; (ср. также на приеме у судьи) *Домоуправ ушла*// *Он* (сосед) не открыл/ *она* и *ушла*// *Он* (домоуправ) говорит/ а может быть *он* (сосед) ушел? А *он* (сосед) уже следом вышел/ начал драки//. Запутанности местоименных замен способствует варьирование согласования — грамматического и по смыслу — слова *домоуправ* (женщина).

Аналогичной корректировки плана выражения требуют высказывания с незамещенными позициями субъекта: Меня тетка взяла в няньки// Я у нее пожила там сколько-то/ а потом *определила* (тетка, она) работать//. В ряде случаев незамещенные субъектные позиции отражают допускаемые описываемой ситуацией колебания референциальных намерений говорящего, что проявляется в варьировании форм числа: (о работе ткачей до революции. Субъект мыслится то конкретно, то обобщенно) Иногда *у него* (хозяина) хорошо шло дело/ а иногда что там вот/ не знаю/ не пошло// Значит *решили* (хозяин, администрация) немного сократить// И *начинает* уже после паски не всех брать// Кого-то *берут*/ а кого-то *не берут*//

В просторечии наблюдаются отличия от литературного языка и в тех случаях, когда в качестве антецедента при анафорическом замещении выступают слова или целые выражения, обозначающие какой-либо коллектив людей. Антецедент в таком случае имеет родовой статус, а местоименная замена — генерализующее значение. Такого рода конструкции особенно характерны для публичного общения. Это явления нового просторечия. При этом отмечаются следующие случаи.

В соответствии с существительными, требующими форм согласования во мн. числе, выступают местоимения ед. числа — *он, она*. Выбор родовой формы может диктоваться родовой принадлежностью имени—антецедента или реальной внеязыковой ситуацией: (из телевизионных интервью) В руках наших *земледельцев* сосредоточены десятки тысяч лошадиных сил// *Он* теперь может собрать урожай быстро и без потерь//; (о полеводческих, преимущественно женских бригадах) *Ребята* до восемнадцати лет не знают физического труда// Приходит *она* в бригаду/ а ответственности еще нет// А мне кажется что *она* должна четко знать свои обязанности//

Кроме того, для просторечия типичны случаи употребления местоимения *он, она* в генерализующем значении без антецедента. Значение антецедента растворено в предыдущем контексте, представлено в реплике собеседника. Такие употребления рождают ощущение некоторой неполноты выражения, необходимости введения перед местоимением лексического повтора, перифразы, которая бы недвусмысленно показывала, что речь идет не о конкретном лице, а о достаточно обобщенной действительности. В этом, вероятно, можно видеть отражение неполного владения нормами литературного языка, связанными с передачей абстрактного содержания: (из телевизионных интервью) У нас как нигде есть возможность продолжать образование// *Он* два года поработает в колхозе/ а потом едут учиться в институт// А если *он* кончил восемь классов/ то может учиться и работать//; А: Кого бы вы приняли в бригаду? Б: *Он* должен быть всесторонне технически развитый//; (ср. также из рассказа старой ткачихи) А: Ну а не боялись в трамвае-то ездить/ как появились? Б: Сперва-то боялись// Как это так/ на транвае// А вот счас/ видишь счас *он* велсипет/ во какой малюсенький (ребенок)/ а *он* едет на велсипете//

Тенденция к имплицитности находит отражение в характерных для просторечия способах передачи воспроизводимой речи (собственной и чужой). Как показывают наблюдения, в просторечии воспроизводимая речь в подавляющем большинстве случаев передается в форме прямой речи. В этом проявляется типичное для носителей просторечия субъективно-конкретное представление описываемой ситуации: (из рассказа о войне и воздушных тревогах)... не дойдешь до дома/ опять/ воздушная тревога// Ну что ты будешь делать// А у нас был андрацит насыпан во дворе/ черный/ ничего не видать/ я племяннику/ вот счас/ большой/ *говорю/ ну/ Юра/ беги же все убежали а мы с тобой после всех/ не могу я бежать*// Он меня ведет/ а ту́т палят/ ту́т палят// Ну куда? В одно убежище/ дернемся/ заперто// В другое// *Ну пойдем в детское*// Покамесь дойдем/ *ой/ ты посмотри/ мне спину наверное он пробил*// (смеется) Он щупает/*нет бабушка/ нету—нету—нету*//

При этом для просторечия характерна элиминация вербальных показателей, вводящих воспроизводимую речь (*он грит..., я ему...* и др.). В таких случаях сигналами, различающими актуальную

и воспроизводимую речь, служат интонация и смысловые текстовые связи: (из рассказа ткачихи) Жили (две семьи) в одной комнате// Вот твои ли ребята идуть/ или мои к твоим/ я там вон/ у окна// Вот ребята идуть/ *ч-ч тетенька спит*// И ребята идуть слушаются//; (на приеме у судьи) Судья: Ну/ а из-за чего вы там ссоритесь-то? А: Не из-за чего не ссорились// Не знаю чего он пришел пьяный// *Стирать тебе не дам*// В женское дело влез//

Воспроизводимая речь достаточно часто выразительно проигрывается говорящим, причем даже в тех случаях, когда отражается речь гипотетического обобщенного субъекта, обращенная к воображаемому адресату: (о жизни ткачей до революции. В одной маленькой комнате жили две семьи) Один (гость) пришел/ посадил// А сама будешь стоять// А если двое пришли/ то/ *соседка/ уступи* (стул)/ *а я его посажу*//

Такие способы передачи воспроизводимой речи возможны и в публичных выступлениях носителей просторечия и отражают тенденцию к конкретности мышления и отражения действительности: ... подростки стали работать шесть часов// Так родители боялися/ вдруг их уволят// *Ну/ не уходи не уходи от станка*//

По предварительным наблюдениям, имитация чужой речи, нередко используемая в литературной РР для реализации широкой гаммы модальных намерений говорящего, в просторечии обычно служит лишь целям живого воспроизведения описываемой ситуации (или неодобрительного отношения к говорящему).

Нетрудно заметить, что способы передачи воспроизводимой речи, преимущественно используемые в просторечии, обусловлены непринужденностью и непосредственностью спонтанного общения. Они предполагают активность позиции адресата, его способность при отсутствии вербальных демаркационных сигналов на основании просодических показателей и смысловых текстовых отношений определить границы актуальной и воспроизводимой речи. Осложняет эту работу возможное просодически нейтральное произнесение чужой речи и неясность фигуры автора воспроизводимого текста.

Чужая речь интонационно не выделяется: (на приеме у судьи) Она взяла понятого / пришла / а он закрылся // Не открыл // В комнате // А когда она вышла/ *ах ты жаловаться*// (эллиптирован фрагмент 'он вышел из комнаты и говорит'); Ну вот они (работники домоуправления) приходили узнать/ в чем дело// Час с него выбивали/ *он не дрался/ не видел*// (опущенное звено 'говорит что он' или 'говорит я').

"Автор" восстанавливается на основании представлений о связности текста: (из рассказа о первых трамваях) А тады первый раз когда/ *ба-атюшки*/ а там у меня старуха тоже такая была старая/ тады/ *это антихрист на колесе-то на одном ездиит*// (эллиптированное звено 'старуха и говорит').

Тенденция к избыточной эксплицитности

В просторечии, как и в литературной РР, имплицитность сосуществует с возможностью эксплицитного представления элементов содержания. Однако подобно тому, как имплицитность в текстовых построениях сама по себе не является отклонением от норм литературного языка, так и эксплицитность, естественно, еще не гарантия литературности текста. Имплицитность, связанная с разными способами конденсации смысла, соотносится с упрощением плана выражения. Эксплицитность, напротив, предполагает возможность усложнения плана выражения. В просторечном высказывании сложение вербально выраженных смысловых компонентов может давать семантически избыточную сумму, не допустимую нормами литературного языка (как представляется, эта черта присуща в основном новому просторечию, связана с овладением КЛЯ и нередко отмечается в публичной речи носителей просторечия).

В высказывании как бы присутствует семантический остаток, для удаления которого обычно требуется элиминация одного из вербальных компонентов: У нас рядом вы уже представляете где/ рубили и пилили дрова/ для того чтобы *пустить фабрику работать*// (ср. *пустить фабрику*); Значит э-э вырабатывали в основном *ткань натурального шелка*// (ср. *натуральный шелк*); Мы здесь *производим изготовление* больших турбин // (ср. *производим* или *изготавливаем*); И так как были поставлены пневмонические станки/ они обеспечили очень хорошую/ быструю *выработку производства*// Два раза увеличилась *выработка производства*// (ср. *выработка* или *производство какой-либо продукции;* возможна замена на слово *производительность*).

В других случаях элиминация избыточного компонента предполагает некоторую перестройку конструкции: Не надо ей было уезжать// Она бы сейчас в *прекрасной жизни жила*// (ср. *она бы сейчас жила прекрасно*); Папа не понимал маму/ потому что он из другой среды/ и у них получилась *трагедия жизни*// (ср. *жизнь сложилась трагично.* Можно заметить, что контекст дает основания предполагать более оптимистический смысл — *жизнь сложилась сложно, не очень счастливо*).

Нужно заметить, что тенденция к избыточной эксплицитности в просторечии менее разнообразна по своему проявлению, чем тенденция к имплицитности. Она представлена в характерных для просторечия реализациях некоторых грамматических форм, в частности аналитических форм сравнительной степени и разных вариантов контаминированных форм суперлатива: *более приемлемей, гораздо более продуктивней, более лучше, более умнее; это наиболее лучший вариант, это наиболее высшая температура, наиболее лучше* и т.д. Это черта нового просторечия. По-видимому, подобные факты могут расцениваться как своего рода гиперкоррекция, возникающая при овладении нормами КЛЯ.

С этими явлениями соотносятся случаи отклонения от литературной нормы при сочетаемости разных частей речи с наречиями,

имеющими значение высокой степени признака: У меня *очень огромный* станок//, Эта форма *очень великолепно* сочетается с цветом//; Все было *очень прекрасно*//. Семантика слов типа *огромный, великолепно, прекрасно,* обозначающих высокую степень признака, накладывает запрет на сочетаемость с наречием *очень,* поскольку это приводит к семантической тавтологии.

Аналогичная картина наблюдается и при ошибочном выборе наречия степени: Он *великолепно правильно* понял свою задачу//; Чего я буду на суше-то делать? Мне на пароходе *замечательно нравится*//. Наречия *великолепно, замечательно* (= 'очень хорошо') содержат избыточный для данных высказываний компонент *хорошо,* поскольку он имплицитно присутствует в значениях определяемых слов *правильно, нравится.*

Тенденция к свободе построения конструкций

Предыдущие наблюдения содержали попытки найти некоторые общие, типичные для просторечия отклонения от норм правильного текста, связанные с особенностями построения плана содержания и формированием соответствующего ему плана выражения. Эти явления анализировались прежде всего с точки зрения достаточности средств выражения для интерпретации текста как связного, "осмысленного". Однако избранные средства выражения должны быть не только достаточными. Они должны отвечать нормам литературного языка, речевому узусу, обеспечивая грамматическую и смысловую правильность текста (тем самым опосредованно воздействуя и на связность текста). В речи носителей просторечия такие условия соблюдаются не всегда. Далее будут рассмотрены отдельные характерные для просторечия черты, связанные преимущественно с явлениями лексической и синтаксической сочетаемости. В связи с задачами данной статьи они представляют интерес в качестве своеобразной реализации некоторых более общих тенденций, свойственных непринужденному спонтанному языковому общению.

Для системы литературной РР характерно противоборство двух тенденций — тенденции к свободе построения единиц и конструкций, к понимаемому широко речетворчеству и тенденции к речевому автоматизму. Тенденция к свободному производству единиц в РР привлекла к себе более пристальное внимание в последних работах по РР[33]. Эта тенденция может реализовать общеязыковые тенденции к регулярности (если свободное производство единиц разных уровней представляет собой реализацию возможностей, заложенных в системе, и не порождено установкой на форму речи) и к экспрессивности (если свободное производство единиц имеет целенаправленный характер, обусловленный установкой на форму речи)[34].

---

[33] См.: Русская разговорная речь. 1981; 1983.

[34] Русская разговорная речь. 1981. С. 6—10; Русская разговорная речь. 1983 (гл. Языковая игра).

Как кажется, противоборство тенденций к речевому автоматизму и свободе построения единиц обнаруживается и в просторечии. В данной работе мы коснемся тенденции к свободе построения синтаксических конструкций в тех случаях, когда установка на форму речи отсутствует. Проявление тенденции к свободе построения конструкций в просторечии и литературной РР имеет несколько различный характер. Если в литературной РР эта тенденция, реализуя возможности системы и преодолевая некоторые ограничения, действует в рамках "осознанной необходимости" — норм литературного языка, то в просторечии она послушна воле говорящего, который в зависимости от коммуникативных задач и с целью облегчения речевого поведения подчас "преодолевает" не только отдельные ограничения, но и не известные ему узуальные закономерности и запреты, налагаемые системой литературного языка.

Как известно, в языке существуют разные способы передачи смысла, отражающего одну и ту же ситуацию. Просторечно говорящие, кодируя определенный смысл, нередко облекают его в форму, не соответствующую способу выражения этого смысла в литературном языке: Собачке дикая жизнь *понравилась лучше*/ чем в культурной обстановке//; Я *язык не могла разговаривать*// Брала переводчика//

Выбор плана выражения может отражать тенденцию к аналогическому выравниванию по семантически близким конструкциям: Она даже *намеку не подала*// (ср. *не подать виду*); Я *в случай попала*// (ср. *попасть в историю, в беду*. Контекстное значение — 'стала невольной свидетельницей и участницей некоторого происшествия', но не реципиентом действия, как в *попасть в историю, в беду*).

При выборе средств выражения возможна контаминация (а не перестройка на ходу): Судьба меня все-таки *уцелела*//

Более подробно остановимся на отклонениях от норм литературного языка, связанных с оформлением предикативной части высказывания. Наблюдения над построением высказывания позволяют, как кажется, сделать следующие предположения. Видимо, говорящим нередко семантически прогнозируются информативно важные актанты — имена существительные (причем в препозицию выносится тема в формально независимой форме им. падежа), а глагол, часто делексикализованный, встраивается в выбранную синтаксическую схему. В результате возникают нелитературные, подчас семантически неправильные конструкции: После революции произошли большие изменения// Народ *получил грамотность*// (в литературном языке этот смысл выражают пассивные конструкции — *была ликвидирована безграмотность, была достигнута сплошная грамотность*); Ее *гибель произошла* под Смоленском//; *Свадьба делалась* в ресторане// (в литературном языке — *свадьбу устраивали в ресторане*. В просторечном высказывании в качестве своеобразного лексического конверсива к глаголу *устраивали* выступает глагол более широкой семантики).

Для просторечия характерен ошибочный выбор глагольного компо-

нента в конструкциях с фазисными глаголами. При этом обычно в качестве актантов выступают имена с событийной семантикой. Поэтому, вероятно, можно сказать, что эти нарушения отражают трудности, с которыми сталкиваются носители просторечия при овладении сведениями о лексической сочетаемости абстрактной лексики. Выявляемая при этом общая закономерность — замещение отвечающего литературной норме глагола глаголом более широкой семантики. В этом можно видеть проявление тенденции к речевой экономии.

Там уже такая *шла боевая обстановка*/ что мы сразу в бой// (в литературном языке *сложилась боевая обстановка*, но ср. *шли бои*); Он ей целует руки и *делается очень хороший*// (в литературном языке *становится очень хорошим*//; Но конечно когда *пришла Советская власть* как же мы все обрадовалися//; И как только *Советская власть наступила*/ сейчас же прекратили/ и подростки стали работать шесть часов//; ср. также *когда придет социализм*... (в литературном языке в подобных случаях используются пассивные конструкции — *Советская власть была установлена, социализм будет построен*); Он *кончил армию*// (ср. лит. *отслужил;* этот глагол может употребляться и абсолютивно, как семантический конденсат); Он *окончил два высших образования* (эта конструкция возникла по аналогии к *он окончил институт*).

В оформлении предикативной части высказывания в просторечии отчетливо проступают черты аналитизма. Имеются в виду случаи замены литературных глагольных наименований составными глагольно-именными словосочетаниями. При этом обнаруживается стремление к унификации способа выражения некоторых близких значений.

Он такой *тормоз дал*// (лит. *тормозить*, ср. *дать газ*); Ты *звонок дал*/ я тебе открыла// (лит. *позвонить*, но *дать звонок* — о театре, ср. *дать гудок*); Сестра пришла *укол дала*// (лит. *сделать укол*, но ср. *дать лекарство*); А где зенитки стояли/ там значит он (немец) метил/ большие *бонбы пускал*// (лит. *бомбить*, ср. *пускать снаряды*); Она пришла/ начала *споры устраивать*// (лит. *спорить*, ср. *устраивать сцены, скандалы*); Все-таки еще многие *делают прогулы*// (лит. *прогуливают, допускают прогулы;* ср. прост. Есть такие товарищи которые будем говорить откровенно *допускают выпивки* во время работы).

Из фактов, отражающих грамматическую неправильность, остановимся на явлениях семантического согласования и отклонениях от литературной нормы в глагольном управлении.

В просторечии шире, чем в КЛЯ и литературной РР, представлено согласование по смыслу между глаголом-сказуемым и подлежащим. Тенденция к семантическому согласованию в тех случаях, когда литературная норма допускает варианты: И в первую очередь не брали (работать на фабрику) конечно только *тех/ кто жили* на вольных квартирах//: ... и они старались в первую очередь увольнять *тех/ кто живут* на вольных квартирах//

В просторечии согласование по смыслу используется и в случаях, не допускаемых литературной нормой (когда подлежащее — имя существительное в форме ед. числа, обозначает какое-то реальное множество[35]): (из телевизионного интервью) Я принадлежу к тому *поколению/ которые становились на ноги* во время войны//; Я удивляюсь на людей/ как *народ могут* часами по очередям стоять//

Как в кодифицированной, так и некодифицированной сферах языка всегда активны процессы формального сближения слов, основанного на их смысловом сближении. Это приводит к появлению у сближаемых слов одинаковых форм сочетаемости. В просторечии, где так сильны тенденции к аналогическому выравниванию, отклонения от норм управления, прежде всего глагольного, представлены очень широко.

Можно выделить целый ряд узуальных для просторечия форм глагольного управления: А: А про Катьку не слышно? Б: Нет/ *никем* она *не нуждается*//; *Нами* молодежь никто *не нуждается*//; И *этим* должны быть *благодарны*//; Я *вами благодарен*//; У меня в квартире грязь// Мне *от соседей стыдно*//; А *матери не устраивало* это//; Я *про все интересуюсь*// Особенно-то она *внимания на меня* не могла *уделить*// (ср. *обратить внимание на кого-либо*); У нас особое *внимание уделяется на здоровье* учащихся//; Я боюсь пожар будет/ как она (девочка) *с газом относится*// (ср. *обращаться с чем-л.*).

Очень широко в просторечии представлены отклонения от норм управления, отражающие овладение книжной лексикой. В этих случаях велико давление форм управления семантически ассоциируемых слов — более употребительных и стилистически нейтральных: Я не люблю *афишировать о своих болезнях*// (ср. *говорить, рассказывать о чем-л*); (из публичного выступления) Это не говорит о том что мы должны спокойно *созерцать на это*// (ср. *смотреть на что-л.*); Я *на аппетит не страдаю*// (ср. *жаловаться на что-л.*); Я *последую вашего совета*// (ср. *послушаться совета*); Я и так довольно наездилась/ *за всеми опекалась*// (ср. *ухаживать за кем-л.*); Он его *под свое влияние взял*// (ср. *находиться под влиянием, взять под опеку*).

* * *

Итак, общие для РР и просторечия тенденции, определяющие своеобразие строения текста, оказываются в просторечии более продвинутыми, преодолевают порог норм литературного языка, что связано с особенностями говорящего субъекта — носителя просторечия.

В просторечном тексте выявляются специфические черты как в построении плана содержания, так и в выборе соответствующего ему плана выражения.

---

[35] См.: Русская разговорная речь. 1973. С. 279--280.

Важнейшим фактором, обусловливающим особенности построения текста в просторечии, является тенденция к имплицитности. Возможность оставить вербально не выраженными отдельные элементы содержания определяет своеобразный характер связности текста и в РР, и в просторечии, основанный на использовании всех компонентов коммуникативного акта. Однако при несоблюдении партнерами коммуникации (что имеет место в просторечии) "правил игры", связанных с недопустимостью превышения объема вербально не выраженного смысла, тенденция к имплицитности из фактора, определяющего особый характер связности текста, может перерождаться в причину разрушения и снижения степени его связности.

Тенденции к имплицитности в определенной мере в просторечии противостоит менее разнообразная в своем проявлении тенденция к избыточной эксплицитности. Избыточная эксплицитность, соотносимая с усложнением плана выражения, представлена, в частности, в высказываниях с семантически избыточными вербальными компонентами, а также в характерных для просторечия реализациях некоторых грамматических форм.

Отклонение от норм литературного языка может быть связано с реализацией в просторечном тексте тенденции к свободе построения синтаксических конструкций. Отступления от узуальных закономерностей приводят к нарушению грамматической и смысловой "правильности" текста.

Т.С. МОРОЗОВА

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ (В СФЕРЕ СИНТАКСИСА И ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА)

Попытки установить общие черты синтаксиса устной речи неоднократно предпринимались и ранее[1]. Однако при этом в качестве исходного выдвигалось положение о том, что всякая устная речь, если это только не чтение вслух письменного текста, представляет собой единый языковой объект.

Признавая это мнение неверным, мы считаем, что существуют три различные сферы городской устной речи и соответственно — три языковых объекта: литературная разговорная речь (далее РР), кодифицированный литературный язык (КЛЯ) в устной разновидности и просторечие[2]. РР и КЛЯ противопоставлены друг другу как особые языковые системы. Просторечие, не представляя собой

[1] *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1977; *Она же.* Дискретность в устном монологическом тексте// Русский язык. Текст как целое и компоненты текста: (Виноградовские чтения XI). М., 1982; Семантика номинации и семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. I. Тарту, 1978. С. 164—212.

[2] В понимании РР, КЛЯ и просторечия мы следуем за авторами исследований: Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973; Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.

особой системы, в области синтаксиса, как и на других уровнях языка, имеет ряд существенных отличий от РР и от КЛЯ. В просторечии существует ряд синтаксических конструкций, несвойственных литературному языку; некоторые конструкции, представленные и в литературном языке, и в просторечии, функционируют в этих языковых сферах неодинаково[3].

Вместе с тем при сопоставлении различных сфер устной речи обнаруживаются и общие черты. Так как РР и просторечие — это сферы, объединяемые параметрами "личное общение", "непринужденность", "неофициальность", "спонтанность", то они обладают некоторыми общими чертами, не характерными для КЛЯ.

Считая, что в основе устной публичной речи носителей литературного языка лежит система КЛЯ[4], а не РР, мы ставим перед собой задачу выявить черты устности, характерные для этой сферы речи и отличающие ее от письменного КЛЯ.

Статья построена на материале магнитофонных записей различных типов продуцируемой публичной речи: научные доклады, лекции, выступления на семинаре, на собраниях (тематика преимущественно научная). Речь массовой коммуникации использовалась как вспомогательный материал и только в тех случаях, когда было очевидно, что это не чтение написанного текста.

Мы отдаем себе отчет в том, что использование тех или иных языковых средств в устной публичной речи, как и в других типах речи (исключение, по-видимому, составляет лишь официально-деловая речь) в немалой степени зависит от индивидуальности говорящего. Однако в своей работе мы абстрагируемся от индивидуальных особенностей говорящего и будем рассматривать — с некоторой долей условности, разумеется, — общие типические черты литературной публичной речи.

НЕОДНОРОДНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Различия в языковой организации публичной речи обусловлены неодинаковой конфигурацией, варьированием различных факторов, составляющих коммуникативный акт речи[5]. Как показывают наблюдения, на языковую организацию публичной речи существенно влияют

---

[3] См. нашу статью "Некоторые особенности построения высказывания в просторечии"// Городское просторечие: Проблемы изучения. С. 141—162.

[4] Это убедительно доказано в работах: *Земская Е.А., Ширяев Е.Н.* Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная?// ВЯ. 1980. N 2; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. М.: Наука, 1981. С. 58—70. С этим выводом согласуются наблюдения, содержащиеся в статье: *Шевченко Н.В.* Устная и письменная речь в официальной ситуации (речь адвоката в суде)// Вопросы стилистики. Саратов, 1984.

[5] И.И. Ковтунова вскрыла механизм зависимости языковой организации текста от условий коммуникации в трех сферах речи — поэтической речи, внутренней речи и РР — в их связях друг с другом. См.: *Ковтунова И.И.* Поэтический текст как форма коммуникации// В Я. 1986. N 1; *Она же.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.

следующие факторы: 1) степень официальности; 2) степень подготовленности; 3) симметричность/несимметричность партнеров коммуникации: а) говорящий и адресат имеют приблизительно равную осведомленность в теме речи; б) адресат менее осведомлен относительно предмета речи, чем говорящий.

Влияние каждого из этих факторов определялось путем сопоставительного анализа текстов, характеризуемых различной конфигурацией данных параметров, совокупность которых формирует коммуникативную ситуацию. Мы выделяем следующие коммуникативные ситуации.

1. Партнеры коммуникации приблизительно одинаково осведомлены относительно предмета речи. Степень официальности высокая. Это — научные доклады на заседаниях ученого совета, на международной научной конференции. Можно предположить, что для данных выступлений характерна очень высокая степень подготовленности. Заранее тщательно продумано, что будет сообщено и в какой последовательности. Перебивов содержания, отступлений нет. По синтаксической организации эти тексты близки к письменному КЛЯ. В них представлены типичные черты письменного КЛЯ: союзный тип полипредикативных высказываний явно преобладает над бессоюзным, употребительны полипредикативные конструкции с книжными союзами; распространены деепричастные и причастные обороты; активно употребляются конструкции со страдательными причастиями прошедшего времени (типа *опыты были проведены на воде*). Конструкции, типичные для РР, в таких текстах представлены незначительно; в основном это конструкции с местоименным удвоением и постпозитивное определение. Случаи, когда говорящий не справляется с коммуникативным намерением и прибегает к перестройкам, редки.

Случаи регрессивной доработки имеются, однако они редки. Устность проявляется главным образом в том, ка́к подается содержание; в использовании приемов, типичных для устной публичной речи. Из рассмотренных нами далее приемов для этой разновидности публичной речи не типичны "смысловой круг", "напоминание об основной идее", "обнажение стратегии", "выражение модального значения убежденности". Совсем не используется такой вид сотрудничества с адресатом, как вопросы, реально обращенные к слушателям.

2. Степень подготовленности, как и в 1 ситуации, — высокая. Меняется параметр "тип адресата": адресат в этой ситуации значительно менее осведомлен в соответствующей области знаний. Изменение типа адресата влечет за собой некоторое изменение параметра "степень официальности". В данном случае ситуация, несомненно, официальная, однако говорящий (имея определенное превосходство над слушателем) чувствует себя более свободно, раскованно, чем в ситуации 1. В нашем материале — два вида таких текстов: выступление ученого перед неспециалистами на научную тему (научно-популярная лекция); лекция по специальности для студентов института.

Говорящий чутко реагирует на тип адресата. Тот факт, что адресат менее осведомлен относительно предмета речи, обязывает говорящего строить свое выступление несколько иначе, чем при равном адресате. Говорящий сознает, что возможна коммуникативная неудача ("не поймут, не воспримут"), и стремится избежать ее.

Среди публичных выступлений, имеющих параметр "высокая степень официальности", в текстах этого типа наблюдается наиболее тесное сотрудничество со слушателем. Поскольку адресат неравный, для говорящего особенно важно установить с ним контакт. С этой целью говорящий использует специальные приемы, направленные на то, чтобы завладеть вниманием слушателя, активизировать восприятие. Такие приемы, вообще характерные для устной публичной речи, здесь используются особенно широко, говорящий прибегает к ним постоянно. Обычный способ подачи новой информации—форма вопроса-ответа. Также более широко, чем в других типах публичной речи, здесь представлены приемы "апелляция к слушателю" (*знаете, понимаете*), а также вовлечение слушателя в повествование — говорящий делает слушателя участником того, о чем он говорит (*давайте я... мы с вами...; если мы...*).

Именно этому типу публичной речи свойственны вопросы выступающего, реально обращенные к слушающему, предполагающие ответ слушающего (не в конце — типа *вопросы есть?,* а среди ткани монологического повествования). Выход на прямую связь со слушателем характерен только для данной разновидности публичной речи.

Таким образом, говорящий постоянно контролирует, как воспринимается сообщаемое, обратная связь в этой ситуации особенно важна. Вместе с тем говорящий руководит восприятием (наиболее значимое подчеркивается посредством повторов); помогает ориентироваться слушателю в сообщаемой информации: *Это все достаточно просто; Я думаю/ что это ясно; А вот это очень важно/ обратите на это внимание; Это я прошу запомнить; Я ввожу новое понятие/ область действия/ запоминать это не надо //*

Приемы, направленные на то, чтобы слушатель адекватно понял сообщаемое, в этой разновидности публичной речи используются наиболее широко.

Говорящий постоянно соотносит излагаемую информацию о той, которая дана была ранее; это может быть и не содержательное соотнесение, а отсылки типа "*мы об этом говорили*", "*вы это должны знать*", "*это вам хорошо известно*", "*это я говорил*". Способ подачи информации, как правило, индуктивный: рассматривается конкретный материал, затем высказывается идея.

Информация подается посегментно. Распространено членение информации на три сегмента: номинативное предложение — вопрос — ответ. Прежде чем перейти к новому положению, еще раз повторяется уже изложенное ("смысловой круг"), резюмируется; логическая связь между новым и предыдущим тщательно обосновывается. Активно используются конструкции идентификации, причем,

это — развернутые конструкции. Широко представлены модальные значения убежденности и оценки. Используются приемы "обнажение стратегии", "самокомментарий", "напоминание об основной идее" (среди ткани текста говорящий неоднократно напоминает, какую мысль он развивает, доказывает).

3. Адресат — равный, степень официальности — невысокая; выступление запланировано; в плане содержания подготовлено; можно предполагать, что в плане выражения степень подготовленности невысокая (это обусловлено невысокой степенью официальности).

4. Все параметры те же, что и в ситуации 3, кроме последнего — степени подготовленности: речь не подготовлена по форме, предмет речи хорошо известен говорящему, но выступление незапланированно, неожиданно.

Для этих двух ситуаций характерны явления, рассматриваемые нами в третьем разделе. Последнюю — отличают черты, свойственные спонтанной устной речи.

РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ[6]

Приемы, направленные на то, чтобы завоевать внимание слушателя

Непременным психологическим условием для говорящего является внимание слушателя. Так, общеизвестна ситуация РР: если говорящий чувствует, что его слушают невнимательно ("думают о своем"), то он может сократить свою речь или вообще замолчать — разговор погасает. В публичной подготовленной речи объем сообщаемого запланирован заранее, изложить все запланированное — коммуникативное задание говорящего. Даже если адресат слушает "плохо", невнимательно, данная коммуникативная ситуация и жанр речи не позволяют говорящему прервать выступление. В этом случае для говорящего путь иной — тем или иным способом завоевать внимание слушателя[7]. Это его первоначальная коммуникатив-

[6] Интерес к изучению приемов, используемых в публичной речи, имеет давнюю традицию. Так, об изучении ораторского опыта в античности, создании сборников "общих мест", риторских упражнений, руководств, риторик см.: История всемирной литературы. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 382—397, 442. Об изучении ораторской речи в русской филологической традиции и советском языкознании см.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: О языке художественной прозы.М.: Наука, 1980. С. 98—775. Для последнего времени характерно возрождение интереса как к истории риторик, так и к предмету изучения риторик — устной публичной речи. Исследование приемов, используемых выступающим, оратором, многоаспектно. Не ставя перед собой задачи изучения техники красноречия, ораторства как искусства, в настоящей статье мы рассматриваем приемы как специфический для устной речи способ донесения информации до слушателя.

[7] В отличие от публичной речи в РР для говорящего, которого слушают невнимательно или вообще не слушают, возможен и тот, и другой путь. Речевые приемы, с помощью которых говорящий завоевывает внимание слушателя, в РР и в публичной речи, по предварительным наблюдениям, различны. Приемы, характерные для РР, в настоящей статье не рассматриваются.

ная задача. Как бы предвосхищая возможное невнимание адресата (а значит и невосприятие, неусвоение сообщаемого), говорящий строит свою речевую стратегию таким образом, чтобы не допустить этого.

Выступающий начинает свою речь так, чтобы заинтересовать, заинтриговать слушателя, нередко используя драматургический прием опровержения ожидания слушающего: *Это произошло/ в Институте атомной энергии/ в отделении/ физики плазмы// И опыты были проведены/ вовсе не на плазме/ а на обычной воде// И вот какое отношение это всё имеет/* к физике плазмы/ должно быть видно/ из моего доклада//.

Типичный способ завоевать внимание слушателя — сотрудничество с ним. Говорящий обращается с вопросом. В публичной речи вопросительное высказывание выполняет несколько функций.

1. Риторический вопрос. Говорящий не предполагает, не ждет ответа на свой вопрос. Спрашивает и сражу же сам отвечает. Цель этого приема — актуализировать положение, представляющееся для говорящего важным. Тема и рема в этом случае поданы раздельно, расчленены: тема — в форме вопроса, рема — в форме ответа. Функция вопроса — препаративная: подготовить (сосредоточить внимание) слушателя для восприятия ремы — того, что для говорящего важно сообщить. Вопрос озадачивает слушателя, заставляет думать в заданном направлении: *Преимущества/ этого способа// В чем его преимущества? Возможность обработки валов/ с большим перепадом диаметров//* ... Это преимущества// *А в чем же недостаток? Недостаток/пожалуй один/ достаточно большое время обработки// Почему? Да потому что...*

2. Вопрос, цель которого — установить контакт со слушателем. Вопрос направлен к слушателю. Говорящий ждет ответа, однако не содержательного, а ответа, подтверждающего, что слушающий активно воспринимает текст, следит за мыслью говорящего. Например, после высказывания-сообщения следует вопрос: *Правильно я говорю?,* или *Так?; Верно?; Таким образом/ будет снят суммарно/ достаточно большой припуск// Да?; Поверхностная закалка/ что из себя/ представляет// Или говорят еще/ нагрев/ твч/да?* Слушатели, обычно несколько человек, отвечают-подтверждают: *"Да"; "Правильно"* и т.п. Этот прием обычно используется в коммуникативной ситуации, когда адресат значительно моложе говорящего, ниже по социальному положению и — что особенно существенно — по степени осведомленности относительно предмета речи. Пример такой ситуации — лекция перед студентами, школьниками, научно-популярная лекция.

3. Реальный вопрос — обращенный к слушателю и предполагающий содержательный ответ. В этом случае в отличие от двух предшествующих намерение говорящего совпадает с формой речи. Цель такого вопроса: выяснить, понятно ли слушателю высказанное положение; скорректировать уровень апперцепционной базы — выяснить, действительно ли слушателю известно то, что говорящий считает известным: А: *Это понятно?* Б: *Понятно//* (*Не совсем//*)

А: *Вам известна эта работа?* Б: *Известна//*. Этот прием, как и только что рассмотренный, распространен в ситуации с "неравным" адресатом, а также в ситуации с равным адресатом, но характеризуемой невысокой степенью официальности. Таким образом, сотрудничество со слушателем в публичной речи может быть реализовано как микродиалог.

Говорящий апеллирует к слушателю. Используются контактоустанавливающие средства: *Обратите внимание! Посмотрите! Сравните!* Использование таких средств может быть направлено на создание доверительной атмосферы: "представляете"...", "знаете..."; *Вы конечно понимаете/ что за этим устаревшим термином кроется.*

Демонстрируется "зависимость от слушающего". Говорящий строит свое сообщение таким образом, как будто он получил на это позволение слушателя: *Ну давайте/ я действительно/ по порядку вот пойду//*; *Ну вот давайте/ я приведу такой смешной пример//*; *Вот если слушатели с этим согласны/ то значит/ можно идти дальше//*. Это — и способ выражения вежливости по отношению к слушателю, и способ активизировать восприятие: слушателю как бы предоставляются определенные права в данной коммуникативной ситуации.

Слушатель вовлекается в соавторство. Говорящий строит высказывание не только от своего имени, но и от имени слушателя, который представлен как участник исследования: Если *мы возьмем/* предположим/ волновой пакет в виде понижения жидкости/ то там...//; ... теперь/*мы должны поискать* возможность образования/ уединенной волны возвышения// *Если мы предполагаем/* что есть возвышение/ с градиентом П/то *мы должны нарисовать* такую силу Кариолиса/ которая направлена внутрь...//; Вот если *у нас с вами/* валы изготавливаются достаточно большими тиражами/то в целом/они неплохо встраиваются в автоматическую линию//; И вот *мы/носители русского языка/видим/* что это предложение/омонимично//. Заметим, что в этих примерах представлено не авторское *мы,* характерное для письменной научной речи. В рассматриваемых выступлениях представлено авторское *я.*

Речевые приемы, направленные на то, чтобы яснее донести информацию

Восприятие речи на слух, как известно, значительно отличается от восприятия письменного текста — зрительного восприятия[8]. И это различие является очень глубоким и изначальным. Оно обусловлено функционированием разных полушарий головного мозга[9].

---

[8] Известны, например, случаи, когда после научного доклада к выступающему обращается слушатель с просьбой дать соответствующий письменный текст по докладу, мотивируя тем, что "на слух такие вещи хуже воспринимаются" или тем, что "он на слух вообще хуже воспринимает".

[9] О соотношении функций двух полушарий мозга, по-разному участвующих в различных видах деятельности человека; см.: *Иванов Вяч.Вс.* Чет и нечет. Асимметрия

Позволим себе небольшое отступление, важное для понимания механизма устной речи. Знаменательно, что результаты исследования устной речи и результаты исследования функций полушарий мозга, осуществляемых независимо друг от друга, полностью согласуются. Те выводы, к которым пришли исследователи устной речи, получают объяснение с позиций распределения функций полушарий.

Функции левого — доминантного — и правого полушарий по отношению к устной/письменной речи огрубленно могут быть представлены так. Продуцирование устной речи управляется работой левого полушария. Восприятие речи на слух также связано с работой левого полушария. Зрительное восприятие — чтение, а также создание письменного — зримого — текста регулируется работой правого полушария. Вместе с тем доказано, что именно с работой левого полушария связана расчлененность, сегментированность мышления и восприятия, в противоположность правому полушарию, которому присуща целостность (а также — образность) восприятия и мышления. С этим согласуется тот факт, что основным свойством всех типов устной речи является гораздо большая, чем в письменной речи, сегментированность, расчлененность[10]. Таким образом, как для говорящего, так и для слушающего сегментированность задана изначально. Именно поэтому она удобна, естественна и для говорящего, и для слушающего. Оказывается, что сегментированность, с одной стороны, неизбежна (говорящий сегментирует), с другой необходима (для слушателя). Следовательно, устной речи изначально присуще как подавать, так и получать информацию более сегментированно, чем в письменной речи.

Еще один факт. Исследователи РР пришли к выводу, что РР более глагольна, чем КЛЯ. Это согласуется со следующим. В нейролингвистике была высказана гипотеза: правое полушарие — денотативно, а левое — глагольно[11]. Эта гипотеза основана на изучении речи больных, у которых повреждено и вследствие этого отключено одно из полушарий. Результаты поразительны. В качестве темы задавалась одна и та же ситуация. Те больные, у которых отключено левое полушарие и, следовательно, работает только правое, описывали ситуацию только с помощью существительных, а больные, у которых работает левое полушарие, описывали ситуацию с помощью глаголов. Когда предлагались слова-омонимы типа *печь*, то первая группа воспринимала это слово как существительное, вторая же группа — как глагол.

Говорящий, обладающий навыками публичной речи, как правило, учитывает закономерности восприятия устной речи[12], в соответствии с чем использует следующие приемы.

1. Более дробное, чем в письменной речи, членение информации на сегменты.

В письменной речи факт существования характеризуемого явления (если это не является тем новым, что говорящий хочет сообщить) обычно относится к области презумпции[13]: если какое-либо явление

мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978; *Он же.* Нейросемиотика устной речи и функциональная асимметрия мозга// Учен. зап. Тартуского ун-та: Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика. N 481. Тарту, 1979. С. 121—142; *Он же.* Естественный язык — мозг, искусственный язык — машина// Кибернетическая лингвистика. М., 1983. С. 5—23; *Якобсон Р.* Мозг и язык// Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 270—287.

[10] Как это явление представлено в устной публичной речи, подробно рассмотрим ниже.

[11] Эти данные были изложены Вяч.В. Ивановым в докладе, прочитанном на научном семинаре в Информэлектро 12 октября 1982 г. См. также: *Zaidel E.* Lexical organization in the right hemisphere// Cerebral correlates of conscious experience/ Ed. by J. Eccles. Amsterdam: North—Holland Biomed. press, 1978. P. 177—179.

[12] "Умение построить рассказ зависит от накопившихся и учтенных оценок слушателей" (*Жинкин Н.И.* Психологические основы развития мышления и речи// Русский язык в школе. 1985. N 1. С. 51).

[13] О понятии презумпции и типологии презумпций см.: *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

характеризуется, то очевидно, что оно существует. В устной публичной речи в аналогичных случаях презумпция существования нередко вербализована; в препозиции к высказыванию, содержащему характеристику явления, дается высказывание с экзистенциальным значением — утверждается, что данное явление существует. Интродуктивные высказывания с экзистенциальным, или бытийным[14] значением в публичной речи представлены гораздо шире, чем в письменном КЛЯ. Например: *В русском языке есть такая атрибутивная конструкция/ там скорость света/высота Монблана//* Она характеризуется следующим...//; *Существует в природе/всем нам хорошо известно/ уединенная волна возвышения//* Вот уединенная волна возвышения/ непосредственно связана/ с функционированием салитонов Розби//; *Существует объемная закалка//* Значит/ объемная закалка выполняется/в печах...

В одном высказывании говорящий дает только одну порцию нового. Слово, выступающее в высказывании в позиции ремы, употребляется без какого-либо распространителя, т.е. того, что усложняет рему. Так, для письменной речи типично построение *объемная закалка выполняется в печах при нагреве 900 градусов,* в то время как в устной речи *в печах* и *при нагреве* подается расчлененно, в разных высказываниях: *Значит/ объемная закалка/ выполняется в печах// Нагрев/ обычно на двадцать/ тридцать градусов/ выше критической// Ну критическая температура порядка девятьсот градусов/ по-моему так//.* Ср. в письменной речи: *объемная закалка выполняется в печах при нагреве обычно на 20—30° выше критической температуры, которая составляет 900°.* Аналогичное расчленение: *Необходимо поддержать революционный Афганистан/ необходимо поддержать еще в таком плане//; С ними можно было договориться/ договориться о каких-либо сдерживающих факторах//; Такое выделение языковых функций оправдано// Оно оправдано тем/ что...*

Также типично расчленение объекта при глаголах речи, что осуществляется в целях актуализации ремы: Он рассказывал *такую вещь//* *Он пришел к виолончелисту Павлу Казальс...//* (Ср.: *он рассказывал, что...*); (о положении в Польше) Я должен сказать *такую вещь/ что частный сектор/ развитый/ и социализм/ несовместимы//; Я хочу сказать вот что/...//; Я хотел бы сказать вот о чем/...//.* Первый сегмент высказывания выполняет препаративную функцию.

Для публичной речи не характерны предложения с придаточным распространительным, относящимся к слову, которое в главном предложении выступает в позиции ремы (типа *закалка стали выполняется при критической температуре, которая составляет 900°*), хотя вообще сложноподчиненные предложения здесь используются.

2. Широкое использование конструкций идентификации. Одно и то же явление называется дважды, обозначаясь разными средствами. Это обусловлено взаимосвязанными факторами: 1) стремлением гово-

[14] Всестороннему анализу предложений со значением бытийности посвящена книга: *Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н.* Русское предложение: Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.

рящего выразить свою мысль более точно, обозначить то или иное явление более правильно; 2) облегчить слушателю восприятие, понимание: дается ряд различных наименований одного и того же явления и тем самым слушателю предоставляется возможность соотнести предмет речи с имеющимся у него арсеналом наименований.

Сейчас ищутся разнообразные *пути*/как бы *модели*/вот построения такой грамматики//; Ну пометьте/что поверхностное азотирование применяется для *сталей*/*в своем составе содержащих*/*алюминий*/*только алюминированных сталей*/для *алигированных сталей*//; Мы с вами говорили уже/что необходимо ввести *окончательные операции*/ или *финишные операции*/или *отделочные операции*//; Они (компоненты семантического комплекса) противопоставлены друг другу/по наличию или отсутствию *прагматического момента*/*прагматического элемента*/заключенного в самой этой конструкции//; Я хочу рассмотреть *одну из идей*/*одно из понятий современной лингвистики*//; Эта организация является *не линейной*/*не плоскостной*/а очень такой глубокой/и...ну/иерархически устроенной//; В зависимости от этого/эти комплексы/о которых я говорю/они как бы *сегментируются*/*членятся на сегменты*//

3. Повтор: положение, представляющееся говорящему особенно важным (исходное положение или вывод) нередко произносится дважды для того, чтобы слушающий лучше осознал его, запомнил. Письменный текст, как правило, не содержит соответствующего повтора. Адресат письменного текста может зрительно вернуться к уже прочитанному и волен вернуться к любому положению, любой формулировке с целью запомнить, продумать и т.п. По сравнению с письменным текстом в устном тексте осуществляется произвол говорящего: именно говорящий решает, что должно быть повторено (исключая случаи, когда в текст вторгаются переспросы слушателя). Таким образом, в устном тексте говорящий не только создатель, но и интерпретатор собственного текста (это можно было бы назвать адресованной косвенной интерпретацией). Повторяя, указывает: *"Это важно; Это надо запомнить"*. В публичной речи представлена и прямая самоинтерпретация: выступающий говорит: *"Это важно, я прошу это запомнить"*.

4. Напоминание об основной идее. В письменном тексте существуют многочисленные способы представить информацию иерархично, показать зависимость приводимого частного материала от основной идеи: шрифтовые выделения, рубрикация и т.п. В устном тексте при многочисленном конкретном материале говорящий время от времени напоминает слушателю основную идею, чтобы слушатель не утерял нить повествования. В повествование, содержащее частные факты, конкретный материал, вторгается напоминание об основной идее, ради которой излагается этот конкретный материал: *Это я говорю к тому, что...; Это я о том, что...; Вот я говорю о том/ что такое московский народный говор в моем представлении//; Так вот/ все эти примеры/ я привожу к тому/ что / что европейская культура/ оказалась морально слабой/ в тяжелый момент/ своей истории//; Ну что/о чем я веду речь// Проще говоря/ речь идет об обработке*

обратных конусов/ то есть конусов/ которые направлены в сторону/ в сторону патрона//

5. "Смысловой круг". В основе этого приема — такая схема подачи информации: выдвигается положение; в следующем высказывании дается новая порция информации, обычно — раскрывается, конкретизируется это положение; а затем говорящий возвращается к высказанному первоначально положению, излагает его еще раз, как бы закрепляя в памяти адресата. "Смысловой круг" используется чаще всего в текстах, обращенных к адресату, менее осведомленному относительно предмета речи. Этот прием направлен на то, чтобы адресат лучше усвоил информацию из незнакомой ему области знания — разъяснить, "разжевать": *Теперь/ следующая группа фактов/ это/ опять-таки факты неправильности/ синонимии/ омонимии/ и так далее/ но объяснения несколько более глубокие/ семантические//* Это были такие весьма поверхностные синтаксические/ соображения/ на счет различия структур/ а *сейчас мы переходим/ к новой группе примеров/ где объяснение неправильности/ омонимии/ синонимии* и *так далее/ достигается за счет более глубоких семантических соображений//*; *Наше сознание/ хранит/ громадное количество фактов/... про свойства языковых форм/ которые принципиально/ объяснить невозможно/* они просто запоминаются и откладываются в качестве каких-то готовых продуктов/ запомненных// *Вот по поводу всех этих фактов/ никаких объяснений предложить/ нельзя//*; *Америка завалена товарами Кореи/ Тайваня/* скажем/ может быть вам встречались/ ручки с часами/ автоматическая шариковая ручка/ и в ней вмонтированы часики/ которые идут/ абсолютно точно/ электронные часы/ кроме того/ они показывают день/ число/ значит/ и секунды/ скажем/ мерить пульс// *Америка завалена ими/ их делают в Корее и Тайване//*

6. Приемы, направленные на то, чтобы помочь слушателю следить за ходом мысли, за структурой повествования.

"Обнажение стратегии". Говорящий заранее сообщает замысел построения выступления или какого-либо его фрагмента, вскрывает механизм движения мысли, обнажает логический стержень организации информации. Сообщается, какой "ход" будет предпринят, с какой целью и каков будет следующий "ход": *Я перехожу/ ко второй части доклада/ ...и я буду разбирать группу/ фактов/ ...и буду стараться демонстрировать/ те/ внутренние механизмы/ которые за всем этим стоят/ и действие этих механизмов/ чтобы было видно/ на чем основана ваша интуиция //*; *Значит / дальше я не буду вдаваться / в подробности/ в технические и диагностические/ буду рассказывать только вещи принципиальные//*; *Наверное/ для начала/ надо что-нибудь рассказать/ чтобы вы задавали вопросы//*; *Мне/ ну/ в одну-одну минуту/ приходится отступить/ сделать так сказать нежелательный экскурс в сторону/ хотя и нет времени//*

Сигналы говорящего. Ту функцию, которую в письменной речи выполняет абзац, в устной монологической речи выполняют языковые средства. Переход к следующему положению должен быть выражен вербально.

Для говорящего очень важно отграничить новую информацию от предшествующей, подать слушателю сигнал: "Внимание! Перехожу к новому положению". Продвижение информации в тексте предполагает такие сигналы. Один из типичных сигналов перехода к новому положению — использование слова *теперь*: *Теперь* значит/ я рассмотрю еще одно предложение/ четвертое//; *Теперь*/ ... я перехожу ко второй части доклада.../ *Теперь*/ следующая группа фактов//; *Теперь* я перехожу к другой группе фактов// ... здесь я рассматривал только факты/ омонимии//; Ну... *Теперь*/ после этих предварительных замечаний/ я хочу сказать вот о чем// Какова же история изучения московского говора?; *Теперь* вот/ о названии/ этого семинара/ нашего/ рабочего семинара//; *Теперь*/ он (словарь) совмещает/ в себе обе эти задачи/ плохо это или хорошо?

В функции сигнала перехода к новому положению используются и слова *далее, дальше*: И *далее*/ вот этот прибор...//; *Дальше*... вот ассоциативный/ ассоциативный тезаурус...//; *Далее*/ известные процессы происходят с высокой лексикой//; *Далее*/ в-третьих/ эти значения противопоставлены ...//. В этой функции выступают и другие средства: *Пойдем дальше; Перехожу к основной части доклада; Так/ и последнее/ самое сложное//*; *Вот если слушатели с этим согласны/ то/ значит/ можно идти дальше//*; *Просто зафиксируем этот результат/ и двинемся дальше// Ну...*

При переходе к новому положению нередко используется прием противопоставления. Для говорящего важно противопоставить новое положение уже высказанному, т.е. подать следующее положение так, чтобы новизна была более наглядной. Этот прием наиболее типичен для текстов, обращенных к слушателю, менее осведомленному относительно предмета речи (например, лекция перед неспециалистами, перед студентами): *Вот я сказал/ что такое языковая интуиция/ а теперь так сказать/ можно поставить вопрос о том/ что должен делать/ лингвистический анализ/ с языковой интуицией//*; *Пойдем дальше// Значит вот/ в этих двух случаях/ мы сумели объяснить факты/ ссылаясь просто на толкование слова/ на его значение// Так/ теперь посмотрим/ вот на такое предложение//*

Выделяются также сигналы перехода от общего к частному, а также — подачи конкретного и иллюстративного материала. Такую функцию выполняет местоимение *там*: ... посвящено именно экспликации/ э...вот этих языковых механизмов/ каких-то правил/ нарушение которых приводит к тому/ что что-то неправильно/ или *там*/ соблюдение которых приводит к тому/ что что-то синонимично//; Ну вот рассмотрим *там*// словосочетание улыбка ребенка или *там* мужество бойца//. Аналогичную функцию выполняет слово *скажем*.

Приемы, направленные на выражение различных модальных значений

Влияет ли форма речи — устная или письменная — на выражение модальности? С этой точки зрения было проведено сопоставление ряда письменных научных текстов и устных научных докладов,

при этом сопоставлялись устные и письменные тексты, принадлежащие одному и тому же автору. Оказалось, что в устных текстах модальность выражается гораздо более эксплицитно, чем в письменных. В устной речи говорящий более свободно выражает свое отношение к сообщаемому, чем в письменной, более широко употребляются модальные слова и частицы. В письменной речи информация подается более объективированно.

Отметим, что в устной публичной речи вообще повествование более личностно, чем в письменном КЛЯ, присутствие говорящего здесь более явно. Так, в частности для публичной речи (в отличие от письменного КЛЯ) характерно употребление глагола в форме первого лица единственного числа с местоимением *я*. Например: Ну *я* напомню что ситуация такая/ что можно говорить о некотором информационном буме//. В письменной речи чаще в подобных высказываниях используется безличная форма: *надо напомнить, следует напомнить* и т.п.

В публичной речи распространено эксплицитное выражение модального значения "эмоциональная оценка": *К сожалению*/ для этой вот единицы/ нет удобного общепризнанного термина//; Вот наконец/ попался/ *на мое счастье*/ этот пример//

Нередко сначала дается оценка явлению, а затем уже номинация: ... Этот салитон/ по-видимому/ имеет прямое отношение/ к *очень интересному явлению природы*/ *а именно*/ *к грандиозному вихрю*//

Типично также эксплицитное выражение модального значения убежденности: Но *ясно*/ что раз есть такое семантическое различие/ то они/ используются в разных ситуациях//; Естественно/ может быть и можно было натянуть какое-то объяснение/ но *я уверен*/ что по сложности/ это объяснение заведомо превосходило бы/ простую рекомендацию/ запомнить этот факт...//; *Ясно*/ что этими короткими замечаниями/ не может быть исчерпано/ понятие/ языковой интуиции//; Поскольку при вращении/ поверхность жидкости будет принимать параболическую форму/ то и дно/ сосуда/ *конечно*/ нужно было сделать/ близким к параболическому//; *Ясно*/ что в виду указанной аналогии/ между двумя салитонами/ это занятие актуально/ для физики плазмы/ потому что...//; Но литература-то/ сильнее кино/ потому что у нее же/ за плечами/ века и века/ тут никуда не денешься от этого/ а вся экранизация классики/ *это же конечно*/ ухудшение/ классики//

В публичной речи наряду с модальным значением убежденности широко представлено и противоположное значение некатегоричности ('неуверенность в истинности или очевидности сообщаемого')[15]. При этом вербально выраженное модальное значение не совпадает с коммуникативным намерением говорящего. Говорящий убежден в истинности сообщаемого, в тексте же представлена модальность некатегоричности. Говоря "я не уверен", выступающий имеет в виду: "я уверен, однако мнения своего не навязываю". Говорящий как бы

[15] Модальное значение некатегоричности рассматривается по отношению к немецкому языку в канд. дис.: *Сонич Т.П.* Грамматические средства выражения некатегоричного высказывания в современном немецком языке. М., 1985.

показывает, что высоко оценивает слушателя и предоставляет ему право решать самому, истинно ли сообщаемое, открывая перед ним возможность (по законам жанра публичного выступления заведомо нереализуемую) опровергнуть, привести свои соображения. Причины *вероятно* следует искать в...; *наверное* для начала надо что-нибудь рассказать/ чтобы вы задавали вопросы//; *можно* поставить вопрос...//; *Вроде бы* больше никаких ощутимых различий нету//; Но и *может* последнее преимущество/ какое/ *наверно*/ возможность получения достаточно сложных поверхностей/ да?

Этот прием "ненавязывания" часто использует формы сослагательного наклонения: Ну сейчас/ я *могла бы*/ еще раз в заключение повторить/ в более расширенном и более точном виде/ определение семантического комплекса/ то/ с которым *как мне кажется*/ *можно было бы* вот/ приступить/ к каким-то разысканиям//

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ УСТНОЙ ФОРМОЙ

Тенденция к расчлененной подаче информации

Важнейшей чертой, отличающей устную публичную речь от письменного КЛЯ и сближающей различные типы устной речи, является тенденция к расчлененной подаче информации[16]. Проявления этой тенденции многообразны. Как было показано, сегментированность, несвойственная книжной речи, говорящим может быть использована специально — как прием[17]. Вместе с тем тенденция к сегментации действует и помимо воли говорящего. Говорящий непроизвольно использует конструкции, предполагающие расчлененную, посегментную подачу информации.

1. Конструкции с местоименным удвоением. Во всех разновидностях городской устной речи используются конструкции с местоименным удвоением: расчленяется, удваивается тема высказывания, что отвечает задачам актуального членения. Система местоименного удвоения РР обстоятельно проанализирована Е.В. Красильниковой[18]. Нами рассмотрены в этом аспекте литературная публичная речь и просторечие. Сопоставление показало следующее. Набор конструкций с местоименным удвоением наиболее широк и разнообразен в РР. Только для просторечия характерны особые конструкции с расчленением темы высказывания: жениться/оно рановато ему; А она никогда/чтоб ей кто помогал/ [19]. В устной публичной речи специфического способа

[16] Сегментированность как важнейшая особенность устной публичной речи была отмечена О.А. Лаптевой: *Лаптева О.А.* Дискретность в устном монологическом тексте// Русский язык. Текст как целое и компоненты текста: (Виноградовские чтения XI). М.: Наука, 1982; *Она же.* Синтаксическая дискретность устного монологического текста// Русский язык. Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. М.: Наука, 1984. В настоящей статье рассматриваются такие проявления этой тенденции, которые не были предметом анализа в данных работах.

[17] Разграничение приема и неприема, разумеется, в некоторой степени условно.

[18] Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 266—288.

[19] См. нашу статью: Некоторые особенности построения высказывания в просторечии// Городское просторечие. С. 143.

удвоения темы нет. Публичная речь использует некоторые (далеко не все) конструкции с местоименным удвоением, присущие РР.

Та конструкция с удвоением, которая определяется как самая распространенная в РР, является таковой и в публичной речи: имя существительное в именительном падеже, выступающее в начале высказывания, как бы повторяется именительным падежом согласованного с ним местоимения; расчленяется тема высказывания. Такие конструкции очень распространены во всех типах устной публичной речи: *Станки* с вертикальным расположением шпигеля/ *они* более дешевые//; Реальные *связи* с вузом/ *они* выражаются в нашей продукции//; Сама *формулировка*/ нашего влияния/ *она* не очень правомерна//; *Проект* основных направлений/ *он* состоит/ из четырех разделов//

Вынесение темы в препозицию, выделенность предмета речи в таких конструкциях нередко подчеркивается препозитивным указательным местоимением *этот* с частицей *вот*: *Вот эти положения*/ *они* остаются невыполненными//; *Вот тот фактор*/ который формировал структуру Венеры/ *он* повлиял на...//; (о военном бюджете США) *Вот эти*/ *расходы* на содержание армии/ *они* конечно увеличивают/ общие суммарные расходы//

Конструкции с коррелятами-субстантивами (типа *цветы*/ *цветов у меня нет*), употребительные в диалогических репликах-реакциях РР, в публичной речи встречаются также в диалоге — в ответах на вопросы: А. Скажите пожалуйста/ а какие *строевые песни*/ сейчас поют солдаты? Б. *Строевая песня*/ к сожалению я от строя/далеко ушел/*строевые песни* поют//

РР обладает более богатым набором конструкций с местоименным удвоением, чем речь публичная. Так, в публичной речи вообще неупотребительны конструкции с антецедентами-местоимениями *этот, тот, то, та* (типа Ну-у *Иванов*/ *этот* себе цену знает//; А *Зайцевой*/ *той* вообще ни до чего нет дела//[20]. В просторечии такие конструкции употребляются. Поэтому их можно охарактеризовать как черту, свойственную непринужденной спонтанной устной речи.

В публичной речи также очень широко представлена конструкция с "обещающим местоимением", которое уточняется постпозитивным интонационно отдаленным существительным, согласованным с ним в падеже[21]. Расчленяется тема высказывания: И посмотрим как *она* выполняется/ *обработка* цилиндрических поверхностей валов//; Я хочу сказать/ что *она* из себя представляет/ *объемная термообработка*/; *Он* более жесткий/ этот *шпигель*//; Значит/ *ее нужно описать*/ *как-то вот*/ *эту мангусту*/ внешне//; Где-то/ зачастую *им* удается/ *руководству*...//

В конструкциях с "обещающим местоимением" в роли коррелята часто выступает местоимение *это*, что объясняется удобством его употребления — оно может использоваться с различными частями речи и не требует согласования с соотносимой единицей. *Это* — коррелят к существительному: *Это* требовало бы несколько более точного ра-

[20] Примеры взяты из кн.: Русская разговорная речь. 1973. С. 274.

[21] Анализ таких конструкций в РР см.: Там же. С. 242—245.

бочего термина/ *такая единица*//; Ну *это* не идет в большой счет словарю/ *такие вещи*/ тут всегда можно как-то выйти из положения//. *Это* — коррелят к глаголу в личной форме: И поскольку *это* делает/ в общем/ один человек/ *редактирует* фронтально/ постольку/ естественно/ разнобой//. *Это* — коррелят к инфинитиву: *Это* очень важно/ *зафиксировать*/ такие веши//. *Это* — коррелят к пропозиции (к пропозитивному объекту): ... мы начали *это делать*/ но *это сделано было* непоследовательно/ что *в гнездо стали*/ *включаться прилагательные относительного значения*...//; Несколько примеров/ чем *это* вызвано/ *что до сих пор существуют неправильные интерпретации таких явлений*//

В литературной публичной речи представлено местоименное удвоение не только темы высказывания, но и ремы: ... у нас в Академии наук/ уже/ два года идут *об этом* разговоры/ *о том чтобы расширить сферу применения*/ *электронной техники*/ *электронно-вычислительной техники*/ *в научных исследованиях*/ *в разработках*//; Надия Александровна Янко-Триницкая писала *об этом*/ *чтобы не путали по плохой традиции*/ *когда к фонетике относят фонемный состав слова*//; Дмитрий Николаевич Ушаков давно уже *об этом* хлопотал/ *чтобы лингвисты не путали*...//; Но вот эти логические понятия/ были/ отцами церкви/ переосмыслены/ в соответствии *с этим*/ а именно/ *в соответствии с концепцией Нового завета*/ *и с необходимостью строительства*/ *христианской организации*. Однако, по нашим материалам, местоименное удвоение ремы менее распространено, чем удвоение темы.

2. Расчлененность высказывания при выражении однородности. В письменной речи при выражении однородности одна тема, как правило, обслуживает несколько рем — однородных членов. Для устной речи характерно повторение темы перед каждой ремой в однородном ряду[22]: *Они характеризуются* вот такой вот общностью значения/ и что важно/ *они характеризуются* сегментированностью//; ...*внутренние слои*/ *которые* э...несут в себе огромный запас энергии/ и/ *которые* всегда/ и постоянно/ далеки от состояния покоя//; И все/ в один голос говорили/ что ни набрать *нельзя*/ ни сматрицировать *нельзя*//. Ср. в письм. речи: *нельзя ни набрать, ни сматрицировать* или: *ни набрать, ни сматрицировать нельзя;* Мы не готовы/ сейчас/ заниматься этим вплотную/ потому что *у нас нет*/ и навыков работы/ *у нас нет* достаточно знаний/ обращения с этой техникой//

В последнем примере при выражении однородности нет симметрии, что также нехарактерно для письменной речи.

Аналогичная тенденция — повторение темы перед каждой ремой — наблюдается и в конструкциях с противительным значением: Эти недостатки/ видит сам лексикограф/ а исправить их можно/ только

---

[22] Такое построение наиболее благоприятно для выполнения двоякой функции оперативной памяти: функции удержания и упреждения: "Во-первых, за все время устного (т.е., так сказать "на ходу") составления предложения надо удерживать уже сказанные слова, и, во-вторых, упреждать слова, предстоящие произнесению" (*Жинкин Н.И.* Указ. соч. С. 49—50).

одним способом/ *редактировать* не в тексте словаря/ от буквы к букве/ от слова к слову/ а *редактировать*/ в картотеке слов... (в письменной речи: *редактировать не в тексте, а в картотеке*...); Каждый автор/ максимально/ исчерпывает свои/ научные возможности/ и свой научный материал/ и *это все* не растекается / и *все это* цементируется общей/ исходной позицией сектора//. Ср. в письменной речи: *это все не растекается, а цементируется.*

Это же явление наблюдается и в конструкции с дизъюнктивным отношением: И к нему (к возрожденному значению) начинают стремиться значения/ которые до этого *фиксировались* или как изолированные/ или *фиксировались* только в составе фразеологизма//

Повтор существительного при однородных определениях также соответствует повтору темы перед каждой из рем: Нужно не упустить никакие семантические *характеристики*/ а иногда и предметные *характеристики*//; Невозможно построить функциональную грамматику без/ тщательнейшего анализа/ лексического *материала*/ лексико-фразеологического *материала*/ под соответствующим углом зрения//

Аналогичную функцию выполняет повтор прилагательного перед однородными существительными: Лексический состав/... очень широко и активно пополняется/ *новыми* словами/ и *новыми* значениями//

Повторение темы перед каждой из единиц, обозначающих рему и составляющих однородный ряд, отражает обшую тенденцию устной речи к расчлененности, сегментированности, способствует актуализации ремы.

3. Конструкции с расчленением как отражение двух кодов речи. Конструкция с обещающим местоимением, рассмотренная нами как один из случаев расчлененной подачи информации, представляет интерес и с другой точки зрения. В публичных выступлениях конструкции с обещающим местоимением, как правило, наиболее распространены в речи спонтанной или в речи с малой степенью подготовки. Это ситуации, когда внутренняя речь и порождаемая произносимая речь наиболее сближены, и естественно предположить, что свойства кода внутренней речи будут в наибольшей степени отражены в коде речи произносимой, внутренняя речь как бы просачивается, проскальзывает, не успев вполне перекодироваться; происходит как бы наложение кодов. Такой отголосок внутренней речи обнаруживается в конструкции с "обещающим местоимением". Первоначально, в первом сегменте конструкции, содержащем местоимение, информация подается в коде внутренней речи, а затем, во втором сегменте происходит перекодирование в речь "для других". Неназывание предмета речи (а только, например, указание на него, что и осуществляется с помощью местоимения) — одна из типических черт внутренней речи[23].

В следующих двух конструкциях информация подается аналогично: в первом сегменте — имплицитно (как бы в коде внутренней речи),

---

[23] *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.; Л., 1934. И.И. Ковтуновой рассмотрено, как эта типическая черта внутренней речи отражается в поэтической речи (См.: *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис).

а затем, во втором сегменте, это же содержание выражается эксплицитно — перекодируется в речь, понятную для адресата.

1) В препозиции — существительное с согласованным местоимением, не указывающим на предтекст, далее следует конкретизация. Местоимение выполняет интродуктивную функцию (тот, о котором будет идти речь)[24]: Мне хотелось бы еще/ э... сказать вот о чем// Мне хотелось бы сказать/ о *его воплошении/ вот этого противопоставления/ или сопоставления Востока с Западом/* вот которое есть в первой системе противопоставлений//; И я почувствовал *ее ритм/ вот этой главы*//; *Его цветовые характеристики/ этого плода/ померанца/* могут быть/ вот там/ в каких-то условиях разных/ совершенно различны//; Развитие идет/ *вот в этом направлении/ в направлении/ расширения применения/ электронной/ информатики*//; И *таких примеров/* можно было бы/ привести очень много/ *когда унификация не нужна*//; Дирекция контролирует/ *вот этот вот процесс/ процесс подготовки работы к печати*//

2) В первом сегменте конструкции представлен эллипсис, во втором — дается предикат, не выраженный в первом сегменте: Просматривается также гнездо прилагательного *с точки зрения кратких форм/ наличия кратких форм*//; Были унифицированы *имена лиц/ подача и толкование имен лиц*//; Если мы ставим перед собой *задачу/ именно функциональной грамматики/ построить функциональную грамматику*/...; Значит/ *для валов/ повышенной жесткости/ для валов/ к которым предъявляют повышенные требования/ в отношении жесткости их износостойкости/* вводят операции термообработки//. В этом случае перестройка конструкции связана с тем, что первоначальное устремление говорящего дать предмету имплицитное наименование побеждается решением дать полное, эксплицитное наименование.

Линейное построение плана выражения и нелинейное формирование плана содержания

Это явление, составляющее типическую особенность РР[25], обнаруживается и в устной публичной речи. Следует отметить, однако, что в публичной речи оно представлено в меньшей степени (менее частотно, проявления его менее разнообразны), чем в РР, и разным типам публичной речи присуще неодинаково. Линейность построения речи при нелинейности формирования содержания наиболее характерна для публичной речи неподготовленной или с невысокой степенью подготовки.

1. Регрессивная доработка (уточнение, конкретизация) и обусловленное ею дистантное расположение синтаксически связанных единиц

---

[24] Интродуктивная функция местоимения *этот* описана И.И. Ковтуновой на материале поэтической речи и охарактеризована как средство художественной речи вообще (*Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. С. 34).

[25] См.: *Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Universita Karlova. Praha. 1971. §. 29—38; Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981 (Вводные замечания. С. 12).

(словоформ и предикативных конструкций): Я должен напомнить/ что *для литературного языка*/ такие произношения/ *для полного стиля*/ неправомерно/ как мне кажется/ допускал Щерба//; Очень много *интересного материала* здесь/ *специфического* можно найти//; представьте себе/ что в Москве/ *фабрики* останавливались на Петра и Павла/ *ткацкие*/ на Петровке/ на покос//; Процент грамотности был очень высок/ и мужчин и женщин//; *Влияния*/ на себе я не испытывал *поэзии*/ а прозы/ да/ многих прозаиков//; Ну в частности/ *в тех работах* о которых я сказал/ *прошлого века*/...

В регрессивной доработке участвуют вставочные конструкции. Г.Г. Инфантова на материале РР убедительно показала, что подача информации в спонтанной речи с помощью вставочной конструкции закономерно обусловлена особенностями мышления, внутренней речи, процесса порождения высказываний[26]. Организация таких конструкций согласуется с результатами исследования механизма оперативной памяти. Оказывается, что если информация организуется в конструкции со вставками, то количество единиц, которые человек способен удержать в оперативной памяти, возрастает. Это справедливо и для публичной речи. Однако здесь (по сравнению с РР) вставка в среднем короче, структурно она более четко отграничена от прерываемого ею высказывания, интерференция нетипична. По смыслу вставка более тесно, чем в РР, связана с началом конструкции. Если в РР вставка нередко является сообщением, возникшим попутно, по ассоциации, то в публичной речи вставка, как правило, по смыслу подчинена началу высказывания, содержит те или иные дополнительные сведения о предмете речи: Вот эту проблему/ *она была поставлена Гумбольдтом*/ прекрасно понимал Аксаков//; Розби/ это шведский/ геофизик/ очень/ заслуженный/ уважаемый/ *он умер не так давно*/ и обративший внимание/ на/ большую актуальность/ волн Розби/ для процессов циркуляции атмосферы/ и океана//. Психология этого народа/ формировалась/ *этого древнего народа*/ таким образом/ что...// Поправки, уточнения: В этом новом издании/мы стремились прежде всего/ *ну может это и не прежде всего*/ *но стремились*/ пополнить словник//

Дистантное расположение деепричастного оборота и основного предиката, вызванное вторжением пояснения: И потом/*вернувшись в Москву*/ тут у меня родственники жили/ вообще я из Воронежа/ и туда возвращаться было некуда/ никого уже там не было/ честно говоря/ *не знал что делать*/ *и поступил в институт*// (выступление Г.Я. Бакланова в Институте русского языка АН СССР). В этом фрагменте представлены, с одной стороны, ориентация на письменный КЛЯ — употребление деепричастных оборотов, с другой — явления, свойственные РР: линейное формирование плана выражения и нелинейное формирование плана содержания.

Если вставка распространена, то часто после нее повторяется начало конструкции, то есть высказывание строится по схеме: начало

---

[26] *Инфантова Г.Г.* Вставочные конструкции в спонтанной русской разговорной речи// Československá rusistika. 1985. N 5.

конструкции + вставка + повтор начала конструкции + завершение конструкции[27]. Конечную цель/ они видят/ *значит вот эти авторы/ работающие в Ташкенте/ Дубровин и Пятимиров/* конечную цель/ они видят...//; /о концепции Плотина/ Ну значит/ в основном/ *смысл этой концепции в том* / там тоже есть учение о трех ипостасях/ *смысл этой концепции в том*/ что ипостась/ составляющая основу бытия/ э... это единая/ плоть душа//; (писатель — о повести) она возникла/ значит/ *вот она собственно/ о суете жизни*/ вот она возникла/ совершенно случайно//; Ну при этом конечно/ сама информатика/ *опять же вот/ -матика/ этот суффиксоид*/ сама информатика/ имеется в виду не в таком традиционном значении/ в каком это слово/ может быть развивалось/ на заре/ этой информатики//

2. Нелинейное формирование содержания объясняет и другой случай дистантного расположения синтаксически связанных единиц — вынесение в препозицию слова, информативно важного для говорящего в настоящий момент. Так, выносятся в препозицию (и часто — в особый сегмент) наречия с оценочным или усилительным значением: Или вот такие вот глаголы/ к специальной сфере относящиеся и *очень* уже сейчас *употребительные*//; *Очень* жизнь у них *динамичная*//; На Ближнем Востоке/ положение пока/ *очень*/ остается/ *напряженным*//; Результаты этой проверки специалистами/ *очень* были *различны*//; Дисплей/ в котором имеется расширенный/ *очень* для нас *нужный* алфавит//; Соболевский *очень* еще рано/ в 97 году прошлого века говорил/ что...//; *Много*/ пришлось принять упреков//. В то же время единица, информативно не нагруженная, помещается в постпозицию: Вот значит/ еще одно предложение/ которое/ как бы *в унисон*/ с идеей машинного фонда/ русского языка/ *звучит*//

Такое словорасположение в публичной речи (в текстах, характеризуемых невысокой степенью подготовленности) представлено, однако оно не составляет ее отличительной черты. Для публичной речи характерным является словопорядок, свойственный письменному КЛЯ: наиболее значимой является позиция конца высказывания.

3. Случаи, когда говорящий не справляется с коммуникативным намерением. Как показали исследования в области психолингвистики, планирование в устной речи принципиально отличается от планирования при создании письменного текста. В устной речи планирование происходит в коде внутренней речи, в котором большую роль играют зрительные представления и разнообразные схемы. "Во внутренней речи планируются смысловые вехи развития рассказа... Именно поэтому предварительное планирование не может регулировать к о н с т р у к ц и ю речи, осуществляющуюся в процессе самого планирования"[28] (разрядка наша. — *Т.М.*). Этим объясняются случаи, когда говорящий не справляется с собственным коммуникативным намерением; отсюда — перестройки конструкции, самоперебивы, "топтание", поиск нужного

---

[27] Такое построение, как и повтор темы перед однородными членами в позиции ремы, обусловлено двоякой функцией оперативной памяти — удержания и упреждения.

[28] *Жинкин Н.И.* Указ. соч. С. 51.

слова. Эти явления в подготовленной публичной речи представлены, однако они довольно редки, тогда как в речи с невысокой степенью подготовленности или неподготовленной — распространены.

Поиск способа изложения: Э... теперь настало время *сказать/ что такое/ ну вот что означает фамилия Розби*//; Речь шла о том/ чтобы изучить вот то что нужно/ *вот в такой вот/ в такой вот/ в таком параболическом сосуде*//; ... перенестись в Византию того раннего времени/ *когда еще не была закрыта Платоновская Академия*/ и *когда.../ и как раз перед тем временем/ когда была/ был открыт собор Святой Софии*//; Оказывается/ *что наиболее чистый/ в наиболее чистом виде*/ эти правила работают...//; *А первыми*/ поставить фильм *предложили/ первым поставить фильм предложило*/ телевидение/ Западной Германии//; Твардовский в общем/ вы если так посмотрите/ кто же печатался из прозаиков? Вся лучшая проза/ все лучшие прозаики/ которые сейчас уже ушли/ такие как Абрамов/ Трифонов/ они ведь могли сказать/ о влиянии Твардовского/ и говорили/ вот//

Перестройка, вызванная вторжением вставной конструкции с комментирующим значением: Я привел/ кусок этого стихотворения/ *который в точности просто пересказывает*/ ну я не знаю/ *что пересказывает/ может сказать лучше/ которое переложено им самим в прозе/ что/ то что о Византии он говорит/ вот в этом стихотворении*//

Встречаются случаи, когда человек, начав высказывание, не заканчивает его и начинает новое с новым замыслом: Вот буквально на днях/ *мне попалась/ Игорь Дудков/ вы знаете что есть такой критик/ это очень хороший на мой взгляд критик*// *И ему из Бреста человек/ прислал повесть/ а он прислал ее мне значит*// (первоначальный замысел "мне попалась повесть"). *Для того чтобы/в системе вращающейся*/ ну вот будем рисовать вращение/ всюду будем рисовать вращение/ системы против часовой стрелки//. Самоперебив часто вызван тем, что говорящий возвращается к мысли, высказанной ранее: Никаких объяснений этому факту нет// Странный факт// *Вообще все/ о чем я сейчас говорил/ относится*/ ну и таких фактов еще очень много/ я боюсь что/вот значит я не сумею просто пересказать всех примеров/ которые я приготовил//. Более чем через 10 высказываний незаконченная мысль оформляется заново и иным способом: Лингвистических объяснений/ эксплицирующих/ почему/ можно так сказать/ быть не может / это очень общ/ это обширнейшая область языковой такой идиоматики//

Избыточность имплицитности и эксплицитности

В устной публичной речи распространены случаи избыточной экспликации, не свойственной письменному КЛЯ. Стремление к максимальной эксплицитности лежит в основе рассмотренных приемов: разного рода дублирования средств выражения, конструкции идентификации, смысловой круг, вербализация презумпции существования, повторы разного рода. В письменных текстах информация выражается более компактно и экономно. Вместе с тем в устной публичной речи действует и

другая, противоположная, тенденция — к имплицитности[29]. Устной публичной речи свойственна имплицитность, недопустимая в письменном КЛЯ. Однако в этом плане публичная речь значительно отличается от РР. В публичной речи доля невыраженного смысла значительно меньше, а спектр этих смыслов гораздо уже, набор их весьма ограничен. Мера имплицитности в разных типах публичной речи не одинакова и предопределена степенью общности апперцепционной базы партнеров коммуникации. Естественно, что имплицитные способы выражения более частотны и доля невыраженного смысла более высока, если говорящий и слушающие знакомы, являются членами одного коллектива, заняты общим делом и т.д. В наших материалах — это выступление научного сотрудника перед коллегами в институте, в котором они работают: Но а вот это/ волновое число/ в случае земли/ например/ *это азимутальное волновое число/ вдоль параллели*// (Имплицитен конец высказывания. Невыраженный смысл: "которое исчисляется, определяется"); *Ну то же самое/ еще одна сфера*//. (Ср. в письменной речи: то же самое явление наблюдается (можно проследить, обнаруживается) еще в одной сфере); *Какие работы я имею в виду?* Ну скажем/ малый толковый словарь/ для национальных/ республик/ задача/ исключительно важная//. (Ср. в письм. речи: малый толковый словарь для национальных республик, создание которого является исключительно важной задачей). А вот/ с поворотным столом (станок. — *Т.М.*) он неудобен/по очень простой причине/ потому что у него/ придется ставить (деталь. — *Т.В.*)/ в центре поворотного стола/ до него надо дотягиваться под шпангами//. В последнем высказывании представлены обе противоположно направленные тенденции: с одной стороны — имплицитность, нехарактерная для письменной речи, опора на общую апперцепционную базу, с другой стороны — избыточная экспликация, дублирование средств выражения (*по очень простой причине/ потому что*).

Избыточность эксплицитности и имплицитности способов выражения свойственна всем типам устной речи. Что касается публичной речи, то это явление типично для текстов, характеризуемых параметрами: невысокая степень официальности, невысокая степень подготовленности.

Расширение функций некоторых единиц

Для устной публичной речи характерно расширение (по сравнению с письменной речью) функций именительного падежа.

Конструкция со связочным глаголом *является* и существительным в форме творительного падежа избегается, в то время как конструкция с нулевым глаголом, местоимением *это* и существительным в форме именительного падежа очень употребительны: Московский народный

---

[29] Одна из первых работ, в которых рассматривается явление имплицитности в РР: *Скребнев Ю.М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Докт. дис. М., 1971. См. также: Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Тезисы краевой научной конференции. Красноярск, 1986.

говор/ это обособленная единица/ в языковом подразделении//; Самая большая проблема/ это проблема национальных кадров//. Пожалуй/ второй важный недостаток/ это невозможность обработки валов/ с крутоубывающим диаметром//

Малоупотребительны также связки *представляет собой, наблюдается, обнаруживается, находится, имеется, требует,* широко распространенные в письменной кодифицированной речи. Например: *Основное различие/ это в произношении//* (ср. в письменной речи: *Основное различие обнаруживается (наблюдается) в произношении*). Однако унифицировать словарные статьи/ не представлялось возможным/ потому что *это колоссальная работа//* (ср. в письменной речи: *...потому что это потребовало бы (требует колоссальной работы*). Иногда говорящий начинает конструкцию со связкой, однако затем перестраивает свое высказывание, употребляя конструкцию без глагольной связи, например: Следовательно/ подчеркиваю/ что *важнейшими* так сказать/ ту/ *узлами*/ признаки и строгие характеристики которых нужно искать/ в дальнейшем/ это вот именно *наличие доминанты/ и наличие/ противопоставленности по ряду/ собственно языковых признаков//*

Именительный предикативный: Это довольно большая работа/ и это *будет большое усовершенствование* словаря// (письменная речь: это *будет большим усовершенствованием* словаря). Сердцевина в этом случае/ у вала/ остается *сырая*//; Это не значит/ что резец должен быть обязательно *алмазный//*

Именительный падеж в конструкции с отрицанием: И я сейчас *не подобрала примеры*//; И вообще/ такие *примеры/ не даю*//; *Не упустить/ никакие семантические характеристики/* а иногда и предметные характеристики. Ср. также употребление именительного падежа при числительных вместо родительного, полагающегося по нормам письменной кодифицированной речи: целесообразно выделить *четыре такие вот/ центральные/ главенствующие назначения языка//*

Таким образом, в публичной речи, как и в других типах устной речи, действует тенденция к расширению функций именительного падежа (по сравнению с письменным КЛЯ). Вместе с тем набор функций им.п. в публичной речи значительно уже, чем в РР[30].

Для устной публичной речи характерно также расширение функций ряда местоимений — они выполняют некоторые функции, типичные для РР[31]. Как мы отмечали, местоимения *он, она, они* используются в конструкциях с удвоением в целях актуального членения. Вместе с тем употребление этих местоимений в анафорической функции в устной публичной речи представлено менее, чем в письменной речи. В публичной речи нередко используется чистый повтор в следующих друг за другом высказываниях, что, очевидно, облегчает — как для говорящего, так и для слушающего отождествление предмета речи: *Этот словарь/* идет в зарубежные страны/ то есть туда/ где изучают русский язык/ и там к *этому словарю/* предъявляют/

[30] О функциях именительного падежа в РР см.: Русская разговорная речь. С. 241—264.

[31] О функциях местоимений в РР см.: Там же. С. 266—288, 359—360.

совсем иные требования//; Эта классификация/ и сами картотеки/ были переданы в издательство/ для *проверки специалистами*// *Проверка специалистами*/ осуществлена/ и учтена/ при новом издании// Однако сразу надо сказать/ что результаты/ *этой проверки*/ *специалистами*/ очень были различны//

Местоимение *такой* употребляется без антецедента в предшествующем высказывании (сопровождает номинацию впервые упоминаемого предмета или явления) и без последующей конкретизации (ср. в письменном КЛЯ: *такой..., который...; такой..., что...*). При этом отсутствует не только лексический, но также интонационный и жестовый конкретизаторы. Выступая в высказывании, как правило, перед ремой, *такой* выполняет следующие функции: 1) способствует актуализации ремы; 2) выражает значение неопределенности, приблизительности — употребляя местоимение *такой*, говорящий как бы снимает с себя ответственность за точность избрания последующего слова (существительного, чаще — в сочетании с прилагательным): Я не собираюсь доклад произносить// Это будет/ *такое*/ *вступительное слово*//

Многочисленны функции местоимения *этот*. Общеизвестно, что в письменной речи местоимению *этот* свойственна анафорическая функция; в устной речи местоимение *этот* наряду с анафорической выполняет дейктическую функцию, указывая на действительность — предмет речи, находящийся перед участниками коммуникации.

В устной речи, в том числе в публичной, выделяются еще три функции местоимения *этот*. 1. *Этот* используется в интродуктивной функции. 2. Наряду с дейксисом зрительного восприятия для устной речи типичен дейксис представления[32]. Местоимение *этот* употребляется при существительном, впервые упоминаемом в данном контексте и вместе с тем не являющимся обозначением реального объекта, находящегося перед участниками коммуникации: Мне бы сейчас/ ничего бы не стоило/ взять и написать/ как унифицировать/ вот *эти* служебные лексемы//. В предшествующих высказываниях о служебных лексемах не говорится, о них упоминалось около часа тому назад. Аналогичное употребление свойственно чешскому *ten*, которое, как показывает П. Адамец, относится не только к своему существительному, но и ко всему содержанию предложения и несет не только референциальную, но и контактоустанавливающую функцию — отсылает к информированности и совместному опыту говорящего и адресата, обозначая что-то вроде "знаешь/ помнишь, как мы вместе"[33]. Употребление *этот* в данном значении типично для РР.

---

[32] Разграничение дейксиса зрительного восприятия и дейксиса представления предложено К. Бюлером. См.: *Bühler K.* Sprachtheorie. Frankfurt a.M., 1978. Это противопоставление плодотворно разработано И.И. Ковтуновой на материале поэтической речи. Дейксис представления, в частности употребление местоимения *этот* в значении 'находящийся или проходящий перед внутренним взором',выполняет очень важную функцию — изобразительную — в поэтической речи (*Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. С. 24—60).

[33] *Адамец П.* К вопросу о выражении референциальной соотнесенности в чешском и русском языках// Новое в зарубежной лингвистике. XV. М.: Прогресс, 1985. С. 487—498; см. также комментарий Е.А. Земской к этой работе (С. 22—23).

3. К рассмотренному случаю близко употребление местоимения *этот* в экспрессивно-оценочном значении отчуждения предмета речи от говорящего "не мое, не близкое мне и не одобряемое мной": Вот зачем/ так широко вводите/ *эту разговорную речь*//. Ср. широко распространенное в РР, но не свойственное публичной речи, употребление типа: *Этот Вася! Эти практиканты!* (существительное интонационно выделено).

Местоимение *там* используется как средство перехода от общего к конкретному, *теперь* — как средство перехода к следующему положению. *Здесь* используется в значении 'при этом': И *здесь* опять мы слышим упреки/ почему нет унификации// Многочисленны функции *вот*, несвойственные письменному КЛЯ. Активно используется чуждое письменному КЛЯ местоимение *какой-то*, выражающее наряду со значением неопределенности значение 'малый, недостаточный': И я думаю/ что/ к марту/ к нашему совещанию/ будут в руках/ *какие-то* материалы/ которые можно будет/ обсуждать//. Таким образом, рассмотренные функции местоимений можно охарактеризовать как черту, типичную не только для РР, но и для продуцируемой литературной устной речи вообще.

Подведем итоги.

1. Языковая организация литературной публичной речи неоднородна, что обусловлено неодинаковой (в каждой конкретной ситуации) конфигурацией факторов, составляющих коммуникативный акт: 1) степень подготовленности; 2) степень официальности; 3) симметричность/ несимметричность адресата с точки зрения осведомленности относительно предмета речи. Важнейшим для языковой организации является первый фактор.

2. Выступающий, имеющий навыки публичной речи, как правило, учитывает особенности восприятия устного текста и для осуществления определенного коммуникативного намерения использует целый ряд речевых приемов.

3. Публичная речь ни в коей мере не может быть отождествлена с РР. Далеко не все синтаксические явления, свойственные РР, представлены (а значит, допустимы, "дозволены") в публичной речи.

4. Общими чертами литературной устной речи (РР и публичной речи) являются следующие: 1) тенденция к посегментной подаче информации; 2) линейное построение плана выражения при нелинейном формировании плана содержания; 3) избыточность имплицитности и эксплицитности; 4) представленность языковых черт внутренней речи (использование местоимений без антецедента может быть интерпретировано как рефлекс, "отзвук" внутренней речи; с этой точки зрения был охарактеризован также ряд синтаксических конструкций). Вторая и третья черты типичны не для всех разновидностей публичной речи, а только для речи с невысокой степенью подготовки или — спонтанной. И даже в этих сферах проявление названных тенденций отличается от соответствующих явлений РР. В публичной речи факты, отражающие эти тенденции, соседствуют и даже "переплетены" с фактами, характерными для письменного КЛЯ.

5. Ряд явлений, определяемых как общие для синтаксиса поэти-

ческой речи и РР[34], находит соответствие и в публичной речи. В связи с этим представляется плодотворным в дальнейшем исследовать не только область "поэтическая речь — РР", но и — "поэтическая речь — устная речь".

6. Рассмотренные особенности синтаксической организации устной речи согласуются с результатами, полученными при исследовании функций полушарий мозга, механизма внутренней речи и порождения устного высказывания.

7. Отклонения от норм письменного КЛЯ в литературной публичной речи обнаруживаются не на уровне словосочетания, а на уровне высказывания. Если для синтаксиса просторечия типично нарушение норм управления, то для литературной речи — как для РР, так и для публичной (даже спонтанной) — это не характерно. Этот факт объясним с точки зрения механизма порождения речи. Механизм оперативной памяти работает примерно так: должны удерживаться и упреждаться два соседних синтаксически связанных слова, далее — следующие два и так в цепи всего высказывания. Схемы или модели синтаксических объединений хранятся в долговременной памяти. В момент порождения высказывания из долговременной памяти в оперативную память поступают пары синтаксически связанных слов[35]. У литературно говорящего в долговременной памяти заложены блоки правильно связанных слов (правильное управление, в частности), а поэтому и воспроизводятся, "выплескиваются" оперативной памятью правильные словосочетания, как правило, даже в спонтанной речи. Иное дело — у просторечно говорящего: у него в долговременной памяти уже заложено неправильное управление, поэтому в речи, даже тщательно подготовленной, оперативной памятью подается неправильное управление. Таким образом, отклонения от нормативного управления обусловлены не устностью. Синтаксические особенности, обусловленные устностью, обнаруживаются не на уровне словосочетания — синтаксической пары, а на уровне высказывания, т.е. на том уровне, где организуется несколько синтаксических пар.

В связи со сказанным важно отметить следующее. В исследованиях, посвященных поэтической речи, была высказана идея — поэт мыслит словосочетаниями. "...Он никогда не подбирает одно слово, за ним следующее, затем третье и т.д. — нет, в его сознании намечается общая конструкция (стих или фрагмент стиха) с одним или несколькими опорными словами... Если поэт пользуется готовыми словосочетаниями языка, то это также естественно, как то, что он пользуется готовыми словами языка"[36]. Знаменательно, что формульность первоначально рассматривалась как типическая черта фольклорной поэзии и исследовалась только по отношению к этому материалу. Объясняет-

---

[34] См. названные работы И.И. Ковтуновой, где впервые в отечественной лингвистике осуществлен глубокий анализ языковых черт, общих для поэтической речи, внутренней речи и РР с позиций условий коммуникации.

[35] *Жинкин Н.И.* Указ. соч. С. 47—54.

[36] См.: *Гаспаров М.Л.* Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе// Проблемы структурной лингвистики. 1983. М.: Наука, 1986. С. 197.

ся это тем, что в сфере фольклора формульность наиболее очевидна, заметна. Следовательно, изначально формульность восходит именно к устной традиции — к устности. Таким образом, обнаруживается еще одна линия сближения языковых черт спонтанной устной речи и поэтической речи.

Н.Н. РОЗАНОВА

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ СТАРОМОСКОВСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ МОСКВИЧЕЙ

В последние годы особенно возрос интерес к изучению явлений фразовой фонетики. Один из аспектов такого изучения — исследование влияния просодии фразы на фонетическую структуру слова. Еще недавно этот аспект почти не затрагивался в работах по русской фонетике. Так, в наиболее полной книге Р.И. Аванесова, посвященной русскому литературному произношению, описывается произношение отдельных слов, вне учета их позиций во фразе[1].

Приступив к изучению устной спонтанной речи, исследователи обратили внимание на высокую вариативность произношения слов в тексте. Однако эта вариативность не беспредельна, она подчиняется фразовым условиям реализации слов. На зависимость фонетического облика слова от его фразовой позиции неоднократно указывал С.С. Высотский[2]. Эта идея получила дальнейшую разработку в трудах Т.М. Николаевой, Л.В. Златоустовой, Н.Д. Светозаровой, Р.Ф. Пауфошимы и др.[3] Обобщая их наблюдения, сделанные на материале разных функционально-речевых сфер современного русского языка, можно выделить следующие сильные позиции для слов в составе фразы: 1) начало фразы (синтагмы), 2) позиция интонационного центра синтагмы (т.е. выделенность слова фразовым акцентом или синтагматическим (фразовым) ударением). В сильной фразовой позиции фонетический облик слова меньше всего деформируется. Слабыми фра-

---

[1] Ср. следующее замечание Р.И. Аванесова: "В настоящей книге не рассматривается вопрос о произношении связного текста — его членении паузами, интонации, темпе, тембре, выразительной стороне и т.д.: в ней речь идет лишь о произношении каждого отдельного слова в этом тексте, или, точнее, о произношении фонетического слова" (*Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., 1984. С. 17).

[2] *Высотский С.С.* Работы Е.Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных// Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР. М., 1949. Вып. 6; *Он же.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах// Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967; *Он же.* О звуковой структуре слова в русских говорах// Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

[3] *Николаева Т.М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969; *Она же.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977; *Златоустова Л.В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962; *Златоустова Л.В. и др.* Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий// Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968; *Светозарова Н.Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982; *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

зовыми позициями являются: 1) конец фразы или синтагмы (если слово не имеет синтагматического (фразового) ударения и не выделено фразовым акцентом); 2)середина синтагмы рядом с фразовым акцентом[4]. В настоящее время анализ фонетической структуры слова в потоке речи уже невозможен без учета его позиции во фразе.

* * *

В данной работе мы обратились к рассмотрению особенностей реализации гласных фонем <а> и <о> в I предударном слоге после твердых согласных (кроме шипящих и [ц]) в произношении коренных жителей Москвы. Иными словами, мы попытались рассмотреть, сохранилась ли в речи москвичей растяжка предударного *а*, характеризовавшая московский народный говор и сохранившаяся в речи носителей московского просторечия, а также некоторых представителей старой московской интеллигенции[5].

Как известно, в русском языке гласные под влиянием сильно централизованного ударения в слове редуцируются, т.е. изменяются по тембру, длительности и интенсивности. При этом степень редукции гласных зависит от их положения по отношению к ударному слогу. Касаясь вопроса о распределении безударных гласных внутри фонетического слова, обычно употребляют выражение "формула Потебни". А.А. Потебня, отмечая своеобразие ритмической организации русского слова, вывел следующее правило: "Слог третий от ударяемого слабее второго, предшествующего ударяемому, и равен слогу, следующему за ударяемым. Если тоническую силу ударяемого слога обозначить через 3, то отношение других слогов к ударяемому в четырехсложном слове можно будет изобразить так: 1, 2, 3, 1"[6].

В последующих работах выводы А.А. Потебни подвергались инструментальной проверке. Было замечено, что наиболее полно формула А.А. Потебни проявляется в словах, где в безударной позиции находится гласный [а][7].

С.С. Высотский признает, что в целом формула верно отражает соотношение гласных в слове по тембру, длительности и интенсивности. Он дает схемы распределения гласных ударного и безударных слогов по длительности. Этот признак можно считать ведущим, так как основной характеристикой ударного гласного является длительность. Для современного русского литературного языка характерна "заметная двухступенчатость"[8], т.е. гласный I предударного слога длительнее II предударного и короче ударного. В московском народном говоре, многие черты которого отражены в современном московском просторечии, была представлена модель, отличие которой от литературного стандарта заключается прежде всего в том, что гласный I предударного

---

[4] Вслед за Т.М. Николаевой, мы разграничиваем понятия "фразовое (синтагматическое) ударение" и "акцентное выделение". Эти понятия различаются функционально. Фразовое ударение рассматривается как "основной интонационный фактор, организующий высказывание в целом", а акцентное выделение как бы накладывается на нейтральный интонационный рисунок фразы и относится к сфере коммуникативного синтаксиса (См.: *Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982).

[5] *Аванесов Р.И.* Указ. соч. С. 49; *Высотский С.С.* О московском народном говоре// Городское просторечие. М., 1984.

[6] *Потебня А.А.* Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866. С. 66.

[7] "Гласный [а] в позиции после твердых согласных по сравнению с другими гласными менее устойчив: безударный [а] отличается от ударных не только длительностью, но и качеством" (*Вербицкая Л.А.* Русская орфоэпия, Л., 1976. С. 49). "...Так, если будем сравнивать длительность [а] в первом и втором *предударном* (курсив автора. — *Н.Р.*) слогах с длительностью ударного гласного, то окажется, что их отношение приблизительно можно выразить пропорцией 1:2:3, где 3 — длительность ударного гласного" (*Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. С. 155).

[8] *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова... С. 35.

слога мог быть равен ударному или превышал по длительности ударный, а во II предударном слоге длительность гласного сокращалась[9].

В работах С.С. Высотского вводится понятие "стереотип фонетического слова", соответствующее нормам определенной языковой системы. «Осуществление стереотипа слова постоянно находится под "бессознательным" контролем артикуляционных и слуховых навыков говорящего, в результате чего внешний облик слова на высшем уровне фиксируется как языковое правило»[10]. Привычное распределение гласных в слове по тембру, длительности и интенсивности является одной из характеристик стереотипа произношения слов носителями литературного языка.

Приведенные типы распределения длительности гласных представляют собой разные варианты стереотипа фонетического слова в московской разновидности литературного произношения. Двухступенчатая модель редукции с гласным I предударного слога, не превышающим длительности ударного гласного и преобладающим над длительностью II предударного, характеризует стереотип фонетического слова в литературной норме. В старомосковском варианте нормы было распространено произношение с удлинением предударного *а*, свойственное московскому народному говору[11]. Эта особенность старомосковской речи хорошо осознается носителями современной литературной нормы. Приведем такой пример. В одном из выступлений поэт В.Д. Берестов, имитируя старомосковское произношение, сильно растягивает *а* в I предударном слоге. Характерно, что речи самого В.Д. Берестова удлинение *а* в этой позиции не свойственно. Вот отрывок из его выступления:

Так было со мной в Англии// Э-э... однажды... даже уже не в Англии/ в Дублине/ э... я был в гостях у ирландки/ преподавательницы русского языка/ и там была учительница/ эмигрантка/ престарелая// И мы разговаривали/ и потом она сказала// "Бо-о-же! Слухи о том/ что русский язык совершенно американизировался/ верны// Если даже поэт/ гов[ạ:]рит/ как... пулемёт/ и в такой манере/ значит к[ạ:]нец света"// И тогда когда был breakfast/ э... наш прощальный в Лондоне/ я решил... а там было очень много/ эмигрантов/ я решил не ударить в грязь лицом/ я вспомнил как/ говорили сестры Поле-е-новы/ всё/ и когда/ "Вопрос мистеру Берестову/ чем он объясняет/ э-э... такую популярность поэзии в России?"/ Я сказал/ Го-о-споди/ в Р[ạ:]ссии с п[ạ:]кон веку/ об[ạ:]жали поэзию// Вот// И в таком духе/ я им ответил// И они под... пришли ко мне/ и сказали// "Мы благод[ạ:]рим

---

[9] Там же; см. также: *Высотский С.С.* О московском народном говоре... С. 34.

[10] *Высотский С.С.* Фонемный состав слова как основа для изучения звукового строя говора// Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977. С. 50.

[11] Этот тип произношения был присущ многим представителям старой московской интеллигенции. Удлинение I предударного *а* наблюдалось в речи Д.Н. Ушакова, С.Е. Крючкова, И.С. Ильинской, Б.Л. Пастернака, С.С. Высотского. Сейчас такое произношение сохранилось, например, у В.Я. Виленкина, С.В. Образцова.

вас/ за ваш прекрасный/ русский язык/ слухи/ о том что он американизировался/ не справедли-и-вы"// Так было приятно//[12].

Таким образом, в современном литературном произношении москвичей на месте <а>, <о> после твердых согласных в I предударном слоге обычно выступает гласный [ạ] более верхнего подъема, чем ударный, среднего ряда, по длительности меньше ударного, но больше II предударного (модель *тьтạтд́*)[13], но возможен широкий открытый [ạ:], длительность которого приближается к длительности ударного, а нередко превышает ее (модель *тьта:тд́*). В спонтанной устной речи отмечается кроме того в этой позиции произношение "ъ"-образного звука, по тембру приближающегося к [ы][14] (модель тътаъта́). Наблюдения над произношением носителей московского просторечия показали, что аналогичные модели редукции предударных гласных существуют и в этой языковой сфере. Модели типа *тьта:та́*, *тьтатд́*, *тьтаътд́* представляют собой варианты стереотипа фонетического слова.

В задачи данной работы входило выяснение причин вариативности ритмического облика слов в разных фразовых контекстах. Прослушивание магнитофонных записей, представляющих различные жанры устной речи (лекция, доклад, выступление по радио и телевидению; непринужденные беседы, рассказы людей, владеющих литературной нормой; рассказы, беседы, официальные выступления носителей просторечия) дает в руки исследователя богатый материал. Наиболее интересные случаи прослушивались на сегментаторе с целью уточнения произношения редуцированных гласных и измерения их длительности. Для выяснения влияния фразовой просодии на просодические свойства рассматриваемых слов были сняты осциллограммы некоторых фраз.

Различное соотношение ударного и безударных гласных внутри фонетического слова зависит от разных причин: длины слова, качественных характеристик гласных, влияния на безударный гласный предшествующего согласного, действия межслоговой ассимиляции[15], различий во фразовой позиции слов, их коммуникативного веса в высказывании[16]. Влияние перечисленных факторов на ритмическую струк-

---

[12] Выступление состоялось в 1982 году в ИРЯ АН СССР. Магнитофонная запись этого выступления хранится в фонотеке Лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР.

[13] В фонетической литературе редуцированный гласный I предударного слога часто обозначается как [Λ]. Мы используем обозначение, предложенное С.С. Высотским —[ạ].

[14] См.: Русская разговорная речь. М., 1973. С. 44—46 (автор раздела — Г.А. Баринова); Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи. ЛГУ, 1980. С. 119. (автор раздела — Н.И. Гейльман).

[15] *Пауфошима Р.Ф.* Активные процессы в современном русском литературном языке: (Ассимилятивные изменения безударных гласных)// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 39, N 1, 1980.

[16] Ср. замечание С.С. Высотского о вариантах стереотипа фонетического слова: «Известна большая вариативность этих стереотипов, связанная не столько с "факультативными" отклонениями, не поддающимися простой классификации, сколько с ритмо-мелодическими условиями реализации фразы и разновидностями стиля речи» (*Высотский С.С.* Фонемный состав... С. 49). Ср. также: "Анализ фонетической структуры предложения показывает, что слово определенной ритмической структуры в потоке речи не имеет постоянных, раз и навсегда заданных просодических характеристик. Длительность, интенсивность и в особенности мелодика слова претерпевают значительные

туру слова исследовалось в ряде работ на специально подготовленном экспериментальном материале[17]. В настоящей работе мы анализировали спонтанную речь москвичей в ее жанровом многообразии, стремясь выяснить, влияет ли тип и жанр устной речи на употребительность ритмических вариантов.

ДАННЫЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Двухступенчатая модель редукции (тътатá) представляет собой основную ритмическую модель, широко распространенную в современном литературном произношении. Особенно частотна она в наиболее строго нормированных жанрах устной речи (например, в теле- и радиоинформационных передачах, в научных докладах и сообщениях и т.п.)[18] Менее строгие жанры допускают широкое варьирование и других ритмических моделей (тъта:тá, тъта^{ъ}тá).

Модель *тъта:тá*. Слова с широким открытым *а* в I предударном слоге, приближающимся по длительности к ударному, а нередко превышающим его длительность, часто встречаются в жанрах РР. Об этом же свидетельствуют многочисленные ослышки, базирующиеся на неправильной оценке места ударения в слове (ударение "перетягивается" на I предударный слог):

Сказано:	Услышано:
Иванóв	Ивáнов
моя́	Мáйя
втора́я любовь	ста́рая любовь
краси́вый	кра́сили

Одна из причин, создающих основу для ослышек со смещенным ударением, — увеличение длительности гласного I предударного слога[19].

Удлинение предударного *а* не зависит в данном случае от акустиче-

---

изменения в зависимости от типа интонации предложения, в который это слово входит, и от того, каков семантический вес слова и какое место в интонационном контуре оно занимает. Просодика слова и просодика фразы находятся в сложных отношениях" (*Светозарова Н.Д.* Указ. соч. С. 123—124).

[17] См., например: *Болла К.* Некоторые вопросы соотношения длительности гласных звуков русской речи// Вестн. Моск. ун-та. Филология. 1968. N 3; *Златоустова Л.В.* и др. Исследование длительности...; *Бондарко Л.В., Зиндер Л.Р.* Фонетическая характеристика различных типов синтаксических сочетаний в нивхском языке// ВЯ. 1962. N 4; *Златоустова Л.В.* Фонетические единицы русской речи. М., 1981; и др.

[18] Данная модель редукции неоднократно исследовалась во многих работах по русской фонетике, и поэтому нами подробно не рассматривается.

[19] Г.М. Богомазов и Р.Ф. Пауфошима провели экспериментальное исследование, в котором выясняли причины "перетяжки" ударения на предыдущий слог при восприятии слов в спонтанной речи. Исследовался старомосковский тип произношения с растяжкой предударного гласного. В результате проведенного эксперимента авторы пришли к выводу, о том что основными физическими коррелятами, существенными для восприятия ударения, являются длительность, интенсивность и изменение частоты основного тона. Наличие этих характеристик у предударного гласного при старомосковском варианте произношения и создает, вероятно, условия для неверной оценки места ударения при ослышках (*Богомазов Г.М., Пауфошима Р.Ф.* О влиянии структуры слова на восприятие русского ударения// Экспериментально-фонетический анализ речи. Л., 1984).

ских характеристик ударного гласного[20] (табл. 1). Нередко при сильном продлении I предударного *а* длительность гласного во II предударном уменьшается и контрастирует с гласными последующих слогов (табл. 2). Такое распределение гласных по длительности было характерно для старого московского просторечия и отражало тенденцию русского слова к изохронности. О наличии этой тенденции в современной РР свидетельствует такой хорошо известный факт, что сильной количественной редукции (вплоть до полной утраты) наиболее часто подвергаются гласные II предударного слога, утрата гласного обычно "компенсируется" удлинением гласного в I предударном слоге: [*млᵠ:*] *дёжный*, [*гвᵠ:*]*ри́ла*, [*прᵠ:*]*зи́л*, [*чˈлᵠ:*] *ве́к*.

Употребительность рассматриваемой ритмической модели тесно связана с фразовыми условиями реализации слова. Удлинение предударного *а* наиболее вероятно в словах, встречающихся в сильной фразовой позиции (в начале фразы / синтагмы или под фразовым акцентом): (из рассказа актрисы о поступлении в театральную студию) К[ᵠ:]нечно годы сту́дии/ были очень тру́дными для меня//; Очевидно т[ᵠ:]кое все-тки было жела́ние/ что я преод[ᵠ:]ле́ла даже э́то (стеснение)//; (из рассказа о походе) П[ᵠ:]то́м она моментально стала улыба-а́-ться всем/ чтобы п[ᵠ:]дбо́дрить//; (из разговора) А. А когда́ это будет? Б. Да там з[ᵠ:] писано/ в середине дек[ᵠ:]бря́//; (из разговора приятельниц) Может ты сёдня позв[ᵠ:]ни́шь/ ска́жешь?; (из телеинтервью) С нашей стороны мор[ᵠ:]то́рий/ а с их что?; (из научного доклада) Он перевёл черед[ᵠ:]ва́ния/ из области фоне́тики/ в область морф[а:]ло́гии//[21].

Данная ритмическая модель широко встречается в разных жанрах устной речи и свойственна преимущественно женщинам; в мужской речи удлинение *а* предударного распространено гораздо меньше. Приведенные примеры записаны главным образом от женщин-москвичек, носительниц современного литературного языка.

Акцентно выделенные слова являются обычно наиболее информативными компонентами высказывания. Широкий открытый долгий [ᵠ:] в I предударном слоге чаще всего возможен в словах с фразовым акцентом (при наличии фразового ударения на другом слове, произносимом без растяжки). Ср. следующие примеры[22]: (из разговора о летней

---

[20] Л.В. Златоустова отмечала: "Результаты анализа распределения длительности ударных и предударных слогов разного фонетического состава обнаруживают сближение по времени реализации ударного и предударного гласных в случаях, когда в ударной позиции "узкий" гласный, а в предударной — "широкий" (*Златоустова Л.В.* Фонетические единицы... С. 24). Данные спонтанной речи показывают, что в словах, реализующихся по модели типа *тьта:та́*, наличие в ударном слоге "узкого" или "широкого" гласного может и не оказывать воздействия на распределение предударных гласных по длительности.

[21] Обозначение фразовых акцентов и тонов дается нами в соответствии с классификацией, предложенной С.В. Кодзасовым (*Кодзасов С.В.* Интонация вопросительных предложений: форма и функции// Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. С. 48—63).

[22] Цифры, приводимые в скобках после слова, указывают длительность предударного и ударного гласных в слове. Фразовое ударение обозначается знаком, внизу строки перед ударяемым словом.

Таблица 1

Слово	Гласные I предударного и ударного слогов	Длительность гласных (в мсек)	Длительность гласных (в %)
говорит	а—и	100—76	132—100
записаны	а—и	99—60	165—100
с горы	а—ы	84—63	133—100
стороны	а—ы	96—90	107—100
абсолютно	а—у	98—92	107—100
заложить	а—ы	94—95	99—100
солдатики	а—а	124—88	141—100
раздражать	а—а	101—92	110—100
человек	а—э	83—64	130—100
в Замоскворечье	а—э	110—74	149—100
успокоилась	а—о	122—115	106—100
простой	а—о	83—75	111—100

Таблица 2

Слово	Гласные ударного и предударных слогов	Длительность гласных (в мсек)	Длительность гласных (в %)
хорошо	ъ—а—о	36—136—115	31—118—100
заказала	ъ—а—а	52—116—90	58—129—100
загорать	ъ—а—а	44—84—96	46—88—100
раздражать	ъ—а—а	50—101—92	54—110—100
Замоскворечье	ъ—ъ—а—э	46—58—110—74	62—78—149—100
в темноте	ь—а—э	36—110—65	55—169—100
Петроград	ь—а—а	30—66—65	46—102—100
с рюкзаками	у—а—а	65—133—98	66—136—100

обуви) Вот эти я зак[а:]зала (116—90) бос[а]ножки//; (о ростбифе) Я попробовала/ он был абс[а:]лютно (98—92) кр[а]вавый (94—117)// (о командировке) С условием меня оттуда отпустили/ что я в[а:]сьмого (82—75) опять улечу//

Растяжка предударного *а* обычно встречается в словах, выделенных положительным акцентом (ˈ) или нисходящим тоном(ˎ). Если на ударном гласном реализуется восходящий тон с отсутствием падения на заударных слогах (◜; ИК—6 по классификации Е.А. Брызгуновой), то предударный *а* произносится, как правило, в соответствии с литературным стандартом, без удлинения. Это, вероятно, связано с тем, что данный тип мелодики нередко сочетается с растяжкой ударного гласного[23]. Ср. такие примеры: (из рассказа о походе) Она нам сказала/ складывайте рюкз[а]ки-и (120—158)/ дальше вы не пр[а:]йдете (132—102)/ с рюкз[а:]ками (133—98)//; Тут/ все сложили рюкз[а]ки (120—134)/ оста-а-вили (85—133)/ и пошли так//; Очень [хра:]шо (104—82) сделано/ все эти с[а]лда-а-тики павловские (88—124)//

[23] Русская разговорная речь. М., 1973. С. 148.

В конечных синтагмах повествовательных высказываний фразовый акцент может реализоваться следующим образом. Последний предударный слог синтагмы имеет наибольшую длительность, интенсивность и характеризуется бóльшим повышением тона по сравнению с ударным[24]. Если в последнем предударном слоге синтагмы оказывается гласный [а], то он превышает по длительности ударный гласный (т.е. слово реализуется по модели *тьта:та́*): Теперь я поняла сразу/ как только вы чуть-чуть подск[а̀:]зàли//; Я вчера в четвертом часу/ слышала ваши [гла̀:]сà//; Ну я так и дýмала/ мне так и ск[а̀:]зàли/ это дист[а̀:]ния//; Нет ну он очень д[а̀:]тóшный//; (о попугае) Бóнечку мы обычно ловим в темн[а̀:]тè//.

Обычно такой вариант оформления каденции встречается в конечных фразах тематических периодов перед паузой или в конце отдельной реплики диалога, подчеркивая завершение темы высказывания. Ср. следующие примеры: (из рассказа о походе) Потом э... Свéта-а/ провалилась в вóду бедняга/ в ледяную вóду// Но она вот прóсто мужественный человек//, Она только в тот момент когда упáла/ она так вот... знáешь/ испугáлась/ ну так э... судорога от холодной воды// А потом она моментально стала улыба-а-ться всем/ чтобы п[а̀:]дбóдрить//; (из рассказа актрисы о поступлении в театральное училище) Потом мне вдруг говорúт Карев// "Ну а "Желание слáвы" вы мóжете начать?" Я так перепугáлась я го... "Ну-ну он гыт ну вот ну-ну давáйте/ попрóбуйте"// Ну я начала чи... тихонько читáть/ читáть// читáть/ и в общем когда я дошла "Желаю слáвы я"/ грит "д[а̀:]вóльно"// То есть самое трудное мéсто/ он скал "д[а̀:]вóльно"//; А: Мáм/ а как там погóда? Б: Там погóда/ такáя// Все дни что я там былá/ ну где-то-о... м-м... ну двáдцать/ э... двадцать пять/ это даже при д[а̀:]ждè было//; Мáм/ я тут это... проходила мимо театральной кáссы/ и купила-а / билéты/ на б[а̀:]лèт (170—92)/ "К[а̀:]рсàр" (88—75)// (рис. 1); (о босоножках) А: Потом если ей не понрáвится/ или там что-то... ты сама поносишь// Б: Ну к[а̀:]нéчно (140—106)// (рис. 2).

Увеличение длительности гласных как безударных, так и ударных — один из способов выражения различных эмоциональных оттенков интонационных структур[25]. Рассмотрение этих фактов особенно важно при изучении РР, обычно более раскованной и эмоциональной. Разные функции растяжки гласных центра уже отмечались в исследованиях по разговорной речи[26]. В женской речи шире, чем в мужской, для выражения различных эмоциональных значений используется интонация.

---

[24] Ср.: *Николаева Т.М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969. С. 71; *Она же.* Фразовая интонация... С. 81—82.

[25] "Существенно также обратить внимание и на то, что эмоциональные реализации регулярно изменяют ритмическую структуру слова, так как изменения тона и длительности становятся *обязательными* (курсив наш. — *Н.Р.*) характеристиками фонетического слова, они системны" (*Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. С. 28). См. также: *Златоустова Л.В.* Типы эмфатического ударения в русском литературном языке// Учен. зап. Казанского ун-та. 1957. Т. 117. Кн. 2.

[26] *Полищук Г.Г.* Роль интонации в дифференциации омонимичных языковых единиц// Русская разговорная речь. Саратов, 1970; Русская разговорная речь. М., 1973. С. 142 и сл.

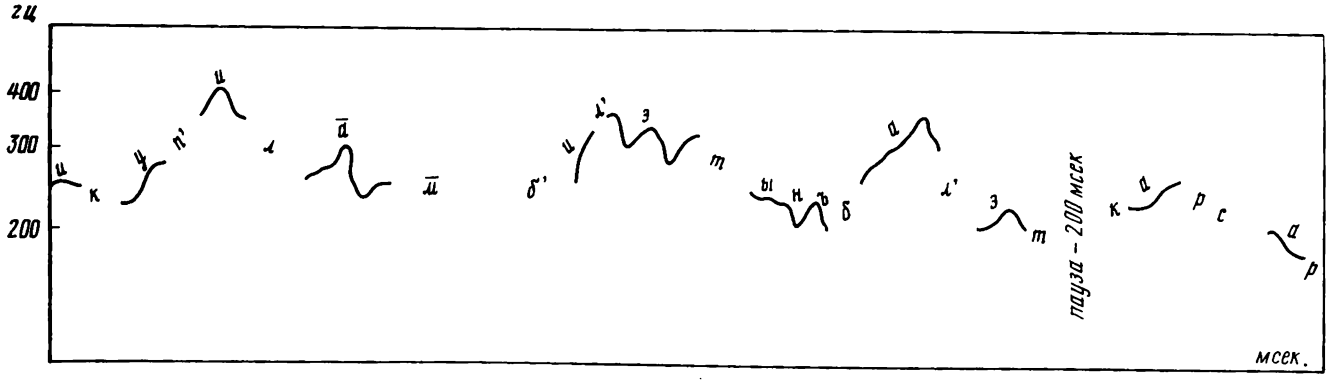

Рис. 1.

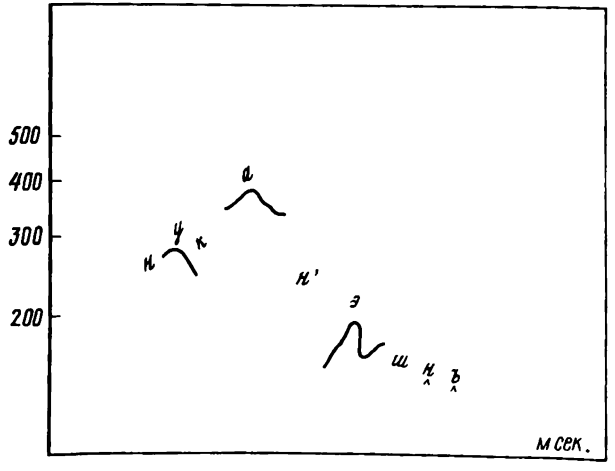

Рис. 2.

Один из способов передачи эмоций — растяжка ударных и безударных гласных. Отметим случаи сильного продления растяжки гласных ударного и I предударного слогов. Предударный может быть и короче ударного. Тем не менее контраст по длительности этого гласного с гласными другими безударных слогов настолько велик, что слово в целом воспринимается как имеющее растяжку предударного *а*. Ср. примеры: (из рассказа актрисы) И потом я так много ездила с концертными стихáми/ что я *возненавúдела* их!

[въз'н'ьнав' йд'ълъ]	— ъ	— ь	— а:	— и:	— ь	— ъ
	54	60	124	148	72	78

(из рассказа о походе) Мы послу-ýшно так сняли *рюкз*[*а:к'и:*]/ и пошли за нèй/

[р'угзак'и]	— у	— а:	— и:
	60	122	174

В работе Е.А. Брызгуновой "Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи" отмечается, что изменение длительности безударных гласных используется как одно из интонационных средств при выражении различных эмоционально-стилистических значений. Так, при выражении удивления существенную роль играет растяжка предударного гласного, непосредственно примыкающего к интонационному центру. Движение тона на гласном центра осуществляется по типу ИК—2 или ИК—3: Куда! (ИК—2); Николай приехал? (ИК—3); И уроки сделал? (ИК—3); И уроки сделал? (ИК—3)[27].

Использование растяжки ударных и безударных гласных создает условия для более яркого выражения мелодики на этих гласных. Так, по наблюдениям С.В. Кодзасова, для выражения мнения говорящего используется модуляция тона на ударных гласных[28]. Ср.: Это Мúша приехал? — По-моему, Пётя// Модулированные акценты в сочетании с растяжкой ударного и предударного гласных особенно характерны для женской речи в разных речевых ситуациях[29]. С этой интонацией, например обращаются к маленьким детям и животным: (пеленая младенца) Ты м[а:]лы́шечка моя! Х[а:ро́:]шенький! Щас п[а:дгу́:]зничек поменяем!; (к коту) Барсик х[а:ро́:]ший! Барсик у нас [у́:]мный! К[а:т'и́:]шечка моя!; (к говорящему попугаю/ Ну д[а:ва́:]й погов[а:р'и́:]м!

Рассмотренные факты увеличения длительности I предударного *а* тесно связаны с условиями реализации фонетического слова во фразе. Это явление свойственно преимущественно женской речи и несколько отличается от явления продления предударного *а* в речи представителей старой московской интеллигенции. В старомосковском произношении эта черта была свойственна в равной мере как мужчинам, так и женщинам и

---

[27] *Брызгунова Е.А.* Указ. соч. С. 16—17.

[28] О фонетической реализации и функциях модуляции в речи см.: *Кодзасов С.В.* Интонация диалогических реплик: функции и средства.

[29] *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи в современном русском языке// Proceedings XI th ICPhS. The Eleventh International Congress of Phonetic Siences. Tallin, 1987. Vol. I. S. 191.

представляла собой отражение московского народного говора в интеллигентском произношении. Для сопоставления возьмем несколько фрагментов устной речи старых москвичей, относящихся к разным речевым жанрам: (из беседы Д.Н. Ушакова по радио "Лекция о законах русского литературного произношения", запись 1941 г.) Я изл[ạ:]жу (118—82) гл[ạ:]внейшие (82—60) и осн[ạ:]вные (74—56) черты/ коренного/ м[а]сковского (78—92) произн[а^{ь}]шéния [65—114] к/[а]торое (52—68) легло в [ạ:]снову (84—76) общерусского/ литер[а]турного (60—66) произн[а^{ь}]шения (60—86)/ и считается до сих пор наиболее правильным/ и к[ạ:]торого (80—81)ст[а]рается (78—88) держаться/ театр/ и ра дио//; Погрешать против этих черт/ могут следовательно не-москвичи/ гов[ạ:]рящие (70—71)/ на св[ạ:]ём (86—82) местном говоре//; П[ạ:]том (90—80)/ во вт[ạ:]ром (66—65) отделе/ я ук[ạ:]жу (80—64) т[ạ:]кие (76—78) черты/ к[а]торые (65—80) часто иск[а]жаются (92—114) грамотными людьми/ под влиянием правописания//; (из выступления Б.Л. Пастернака) Я пр[ạ:]чту (154—138) два стихотв[ạ:]рения (154—157)/ н[ạ:]писанные (132—127) в прошлом г[ạ:]ду (135—126)//; (из рассказа старой москвички о своей жизни на даче, запись С.С. Высотского, 1964 г.) У меня х[ạ:]зяйка (96—70) х[ạ:]рошая (76—74)// Очень х[а]рошая/ пр[а^{ь}]стая (50—90) женщина//; Вот туда/ туда дальше/ идешь леском т[ạ:]ким (93—60)/ и прям выходите/ к ост[ạ:]новке (102—86)/ автобуса// И тут Архангельское тоже с... недалеко очень/ маг[а:]зи́ны [114—116]//; А церковь эта / в ...с[ạ:]мом (100—62) здании п[ъ]-моему (80—106)/ в с[ạ:]мом (103—102) музее//

Представленные примеры взяты из речи более упорядоченной и менее эмоциональной, чем приводившиеся ранее фрагменты[30]. Модель с удлинением предударного гласного *а* в этих случаях меньше зависима от фразовых условий и представляла, вероятно, основную разновидность стереотипа фонетического слова для старомосковского произношения.

В современном литературном московском произношении растяжка неначального предударного *а* в сильных фразовых позициях наиболее свойственна женской речи и является, по-видимому, одной из ее специфических черт. В мужской речи в этих же фразовых условиях чаще реализуется общелитературная модель с [а] в I предударном слоге. Сопоставляя современные варианты московской и ленинградской литературной норм, О.Н. Силина отмечает, что длительность [а] в предударной неначальной позиции различается в произношении москвичек и ленинградок, тогда как у мужчин различия по длительности в этой позиции статистически незначимы. В результате исследования автор делает вывод о том, что "женщины еще сохраняют более последовательно орфоэпические особенности старого произношения их городов"[31]. Отметим, однако, что увеличение длительности предударного

---

[30] "Более постоянный вид фонетического слова обычно наблюдается в контексте без яркой эмоциональной окраски, в речи повествовательного стиля" (*Высотский С.С.* Фонемный состав. С. 31).

[31] *Силина О.Н.* Роль социолингвистических факторов в формировании современной произносительной нормы// Лингвистика и модели речевого поведения. Л., 1984. С. 177.

а было зафиксировано нами в спонтанной разговорной речи коренных ленинградок: (о ростбифе) Она отрезала/ он был абс[а:]лю́тно (98—92) кр[а:]вавый (97—100)//; (о попугаях) Она о́чень легко́ научи́лась вх[а:]ди́ть в кле́тку//; Бонечку мы обычно ловим в темн[а:]те́ (110—70)//; И́рочка/ можем продем[а:]нстри́ровать (82—71)//

"Московская" растяжка предударного *а* наблюдалась и в устных жанрах кодифицированного литературного языка. Ср. следующие примеры из устных научных выступлений женщин-ленинградок: Я прочту наш совместный д[а:]кла̀д//; И вт[а:]рой м[а:]мент//; Следующий д[а:] кла́д/ прочтет Н//

Модель *тъта^{ъ}та́*. В литературной спонтанной речи нередко встречается в I предударном слоге на месте <а>, <о> после твердых согласных произношение гласного более заднего ряда, чем [а], и более закрытого, который мы обозначаем как [а^{ъ}]. Отметим, что такая транскрипция достаточно условна, так как реально в этой позиции могут произноситься неоднородные по качеству звуки: под влиянием предшествующего согласного ряд, подъем и лабиализованность гласного несколько изменяются. В каждом конкретном случае при необходимости более детально передать звучание слова этот звук мы обозначали бы по-разному; [а^{ъ}], [ъ^{а}], [а^{ы}], [а^{о}] и т.д. Однако в данной работе важно прежде всего подчеркнуть его отличие от [а] I предударного и [ъ] II предударного слогов.

Замеры длительности гласных в словах с [а^{ъ}] показали, что в позиции I предударного слога при наличии более сильной качественной редукции гласного его длительность соответствует литературному стандарту: предударный гласный "ъ"-образного тембра длиннее [ъ] II предударного и несколько короче ударного гласного. В отдельных случаях он может превышать по длительности гласный ударного слога (табл. 3). При прослушивании звуков на сегментаторе и измерении длительности отдельных участков гласного выяснилось, что "а"-образный сегмент занимает небольшую часть от общей длительности гласного в целом (табл. 4).

Гласные, похожие по качественным и количественным характеристикам, в этой же позиции в слове встречаются в некоторых северно-русских говорах. Однако в литературном языке данное явление принципиально отлично фонологически. Позиция I предударного слога является позицией нейтрализации для фонем <а>, <о>, тогда как для диалектной речи в гласном типа ъ реализуется лишь фонема <о>, а фонема <а> представлена другими вариантами[32].

На появление гласного типа ъ в I предударном слоге влияют разные причины: качество предшествующего согласного, слоговой состав слова, фразовая позиция, семантико-синтаксические свойства слов.

1. Произношение "ъ"-образного гласного особенно часто наблюдается после заднеязычных, губных,[л] и [р]: вск[а^{ъ}]чи́л, к[а^{ъ}]нцёрты, г[а^{ъ}]да́; в[а^{ъ}]йны́, в[а^{ъ}]сьмо́го, ком[а^{ъ}]ндир, в сап[а^{ъ}]га́х; запл[а^{ъ}]ти́ла, пригл[а^{ъ}]си́л, раздр[а^{ъ}]жа́ть, пр[а^{ъ}]че́сть, спр[а^{ъ}]си́ла. Более задняя артикуляция и бо́льшая закрытость гласного в этих позициях обусловле-

[32] *Пауфошима Р.Ф.* О переходе от окающего предударного вокализма к акающему в одном севернорусском говоре по данным спектрального анализа// Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Таблица 3

Слова	Гласные ударного и предударных слогов	Длительность гласных (в мсек)	Длительность гласных (в %)
заплатила	ъ—а^{ъ}—и	36—68—78	46—87—100
состоит	ъ—а^{ъ}—и	35—56—76	46—74—100
пригласил	и—а^{ъ}—и	40—62—74	54—84—100
обыкновенно	а—ъ—а^{ъ}—э	52—42—55—69	75—61—80—100
говорю	ъ—а^{ъ}—у	48—60—70	69—86—100
отношение	а^{ъ}—э	44—60	73—100
просил	а^{ъ}—и	72—104	69—100
конечно	а^{ъ}—э	80—82	98—100
своё	а^{ъ}—о	65—94	69—100
потом	а^{ъ}—о	40—58	69—100
хорошо	ъ—а^{ъ}—о	38—70—70	54—100—100
когда	а^{ъ}—а	40—52	77—100

Таблица 4

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мсек	Длительность "а"-образного участка в %
к[а^{ъ}]торое	ъ—а—ъ	14—24—12	48
т[а^{ъ}]кие	ъ—а̀—ъ̀	25—22—23	31
в с[а^{ъ}]мом музее	ъ—ъ—а—ъ	29—26—26—22	25
б[а^{ъ}]льница	ъ—а—ь	28—24—16	35
сн[а^{ъ}]чала	ъ—а—ь	17—20—17	37
ради общед[а^{ъ}]ступности	ъ—а—ъ	19—20—15	37

ны воздействием предшествующих согласных, акустические свойства которых способствуют приобретению последующим гласным указанных характеристик. Отметим также бóльшую лабиализованность редуцированного гласного в позиции после губных.

2. Модель типа *тъта^{ъ}та́* чаще встречается в словах большого слогового объема. "Утяжеление" начала слова (до ударения) способствует сокращению длительности предударных гласных и приобретению гласным [а] I предударного слога "ъ"-образного тембра: литер[а^{ъ}]ту́рного, произн[а^{ъ}]ше́ние, ради о̀бщед[а^{ъ}]сту́пности.

При выпадении одного из предударных слогов слово может изменить свою ритмику: надо [псмаˑ:]тре́ть, [съмстаˑ:]я́тельно, [лит'раˑ:]ту́рный, [н'уд̂л'тваˑ:]рённый и т.д.

3. Появление гласного типа ъ в I предударном слоге слова определяется в значительной степени фразовыми условиями, т.е. нахождением слова в слабой фразовой позиции (чаще всего рядом с акцентно выделенным словом или в конце фразы/ синтагмы): Они получат э-э... право входа на всѐ к[а^{ъ}]нцерты//; По-моему сати́н кр[а^{ъ}]си-

вый был//; А теперь главного редáктора/ спустил эт[аˇ]жом нúже/ в маленькую комнатýшку//; (из рассказа о кинофильме) Замполит значит взя́л/ команд6вание/ инициати́ву/ и-и повел бат[аˇ]льон в ата́ку//; (из рассказа кинорежиссера) Он гыт мы запуска́ем вас с этой к[аˇ]ртиной//

Фразовая позиция слова тесно связана с его коммуникативной ролью в высказывании. Известно, что слабую фразовую позицию обычно занимают слова наименее информативно значимые[33]. Особенно заметно прослеживается изменение характера редукции предударного *а* при повторах. Информативный вес повторяющегося слова снижается, оно не получает обычно фразового акцента, в этих случаях возможность появления "ъ"-образного гласного в I предударном слоге вполне вероятна: В Белоруссии щас идут пр[ạ:]цéссы/ пр[аˇ]цесс тако́го рода//; Во-первых оно (мясо) кр[ạ:]сúвое// Просто необыкновéнно кр[аˇ]сивое//; Всё равно мы вкладываем что-то св[ạ:]ё/ прежде всего св[аˇ]ё отношéние//; (из рассказа писателя о работе над новым рассказом) Я щас на машúнку// Меня чего-то ра... счас раздр[а]жáть начала бумага/ понимáешь/ начала разд[аˇ]жать бумага//.

Произношение гласного типа ъ в I предударном слоге особенно распространено в частицах, модальных словах, союзах, местоимениях, занимающих обычно слабую позицию во фразе: (из разговора коллег-лингвистов) А предложéние что такое в[аˇ]бще?; И он рассказывает разговоры св[аˇ]и с Остýжевым//; Он все-таки... вóзраст сказывается н[аˇ]верно уже//; (о туфлях) Они к[аˇ]кие-то такие понимáешь/ очень устóйчивые/ и очень удóбные//; (о лыжной трассе) Съехать с горы́/ п[аˇ]том напрáво повернуть//; Какие-то зелёные есть босоножки/ на-а танкéтке сплошной/ т[аˇ]кие красúвые//

Гласный типа ъ в I предударном слоге в незнаменательных и полузнаменательных словах, по-видимому, был возможен и в старомосковском произношении: (из выступления Б.Л. Пастернака; читает отрывки из Шекспировских трагедий в своих переводах) В последний раз/ к[аˇ]гда я заснул/ тут за занавеской/у меня опорожнили карманы//; (из радиовыступления Д.Н. Ушакова). Сначала в первом отделе/ я укажу т[аˇ]кие черты/ которыми московский говор/ отличается от других русских говоров//; Их сила и отчетливость/ различны/ в зависимости от того/ к[аˇ]кое положение занимают они/ по отн[аˇ]шению к слову ударяемому//; (из рассказа старой москвички о дачной жизни) Из Москвы мне привозили (молоко)/ каждый день п[аˇ]чти//

Таким образом, в современном литературном произношении стереотип фонетического слова в зависимости от разной степени количественной и качественной редукции гласного I предударного слога выражен тремя вариантами: *тъ̣тạ́, тъта:та́, тъта^{ъ}та́*. Основной тип фонетического слова представлен моделью *тъ̣тạ́*, характеризующей современную литературную норму. Встречаемость двух других ритмических моделей зависит в значительной степени от фразовых условий.

---

[33] "Слабыми позициями для реализации фонетического облика слова во фразе оказываются коммуникативно незначительные, мало нагруженные информативно участки" (разрядка автора. — *Н.Р.*). (*Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы... С. 19).

Модель типа *мъmaᵇmá* обычно реализуется в словах, занимающих слабую фразовую позицию, а в сильной фразовой позиции наиболее вероятно употребление модели с растяжкой предударного *а* (*мъma:má*). Например: Я по́мню после в[aᵇ]йны/ так смутно- смутно/ это самый первый го́д/ в Оста́нкино/ [сма:]лёт стоял немецкий//

Употребление в I предударном слоге широкого открытого [а:] превышающего по длительности ударный гласный, в современном московском литературном произношении более свойственно женщинам. Бесспорно, представленные факты требуют дальнейшего исследования и статистической обработки. Однако рассмотренный материал позволяет, как кажется, высказать следующее предположение: распространенность растяжки предударного неначального *а* в современном произношении женщин — это случай перераспределения старых произносительных вариантов по другому социальному признаку.

ДАННЫЕ МОСКОВСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

В московском городском просторечии встречаются те же ритмические модели, что и в литературном языке: *тъmaтá, тъma:má, тъmaᵇmá.*

Модель с удлинением I предударного *а* широко встречается в речи наших информантов. Однако в данной функционально-речевой сфере такое произношение, по-видимому, меньше зависит от фразовой позиции, чем в литературном языке. Ср. примеры на удлинение предударного *а* в сильной фразовой позиции: Давление у меня [ха:]ро́шее (90—70)//; Нет/ ну предп[а:]ложим (110—88)//; Не пл[а:]тите больше денег! (127—80)[34]// Ну потом мы купили [пра:]сёно́чка (111—60) маленького//; До[гва:]рились (113—82) мы/ с э́тим/ с комендантом жэка//; Ну от [псма:]трю (94—70) бывало как она/ и то́же так делаю//. Примеры на удлинение предударного *а* в слабой фразовой позиции: Чёй-то здесь несско́ дне́й/ печёнка разб[а:]лелась (75—70)//; Меня совершенно это не к[а:]сается (80—84)! Саш/ я те... что тебе х[а:]тела (78—50) сказа́ть//.

Большая, чем в литературном языке, свобода реализации модели с ярко выраженной двухступенчатостью, свойственной ранее московскому народному говору, свидетельствует о том, что данный стереотип фонетического слова наиболее полно сохранился в современном московском просторечии.

Наряду с растяжкой предударного *а* в I предударном слоге возможен гласный типа ъ в словах, находящихся в слабой фразовой позиции: (из рассказа старой ткачихи) Никаких набивных цехов не́ было у х[aᵇ]зяина//; (из рассказа о старой Москве) Одними грибами торг[aᵇ]вали//; Мно́го было п[aᵇ]жаров/ о́чень много п[aᵇ]жаров//. Особенно часто так произносятся незнаменательные,малоинформативные слова: А з[aᵇ]то как хорошо́-то!; Т[aᵇ]да не́ было ликтрищства//; И п[aᵇ]том она всё тки избало́вана//; А уж к[aᵇ]гда он вернулся с фро́нта/ всё пе́л/ пе́л/ "Раскинулось море широко"//

Существенную роль в распределении вариантов произношения глас-

[34] Знак + обозначает наличие фарингальной смычки на акцентированном гласном.

ного [а] в I предударном слоге играет коммуникативный вес слова в высказывании. Показательно, как меняется фонетический облик слов (независимо от места фразового акцента) при повторах в следующих примерах: Потом... украдкой учился от отца/ по-фр[а:]нцу́зски/ фр[а^{ъ}]нцузский язы́к//; А когда одна с[а:]сна́/ это ужа́сно// Я была как раз та́м/ где она с[а^{ъ}]сна́//; А. Потом война была// Б: Потом в[а^{ъ}]йна да//; А: Там ночле́жки большие были// Б. Ночлежки б[а^{ъ}]льши́е//

Итак, в речевых сферах современного литературного языка стереотип фонетического слова в зависимости от разной степени количественной и качественной редукции гласного [а] I предударного слога выражен тремя вариантами: *тьтаmа́, тьта:mа́, тьта^{ъ}mа́.* Основной тип фонетического слова представлен моделью *тьтаmа́* (с "нормальным" соотношением гласных по длительности, интенсивности и тембру внутри слова), характеризующей современную литературную норму. Употребление двух других моделей факультативно и позиционно обусловлено. Модель типа *тьта^{ъ}mа́* обычно реализуется в словах, занимающих слабую фразовую позицию, а в сильной фразовой позиции наиболее вероятно употребление модели с растяжкой предударного *а* (тътạ:та́).

В московском просторечии произношение широкого открытого [а:] в I предударном слоге более распространено, чем в литературном языке, и меньше зависит от фразовой позиции. Таким образом, старомосковская ритмическая модель фонетического слова, составлявшая специфику московского народного говора, сохранилась до сих пор в просторечии. Если сопоставить современное просторечие с разными жанрами устной литературной речи, то можно, вероятно, отметить бо́льшую автономность фонетического слова в просторечии и меньшую его зависимость от фразовых условий. Об этом свидетельствует обилие лексикализованных и грамматикализованных просторечных форм, образовавшихся в результате различных фонетических деформаций (*на́бержная, кака́ва, иску́рсия, чо́ринький, перпи́сывать, бои́сса* и др.)[35]. Влияние фразовой позиции менее существенно и при реализации фонетических слов с растяжкой предударного *а.*

Наибольшая зависимость фонетики слова от фразовой просодии наблюдается в некоторых функционально-речевых сферах КЛЯ и литературной РР. В частности, длительность и тембр I предударного [а] меняются под влиянием фразовых условий реализации фонетического слова. На наш взгляд, некоторые фонетические явления, встречающиеся в спонтанной устной речи и рассматриваемые обычно как отклонение от литературной нормы (сильная качественная и количественная редукция [а] в I предударном слоге, "нулевая" редукция безударных гласных, некоторые случаи ассимиляции и выпадения согласных и др.), вполне допустимы и нормативны в кодифицированном литературном языке, если учитывать возможности различной реализации слов в разных фразовых позициях.

---

[35]См.: *Розанова Н.Н.* Современное московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики)// Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.

Н.Е. ИЛЬИНА

ОСОБЕННОСТИ СИНТАГМАТИКИ МОРФЕМ В УСТНОЙ РЕЧИ

Когда речь заходит о морфеме в звучащем слове, в поле зрения исследователя оказываются разнородные фонетические факты, отражающие фонематическое строение слова, с одной стороны, и морфемное — с другой. На границе частей слова отмечаются такие особенности в реализации фонем, которые представляют собой отклонение от закономерностей функционирования фонем в фонетических позициях. Изучение этих явлений находится в области синтагматической морфонологии.

Задачи морфонологии в синтагматическом аспекте были сформулированы А.А. Реформатским. Обращая внимание исследователей на многочисленные случаи реализации одних и тех же фонем, А.А. Реформатский писал: "...возникает вопрос: что надо относить за счет свойств фонем и что — за счет условий их существования в пределах того или иного фонетического положения и окружения, той или иной морфемы (корень, префикс, суффикс, флексия) и тех или иных линейно-структурных местонахождений в пределах слова"[1]. И далее вводится понятие синтагматической морфонологической позиции: "Дело заключается в том, что есть фонетические явления как свойства (Male, distinctive features) самих фонем, и есть то, что накладывается (разрядка автора. — *Н.И.*) на фонемы от позиций, от "условий" существования фонем в морфемах и словах"[2].

Синтагматическая морфонология, таким образом, призвана изучать соположение, соседство фонем как в составе морфем, так и на морфемных стыках. Именно здесь фонемы могут оказываться в различных синтагматических морфонологических позициях. Вот пример А.А. Реформатского: *ленинградский* [л'эн'и'нгра́цкэ̯ĭ], *подсадить* [пэ^{ц}тсʌд'и́т']. В этих словах рядом встретились фонемы<д> и <с>, но их сочетание дает разный результат: в *ленинградский* это сочетание реализуется звуком [ц], в *подсадить* — звуками [^{ц}тс]. Это как раз тот случай, когда на свойства фонем накладывается нечто от позиций.

В приведенных примерах фонемы <д> и <с> — соседи, находящиеся в разных позициях. Стык корня с суффиксом (*ленинградский*) — это фузионный стык[3], две фонемы представлены одним звуком (<д>+<с>→[ц]), морфемный шов стерт. Стык приставки с корнем — стык агглютинирующий, поэтому <д>+<с>→[^{ц}т]+[с], т.е. две фонемы представлены двумя звуками, морфемный шов отчетлив.

Приведенный пример является конкретной иллюстрацией общей морфонологической закономерности, заключающейся в следующем: "Стык префикса с корнем в русском языке имеет агглютинирующую тенденцию (что подтверждается и грамматическим характером префиксов

---

[1] *Реформатский А.А.* Фонологические заметки (1957)// Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М.: Просвещение, 1970. С. 481.

[2] Там же. С. 482.

[3] Там же. С. 483.

в русском языке), а стык корней с суффиксами — типично фузионный..."[4].

Но устная городская речь, в которой как раз и находит проявление эта общая языковая закономерность, как известно, неоднородна. В ней наблюдается разграничение устных форм литературного языка — кодифицированного литературного языка (КЛЯ), разговорной речи (РР) — и просторечия, находящегося вне литературного языка. Внутри каждой из этих разновидностей факты языковой системы могут получать различное воплощение в зависимости от характера общения, а также в зависимости от вида устной речи (публичная речь, личная)[5].

Содержанием данной статьи являются наблюдения над синтагматикой морфем в КЛЯ, в РР и в просторечии. КЛЯ представлен записью речи научного работника — преподавателя технического вуза, читающего лекцию на тему "Технология машиностроения", и записью речи ученого—физика, делающего доклад на конференции (обе записи произведены в 80-х гг.). РР представлена записями речи образованных людей в неофициальной обстановке[6] (записи произведены в 70—80-е гг.). Просторечие представлено записями речи лиц, недостаточно овладевших литературной нормой[7] (записи проведены в 70—80-е гг.). В основном это магнитофонные записи, каждая из которых представляет собой значительный речевой массив. Из этих материалов, в соответствии с темой и задачами статьи, сделана сплошная выборка слов и словосочетаний, которые главным образом и служат материалом для иллюстраций.

Избранные для анализа записи речи обладают разной степенью неподготовленности, разным отношением к адресату и к невербальным компонентам коммуникации.

I. КЛЯ. Лекция и доклад, записанные на магнитофонную пленку, — это официальная публичная речь, адресованная коллективу слушателей: лекция прочитана в стенах института и адресована студентам, доклад прозвучал в одном из институтов Академии наук СССР и был предложен вниманию коллег-ученых. Можно предположить, что в обоих случаях речь, зафиксированная на пленке, обладает высокой степенью подготовленности: тема лекции, как и тема научного доклада, были известны задолго до момента речи, все сообщение было заранее спланировано, отмечены основные положения, подготовлены доказательства, иллюстрации и т.п., вероятно, рассчитано время, а в соответствии с этим предусмотрена вся организация устного текста. Если принять во внимание мысль Р.И. Аванесова о том, что "современному языку свойственно стремление по возможности четко отражать морфемное строение слова"[8], то, очевидно,

---

[4] Там же. С. 484.

[5] См. статью Земской Е.А. "Городская устная речь и задачи ее изучения" в настоящем сборнике.

[6] См.: Русская разговорная речь: Тексты. М.: Наука, 1978. С. 3—5.

[7] См.: Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С. 4, 39; и др.

[8] *Аванесов Р.И.* Проблемы морфологии и фонологии простых предлогов в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979. Т. 38. Вып. 5. С. 4.

допустимо предположить, что именно данному виду устной речи свойственна большая четкость в отражении морфемного строения слова.

Вместе с тем материал записей показывает, что единообразной взаимозависимости между признаками данного вида речи и выраженностью в нем явлений морфемного уровня морфологии нет. Текст не однороден. В нем есть части главные, в которых заключено содержание лекции и доклада, и есть части, может быть, и не менее важные, но выполняющие связующую роль между главными частями. Это вводные слова и предложения, а также слова, являющиеся полноправными членами высказывания, но не нагруженные научно-технической информацией. Для произношения таких слов характерна редукция безударных гласных и упрощение групп согласных, что нередко приводит к деформации слов[9]. Эти явления встречаются во всех частях слова, но особенно им подвержена заударная часть, в которой очень часто находятся постфиксальные морфемы. В условиях деформации морфемные швы между ними, а также морфемный шов, отделяющий их от корня, оказываются размытыми. Например: [знч'т] — *значит,* в нашей [пас'л'э̄дн̄с'т'ь] — *в нашей последовательности,* [падýмъим̥] — *подумаем,* [пъм'э̄т'ь] — *пометьте,* [ч'а́ш'ь фс'ьв'ь] — *чаще всего,* [фсам̥] — *в самом,* [суш'э̄стн̄ь] — *существенно.* Деформация постфиксальной части слова, приводящая к стиранию границ между морфемами, свойственна также РР и просторечию[10].

Другая картина наблюдается в тех словах, которые формируют главные содержательные части лекции, доклада и, следовательно, заключают в себе свойства, обеспечивающие правильное, незатрудненное понимание текста адресатом. В заударной части звуки произносятся в соответствии с орфоэпическими нормами литературного языка; в некоторых случаях в заударных слогах даже заметна тенденция к прояснению гласных, реже — согласных. Звуки речи полностью отражают фонематический состав слова, поэтому морфемные швы разграничивающие корень и суффикс или два суффикса, стоящих рядом, легко различимы: [испóл'зъвъ^т'] — *использовать,* [фтарájъ^ асóб'ьн̄ъс'т'] — *вторая особенность,* [павы́шн̄ъыиь тр'э́бъвън'ьиъ^] — *повышенные требования,* [в дъ^палн'ит'ъ'л'нъи абрабóтк'ь'] — *в дополнительной обработке,* [пр'и изгътавл'э́н'ьиьи'] — *при изготовлении,* [сфърмул'йръвънъ] — *сформулировано,* [вы́др'ь'фóвъыв'ъ^т'] — *выдрейфовывать,* [пр'ису́тцствуюш'ьи] — *присутствующий,* [аб'и'с'п'э́ч'ьиъцт'ъ^] — *обеспечивается* и др. Отчетливо выражен агглютинирующий стык приставки и корня. В русском языке, где главная смысловая нагрузка приходится на неконечную часть слова[11], такой стык способствует сохранению морфемного шва. Это помогает быстрому распознаванию слова.

---

[9] См.: Русская разговорная речь. М.: Наука. 1973. С. 64—86; Городское просторечие: Проблемы изучения. С. 48—62.

[10] См. указ. работы.

[11] *Панов М.В.* О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в.: (Основные позиционные изменения в фонетике и морфологии.) // ВЯ. 1963. N1. С. 12.

Всем приставкам свойственна четкость: отчетливое произношение звуков передает фонемный состав каждой приставки, что, обнажая морфемный шов, отграничивает приставку от последующей части слова и облегчает идентификацию приставок.

Все приставки — как открытые, так и закрытые — обычно отграничиваются от последующей части слова одним из следующих способов.

1. Конец приставки может быть отмечен движением тона голоса, воспринимающимся на слух как остановка: [а'кан'ч'а́т'ьл'нъ^{ы}и̯ь^{и}] — *окончательные* [а'хла̄жд'э́н'ь^{и}и̯ь^{э}м] — *охлаждением*, [у'ху^{т}ша̄и̯ь^{э}т фср'э̄д'н'ьм на́ад'ин квъ^л'ит'э̄т] — *ухудшает в среднем на один квалитет*, [у'быва́ю̄ш'ь^{и}м] — *убывающим*, [на'гр'э̄ф] — *нагрев*, [за'ка̄лкъ^] – *закалка*, [на'пра́вл'ьнъ^{ы}] – *направлены*, [за'в'ихр'ньъ^{ы}м'ь^{и}] – *завихренными*, [пъ'страйэ́н'ь^{и}jъ^] — *построения*, [па'вы́шъньъи̯] — *повышенный*, [аб'рабо́ткъ^] — *обработка*, [пръ'св'ирл'и́т'] — *просверлить*, [ат'л'ич'а́ъ̄ъ] — *отличаться*, [ат'ка́тъ^{ы}въ^н'ь^{и}и̯ь^{э}] — *откатывание*, [ваз'мо́жнъс'т'] — *возможность* и др.

2. Приставка может быть произнесена более монотонно, по сравнению с остальной частью слова, заключающей в себе корень, суффиксы, флексии: [вы̄скъзънъ] — *высказана*, [пъстара́и̯ус'] — *постараюсь*, [а̄грън'ич'э́н'ь^{и}ь^{э}] — *ограничение*, [пра̄в'э́р'ь^{и}т'] — *проверить*, [а̄бнъружэ́н'ь^{и}и̯ь^{э}] — *обнаружение*, [зъмагн'и́ч'ь^{э}нъи̯] — *замагниченный*, [ъ̄ка́зънъи̯] — *указанной*, [ръ̄зрушэ́н'ь^{и}ь^] — *разрушения*, [ра̄зва́лъ^] — *развала*, [въ̄з'н'ика́ьт] — *возникает* и др.

Нередко эти способы выделения приставки совмещаются в одном слове: [па̄'ка́зъ^нъ^] — *показана*, [пр̄'и'су́т^{ц}ствуи̯ушъ'ь^{и}и̯] — *присутствующий*, [а̄'знач'а́ъ^{э}т] — *означает*, [ъ̄'jь^{э}д'ин'о́нъ^и ъ^] вална — *уединенная волна*, [пра̄'в'э́рк'ь^{и}] — *проверки*, [а̄т'рыва́ь^{э}ъ̄ъ] — *отрывается*, [въ̄з'вышэ́н'ь^{и}и̯ь^{э}] — *возвышение*, [на̄'пра́вл'ьнъи̯ь^{э}] — *направленное*, [ра̄с'смо́тр'ь^{и}м] — *рассмотрим* и др.

Усматривать в таком произношении проявление каких-либо закономерностей суперсегментного уровня едва ли есть основания: приставки с таким произношением встречались и в начале фонетической фразы, и в ее центральной части, и в конце; при одинаковом произношении приставка могла составлять ударный слог, 1-й предударный, 2-й предударный. Объяснение будет однозначным, если считать, что в рассмотренных случаях проступает морфемное строение начала слов.

Морфемный шов между корнем и приставкой может быть подчеркнут и другими средствами, наслаивающимися на уже описанные:

приставка может получать дополнительную автономию за счет побочного ударения: [и̯з'б'ира́т'] — *избирать*, [и̯с'по́л'зъвъ^т'] — *использовать*, [а̀кан'ч'а́т'ьл'нъ^{ы}и̯ь^{и}] — *окончательные*, [п'э̀р'ь^{э}'па́т] — *перепад*, [вы̀'др'ь^{э}фо́въ^{ы}в^т'] — *выдрейфовывать*, [пр'э̀д'ъпр'ь^{э}д'л'и́лъ] — *предопределило* и под.;

в приставке может наблюдаться некоторое прояснение гласных звуков, находящихся в предударных позициях: [пр'ь^{э}д'jь^вл'а́jье] — *предъявляет*, [пр'ь^{и}'в'ид'о́т] — *приведет*, [ръ^с'пълажэ́н'ь^{и}и̯ь^{э}м] — *расположением*, [пр'эд'апр'ь^{э}д'и̯л'и́лъ^] — *предопределила*, [пр'ь^{э}'выша́т'] — *превышать*, [нъ^п'ь^{э}р'ь^{э}'нала́тку] — *на переналадку*,

[з̄ъ^ ˈкл'уч'э́ н'ь^{и}иь^] — *заключения*, [ръ^с ˈпръстран'о́йъ^{ы}м'ъ^{и}] — *распространенными;*

гласные в приставках могут превышать по длительности обычные гласные предударных слогов: [а̄по́рнъи̯] — *опорной*, [йз'' в'э́снъ^{ы}] — *известны*, [за̄трудн̄'и́т'ьл'нъ] — *затруднительно*, [йс ˈ кл'уч'и́т'] — *исключить*, [пра̄и̯т'и́] — *пройти*, [пр'и́ ˈ пускно́и̯] — *припускной* и др.

Согласные в исходе закрытой приставки не подвергаются комбинаторным изменениям, например: [ъат ˈсу́^{тц}твуиь^{э}т] — *отсутствует*, [пр'ь^{э}т' ставл'а́ь^{э}т] — *предсталяет*, [пр'ь^{и}т^{ц}сказа́н^{ии}иь^т'и^{э}о́р'ь^{и}ь^{и}] — *предсказания теории.*

Иногда приставка отграничивается от корня сразу несколькими способами [вдь^ˈпалн'и́т'ъ^{э}л'нъи̯ аб ˈ рабо́тк'ъ^{э}] — *в дополнительной обработке* [ъа̄ кан'ч'а́т'ьл'нъ^{ы}иь^{и} ап'ира́цъ^{ы}ь^{и}] — *окончательные операции*, [пр'э́т^{ц}ска́зън̄ъи̯] — *предсказанной.*

Явления, сохраняющие целостность приставки и указывающие на морфемный шов, наблюдались в тех словах, которые служат для передачи содержательной информации лекции, доклада. В словах же, не несущих такой информации, возможна деформация приставки (ср. [коиштó пъдм'э́т^{ъ}м] — *кое-что подметим*), возможно полное исчезновение шва (см. [пуха́жъвъи̯] — *поухаживай*).

II. РР. Запись речи людей с высшим образованием в непринужденной неофициальной обстановке.

В РР не наблюдается единообразия в актуализации морфем начала слова. В обычных условиях речи морфемная граница между приставкой и корнем соблюдается непоследовательно: морфемный шов часто бывает смазан, а приставка деформирована: [ʂкабл'и́] — *соскобли*, [ʂкач'и́л] — *соскочил*, [пу^{у}мн'э́т'] — *поумнеть*, [псм]три — *посмотри*, [пст]ою — *постою*, [пск]орей — *поскорей*, [п^{ъ}ч'ин'ит'] — *починить* и под.

В специфических условиях, возникающих благодаря представлениям носителей РР "об устойчивых и потому предсказуемых отношениях между предметами и процессами"[12] проявляется расчлененность слова в РР. На морфемном уровне это выражается в подвижности морфем — приставок и суффиксов. В РР подвижны и именные и глагольные приставки. В настоящее время изучены причины, возводящие приставку в ранг основного носителя её семантики в слове, и описаны позиции, в которых они выступают[13]. Для РР характерны высказывания типа: Сегодня стирала она/ училась/ *добродетельна* была *сверх*//; Ну как/ отгулялись? — И *от* и *на*//; А: Он *анти-Толстой*/ Б: И *анти-Достоевский*// Вообще// *анти-всё*//; Вы уже *от — это самое, отобедали-отчаевничали*[14]. Исследователи отмечают, что в подобных случаях "приставки наделены полноценным

---

[12] *Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В.* Об актуализации морфемной членимости слов в речи// Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975. С. 125.

[13] См. указ. статью, а также кн: Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. С. 75—76.

[14] Там же.

словесным ударением и не подвергаются редукции"[15], следовательно, морфемный шов контрастен, приставка контрастна по отношению к корню. В роли контрастных и подвижных выступают приставки *анти-, архи-, квази-, сверх-, недо-, пред-, под-, раз-, при-, пере-, про-, за-*. Приставки, выраженные одной фонемой или двумя согласными фонемами, могут обладать свойствами контрастности, но самостоятельности не получают[16].

III. Просторечие представлено записями бесед с информантами, не достаточно овладевшими литературной нормой, в непринужденной обстановке. Материалы записей показывают, что в просторечии особо ощутимо проявляют себя фонетические закономерности, что в значительной мере сказывается в произношении приставок. В закрытых приставках конечный согласный неизменно является мягким, если корень начинается с мягкого: о[т'л']етела, о[т'б']ил, о[т'м']етил, о[д'б']еливатель, о[т'м']енили, о[т'в']ертывается, о[т'в']ертка, о[д'б']ивных, о[т'в']есил, о[т'м']етина, на[д'в']яжи, по[т'п']ишет, по[д'м']енили, по[д'j]о]мник, о[б'в']ила, о[б'м']ен, и[з'м']енилась, ра[з'д']елили, ра[з'н']ежился, ра[з'л']езлась, ра[з'в']яжи, ра[з'б']ить, ра[з'j]ёмный. Мягкость конечного согласного приставки ослабляет диэрему, которая здесь утрачивает признак t+t' на морфемном шве[17], поэтому и шов оказывается несколько ослабленным.

Многие фонетические явления — такие, как стяжение гласных, утрата согласного, утрата гласного — вызывают деформацию приставки, влекущую за собой утрату морфемного шва: [нп'йшыт'и] — *напишите, н*[ъ]борот — *наоборот,* [скр']икнула — *вскрикнула,* [здр]агивает — *вздрагивает,* [сп]ахал — *вспахал,* [пр'лагал] — *предлагал* и др.

Различные виды городской устной речи не одинаковы с точки зрения выявления в них признаков тех единиц, которые относятся к морфемному уровню.

С наибольшей отчетливостью морфы, представляющие морфему, выступают в устных формах публичного КЛЯ. При этом произношение дает полное представление о фузионном характере морфемного шва между корнем и суффиксом и об агглютинирующей тенденции шва между приставкой и корнем.

Просторечие, с его подверженностью фонетической стихии, предоставляет весьма ограниченные возможности для определения места морфемных швов и установления состава морфов в слове. В распознавании морфов большое значение имеет контекст.

В РР, при сильной подчиненности заударной части слова фонетическим закономерностям, отчетливо просматриваются две возможности для функционирования приставок. Некоторые из них — такие, как *в-, вз-, с-, со-* и под., часто состоящие из одной или двух фонем и обычно многозначные, — отражают особенности разговорной фонети-

---

[15]Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. С. 76—77.
[16]См. Указ. соч.
[17]См.: *Панов М.В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. С. 188.

ки, всегда расположены в составе слова и не всегда легко вычленяемы. Многие приставки, начинающие слова с опустошенной основой и несущие в себе основную смысловую нагрузку (*архи-, анти-, пере-, между-* и др.), контрастируют с корнем, подчеркивая этим морфемную границу, и даже могут обретать самостоятельность.

Л.А. КАПАНАДЗЕ

О ЖАНРАХ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ РЕЧИ

"Жанр — реализация, сгущение всех бродящих, брезжущих сил слова. Поэтому новый убедительный жанр возникает спорадически"

Ю.Н. Тынянов

Разговорная речь обслуживает всю сферу непринужденного устного общения литературно говорящих людей. Мы расчленяем все тексты неофициальной речи на определенные ситуационно-тематические группы, которые были названы языковыми жанрами. Главными жанрами РР были признаны *диалог, монолог, полилог, рассказ* и *городские стереотипы*. Ситуативные жанры РР выделялись с учетом цели коммуникации, количества участников (партнеров коммуникации) и психологической установки речи.

Позднее в эту классификацию были внесены уточнения, связанные с ролевыми образами говорящего/слушающего в речевом общении (Е.А. Земская). Таким образом, эта классификация учитывала основные коммуникативные цели высказывания (ср. городские стереотипы, информационный диалог в высокочастотных ситуациях речи с их клишированностью, большой степенью эллиптизации и другими особенностями и рассказ—диалогизированную речь в РР, но без смены ролей говорящий/слушающий, где мы встречаем наибольшее количество отклонений от речевого стандарта), учитывала и сам характер построения высказывания (ср. *диалог — полилог*).

Ранее говорилось о том, что в РР границы жанров размыты, и один жанр естественно перетекает в другой (1978 г.). Накопление нового материала позволяет сейчас говорить о другом — не о "перетекании", а о естественном переключении жанров, быстрой их смене в повседневном речевом общении. Жанры РР можно уподобить короткометражкам в длинной киноленте повседневного языкового существования, они мелькают, могут быть мимолетными, краткими, но пересекаться не могут, имея каждый раз свой сюжет и строго определенную форму. Представляется, что такой взгляд на жанровую соотнесенность текстов РР имеет определенный лингвистический смысл.

Для лингвиста чрезвычайно важно то, что в разных ситуационных контекстах (жанрах) РР доля мотивированных ситуацией и немотивированных слов и конструкций речи различна. Очевидно, что наиболее импровизационны "рассказы" и более всего прикреплены к ситуации речевые клише разного рода. В репликах есть слова, инфор-

мационно перегруженные, и есть слова пустые, малозначащие, этикетные. "В слове неизбежны контекстуальные обертоны—жанровые, направленческие, индивидуальные"—, писал М. Бахтин[1]. Разумеется, под словом он понимал "идеологическое слово", и мы также не ставим знака равенства между словом в понимании М.М. Бахтина и лексической единицей, между "диалогическими отношениями" и структурой разговорного диалога. Оправданность, уместность того или иного словоупотребления всегда связаны с коммуникативными задачами данного жанра устной речи.

Остановимся подробнее на концепции М.М. Бахтина, так как, во-первых, он первым, еще в 20-х годах, начал исследование речевых жанров, а кроме того, им намечена целая программа описания "житейских жанров", которая была им развернута в более поздней работе "Проблема речевых жанров"[2]. "Каждая устойчивая бытовая ситуация обладает определенной организацией аудитории, следовательно определенным репертуаром маленьких житейских жанров", — писал М.М. Бахтин. Он говорит о "трении слова" о внесловесную среду и "трении слова" о чужое слово[3]. Тип речевого взаимодействия связан со сложной динамичной системой речевых жанров. М. Бахтин рассматривает речевые жанры как определенное историческое явление и выделяет такие типы устного диалога, как "салонный", "фамильярный", "кружковой", "семейно-бытовой", "общественно-политический" и т.д. Разговорно-диалогические жанры связаны с определенным историческим периодом существования литературного языка, живут во времени и пространстве и организуют нашу речь всякий раз по-разному. По мысли Бахтина, релевантны ситуация говорения, социальное положение говорящих и личные взаимоотношения участников общения. Как мы видим, М. Бахтин строил единую жанрово-речевую шкалу от высоких, официальных жанров до самых фамильярных, интимных. Не описывая всю номенклатуру устных речевых жанров ("и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры"[4]), Бахтин выделяет такие короткие речевые жанры, как приветствия, прощания, поздравления, всякого рода пожелания, осведомления о здоровье, о делах и т.п.

Вот это последнее подразделение нам кажется принципиально важным. Позднейшие исследователи приходят к классификации, очень близкой к бахтинской[5]. Нам хотелось лишь провести границу между жанрами кодифицированной речи и жанрами РР. Жанры "салонной" болтовни сейчас, по-видимому, исчезли, но были ли это жанры РР? Тем более, что в XIX в. салон говорил по-французски. Современные дипломатические рауты, приемы ведутся, бесспорно, в рамках КЛЯ.

---

[1] *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит. 1975. С. 106.

[2] *Бахтин М.* Проблема речевых жанров// Эстетика словесного творчества М.: Искусство, 1975.

[3] Марксизм и философия языка. Л., 1929.

[4] *Бахтин М.* Проблема речевых жанров. С. 258.

[5] В статье Е.А. Земской в настоящем сборнике подробно излагаются взгляды А. Вежбицкой по этому вопросу и даются отсылки на последние ее работы.

Специально для РР можно ввести понятие "малого жанра". Для РР характерен полиморфизм выражения, эта речь гибко варьируется, она выбирает из арсенала языковых средств наиболее подходящие для того или иного типа ситуации. РР обслуживает вполне определенную сферу реальности и обнаруживает определенный набор языковых средств, который может отражать любой факт из этой области.

Однако можно наблюдать, что языковая деятельность в различных ситуациях непринужденного общения характеризуется разными признаками. Встает вопрос о необходимости учитывать определенные "регистры" или ситуативно-обусловленные параметры. Речь идет об использовании тех или иных форм и сочетаний слов, об особенностях интонации и суперсегментных единиц.

Представляется, что выше этажа индивидуальных вариаций РР расположен уровень отличий, формируемых такими разновидностями РР, которые и можно назвать малыми жанрами РР. Эти различия не связаны с личными свойствами говорящих, их социальным статусом, возрастом, полом, воспитанием, образом жизни. Отношение к РР как к нерасчлененному целому уже на первых этапах ее изучения приводит к разного рода оговоркам, многочисленным ремаркам и под. Языкознание не выработало еще точного определения РР как лингвистического объекта (принятое в настоящее время определение базируется на экстралингвистических основаниях) это усложняет исследования, однако идет постепенное накопление того общего, что связывает все контексты РР в единую систему.

Каждый жанр РР избирает ограниченный набор языковых средств. Каждый жанр РР характеризуется своеобразием по отношению к цели и способу коммуникации. Один и тот же факт действительности может быть отражен в разных жанрах по-разному. Малые жанры — это такие микроструктуры, которые выделились в определенной языковой общности как ограниченные речевые клише. В малом жанре, как в каждой малой подсистеме, осуществляется корреляция между лингвистическими и экстралингвистическими структурами.

"Домашние" жанры РР различны, но большая их часть обладает свойством включать "ситуативный смысловой контекст" в состав семантики высказывания. Речевое взаимодействие говорящих таково, что адекватная передача диалога невозможна без записи интонации, жестов, мимики говорящих и всей конситуации в целом. Мы должны показать референтную связь, так как ситуация общения во времени и пространстве не отчленена от "ситуации жизни" данной семьи, микроколлектива и т.д.

Характерно, что в реальных разговорных "зачинах" семейных микродиалогов мы обычно не встретим тех метатекстовых скреп, с которыми привыкли иметь дело в текстах КЛЯ: *прежде всего, итак, кстати, например, начнем с того..., во-первых, во-вторых...* и т.п. Сошлемся на многочисленные примеры из книги "Русская разговорная речь: Тексты". (М., 1978). Например: — Не знаешь/ *Юра как*? Из Прибалтики? — Не знаю// Я не звонила// 1. Пуговицы хотела *у него* перешить у пальто// 2. Пальто у него

хорошее мам// 1. Вот/ так вот (*показывает*) расходится сильно// Надо подальше перешить//

Арсенал языковых средств в малых системах ограничен: ограничен их словарь, число синтаксических конструкций, и это свойство позволяет надеяться, что малые жанры РР поддаются исчислению и описанию.

Речевые жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения и типическим темам, — говорим мы вслед за М. Бахтиным. Но в таком случае являются ли наши диалоги с детьми единым жанром РР? По-видимому, нет. Такое подразделение будет слишком "укрупненным" и не даст малого жанра: одно дело — разговоры с "безъязыкими" еще малышами, другое дело — воспитательные и назидательные беседы с 3—5-летними детьми и третье — разговоры с подростками, эти душеспасительные диалоги с разной степенью откровенности партнеров.

Являются ли телефонные разговоры единым жанром РР? По-видимому, также нет, здесь возможны очень разные отношения между партнерами говорения. В послереволюционные годы у нас укоренилась более демократическая манера общения в семье, — так, обращение на "Вы" между супругами, детей по отношению к родителям почти повсеместно сменилось обращением на "ты". "Ты" и "Вы"-манера приобрела новую нюансировку в актах непринужденной речи (переход на "Вы-обращение" иногда может быть сигналом неблагополучия в семье, ссоры и под.).

Покажем важность изучения малых жанров РР на одном примере. Определенные композиционно-стилистические формы РР, казалось бы, очевидны. Вот "жанр прощания" (формулы прощания!). Внимательное наблюдение приводит нас к заключению, что собственно "формул прощания" в РР нет. Или они в ней какие-то другие, не те, что описаны в формулах этикета. Когда люди уходят из дома по делам, на службу, в школу, институт, магазин и т.д., они говорят следующее: — Ну/ я пошел// Я пошла; Я иду! Я иду/ пока! Ухожу! Пошли? Идем? Ну/ все//. Формулы прощания мы употребляем лишь тогда, когда уезжаем из дома на длительное время в отпуск, командировку и т.д., а в ежедневной своей практике мы используем иной набор слов.

В каждой семье имеется, по-видимому, и своя хронология, свой отсчет времени, свой временной масштаб (*до школы, после детского сада, когда на дачу ездили, во время ремонта* и т.п.).

Возможно, малые жанры удастся описать, подразделив их на "сцены" и выделив характерные "персонажи". Сцены воспроизведут стереотипные ситуации, при описании персонажей мы дадим характеристику партнерам коммуникации. Внутри каждой ситуации выделим стереотипные положения: понимание/ непонимание, утверждение/ вопрос, согласие/ несогласие и т.д. По-видимому, малые жанры РР сведутся к микродиалогам и репликам. В свою очередь, реплики и диалоги войдут в более крупные фрагменты обиходно-бытовой речи: семейный диалог; семейный полилог; домашние рассказы; речь в условиях семейного приема ("гости"); речь в усло-

виях чьего-либо визита; домашние телефонные разговоры; речевое сопровождение каких-либо дел; комментирование чужих дел; разговоры с животными.

Вокруг каждого жанра группируются определенные бытовые речевые этикетки, особая разговорно-бытовая фразеология. Понятно, что сама проблема отбора речевых средств существует не во всех жанрах обиходно-бытовой речи, в определенных случаях это постоянно стереотипная, автоматизированная речь (например, репликиотзывы на телефонный звонок).

Понятно, что все потенциально существующее в РР нельзя охватить, все вероятностные события невозможно описать, но можно показать, чем поддерживается равновесие речевого жанра и что является его константными свойствами.

Условия существования РР меняются так резко, что от нарушения всего лишь одного из существенных ее параметров изменяется и общая характерность речи. Разговорная речь — это постоянно меняющийся экран, и чтобы описать связь всех ее элементов, надо понять, что все жанры РР лежат очень близко друг от друга — во времени и пространстве близко — и это явление — микрокомплексное по своей сути. Именно микрокомплексностью и объясняется лингвистическая разнородность текстов РР. Разговорная речь политипна и при этом членится на множество различных групп. Близкое соседство этих комплексов исключает их наложение и перекрещивание, каждый раз мы имеем дело именно с механизмом переключения.

Изучение "малых фрагментов" РР может продвинуть исследование функций устной речи и даст возможность показать полиморфность РР во всей ее полноте.

Е.А. ЗЕМСКАЯ

ПОЛИТЕМАТИЧНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНОЕ СВОЙСТВО НЕПРИНУЖДЕННОГО ДИАЛОГА[1]

Диалог — важнейшая форма существования непринужденной устной речи. На это указывали еще классики теории диалога[2]. Для построения типологии диалогической речи[3] необходимо изуче-

---

[1]В настоящей статье мы отвлекаемся от различий между диалогом и полилогом, используя термин диалог для называния любого вида немонологической речи.

[2]См.: *Якубинский Л.П.* О диалогической речи// Русская речь. 1. Пг., 1923; *Mukařovský J.* Dialog a monolog. Kapitoly z české poetiky. Praha, 1948. S. 129—154. Литература о диалоге огромна. Назовем лишь некоторые работы: *Винокур Т.Г.* О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи// Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955. С. 342—355; *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960; *Арутюнова Н.Д.* Некоторые типы диалогических реакций и "почему" — реплики в русском языке.// Филол. науки. 1970. N 3. С. 44—59; *Müllerová O.* Kommunikativni slozky výstavby dialogického tekstu. Praha, 1979 (см. там же литературу).

[3]Из недавно разработанных типологий диалога см.: *Rejmánková L.* К типологии

ние всех разновидностей диалога, представленных в реальном общении.

Рассматривая тематическое строение диалога, исследователи обычно выделяют тематическое согласие (разговор на одну общую тему) и тематическое развитие: а) один из собеседников развивает тему, или часть темы, поднятую другим: б) один из собеседников вводит новую тему.

Для тематического строения непринужденного диалога характерно явление, которое, как кажется, еще не было описано и которое можно назвать тематической полифонией (или политематичностью). Оно состоит в том, что диалог идет сразу по двум (реже — больше) тематическим линиям, так как разные собеседники ведут разные темы.

В настоящей статье мы хотим обратить внимание на разновидности непринужденного диалога, которые связаны с политематичностью.

Тематическая полифония при неофициальном общении возникает по разным причинам, что делает это явление особенно характерным для РР[4]. Основных причин образования политематичности две: включение тематики, рождаемой конситуацией, в тему, не связанную с конситуацией, как правило, более значительную по содержанию; неофициальные отношения между говорящими, непринужденность их контактов порождает такую ситуацию, при которой каждый собеседник стремится говорить о своем, наиболее волнующем, наболевшем: (Трое дома за ужином) А: Хоть бы лето наступило скорее! А обещали раннюю весну// Б: Да/ не назовешь ранней// Середина мая/ а из курток не вылезаем// В: Хорошо хоть топят// А то бы пропали// Б: А я все о Герцене// Он меня потрясает// В: А я давно его не перечитывал// А: Говорят/ в Грузии снег шел// По телевизору показывали// Б: Да ну! Герцен все-таки итальянцев как-то особенно любил// И уважал// В: Эпоха такая была// Гарибальди//

Можно наметить следующие подвиды политематического диалога:

1. Политематический реактивный. Разговор идет по двум темам. Каждый участник диалога "ведет свою партию", реагируя на реплики собеседника. Приведем два примера: А: Ну как у вас? Едете на дачу? Б: Нет/ папа не здоров// А: А мы все никак с ремонтом не разделаемся// А что с ним? Б: Что-то с печенью// Болит/ и горечь во рту// А что у вас с ремонтом? А: Да меняют сантехнику// Это же помереть! Б: Ну да/ волынка// А мы никак не решим/ ложиться ему в больницу/ или уж дома//. Темы: вопрос-зачин, первая — о даче, вторая — о здоровье отца, третья — ремонт.

разновидностей ситуативного диалога// Ruský jazyk. 1983. N 3. P. 306—312; *Müllerová O.* Dialogtypen und ihre Klassifizierungskriterien// Text and pragmatics aspects of language. Praha, 1984. S. 55—64.

[4]См.: нашу статью в этом сборнике.

А: Ну// как Петька? Давно писал? Б. Уже месяц нет писем// А. Не волнуйся/ почта может плохо работать// А я все никак эти тезисы не напишу// Б. Я думаю не почта/ а ленится он// А куда тезисы? А. В Пермь// Он же раньше аккуратно писал// Это почта//. Темы: первая — о письмах, вторая — о тезисах.

Этот подвид политематического диалога широко распространен в общении близких людей, когда каждый партнер коммуникации хочет поделиться с другими своими новостями, заботами, переживаниями и т.п. Диалог служит функции самовыражения.

2. Политематический без реакции. Соотношение реплик диалога "стимул — реакция" признается универсальной чертой диалога[5]. Однако внимательное изучение естественного диалога приводит к выводу, что не все виды диалога таковы. В неофициальном общении, обычно между очень близкими людьми, распространен вид диалога, в котором ни одна реплика не выступает как стимул или реакция по отношению к другой. Каждый говорит о своем, не реагируя на слова собеседника: (Две женщины-приятельницы пьют чай на даче) А: Никак не могу эту кофту довязать// Б: А я цветы посадила// Анютины глазки// А: Очень красивый фасон/ но сложный/ Б: Хочется чтобы побольше цветов было около дома// Веселее// А: Мне один рукав остался// Да-а/ цветы приятно// Я хочу ее [кофту] в отпуск с собой взять// (подчеркнем, что ни одна из собеседниц не вяжет. Кофта лежит на стуле).

Характерно, что отсутствие реакции собеседника не мешает общению. Каждый удовлетворяет свою потребность в коммуникации, желание рассказать о своих делах. Назовем этот тип диалога политематический без реакции. Отметим, однако, что хотя он и встречается, но реже, чем тот, который был рассмотрен (политематический реактивный). Он возможен не при любых темах, но лишь при темах "спокойных", не вызывающих эмоций у собеседника, не требующих сочувствия, сопереживания, совета и т.п. Чуткие художники отражают эти особенности естественного диалога в своих произведениях, придавая им характерологическое звучание. Вот показательный пример:

"Почтенные дамы в синих платьях и бело-голубых полосатых фартуках заняты каждая своим делом. Фрекен Вега гладит кружевные манжеты, а фрекен Эстер пишет письма... Обе дамы вполголоса беседуют, не слушая друг друга, их бормотание успокаивает, как тихая бесперебойная капель<...> Вот как протекает их беседа.

Ф.В.: Я была у Густавссонов...

Ф.Э.:... Сейчас, только закончу писать...

Ф.В.:... И встретила там господина Альбректссона...

Ф.Э.: Вы только подумайте, дети, это письмо попадет в крошечное миссионерское поселение в самом Китае!

---

[5]См.: Арутюнова Н.Д. Фактор адресата// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. N 4. С. 359.

Ф.В.: ... и господин Альбректссон сказал, что его собака — пудель — принесла четырех щенков.

Ф.Э.: Там живет моя подруга, она пробыла там уже пятьдесят лет.

Ф.В.: Господин Альбректссон спросил, не хотят ли Фанни и Александр взять одного щенка.

Ал-др: Мама не разрешает заводить ни кошек, ни собак. Запретила раз и навсегда.

Ф.Э.: Щенок мог бы жить у нас.

Фанни: Правда?

Ф.В.: Иначе его придется продать.

Ф.Э.: Когда я была в Китае вместе со своей подругой — мы там работали — у нас была собака и три кошки.

Фанни: Я выиграла.

Ал-др: Сыграем еще раз?

Фанни: Только теперь ты бери красные.

Ф.В.: Господин Альбректссон зарабатывает кучу денег на своих превосходных собаках. Но щенка пуделя он хочет подарить.

Ф.Э.: Он и так богатый.

Ф.В.: Это деньги жены, дорогая Ф.Э.

Ф.Э.: Вы и в самом деле так думаете, Ф.В.?...

(*Бергман И.* Фанни и Александр// Бергман о Бергмане, 1985. С. 368—369)

3. Бесконфликтный политематический диалог с интервенцией конситуативной тематики. Развитию тематической полифонии способствует то обстоятельство, о котором говорилось выше: разговор может протекать по теме, не связанной с моментом речи, но актуальная ситуация производит интервенцию в ход беседы, вносит что-то свое в течение речи. При этом между разговором, тематически не связанным с моментом речи, и разговором с опорой на момент речи, нередко бывают отношения неравноправия. Тема, не опирающаяся на актуальную конситуацию, представляется более важной, значительной; конситуативная тематика более мелкой, сиюминутной, незначительной: (Двое гуляют по краю поля) А: Володька наш жениться собрался// Б: А на ком? А: С ней учится/ но старше его// Б: Не знаешь что здесь посеяли? [показывает на поле] А: Пшеница// Меня смущает что старше// А: Да ничего// Это бывает//

Такой вид общения — по двум тематически не связанным линиям, однако, возможен и допустим лишь при очень близких отношениях говорящих и в тех случаях, когда ни один из собеседников не обижается на интервенцию иной (часто более "низкой") темы в свою партию. Особо следует выделить случаи, когда конситуация "врывается" в разговор — звонит телефон, стучат в дверь, плачут дети, в кухне что-то горит, убегает молоко и т.п. В таких случаях один из собеседников ("ответственный" за происходящее) с извинением или без него прерывает ход беседы: (Разговор в кухне. Пришедший рассказывает о своих делах) А: Я се-

годня с этой редакторшей встречался// Б: *Прости/ там мясо не горит*? А: *Нет-нет*// Она обещала мне сама позвонить// Когда выяснится//; (разговор по телефону) А: Не читал в "Новом мире" письма Цветаевой? Б: Нет еще// Как раз собираюсь// А: Интересно/ как тебе? Б: *Извини/ звонят в дверь*// (кладет трубку; возвращаясь) Прочту/ тебе скажу//

4. Конфликтный политематический диалог с интервенцией конситуативной тематики. Течение разговора по двум темам — одна не связана с моментом речи (основная), другая — попутная, вызываемая потребностями конситуации, — не всегда проходит бесконфликтно. Собеседник может быть обижен и даже оскорблен вторжением инородной (часто — бытовой, "кухонной' и т.п.) тематики в разговор на тему более важную, серьезную, высокую.

Вот типичный пример: (Обедают в кухне. Гость (А) рассказывает о новой книге. Слушатели:хозяйка дома (Б), ее родственник (В) А: Там новый способ оформления// Иллюстрации все в одном месте/ такой тетрадкой/ а не разбросаны по тексту// Компактно/ и дешевле для издательства// (Б. *встает, подходит к плите*) *Я смотрю чай/ не кипит еще// А то заварить надо*// А: (обиженно) Ну/ я тогда Вале расскажу// Эти иллюстрации все на особой бумаге/ мелованной// Б: (виновато смотрит).

Обращение хозяйки дома к теме чая вызвало недовольство рассказчика вмешательством бытовой темы в серьезную беседу.

Конфликты такого рода, вызываемые столкновением актуальной ситуации и разговора на тему, не связанную с моментом речи, характерны не только для нашей эпохи. Интересен анекдот, рассказанный Герценом в "Былом и думах" (рассказ о Чеботареве, "анекдотам и шалостям которого не было конца"): — Верите ли вы в магнетизм? спросила его при мне одна дама, довольно умная и образованная. — Да что вы разумеете под магнетизмом? — Дама ему сказала какой-то общий вздор. — Вам ни копейки не стоит знать, отвечал он, верю я магнетизму или нет, а хотите я вам расскажу, что я видал по этой части. — Пожалуйста. — Только слушайте внимательно. После этого он передал очень живо, умно и интересно опыты какого-то харьковского доктора, его знакомого.

Середь разговора человек принес на подносе закуску. Дама сказала ему, когда он выходил: — *Ты забыл подать горчицы*. Чеботарев остановился. — Продолжайте, продолжайте, — сказала дама, несколько уже испуганная. — Я слушаю. — *Соль-то принес ли он?* — Это вы уже и рассердились, — прибавила дама, краснея. — Нисколько, будьте уверены; я знаю, что вы внимательно слушали, да и то знаю, что женщина, как бы ни была умна и о чем бы ни шла речь, не может никогда стать выше кухни, — за что же я лично на вас смел бы сердиться" (*Герцен А.И.* Былое и думы, ч. II, гл. XIV).

Как видно, тематическая полифония возможна не при любых отношениях между партнерами коммуникации и не при любых те-

мах[6]. Не все люди терпимо относятся к тому, что их прерывают, меняют линию разговора, вклинивают в беседу инородные тематические реплики и т.п. Тем не менее тематическая полифония существует, составляя типическую черту естественного неофициального общения. Транспозиция тематической полифонии в произведения словесного искусства рождает театр абсурда.

Выделенные разновидности политематического диалога можно сгруппировать следующим образом:

1. Политематический диалог, не связанный с конситуацией

а) собеседник реагирует на тему партнера;

б) реакция на тему партнера отсутствует.

2. Политематический диалог, включающий конситуативную тему

а) включение конситуативной тематики не вызывает конфликта

б) включение конситуативной тематики приводит к конфликту между партнерами коммуникации.

Тематическая полифония имеет большое собственно лингвистическое значение. Она оказывает влияние на строение текста. Соединение двух тем приводит к тому, что местоимение в дейктической функции может относиться не к предшествующему существительному, как того требуют правила кодифицированного языка, а к существительному, помещенному ранее. Действует такой закон: местоимение имеет антецедент не в виде непосредственного существительного, но в виде предшествующего существительного той же тематической линии. Вот типичный пример: (Разговор за обедом) Р: Бабушка/ там есть картошечка? М. На// А: В лагере... В лагере конечно мы всех заводили (долго водили за грибами) К: Да? А. Угу// Я места знаю конечно// Мы с Наташкой пойдем/ раз-раз/ и наберем// К: Ты там уже не один год? А: Не-у// М: (к Р.) видишь *она какая? Поджаренная*// А: (на вопрос К). С пятьдесят второго года//[7]

Местоимения *она, какая* относятся не к слову *Наташка* (ближайшему существительному жен. рода), а к более отдаленному слову *картошечка,* ближайшему по той же тематической линии. Говорящим это ясно из конситуации (жест, действия) и контекста: соотносительная реплика Р. *Поджаренная* // естественно относится к *картошечке,* а не к *Наташке*[8].

---

[6]Скрещивание некоторых тем порождает трагическое звучание. В этом отношении характерен разговор двух итальянцев, записанный М. Антониони: "Иногда я останавливаюсь, чтобы послушать разговор двух каких-нибудь незнакомых мне людей. Часто слова до такой степени соответствуют лицам тех, кто их произносит, что просто невозможно не задуматься. А думаю я почти всегда о фильмах. Из таких вот диалогов сюжеты возникают сами собой.

— Что ты делаешь в наших краях? — Да хочу купить тут один участок. — Как Джулия? — Болеет, говорят. — А где участок-то? — За церковью километрах в двух. Почему бы тебе ее не навестить? Ей там плохо. Пусть порадуется. — Да, надо зайти. Сколько гектаров? — Двадцать. Под застройку. — А цена какая? — Если зайдешь, скажи, что она мне дорога, несмотря ни на что. Пятнадцать тысяч двести. — Подходяще. Конечно, скажу.

Оба замолкают. Похоже, задумались. О Джулии? Об участке?.." (Лит. газ., 4 апр. 1984).

[7]Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978. С. 164—165.

[8]Это слово с переносным значением "загорелая" могло бы относиться к женщине,

Формальным способом отыскания антецедента для местоимения может быть метод, предложенный Ю.Д. Апресяном при установлении правила семантической интерпретации текста[9].

Необходимо, однако, учитывать, что при естественном непринужденном общении не редки случаи, когда местоимение не имеет антецедента в тексте. Смысл местоимения ясен из конситуации, общности апперцепционной базы и т.п.: (Входя в комнату в учреждении и указывая на стол, за которым сидит определенный сотрудник) — *Его* нет сегодня? — Нет/ *он* вышел// (имя не называют, так как оно ясно); (Гость А. и хозяйка дома Б. за ужином) А: Как Катя живет? Б: Ничего// Салату берите! Огурчики свои! А: Сколько ее старшему? Б: Да семь уже// Сами огурцы солили// А: (берет салат, ест) Хороший засол// Сколько *их* у нее? (имеется в виду: детей. Хотя слово *дети* не было произнесено, собеседникам ясна отнесенность этого местоимения из общей тематической направленности диалога).

О.П. ЕРМАКОВА

РАЗГОВОРЫ С ЖИВОТНЫМИ (ЛИНГВО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Общение с животными в жизни многих людей составляет особую, нередко значительную часть их душевной жизни.

Некоторые люди в разных ситуациях могут разговаривать не только с животными и птицами, но даже с насекомыми: мухами, осами, пчелами и т.д. Ср.: "Пошла вон, мерзкая осища. Так тебе и надо, жадина, чтоб не лезла всюду".

Постоянно же общается человек с домашними животными. Это общение редко обходится без разговоров. Отметим, что в целом этот жанр со всеми его особенностями больше характерен для жителя города, хотя часто разговаривают с животными и жители села, прежде всего при обслуживании животных: кормлении, доении, выгоне и т.д.[1]

Какие функции выполняют разговоры с животными?

1. Разговор с животным как форма общения с человеком. Здесь животное выступает как псевдоадресат, а разговор используется: для привлечения внимания к себе с целью завязать знакомство (на улицах, в транспорте и т.д.), наладить отношения с кем-то,

---

лишь если в тексте была бы какая-либо "поддержка" такого соединения смыслов, например, шла речь о внешности, загаре и т.п.

[9]Ср. анализ фразы *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите.* См.: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 13—14.

[1]Вот некоторые примеры. Женщина козам: Сейчас, милые, сейчас. Тороплюсь. В избе — кошке: А тебе раньше всех надо? Не успеешь? — Мужчина двум свиньям: Ты, Манька, дай сперва поесть Ваньке, потому что он все ж-таки мужчина, а ты просто свинья.

с целью косвенного назидания (детям, членам семьи, друзьям), для самовыражения — демонстрации разного рода словесного творчества, остроумия, или для выражения таких чувств и мыслей, которые трудно высказать "открытым текстом"[2]. Рассмотрим некоторые примеры.

На улице, в ожидании троллейбуса, мужчина к собаке, которую держит на поводке женщина: Какой же ты лохматый! Что же тебя твоя хозяйка не подстрижет? И глаз совсем у тебя не видно. Надо бы тебя подстричь, а?

После размолвки сына с отцом. Сын собаке: Волька, пойдем с тобой отсюда. Раз с нами не хотят разговаривать, мы и уйдем. Мы вот сейчас возьмемся за лапы и уйдем. Да?

Женщина коту после разговора с дочерью-школьницей: Сеня хороший. Сеня все всегда маме расскажет. Придет и расскажет.

Мужчина собаке на улице, явно работая на публику: Что ж ты, собака, меня напугала: стоишь тут, как Баскервиль какой-то. Иди домой, иди.

2. Разговор с животным в целях непосредственного общения с ним для выражения симпатии, любви, восхищения, сочувствия, укоризны, просьбы и т.д.

Люди, близко общающиеся с животными, нередко действительно высказывают им свои мысли, делятся переживаниями, заботами, всерьез просят у них прощения. Такого рода разговоры человек нередко ведет и наедине с животными, и в присутствии других людей, но без расчета на общение с ними. Так, женщина, приходя с работы, говорит коту, который в ее отсутствие мирно спал на столе и спрыгнул навстречу хозяйке: Моя радость, вот я и пришла. Скучал без меня? Ну, как твой глаз? (У кота он был поранен собратьями). Не бойся, тетя Катя тебя не будет ругать (Соседка, которая пришла вместе с хозяйкой кота, осуждающая пребывание кота на столе). Не будет, ты ведь больной.

В общении с животными, как и в общении с людьми, можно выделить две сферы — общение со своими или знакомыми животными (принадлежащими родным, друзья, соседям, живущим в том же подъезде, дворе и т.д.) и общение с незнакомыми. Общение с незнакомыми животными, естественно, носит более ограниченный и более стандартизованный характер.

По нашим наблюдениям, разговоры с незнакомым животным на улице содержат:

1. Вопрос к нему (чей ты? ты кто? откуда ты? как ты сюда попал? Что ты тут делаешь? и т.д.).

2. Вопрос-увещание (ты зачем на меня так? ну, что ты сердишься? Ты зачем на меня лаешь?).

---

[2]В романе Ч. Диккенса "Дэвид Копперфилд" Дора постоянно разговаривает со своей собачкой. Предчувствуя близкую смерть (свою и собаки Джипа), она говорит в присутствии бабушки Копперфилда: — Не правда ли, Джип, ты не так постарел, чтобы покинуть свою хозяйку? — Мы еще поживем немножко вместе! (Пер. А.В. Кривцовой и Е. Ланна).

3. Выражение восхищения, симпатии, удивления (Ах, какой ты красивый! Какие у тебя ушки! Очень ты мил! Красавец!).

4. Извинения (если нечаянно задел, наступил на лапу, хвост): Прости, пожалуйста, милый, я нечаянно. Ох, маленький, я тебя обидел, ну я ж тебя не заметил.

5. Раздражение, злость (иногда в тех же ситуациях): Ах ты черт, а ты не суйся под ноги, дурак. Дома сиди, а не лезь, где люди. Еще укусить мог! Эй, как тебя там? Цыган! Кабыздох! Чего брешешь! Я те побрешу!

В отличие от разговора с людьми, где пространные объяснения бывают и при добром, положительном и при резко отрицательном восприятии адресата, разнообразные разговоры с животными, как правило, наблюдаются при хорошем, любовном отношении к ним человека. В противном случае этот "разговор" выражается только в командах, ругани, а она довольно быстро обращается уже на хозяина животного (если он здесь) или прекращается, если цель "общения" — прогнать животное.

Значительно более разнообразны по форме и по содержанию разговоры со своими или знакомыми животными. Естественно, что в разных домах в зависимости от характеров, речевых вкусов людей, семейных традиций, образа жизни, воспитания, образования и, конечно, от степени близости в общении с животным, эти разговоры носят различный характер.

Есть дома, где при сдержанно добром, но несколько отстраненном отношении к животным, разговоры с ними выражаются в однообразных "светских" любезностях (при кормлении, при встрече и т.д.). Например: Хомочка (хомяк), ах ты нежный, ах ты розовый! Мы сейчас Хомочке морковку дадим; Шустрик, ты славный маленький песик? Да? Ты славный маленький песик, очень славный.

В других домах, где животные живут как члены семьи, с ними разговаривают часто, говорят на разные темы. Сообщают им, что вместе будут делать, когда и что есть, куда пойдут гулять, что там увидят, задают вопросы, высказывают назидательные сентенции и т.д.

По форме разговоры со знакомыми животными бывают следующих типов.

1. Монолог хозяина (гостя, знакомого), обращенный к животному.

2. Монолог от лица животного.

3. Диалог. В этих случаях подаются по очереди реплики от лица человека и животного в соответствии с его (животного) характером, предполагаемой или известной реакцией на ту или иную ситуацию. При этом порой разыгрываются целые сцены. Иногда даже от лица животного в таких случаях поют. Рассмотрим примеры разных форм общения.

1. Хозяйка собаке, которая бегала по двору в дождь: Ой, как стыдно иметь такие грязные лапы (пес смущенно молчит). Куда же это такого чумазого поросенка вести? Мыться, мыться скорее!

Женщина коту: Чиля, ну зачем ты дерешь стулья? (мягкую обив-

ку). Что они тебе сделали? Сколько тебе раз говорить, чтобы ты их не трогал? Когти у тебя чешутся, да? Когти! Пакость ты, а не когти.

Бим, ты понял, что папа за машиной пошел? Сейчас он приедет, и мы в лес поедем. Вы там с Тошкой (другая собака) будете бегать, на белок лаять, копать. Поедем, да? Ой, подожди! Не прыгай на меня! Папа еще не приехал.

Женщина, подсовывая лежащему коту к носу кончик его хвоста: Каждый благовоспитанный кот должен уметь играть со своим собственным хвостом.

2. На кухне. Все сидят за столом. Кот подходит к своей миске. Она пустая. Кот возмущенно смотрит на сидящих. Реплики, иногда почти одновременно от разных лиц: Вы что же, собираетесь меня сегодня кормить? А? Лорды-милорды, как прикажете это понимать? Наглость какая!

Кот запрыгивает на колени к девочке, которая ест яйцо. Все в доме знают, что кот очень любит яйца. Реплика одного из членов семьи (цитата из рассказа К. Чапека о кошке. И рассказ, и эту цитату все знают): Что ты жрешь? Дай мне! Девочка отдает коту половину яйца. Оглядевшись, кот спрыгивает на пол. Реплика: Как только не подавилась от жадности! Могла бы, между прочим, и все мне отдать, знаешь ведь, что я это люблю.

Кот, сидя на коленях у гостя, заглядывает к нему в тарелку. Реплика: Дозвольте, гражданин, я докушаю.

Все отлично понимают, что все это "говорит кот". Такие сцены происходят в этом доме постоянно.

3. В комнате две женщины. Одна из женщин держит на руках кота, он, разыгравшись, кусается. Она: Ты, чего, негодяй, кусаешься! Я тебя глажу, а ты что? Хорошо так себя вести?

Вторая (смеясь и радуясь): А как же, для чего же ты существуешь? Чтобы ублажать меня! Я позволяю тебе любить себя, а ты все терпи!

Женщина подходит к окну, на котором растянулся и спит кот Бобка. Наклоняясь к нему: Никто целый день с Бобочкой не займется, никто с ним, с черненьким, не поиграет, никто про его муравья не спросит (считалось, что время от времени к Бобке приползал "его муравей", который назывался "Бобкин муравь"). Ну, как, Бобочка, блюдешь ли ты своего муравья? Холишь ли? Нежишь ли?

В ответ (страдальческим голосом): Да отвяжитесь от меня со своим муравьем!

Иногда, если в доме есть собака и кошка, две собаки и т.д. они так же "разговаривают" между собой. Вот один из примеров: в доме жили взрослый кот и щенок, подраставший, когда кот был уже полноправным членом семьи. Щенок относился к коту с почтением. При появлении кота (с улицы) радостно его приветствовал, заискивающе вилял хвостом, выражал желание обнюхать кота и даже лизнуть. Кот презирал щенка, обычно брезгливо отворачивался, иногда давал ему по морде лапой. Члены семьи, где жили кот и щенок (обычно двое), наблюдая эту сцену, давали ее "синхронный перевод" в репликах:

Щенок — коту: Дяденька, дозвольте с Вами пообщаться! Ах, как от Вас прекрасно пахнет! Можно я Вас обнюхаю, дяденька?

Кот — щенку: Пошел прочь, дурень. Порядочному коту домой прийти стало нельзя, так и лезет шантрапа всякая! В сторону хозяев: Завели тоже...

Во многих известных нам домах некоторые типы разговоров с животными, разыгрываемые с ними сцены повторяются, носят традиционный характер. В одном из домов ежедневно повторялась сцена, которую всегда ждали члены семьи. Пока хозяин собаки (очень ею любимый) был на работе, пес запрыгивал на его кровать. Лежал там, иногда его оттуда пыталась стащить другая жившая в доме собака, мать первой — Бести (от *бестия*), они возились. При возвращении хозяина пес радостно к нему бросается, а хозяин, увидев состояние кровати, грозно обращается в пространство: Это кто лежал на папиной кровати?! Пес мгновенно виновато прячется под кровать, хозяин продолжает: Это Бести лежала на папиной кровати? Собака Бести улыбается и всем видом показывает, что не она. — Значит, Буля лежал на папиной кровати?! Иди-ка сюда, Буля! — Пес буквально выползает из-под кровати к ногам хозяина. — Как же тебе не стыдно?! Я же тебе сколько раз говорил: нельзя лежать на папиной кровати! Какой же ты друг? Плохой ты друг! — Пес, расстроенный вконец, прячется. Насладившись смущением пса, хозяин говорит: Ну, ладно, прощаю. — Пес вылетает из укрытия, прыгает вокруг хозяина, и они обнимаются.

Разные люди разговаривают с животными дома в разных ситуациях. Есть ситуации, в которых почти все что-то говорят собаке или кошке[3]: при кормлении, когда выводят гулять, при возвращении домой[4]. В этом общении человек отдыхает, снимает напряжение, расковывается. Он может говорить любые глупости, не контролируя себя. Нередко в играх с животными его тянет к разным видам творчества: болтая с собакой или кошкой, человек сочиняет шутливые стихи, поет преобразованные, обращенные к животному романсы, иногда даже "автором" здесь выступает само животное. Два примера, записанные в разных домах.

Хозяин собаки тормошит ее, разглаживает ей то усы, то хвост: Бося, а ты, оказывается, седая! Откуда это у тебя? Ты же молодая! Начинает напевать тут же сочиненные им слова (на мотив песни "Синенький скромный платочек"):

Старую, дряхлую псину
Я за пятерку купил[5].
Думал, играя, что молодая,
А уж она с сединой!

А хвостишко-то позорный, позорный! Ну, ладно, ладно, не расстраивайся. Ты хороша собой, это я так.

---

[3]Мы больше всего наблюдали общение именно с этими животными.

[4]Гораздо реже утром, когда все торопятся на работу, в школу, родители отводят детей в детский сад и т.д.

[5]Собаку щенком купили за пять рублей.

Женщина, беря кота на руки: Ты воспой — воспой, млад котеночек (кот петь не любил). За него (на мотив романса Чайковского "Так что же"): Так что жа, что жа! Гла-а-дьте! А петь — ни за что!

Речевые особенности разговоров с животными поддаются лишь относительной типизации, во-первых, потому, что в этой сфере общения выступает все тот же носитель литературного языка или просторечия, во-вторых, что здесь, как и в других сферах, очень много индивидуального. Отметим некоторые речевые особенности общения с животными, обусловленные спецификой их содержания, что, в свою очередь, определяется спецификой адресата.

Существует определенный набор обращений к незнакомым животным: *собака, собачка, собачечка, собачина, собакин* (как существительное), *пес, песик, псина, псюшка, псинка, песинька*[6]; *кот, кошка, кис* (как существительное), *котик, кошечка, котинька, кисанька, котаньчик*. Подзывают кошек, как известно, словом *кис-кис*, но при обращении к ним с речью, вопросом, это междометие обычно не употребляется. Ни одно из приведенных обращений не воспринимается как нелитературное, но наблюдения показывают, что значительная часть носителей литературного языка предпочитает не обращаться к животным словами *собака, кот, кошка* и либо используют более ласковое, шутливое обращение, либо обходятся совсем без него по привычке обращения к незнакомым людям.

Пример: По улице идут две женщины. Возле дома сидит кот. Одна из женщин, глядя на него, приостанавливаясь: Очень, очень ты хорош собой. Красавец[7]. К знакомым животным обычно обращаются по имени. Носители просторечия используют и обращения *сын, дочь, деточка* и разные вариации этих слов - *сынуля, сыночка* и т.п.

Носители литературного языка обычно так не обращаются к животным, хотя нередко в семьях называют в шутку мужа и жену владельцев собаки или кошки — *папа* и *мама*, а приходящих в гости — *тетя* (Таня, Маша и т.п.), *дядя* (Саша, Петя и т.п.), т.е. с точки зрения собаки и кошки.

Ну, хорошо, Пушечка (от имени собаки Пух), ты мне уже сказал "Спокойной ночи", теперь иди к папе; Ну, иди, Сенечка (кот), к маме. Морда ты, конечно, но иди.

В зависимости от культуры речи, речевого вкуса, характера и т.д. люди, обращаясь к своим животным, которых считают членами семьи, используют разнообразный ассортимент ласковых обращений, которые так же, как и семейные обращения к людям, трудно типизировать.

1. Говорит коту пожилая учительница, филолог: Ну, что ты разлегся, моя ягода, на дороге, я ж тебя раздавлю. Ну, что, мой

---

[6]Иногда встречаются и шутливые обращения к своей собаке: сучечка!, кобелино!

[7]Ни в одной другой сфере общения в разговоре не встречается такое количество сообщений собеседнику, как он хорош собой, умен и вообще прекрасен. И уж, конечно, для этого сообщения не останавливают незнакомых людей.

зайчонок, поел? Еще? Так, может, конца краю не будет? Ах ты, мой жрунчик. Ой, моя лапочка (наступила случайно на хвост): деточка, прости меня, сыночек.

2. Говорит собаке мужчина, ученый-лингвист: Тимка! Ах ты бабник несчастный, морда ты поганая! Опять на уходерню (после очередной схватки "из-за дамы" пес пришел с порванным ухом) удрать намыливаешься! Тоже к собаке (знакомых): Ну-с, Буль Николаевич (хозяин его Николай), как поживаете? Говорят, распутничаете?

В общении с животными у людей наблюдается склонность к творчеству. Она проявляется в придумывании прозвищ животным и в шуточном словообразовании. Прозвищами этими обычно не подзывают животных: (собака и кошка привыкают к определенному имени), но используют в разговорах с ними. Так, от имени *Тихон* кот получал названия *Тихий, Тиний, Плиний* (Китенька моя, Плиний младший пришел. Иди, молочка налью), *Завалихон* (Завалихон,ты толстеешь и много в том преуспел). Собака *Шарик* называлась в доме *господином Шароном,* а в другое время *Трухалиной* (так как бегает трух-трух).

В некоторых домах при обращении к коту или собаке постоянно используются словообразовательные вариации его имени или определений к нему. Например, девочка-подросток, обращаясь к коту Бобке: Расперебобочка, расперечерненький, расперемаленький, расперевредненький! Не соизволите ли Вы подвинуться? Нет? Ну, извините, пожалуйста, я Вас немножко подвину.

По общему стилю разговоры с животными отчасти напоминают разговоры с детьми: обилие ласковых слов, шутливые прозвища, словотворчество, словесная игра и т.д. Люди, склонные к употреблению "сладких" слов, любящие сюсюкать с детьми, нередко так же говорят с животными: Например, старая женщина, держа на руках котенка: Ах ты мелковатый, кто-итько такосенький у меня? Здравствуй, господи ты моинька, ой, мой сыночек, ой, мой зайчик. Ди бози мой, ето кто же меня царапает? Нельзя, мой сладкий, нельзя.

Любопытно, что многие люди не только не сюсюкающие вообще, в том числе с детьми, но скорее склонные к любовно-ироническому тону (часто из лингвистически-педагогических убеждений не употребляющие в общении с детьми слова типа *носик, ручки* и т.п.), в общении с животными в такой стиль иногда впадают. Не раз приходилось наблюдать, как пожилой мужчина (очень образованный), любящий выражаться с нарочитой грубостью — *нажрался, морда* и т.п., разговаривал на берегу моря с чайками в таком стиле: Сейчас, детонька, я тебе дам хлебца, сейчас, маленький, иди сюда. Сейчас, милый.

Таким образом, стиль разговоров с животными может соответствовать общей речевой манере человека, а может контрастировать с ней.

В разговорах с животными человек чувствует себя раскованно. Иногда это приводит к тому, что та речевая стихия, которая подавлялась много лет постоянным контролем, в этой сфере начинает проявляться. Один из наших информантов — учительница-

пенсионерка, родившаяся и много лет проработавшая в деревне, но давно живущая в городе, в разговорах с животными, в основном с котами, неизменно переходит на простонародно-диалектную речь, хотя вне этой сферы общения диалектную лексику, как правило, не употребляет. Вот один из примеров. Она играет с котом, но тот недоволен: У дитёнка есть хвостенок. Злует помаленьку мой сыночек, ёно очень зленькое. Ён почти что человек, только не говорит. Кот кусается. Она: Ой моя деточка, да ктой-жо ж ето так гуляет?

Итак, разговоры с животными — это своеобразный жанр устной речи, интересный прежде всего тем, что он существует, тем, что человек упорно обращает речь к неговорящему существу. Животное отвечает человеку на его слова по-своему, оно говорит с ним на языке чувств.

О.Б. СИРОТИНИНА

ЯЗЫКОВОЙ ОБЛИК г. САРАТОВА

В данной статье представлена "лексика Саратова"[1], а кроме того, рассмотрены некоторые локальные особенности речи жителей Саратова, не связанные с лексикой. Рассмотрим "лексику Саратова" в ее официальных и неофициальных вариантах.

Улицы города. Системы в названиях улиц в Саратове нет. Дореволюционные названия имели адъективную модель. В официальной речи старых названий сохранилось немного: *Большая Горная, 2-я* и *Большая Садовые, Шелковичная, Астраханская, Новоузенская, Аткарская, Симбирская* и нек. др. Сейчас активна и эта модель, и модель с родительным падежом. Среди новых названий, особенно в новых районах широко представлены названия по городам (*Тульская, Барнаульская, Одесская, Ростовская, Киевская, Брянская, Миллеровская, Бакинская, Воронежская* и т.д., есть даже *Тверская*), по каким-то реалиям местности (*Высокая, Бульварная, Школьная, Телеграфная, Силикатная, Ламповая, Ипподромная*), "громкие" названия (*Международная, Гвардейская, Олимпийская*), а также названия типа *Саперная, Деловая* и *Студеная* (хотя самого слова *студеный* саратовцы не употребляют, с таким названием есть и улица и несколько проездов). По модели родительного падежа в новых районах названы улицы по фамилиям политических деятелей, писателей, ученых, героев войны (*Володарского, Осипова, Жуковского, Азина, Шехурдина, Емлютина, Маяковского* и т.д.), а также есть названия типа *проспект Строителей, проспект Энтузиастов, улица Мира.* Из официальных названий, связанных с фамилиями, адъективную модель имеет только *Пугачевская улица* (одно из наиболее старых переименований — вместо Царевской).

[1] См. гл. "Лексика города" в кн.: Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

В разговорной речи официальное название по модели родительного падежа часто заменяется адъективной моделью. При этом наблюдается любопытная закономерность: более старые названия устойчиво дают в РР адъективную модель, предвоенные дают колебания (например, при более частотном *Горького, на Горького* встречается и *на Горьковской*), а более новые *Слонова, Вавилова, Лермонтова, Федина* устойчиво сохраняют модель родительного падежа и в РР. Видимо, это связано с тем, что в первые десятилетия Советской власти в городе появились не только названия *Рабочая, Советская, Революционная, Первомайская* (они сохранились и сейчас), но и *Чернышевская, Мичуринская, Радищевская, Чапаевская, Некрасовская, Пугачевская*, которые впоследствии (кроме Пугачевской) на табличках были изменены (*улица Чернышевского* и т.д.). Некоторые именования в РР усекаются (*улица 20 лет ВЛКСМ — 20 лет*[2]), некоторые именуются скорее функционально, чем именем собственным (проспект 50 лет Октября — *по старой дороге*).

В Саратове несколько проспектов, в центре города их два: проспект Ленина и проспект Кирова, который с 1983 г. отдан пешеходам. Первый из них очень часто в РР именуется адъективной моделью женского рода (*на Ленинской*), второй — трояко: *на Кировской* (люди старшего поколения), *на Кировском* (большинство) и просто *Проспект, на Проспекте* (молодежь). От улиц эти проспекты ничем не отличаются, проспектами стали именоваться только перед войной, с этим и связано, видимо, употребление для их называния адъективной модели женского рода.

Кроме проспектов и улиц, в том числе и в новых районах, много *проездов* и *тупиков* (в старых районах и *переулков*). При этом широко представлено одинаковое именование улиц и проездов (*Магнитная улица* и *Магнитный проезд, Деловая улица, Деловой проезд, Деловой тупик, Вишневая улица* и *Вишневый проезд* и т.д.), нумерация проездов и тупиков (*2-й Магнитный проезд, 3-й Студеный проезд, 5-й Динамовский проезд* и т.д. — обычно до 6). При этом нередко при переименовании улицы сохраняются старые названия тупиков и проездов (так, *Камышинская улица* была переименована в *улицу Рахова*, а проезды и тупики остались *Камышинскими, Панкратьевская улица — в улицу Мичурина*, а проезды остались *Панкратьевскими* и т.д.). В Саратове есть *линии, шоссе* (*Московское, Ново-Астраханское*) и тракты (*Петровский, Сокурский*, был *Вольский* — ныне *проспект Строителей*). Особенностью города, расположенного на правом (высоком) берегу Волги, являются *взвозы*, идущие от берега вверх: *Князевский взвоз, Бабушкин взвоз* — ныне на табличке *взвоз имени Бабушкина*.

В центре города есть только одна большая площадь — площадь Революции (в РР обычно просто *Площадь*), остальные застроены или засажены деревьями и площадями именуются только официально. В РР *площадь Чернышевского* называется *у памятника* (на ней памятник Чернышевскому) или *у Липок* (городской сад), *площадь*

[2] Комсомольская улица в Саратове тоже есть.

Кирова — у цирка. В отличие от московских бульваров в Саратове и в официальной речи, и в РР многокилометровые аллеи деревьев посередине улицы называются *скверами* (*сквер на улице Рахова*, в РР: *сквер на Рахова*), но есть *Бульварная улица* в новом районе.

Названия рынков, отдельных микрорайонов. В РР сохраняются старые названия рынков: центральный колхозный рынок — *Сенной*, рынок Волжского района — *Пешка*, только один из рынков официально и в РР называется *Крытый рынок* (в РР и просто *Крытый*), хотя все они давно уже расположены в специальных зданиях (когда-то крытым был только один, до 1983 г. на нем сохранялись надписи "Крытый рынок" и "Городской рынокъ"). В Саратове есть официальный адрес *Верхний рынок* (в РР *Верхний базар*), хотя большинство жителей города уже не знает, что когда-то на этом месте действительно был один из рынков. Уже мало кто знает, что на месте Центрального колхозного рынка когда-то торговали сеном а *Пешка* (Пеший рынок) отличалась отсутствием привоза, да и расположена была за 4 квартала от ее нынешнего места. Саратовцы часто употребляют слово *базар* (но *в рынок* — о Крытом рынке).

С историей города связаны и неофициальные (а иногда и официальные) названия его микрорайонов: *Затон* — часть города по берегу Волги (еще 30—40 лет назад там действительно был затон, отгороженный дамбой, теперь мимо "Затона" плывут теплоходы), *Комбайн* — район вокруг завода, который строился как первенец пятилеток для выпуска комбайнов, но был переоборудован и выпускал самолеты (люди живут *на Комбайне, за Комбайном*). Есть официальное и неофициальное название *Стрелка* — район вокруг когда-то единственной перед железнодорожным вокзалом стрелки, после постройки нескольких путей тоже не связанное с современной реалией. Так же лишь исторически соответствовали своему названию *Первая, Вторая* и т.д. *Дачные* (остановки трамвая и соответствующие микрорайоны), после войны превратившиеся в современный район города.

Такого рода номинации в каждом городе свои. К локальным особенностям относятся и номинации по сходным реалиям, но в разных городах разного лингвистического типа. Так, например, в Челябинске сразу же обращает на себя внимание называние заводов инициальными аббревиатурами (ЧТЗ, ЧМЗ), тогда как в Саратове типичнее образования слог + слово (*Техстекло, Жиркомбинат, Химкомбинат, Нефтемашремонт*), так же называются в РР и соответствующие микрорайоны (*живет на Техстекле, у Нефтемаша*). В Саратове широко распространено именование словом (*Шарик, Комбайн, Крекинг*) при официальном расчлененном именовании (Подшипниковый завод, Нефтеперерабатывающий завод). Инициальные аббревиатуры в Саратове сравнительно редки, особенно в устной речи.

Названия предприятий общественного питания, магазинов. Если в Ленинграде господствует, а в Москве широко представлена адъективная модель типа *Булочная, Блинная*, то в Саратове буквально до последнего времени единственно возможными были названия

Хлеб, Продукты, Блины, Промтовары, Канцтовары, Пирожки, Чебуреки, Пельмени и т.д. Однако в связи с подготовкой к 400-летию в 1983—1984 годах в Саратове поменяли вывески *Хлеб* на более "модные" *Булочные*, появилось несколько *Блинных, Пельменных, Пирожковых*, но продолжают появляться и новые вывески по старой модели: *Русские блины, Пельмени, Продукты, Вареники.*

Одно время пытались ввести для магазинов собственные имена, но они не утвердились, большинство вывесок (*Ромашка, Зорька, Петушок, Нитрон* и т.д.) было заменено на *Гастроном, Продукты, Трикотаж*, хотя некоторые из них (*Дачник* — теперь *Стройматериалы, Зорька, Нитрон*) живут в РР. На вывесках остались единичные собственные именования: *Кристалл* (ювелирный магазин), *Узоры* (продажа платков, ниток), *Чародейка* и *Бирюсинка* (ткани), *Золушка* (галантерея), *Эфир* (телевизоры), *Океан* (рыба), *Белочка* (кондитерская). В Челябинске, наоборот, очень распространены собственные имена магазинов.

В РР официальная модель названий магазинов и предприятий общественного питания почти не используется (в объявлениях по радио и в газете *Магазин N 1 "Чародейка" Первого промторга, Магазин "Обувь" Второго промторга* и т.д.). В РР говорят: *в хлебном, в продуктовом, овощном, в Пельменной*, но *в Пирожках, в Чебуреках*, а еще чаще названия совсем далеки от официальных (*наш, у нас, за углом, под Машкой, под Валентиной* — по именам знакомых, живущих в зданиях, где размещены магазины. Очень характерны адресные названия (*на Сакко и Ванцетти, на Рабочей* — о магазинах "Овощи—фрукты", *на Слонова* — о Спорттоварах, *на Ленинской* — о магазине "Обувь") или по каким-то приметным ориентирам (*у памятника, рядом с "Центральным"* — о булочных: против памятника Чернышевскому и рядом с кинотеатром "Центральный").

В ряде случаев живут особые, притом устаревшие, номинации: *у Рабиновича* — о булочной, которой когда-то заведовал Рабинович (а еще раньше был ее владельцем), *у Стружкина* — о булочной, которая была фирменным магазином фабрики им. Стружкина (ныне официальное название — "Булочная-кондитерская хлеборга"), *Пассаж* — о магазине "Продукты", расположенном недалеко от дореволюционного пассажа, т.е. прохода с лавками по обе стороны (ныне проход к торговле не имеет отношения, и большинство говорит о "странном названии", "непонятном", но все его употребляют). Встречаются "образные" названия: *Хитрый* — о магазине во дворе, *Кишка, Длинный* — об узком магазине продуктов.

В Саратове используются и номинация *ларек* и номинация *киоск. Ларек* чаще овощной, пивной, торгующий квасом, но чаще в РР просто называют местоположение (*Огурцы купила на 20 лет, на Мичуринской*) — официальное название таких ларьков "Овощной базар", "Овощи—фрукты", есть и "Киоск по продаже овощей", "Пиво", "Квас". *Киоск* обычно табачный, газетный, для продажи абонементных талонов (на автобус, трамвай, троллейбус). Продажа с лотка распространена, и говорят *купил у лотошника* (реже —

у лотошницы, хотя почти все они женщины), но чаще говорят *на улице купил* (вероятно, в связи с тем, что в Саратове очень широко распространена продажа овощей, фруктов, рыбы, конфет просто со столиков или даже ящиков, вынесенных из магазина или привезенных на машине и установленных на тротуаре[3]).

В Саратове есть несколько домов быта (официально они различаются по районам: *Волжский дом быта, Фрунзенский дом быта*, — а в РР — чаще по расположению: *в доме быта на Чернышевской, в нашем доме быта, в доме быта на Университетской* и т.д.), магазины "Дом одежды" (так и в РР), "Товары для женщин" (в РР чаще *в Дельфине* — по названию ЖСК, в здании которого он находится), "Товары для дома" (так и в РР), т.е. модель словосочетания используется довольно широко, и не только в официальной речи.

Театры в РР именуются конденсированно, при этом чаще не прилагательным, а существительным (*в опере, в драме*, но *в Кукольном, в Детском*). Однако чаще используются разговорные варианты официальных названий: *В Чернышевский надо пойти* (Театр оперы и балета им. Чернышевского), *Они в Карл Маркс ходили* (Драматический театр им. Карла Маркса), *в теремке были* (Театр кукол "Теремок"). Самый популярный в Саратове Театр юного зрителя называют *ТЮЗ* или *Детский* (особенно люди старшего возраста).

Названия жителей, служащих учреждений, студентов. Жителей Саратова в РР и в официальной речи называют только *саратовцами* и никогда *саратовчанами* (встречается в центральных газетах).

Студентов и сотрудников вузов именуют по разным моделям: *университетские, пединститутцы, медики, сельхозники, политехи, механизаторы* (студенты и сотрудники Института механизации сельского хозяйства). Сами вузы называют или усеченно (*в педе, в меде*), или моделью слог+слово (*пединститут, мединститут*, распространено *госуниверситет*), слог+слог (*сельхоз, политех, зоовет*), или конденсированно (*механизация*), в официальной речи есть *СГУ, СХИ, СМИ*.

Для названий заводов в НИИ играет роль время их создания. Более старые называются словом (*Шарик*[4], *Крекинг*, *"Микроб"* — официальное и неофициальное название одного из старых НИИ), послевоенные — моделями инициальной аббревиации (*ПУЛ, СНИИМ, СЭЭМ* — в РР *Сэээм*), от них образуются и соответствующие номинации сотрудников (*пуловцы, сэээмовцы*), но чаще говорят *из института, с завода* (о своем), *из Сэээм*.

Транспорт. В Саратове широко распространены номинации маршрутов трамвая *тройка, пятерка, девятка, десятка*, троллейбуса —

---

[3] Говорят только *тротуар*, слово *панель* в этом значении не употребляют.

[4] *Работаю на Шарике* отмечено и в Москве (Способы номинации... С. 286), а в Ростове живут и работают на ГПЗ. Судя по номерам заводов более старые (в Москве и Саратове — N 3) любовно были названы *Шарик*, а более новый (в Ростове N 10) — номенклатурно. Ср. в Ростове более старое *Ростсельмаш*.

двойка, тройка, пятерка, но только первый и для трамвая, и для троллейбуса. Явно видна закономерность: свой маршрут называется с суф.-*ка,* менее привычный — прилагательным. Отсюда иногда непонимание: *В институт можно девяткой ехать — Разве он туда ходит? — А как же, в Энгельс... — А-а, троллейбус девятый. А я думала трамвай.* Автобусы чаще именуются прилагательными. Абонементные талоны называются *талонами,* реже *билетиками* и никогда — *абонементами* (название характерно для Челябинска), *талоны пробивают.*

Еще на ранних этапах изучения РР нами отмечалось отсутствие в саратовских магнитофонных записях РР ряда явлений, которые в коллективных монографиях Института русского языка[5] признавались типичными для РР: стереотипы вопросов типа "Красная площадь/ как пройти?", словообразовательные феминизмы типа *геологиня* и т.д. Несмотря на целенаправленный поиск стереотипов с именительным падежом (ручные записи у вокзалов, в транспорте, магазинах и рынках), подобные стереотипы в Саратове оказались единичными, явно господствуют *В универмаг как проехать? На Горького выходите? У рынка будете выходить?,* типичны "вежливые" вопросы "Скажите, пожалуйста, как проехать в универмаг?".

Своеобразна судьба в саратовской РР "феминизмов". Их преобладания явно нет. По отношению к женщинам широко используются не только единственно возможное *ассистент* (ср. в телевизионном фильме "Люди и дельфины": *"А ассистенткой ты меня возьмешь?*), *лингвист, ученый,* но и *лаборант, аспирант, студент, комсомолец, пионер* и т.д. Замечены некоторые различия в употреблении "феминизмов", связанные с полом говорящего (мужчины чаще используют указание на женский пол, женщины даже обижаются, если о них говорят *лаборантка,* а не *лаборант*)[6].

На употребление "феминизмов" действуют, разумеется, и лингвистические факторы: "феминизмы" почти не употребляются в тех случаях, когда в предложении есть иное указание на пол (*Она лаборант, Дочь — студент университета, Лена — аспирант, Она коренной саратовец* и т.д.). Если же собеседник не знает, о женщине или о мужчине идет речь, говорящий может употребить "феминизм": *Лаборантка сейчас придет, подождите; Я не лаборант, лаборантка будет завтра* (говорит женщина). Но в целом в РР Саратова явно господствуют слова мужского рода даже в тех случаях, когда соответствующее существительное женского рода есть и в КЛЯ. В саратовской РР, безусловно, встречаются и *врачиха,* и *геологиня, филологиня,* но, во-первых, редко, во-вторых, как правило, с явным неодобрительным оттенком: *врачиха* — плохой

[5] Русская разговорная речь. М., 1973; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981; Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

[6] См.: *Захарова Е.П.* Особенности разговорной речи в оформлении существительных по роду // Вопросы стилистики. Функциональные стили русского языка и методы их изучения. Саратов, 1982. С. 165.

врач (о хорошем говорят только *врач*), *геологиня, филологиня* — свидетельство отрицательного отношения к этим девушкам. Значительно реже *геологиня, филологиня* используются в языковой игре. В последнее время в ряде случаев можно видеть и влияние художественной литературы, использующей эти образования.

Во всех рассмотренных случаях саратовцы отдают предпочтение кодифицированным вариантам, и можно было бы сделать вывод, что речь саратовцев близка к КЛЯ. Однако это не так. В саратовской РР нередко слышны нелитературные варианты: жаргонные словечки (*Я ему говорю, а он нулем; Не возникай; Ни грамма* — не только в речи молодежи), грубые слова (*фигня какая-то, морда, харя* — из речи интеллигентной женщины). В языковой игре обычны диалектные и жаргонные образования (*Не боись; Вот лажа; Детев как много*).

И в официальных номинациях, и в РР наблюдается влияние столицы, мода, что проявляется в тех сдвигах в сторону РР Москвы, которые отмечены в наших записях за 20 лет.

З. С. САНДЖИ-ГАРЯЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ РЕЧИ г. ЭЛИСТЫ

При изучении современной городской речи, по-видимому, следует учитывать не только влияние на нее окружающих диалектов, но и воздействие национальных языков. Русская речь нерусских описывается, как правило, в плане интерференции. Между тем существуют группы нерусского населения, которые не проявляют явных признаков интерференции. В частности, в Элисте (столице Калмыцкой автономной республики) выделяется довольно большой слой коренной национальности, речь которых можно изучать наряду с речью русских. По возрастным и социальным признакам они условно делятся на три группы. К первой — можно отнести калмыков, принадлежащих к интеллигенции старшего поколения, одинаково свободно владеющих как родным, так и русским языком. Отличительная особенность речи этой группы лиц — небольшой акцент в произношении отдельных русских слов. Ко второй — относятся представители среднего поколения калмыцкой интеллигенции, которые владеют русским языком так же, как родным, и лучше, чем родным. Они в основном владеют устно-разговорной разновидностью калмыцкого языка. В их речи не наблюдается акцента.

В третью — входят дошкольники, школьники и отчасти студенты-горожане, для которых русский язык является фактически первым родным языком, а калмыцкий вторым. Калмыцкий язык у этой группы находится в пассивном пользовании: он изучается в школе в качестве особого предмета; на родном языке дети говорят крайне редко, только в тех семьях, где есть бабушки и дедушки.

Наблюдение над устной русской речью калмыков позволяет выявить ряд особенностей. Одна из этих особенностей — своеобразное взаимодействие книжных, разговорных и просторечных элементов.

Устная русская речь г. Элисты испытывает заметное влияние

южнорусского диалектного окружения с элементами украинизации. Диалектные явления встречаются в виде вкраплений в литературной разговорной речи наиболее культурных горожан и придают особый колорит местному просторечию. Речь коренного русского населения, особенно старшего поколения, изобилует украинизмами и диалектизмами. Так называемое новое городское просторечие, носителями которого являются как русские, так и калмыки, характеризуется в основном "неграмотностями" общерусского плана.

Особенности и культура русской речи нерусских зависят не только от степени влияния родного языка, но и в значительной степени от того, какая речевая среда их окружает. Наблюдение показывает, что многие явления устной речи неодинаково оцениваются, а значит и употребляются, русскими и калмыками. Основу речевого общения всякого города составляет разговорная речь. Наиболее нейтральная и правильная, она понятна всем носителям русского языка независимо от их национальности и социальной принадлежности. Отсутствие в ней диалектных слов и форм, значение которых может быть затемнено, а также сниженных просторечных явлений делает разговорную речь наиболее приемлемым видом устной речи для представителей разных национальностей. Более того, о степени владения русским языком нерусскими можно судить по их отношению к разговорной речи.

Принципы создания городских номинаций Элисты мало отличаются от общерусских. Активно используются отглагольные образования, обозначающие предметы, помещения, лица типа: *открывалка, точилка, курилка, выступальщик* и пр. Билингвы II и III групп не только употребляют, но нередко и создают окказиональные образования по этой модели. Билингвы I группы относятся к таким номинациям с осторожностью, оценивая их как сниженные, не нейтральные. Отглагольные дериваты заимствуются ими скорее в виде готовых лексем, чем моделей.

Интересно, что экспрессивно-оценочные наименования типа *тарахтелка, дребезжалка, фыркалка* в речи I группы совсем не встречаются.

В устной речи элистинцев широко распространены типичные для современного города субстантиваты. Так, микрорайоны города именуются *первый, второй, третий* и т.д. *—Кому на первый?; — На втором* — проблема с транспортом. Один из гастрономов города называют *старый* (первый гастроном в городе). *—Купил в старом; —Зайдем в старый.*

Охотно используются элистинцами различные стяжения. Одни из них заимствованы из фонда общеразговорной русской лексики (*маршрутка, неотложка, всемирка*), другие — сугубо региональны. Так, для Элисты актуально наименование зданий по количеству этажей. Обычными для города являются пятиэтажные дома. На этом фоне двухэтажный промтоварный магазин называют *двухэтажкой.* Первый девятиэтажный дом в городе стал называться *девятиэтажкой,* девятиэтажные дома, выстроенные позже, получили названия по месту расположения: *девятиэтажка на базаре, девятиэтажка у почты* и т.д.

И субстантиваты, и стяжения создаются и широко воспроизводятся в русской разговорной речи II и III групп билингвов. Гораздо реже их можно услышать в речи старшей возрастной группы билингвов. Например, лица с высшим образованием предпочитают полные наименования стяженным, т.е. скорее скажут — *маршрутное такси,* чем *маршрутка, зачетная книжка,* чем *зачетка,* "*Литературная газета*", чем "*Литературка*" и т.д.

В устной речи жителей Элисты много аббревиатур, служащих вполне нейтральными наименованиями государственных учреждений, учебных заведений и т.д. Билингвы I группы воспринимают их как официальные наименования, так как они встречаются часто и в письменной форме.

Усечения, широко используемые в речи городской молодежи, как русской, так и калмыцкой, в речи старшего поколения калмыков почти не встречаются. Исключение составляет преподавательская среда, в которую из речи студентов проникают названия предметов, учебных дисциплин, факультетов, отделений типа: *сопромат, диамат, ромгерм, гидрофак, термех* и пр. В качестве профессиональных жаргонизмов усечения встречаются также в речи билингвов II группы (т.е. среднего поколения). Например, в речи работников Элистинского таксопарка (диспетчеров и водителей) звучит только усеченный вариант слова микрорайон — *микро*: *—Первый микро —Кто возьмет? — Принимайте заявку — второй микро, дом 16.*

Таким образом, билингвы старшего поколения обнаруживают некоторую долю пуризма в отношении к разговорным номинациям и к разговорной речи в целом. Этот факт объясняется тем, что русский язык представителями старшего поколения калмыцкой интеллигенции усваивался прежде всего по книжно-письменным источникам. Отсюда ориентация на письменную форму русского языка, обилие в их устной речи книжных оборотов и наоборот — нетерпимость к фактам сниженным, неумение пользоваться просторечными элементами в стилистических целях.

Отсутствие стилистической гибкости у некоторых билингвов проявляется в неоправданном употреблении элементов языка, не сочетающихся между собой. Так, например, в разговорной бытовой речи высокочастотно глагольное сочетание *выйти на кого-нибудь* в значении 'встретиться для делового разговора', обязанное своим происхождением бюрократическим сферам языка — Как мне *на него выйти?; —Я на него вышел* случайно.

Неуместен для разговорной неофициальной речи также оборот *в этом плане,* отмеченный налетом книжности, официальности. Например: — *В этом плане* ты не прав, она действительно болеет; — Поговорили о здоровье, о домашних, в общем, в *этом плане*, и разошлись. Сочетание *конфликтная ситуация* часто употребляется в разговорах на обиходно-бытовые темы: — У него с женой часто бывают *конфликтные ситуации.* Часто можно услышать *наводить справки* вместо *спросить*: —Ну, что ты *наводил справки* у него? Он правда болеет? Эти и многие другие книжно-официальные обороты и слова составляют особый пласт в устной речи

билингвов старшего и среднего поколения, в целом владеющих нормами русского языка. Они придают речи налет книжности и не сочетаются со строем разговорной речи.

В то же время нередко наблюдается обратное явление — в устную официальную речь билингвов, лиц, как правило, с высшим образованием, проникают элементы из нелитературных сфер языка. Так, выступающий на собрании может употребить слова: *помаленьку, потихоньку, болтовня, валять дурака, девчата, нехороший, играется, валандаться.* Например: — У нас есть *нехорошие* случаи, с которыми необходимо бороться; — Нам *помаленьку* надо исправлять создавшееся положение; — В общежитии N 1 живут *девчата-филологи;* — Они поступили в университет учиться или в бирюльки *играться;* — Коллективу надо *хорошенько* задуматься над поставленными проблемами.

Особого внимания заслуживает отношение билингвов к другому пласту городской лексики — просторечным номинациям. Билингвы I группы почти не используют их в своей устной речи. Активность в употреблении просторечных номинаций у билингвов II и III групп зависит от степени их культуры, образованности.

Следует отметить, что просторечная стихия в Элисте гораздо сильнее, чем в крупных городах. Это объясняется сравнительно молодым "возрастом" города, а значит, слабой степенью урбанизации, интенсивным притоком сельского населения (особенно сельской молодежи), недостаточным количеством крупных учреждений культуры, высших учебных заведений (в городе один вуз).

Часть просторечных номинаций имеет явное диалектное происхождение. Таковы слова: *стулка* в значении 'стул', *бутылек* — 'бутылка, пузырек', *дитё* — вместо 'дитя', *сапожкй* — 'сапожки', *пятка* — 'автобус N 5', которые бытуют прежде всего в речи местных русских жителей, но постепенно проникают и в русскую речь калмыков определенного социального круга. В целом же диалектно окрашенная лексика калмыками, даже малограмотными, употребляется крайне ограниченно.

Так называемая новая просторечная лексика проникает в речь калмыков гораздо активнее, более того, составляет для определенных слоев населения основной фонд устной речи. К этой группе номинаций относится слово *булка* в значении 'буханка'. Для обозначения любого вида хлеба (пшеничного и черного) применяется сочетание *булка хлеба,* например: — *Булку хлеба* и батон; — *Булку хлеба* и рогалик. Для обозначения собственно булки существуют уменьшительные образования *булочка* или дополнительное определение: *сладкая булка, сдобная булка, булка с изюмом* и т.д.

Полиэтиленовые продуктовые пакеты называют чаще всего словом *кулек,* реже *мешочек* или *пакет.* Последние два варианта больше свойственны речи калмыков. Активно пользуются калмыки-билингвы и глагольной просторечной лексикой. Особенно распространены различные приставочные глаголы в значении *приехать, прийти.* Встречаются *подъехать, заскочить, подскочить;* — Я к тебе вечером

подъеду; — Ну, когда ты ко мне *заскочешь?;* — Слушай, *подскочи* ко мне часиков в семь.

Глагол *проводить* в Элисте нередко заменяется глаголом *провести*: — *Я проведу* тебя до автобуса; — Может, мне тебя *провести* немного?

Типичен для русского населения Элисты глагол *вставать*(вместо *выходить*) в ситуации городского транспорта. В речи калмыков всех трех групп этот глагол почти не употребляется, предпочтение отдается глаголу *выходить*, реже *сходить*. Это можно объяснить соответствием с обозначением этого действия в калмыцком языке.

В целом калмыки в русской речи чаще всего используют общерусские просторечные элементы, местные диалектизмы проникают в их речь значительно реже в силу большей сниженности.

Таким образом, изучение речи малых городов, расположенных к тому же на территории национальных республик, дает лингвистам интересный материал. Язык каждого города представляет собой сложное сочетание разнообразных элементов как общерусского характера, так и порожденных территориальной расположенностью города. Кроме того, исследование речи городов с двуязычным населением позволит выявить своеобразие функционирования русского языка в нерусской среде.

Н.И. ГОЛУБЕВА—МОНАТКИНА

К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

Как и в русском, так и во французском городе существуют литературный язык и внелитературные языковые формации, прежде всего просторечие. Как языковая разновидность французское просторечие (français populaire, далее FP) в целом совпадает с русским просторечием, характеризующимся несоответствием нормам литературного языка, широким распространением в речи лиц, недостаточно образованных, а также тем, что оно свойственно речи горожан[1]. В обеих странах ведутся исследования просторечия[2], но, насколько нам известно, FP с русским просторечием не сопоставлялось. Между тем возможно поставить проблему исследования просторечных универсалий, поскольку FP обладает многими чертами

[1] О русском просторечии см.: *Земская Е.А.* Русское просторечие как лингвистический феномен // Československá rusistika, XXVIII, 1983, 5.

[2] Во Франции отдельные наблюдения над "народным французским языком" можно найти уже у грамматистов XVII—XVIII веков, первые словари появляются в 1801—1810 гг., а первое лингвистическое исследование — в 1872 г. (см.: *Dauzat A.* Le français populaire et les langues spéciales // Le Français Moderne, 1935, 1). Долгое время FP изучалось с той же точки зрения, что и русское просторечие — с нормативно-стилистической (о таком подходе к русскому просторечию см.: *Баранникова Л.И.* Просторечие как особый социальный компонент языка// Язык и общество. Саратов, 1974. Вып. 3. С. 3—4).

сходства с русским просторечием:[3] 1) FP имеет связь с диалектами; 2) подобно тому, как существует общерусское просторечие, так существует и просторечие общефранцузское, которое обнаруживается, например, в Марселе[4]; 3) FP обладает своими особенностями в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике; 4) FP сохраняет черты старых явлений, ушедших из литературного языка[5]; 5) в обоих языках просторечие изгоняет формы "нелогичные" и образует им на смену новые путем аналогического выравнивания; 6) и FP и русское просторечие — ненормированные языковые сферы с большой, функционально не нагруженной вариативностью форм: lui, i, y, iy, uiy, uiziy, luiziy 'ему, ей', *obstiné, obestiné, ostiné* 'упрямый' / *оттуда, оттеда, оттедова, оттудова, оттеле, оттелева;* 7) как и в русское просторечие, в FP проникают явления других языковых сфер (французской разговорной речи — français familier, профессиональных жаргонов, арго)[6]; 9) FP функционирует не только в сфере обиходно-бытового общения и не только в устной форме[7].

Между FP и русским просторечием наблюдается сходство более конкретного характера, например, в области сегментной фонетики, в принципах освоения заимствованных и книжных слов, в некоторых явлениях морфологии. Так, в сегментной фонетике и русское просторечие, и FP имеют сходные произносительные особенности. В FP и в русском просторечии можно наблюдать, в частности, устранение стечения гласных (*là où → là-v-où* 'там, где' / *какао → [кака́ва]*; *du caoutchouc → du cayoutchouc* 'каучук, резина' / *meamp → [m'ujám^{b}p]*), редукцию интервокальных согласных (*cavalier → caalier* 'всадник'/*наверно → [наз́рнъ]*), упрощение групп согласных путем вставки гласного (*expres → exepres* 'нарочно'/*ру[бъл']*, *[з^{ы}р'а]* 'зря') и путем выпадения одного из согласных (*orchestre → or-*

---

[3] В данной статье сравниваются черты FP и русского просторечия, описанные в основном в работах: *Guiraud P.* Le français populaire. 2e éd. P.: PUF, 1969; *Земская Е.А.* Указ. соч.; Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. Примеры заимствованы из этих работ (с сохранением транскрипции оригинала).

[4] "... наше французское просторечие базируется на говоре Иль-де-Франса и в особенности Парижа..." (*Guiraud P.* Le français populaire... P. 7).

[5] "...большинство ошибок... которые нормативная грамматика находит во французском просторечии... являются во многих случаях наследственными формами, засвидетельствованными крупнейшими писателями XV и XVI веков, в эпоху, когда язык еще не подвергался подавляющему контролю со стороны школы" (Ibid. P. 11). Но, с другой стороны, FP нередко рассматривается исследователями как формация более продуктивная, "прогрессивная", чем литературный язык.

[6] "В той мере, в какой оно является общим для значительной части населения, а не для представителей какой-нибудь отдельной профессии или замкнутой группы, наше французское просторечие — это ни технический язык, ни какое-либо арго. Тем не менее ясно, что оно питается ресурсами различных языковых разновидностей, свойственных ремесленникам, мелким торговцам и т.д. Оно также широко открыто для арго..." (Ibid. P. 8).

[7] «... у него есть также письменные формы. И можно констатировать, что носитель просторечия пишет не так, как говорит. Как, впрочем, и для "буржуазного" языка, различие устный—письменный соответствует противопоставлению стиля разговорного и стиля литературного. И действительно, существует совершенно характерный "благородный" тон просторечия» (Ibid.).

chesse 'оркестр'/*вздрогнула* → [*з*]*рогнула*), метатезу внутри слова (*fromage* → *formage* 'сыр'/ в русских иноязычных заимствованиях: *шоссе* → *соше* [*сашэ́*], [*сошэ́*]), диссимиляцию согласных (*corridor* → *collidor* 'коридор'/ *коридор* → *колидор*). При освоении заимствованных слов в FP и русском просторечии происходят: редукция семантической структуры слов, семантические сдвиги, разного рода ложно-этимологические сближения и преобразования, этимологически "правильные" замены плохо знакомых вариантов (*expression* 'выражение' → *exprimation* из *exprimer* 'выражать'/ *бульвар* → *гульвар* из *гулять*). В морфологии FP и русского просторечия наблюдаются отличия от литературного языка по отнесенности ряда слов к тому или иному роду (*une grosse légume* 'крупный овощ'/ *Какая густая повидла*//), характерны явления аналогического выравнивания в формах сравнительной степени прилагательных (*plus pire* 'более хуже'/ *ширше, более хуже*), в глагольных основах (*je bois – nous boivons* ← *nous buvons* 'пью—пьем'/ *пеку — пекешь — пекет* ← *пеку — печешь—печет; je mourirai* ← *je mourrai* 'я умру'/ *ехай — ехайте* ← *езжай — езжайте*), разного рода смешения форм глагольных (*je m'ai trouvé* ← *je me suis trouvé* 'я очутился'/ *я не дождала его* ← *я не дождалась его, Ни перед кем не заискивается* ← *Ни перед кем не заискиваем*) и местоименных (*Alsace dont il a été blessé* ← *Alsace où il a été blessé* 'Альзас, где он был ранен'/ *У мене три сестры* ← *У меня три сестры*)[8].

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

[8] Небесполезно отметить, что тенденция к аналогическому выравниванию в морфологии, сходная с просторечной, наблюдается в процессе изучения иностранного языка. Ею объясняются многие ошибки обучающихся.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Е.А. Земская. Городская устная речь и задачи ее изучения 5

Т.Г. Винокур. Устная речь и стилистические свойства высказывания 44

А.Ф. Журавлев. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи 84

Л.А. Капанадзе. Способы выражения оценки в устной речи 151

М.В. Китайгородская. Наблюдения над построением устного просторечного текста 156

Т.С. Морозова. Особенности литературной устной публичной речи (в сфере синтаксиса и построения текста) 182

Н.Н. Розанова. Об одной особенности старомосковского произношения в современной речи москвичей 208

Н.Е. Ильина. Особенности синтагматики морфем в устной речи 224

Л.А. Капанадзе. О жанрах неофициальной речи 230

Е.А. Земская. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога 234

О.П. Ермакова. Разговоры с животными (лингво-психологические заметки 240

О.Б. Сиротинина. Языковой облик г. Саратова 247

З.С. Санджи-Гаряева. Некоторые особенности устной речи г. Элисты 253

Н.И. Голубева-Монаткина. К проблеме сопоставления французского и русского просторечия 257

ИРЯ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

Научное издание

РАЗНОВИДНОСТИ ГОРОДСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Е.В. Фурманова.* Художник *А.В. Денисова*
Художественный редактор *Н.Н. Власик.* Технический редактор *Л.Н. Богданова*
Корректор *О.А. Разуменко*

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

ИБ № 35834

Подписано к печати 23.02.88. Формат 60 X 90 1/16
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 16,5. Усл.кр.-отт. 16,8 Уч.-изд.л. 20,3
Тираж 2100 экз. Тип. зак. 2233. Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Готовится к печати:

Серебренников Б.А.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление

20 л., 3 р. 50к.

Монография является продолжением коллективного труда "Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира (М., 1987). В работе исследуются проблемы, касающиеся роли человека в существовании, функционировании и развитии языка. Раскрывается роль грамматического строя и процессов заимствования и взаимовлияния в формировании языковой картины мира. Все языковые процессы рассматриваются на фоне общих законов мышления.

Для лингвистов, философов, социологов, психологов, логиков.

Слово в языке произведений В.И. Ленина: Классификация лексики

20 л., 3р. 30к.

В статьях сборника рассматривается классификация лексики произведений В.И. Ленина по статистическим, лексикологическим, семантическим, стилистическим и другим критериям. Дается анализ фонограмм речей В.И. Ленина.

Для языковедов и всех интересующихся языком В.И. Ленина и русским литературным языком конца XIX – первых десятилетий XX в.

Будагов Р.А.

Портреты языковедов XIX–XX вв.: Из истории лингвистических учений

14 л., 2р. 40к.

В книге впервые в истории отечественного языкознания дается полная картина научной деятельности выдающихся отечественных и зарубеж-

ных лингвистов А.А. Потебни, Л.В. Щербы, А.М. Пешковского, Л.П. Якубинского, Ф. де Соссюра, Г. Шухардта, Ш. Балли, Р. Якобсона. В очерке по истории советского языкознания прослеживается развитие общетеоретической лингвистики в нашей стране в послеоктябрьский период на базе материалистической диалектики.

Для лингвистов широкого профиля.

Метафора в языке и тексте

16 л., 1р. 70к.

Монография представляет собой комплексное исследование природы метафоры и закономерности ее функционирования в языке, художественном тексте, научной речи; рассматриваются проблемы механизмов метафоризации, соотношения метафоры и символа, метафоры и оценки, роль метафоры в создании языковой и научной картины мира.

Для специалистов в области общих проблем языкознания, логики и методологии науки.

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО ОДНОМУ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ АДРЕСОВ МАГАЗИНОВ "КНИГА–ПОЧТОЙ" "АКАДЕМКНИГА":

Магазины "Книга–почтой":

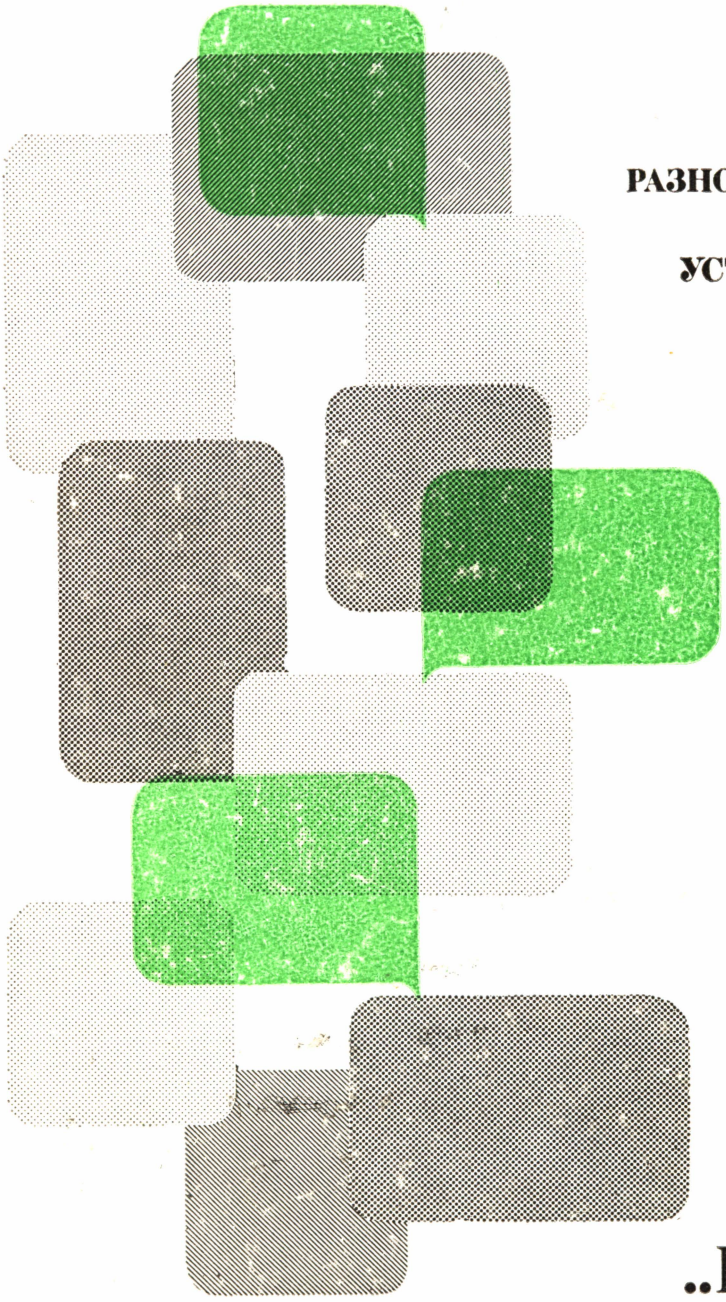
252030 Киев, ул. Пирогова, 4
197345 Ленинград, Петрозаводская, 7
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой":

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 /"Книга–почтой"/
370005 Баку, ул. Коммунистическая, 51 /"Книга–почтой"/
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4
690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 /"Книга–почтой"/
320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 /"Книга–почтой"/
734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 /"Книга–почтой"/
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 /"Книга–почтой"/
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 /"Книга–почтой"/
252030 Киев, ул. Ленина, 42
252142 Киев, пр-т Вернадского, 79
252030 Киев, ул. Пирогова, 2
277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 /"Книга–почтой"/
343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 /"Книга–почтой"/
660049 Красноярск, пр-т Мира, 84
443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 /"Книга–почтой"/
191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57
199164 Ленинград, Таможенный пер, 2
196034 Ленинград, В/0,9 линия, 16
220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 /"Книга–почтой"/

103009 Москва, ул. Горького, 19-а
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 /"Книга–почтой"/
142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8
142292 Пущино, Московской обл., МР, "В", I
620161 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 /"Книга–почтой"/
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, I
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73
700070 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 /"Книга–почтой"/
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
634050 Томск, Академический пр-т, 5
450059 Уфа, ул. Р.Зорге, 10 /"Книга–почтой"/
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 /"Книга–почтой"/
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 /"Книга–почтой"/

4 руб.

РАЗНОВИДНОСТИ ГОРОДСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

„Наука"